СОЧИНЕНІЯ

К. К. СЛУЧЕВСКАГО.

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Проза.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1898.

СОЧИНЕНІЯ

К. К. СЛУЧЕВСКАГО.

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Проза.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

 Типографія **А. Ф. Маркса.** Средн. Подьяческая, № 1.

ОГЛАВЛЕНІЕ V ТОМА.

стр.

Разсказы:

ВЪ ВЕЛИКІЕ ДНИ.

I. Совершилось. — II. На зарѣ. — III. Силоамскіе голуби. — IV. На пути въ Эммаусъ. — V. Подлѣ яслей. — VI. Невѣста.

1.

Совершилось!

Близился вечеръ...

Съ утра въ этотъ день Іерусалимъ и его пригороды были полны толпившимся повсюду раздраженнымъ народомъ. Казнь «Царя Іудейскаго» началась утромъ; къ тремъ часамъ пополудни Іисусъ Назорей склонилъ голову и угасъ...

По узкимъ улицамъ, въ особенности по направленію къ Голгоѳѣ, толпа въ тѣ часы дня была какъ бы неподвижна, потому что перемѣщеніе въ ней отдѣльныхъ личностей не двигало ея. Большинство, какъ объясняетъ евангелистъ Лука, были женщины.

Мѣстами надъ толпою высились внушительныя очертанія всадниковъ изъ такъ-называвшихся «союзныхъ», такъ какъ собственно римскихъ всадниковъ провинція не знала, да и не римскій былъ это родъ войска; виднѣлись также представители азіатскаго Востока, опаленные солнцемъ и степью идумейцы, на своихъ жилистыхъ, сухихъ коняхъ, съ копьями, стрѣлами и сѣкирами; пѣшаго войска, собственно римлянъ, виднѣлось тоже довольно. Все это было на мѣстѣ, потому что власти знали очень хорошо, съ какимъ нешуточнымъ движеніемъ народа имѣли они дѣло и

были на сторожѣ. Неувѣренность и робость Пилата свидѣтельствуютъ объ этомъ очень ясно.

Мѣстами въ толпѣ прокладывалъ себѣ дорогу длиннобородый фарисей, съ ящичкомъ или повязкой на лбу, съ поручнями на рукахъ, съ вышитыми на нихъ словами закона. Всюду шли рѣзкіе, противорѣчивые толки о совершившемся: какъ и что произошло? Одни находились подъ гнетомъ страшнаго впечатлѣнія, другіе, большинство, ликовали злобно и насмѣшливо: они отъ чего-то избавились! Имъ стало свободнѣе! Ихъ волю исполнили!

Подстрекатели этихъ злорадствъ расхаживали среди толпы, подчиняясь заранѣе установленному плану, чьему-то руководительству. Это были тѣ люди, которые, по словамъ пророка, «готовы распутствовать съ чужими подъ всякимъ вѣтвистымъ деревомъ».

Въ толпѣ говорили, что со стороны Авессаломовой гробницы и отъ многихъ мѣстъ Іосафатовой долины, изъ ущелій горы Сіонской, пришли ожившіе мертвые; что они и теперь по городу ходятъ, своимъ близкимъ являются и что ихъ невзначай можно встрѣтить тамъ и сямъ. Возникшій вчера неизвѣстно откуда слухъ о найденной Адамовой головѣ сталъ теперь общимъ достояніемъ; эту кость видѣли, къ ней прикасались, но только власти убрали ее и куда-то спрятали!

Вечеръ наступилъ пасмурный. Какія-то густыя сѣрныя испаренія, образовавшія ко времени кончины «Царя Іудейскаго» великую тьму, еще не разсѣялись, и солнце опускалось кровавымъ пятномъ. Скалистыя окрестности города, обыкновенно блиставшія въ этотъ часъ отвѣтными закату огнями, казались блѣдными, блеклыми, и тѣмъ безпокойнѣе казались люди, расходившіеся послѣ казни по домамъ, тѣмъ болѣзненнѣе, раздражительнѣе казались споры между ними, доносившіеся отовсюду.

Люди торопились расходиться по домамъ, потому что наступала суббота, строгая, староеврейская. Никакой трудъ не допускался, и узкія улицы Іерусалима сразу опустѣли. Опустѣли онѣ совсѣмъ, точно вымерли...

Домъ Іосифа Аримафейскаго стоялъ въ той же сторонѣ города, не особенно далеко отъ Голгоѳы; окруженный оливковымъ садомъ, онъ прислонялся однимъ бокомъ къ скалѣ. Жена и дѣти Іосифовы находились дома; хозяинъ же пошелъ къ представителю римской власти ходатайствовать о позволеніи взять тѣло Іисуса. Двѣ одинокихъ, смуглыхъ рабыни занимались у входа домашнею работою, торопясь окончить ее передъ закатомъ солнца.

Евангелистъ Матѳей объясняетъ, что Іосифъ, человѣкъ богатый, былъ ученикомъ Іисусовымъ; евангелистъ Іоаннъ называетъ его тайнымъ послѣдователемъ Іисуса; онъ состоялъ также членомъ высшаго судилища, но отъ осужденія невиннаго воздержался.

— Да поможетъ вамъ Господь!—сказалъ, обращаясь къ рабынямъ, входя въ изгородь сада, высокій, сухощавый старикъ, сопутствуемый молодымъ человѣкомъ изъ богатыхъ и знатныхъ, если судить по широкому поясу его, обложенному по золотому шитью очень крупными, цѣнными каменьями. За ними шли двое рабовъ и тащили на плечахъ какую-то довольно грузную ношу: кедровый ящикъ, плотно перевязанный.

Рабыни, въ отвѣтъ на слова пришедшаго, молча поклонились.

— Гдѣ тутъ пройти къ гробницѣ?—спросилъ старикъ.

Одна изъ рабынь, опять-таки молча, направилась въ глубь сада, и гости послѣдовали за нею.

По густому насажденію оливковыхъ деревьевъ, на вѣтвяхъ которыхъ лежала уже довольно густая мгла, извивалась тропинка, выложенная крупнымъ булыжникомъ. Олив-

ковыя деревья, изъ которыхъ многія были и тогда уже такъ древни, что пустыя дупла ихъ наполнялись камнями для возможнаго укрѣпленія ихъ отъ часто налетавшихъ лютыхъ шкваловъ, тщательно и не высоко подрѣзанныя и выхоленныя, образовывали цѣлую рощу, начинавшуюся у самой дороги и шедшую далеко въ глубь, вдоль скалъ, передній уступъ которыхъ нависалъ надъ домомъ.

Тропинка направлялась въ широкое ущелье. У входа въ него путники остановились передъ новою, изсѣченною въ скалѣ гробницею. Въ наступавшихъ сумеркахъ она выдѣлялась по темному камню и ясно обрисовывалась бѣлизною только-что оконченной или, лучше сказать, прерванной работы; щебень и осколки камней, наскоро прибранные, еще валялись у входа по сторонамъ.

Фасадъ гробницы, изсѣченной въ скалѣ, оставался вѣрнымъ обычаю: онъ имѣлъ очертанія деревянной постройки и казался сложеннымъ изъ балокъ. На самомъ верху плоскимъ рельефомъ вытягивалась длинная гирлянда виноградныхъ листьевъ и гроздьевъ, спускавшаяся обоими концами своими вдоль боковъ входа.

— Поставьте это здѣсь, — сказалъ молодой человѣкъ, обращаясь къ рабамъ:—и ступайте, ждите меня у входа.

Рабы сложили ношу на землю и повиновались; за ними послѣдовала и рабыня.

Оставшись вдвоемъ, гости, не говоря ни слова, подошли къ гробницѣ, наклонились къ ней и осмотрѣли. Холодомъ и молчаніемъ вѣяло изъ нея! Бѣлыя обнаженія темныхъ камней точно мерцали изъ мглы. Длинный каменный гробъ виднѣлся посрединѣ; полуцилиндрическая крыша его, на поясахъ которой рѣзко проступали симметрически расположенныя розетки, въ ожиданіи занять назначенное ей мѣсто, стояла прислоненною къ сторонѣ.

* * *

Невыразимая тяжесть лежала на сердцахъ пришедшихъ; разговору, казалось, не могло быть и мѣста. Всѣ кровавыя новости дня, быстро померкавшаго, были имъ извѣстны; на Голгоѳѣ, у крестовъ, еще толпились люди; «Царя Іудейскаго», «Сына Человѣческаго» видѣли они живымъ не дальше, какъ сегодня...

Они столько разъ слыхали Его...

— Знаешь ли, что̀ мнѣ думается,—проговорилъ, наконецъ, старшій изъ собесѣдниковъ, садясь на камень—младшій помѣстился противъ него:—мнѣ думается, что ничего, ничего больше кругомъ насъ нѣтъ; міра—нѣтъ, солнца—нѣтъ, да и всего прошедшаго—нѣтъ, а есть только одна великая печаль, одно, какъ бы, безграничное сердце, и оно тоскуетъ, это сердце, и мы въ немъ, мы сами его тоска... Совершилось!

— Да, рабби,—отвѣтилъ молодой:—это слово я тоже самъ съ креста слышалъ... оно все еще звучитъ мнѣ!

— Вѣрно сказалъ пророкъ,—продолжалъ рабби:—что побѣждены мы виномъ и обезумѣли отъ сикеры, въ видѣніи ошибаемся, въ сужденіи спотыкаемся... Сегодня старый міръ сокрушенъ, прежнее солнце ушло, вотъ что!

— Римскіе легіоны сокрушены ли, рабби?

— Не говори: сотника помнишь?

Послѣ нѣкотораго молчанія старшій, какъ бы начиная опять съ одной изъ неожиданно-оборвавшихся мыслей своихъ, продолжалъ вполголоса; тихій, мѣрный говоръ его замиралъ близехонько подлѣ, въ густыхъ вѣтвяхъ и по дупламъ увѣсистыхъ, низкорослыхъ оливъ.

— Когда я пришелъ сегодня на Голгоѳу, я еще не вѣрилъ, во мнѣ еще чувство не родилось! Но когда приступили къ совершенію казни; когда, оттиснутый толпою, я не могъ больше видѣть, что̀ тамъ съ Нимъ дѣлаютъ, но зналъ, что вотъ теперь съ Него одежды рвутъ... раздѣли,

что вотъ теперь Его повергнутъ и къ положенному на землю кресту прибивать начнутъ... Когда я услыхалъ, какъ застучалъ молотокъ по гвоздямъ, проходившимъ сквозь живое Его тѣло... За что, за что! думалось мнѣ... я кликнуть людей хотѣлъ, я толпѣ говорить думалъ... Гляжу: крестъ уже поднятъ и невысоко надъ толпой видно мнѣ Его лицо... кроткое, изнуренное... и трепетъ пошелъ кругомъ, и крики ужаса раздались... и тьма опустилась въ моихъ глазахъ! а Онъ съ креста взглянулъ въ мою сторону...

— Онъ и на меня взглянулъ!

— Глядитъ на меня такъ долго, такъ кротко... И я созналъ тогда, что не отъ стараго Сіона, а отъ Него чувство въ меня сошло... и я увѣровалъ, и вотъ я здѣсь.

— Если повѣрилъ, рабби, такъ послѣдуешь?

— А зачѣмъ же ты, не повѣрившій, сюда пришелъ и эти цѣнные ароматы принесъ?—возразилъ старшій, указывая на кедровый ящикъ, еле видневшійся въ сторонѣ.—И ты, и я, и многіе, многіе другіе уже не отъ міра сего, какъ Онъ училъ! Исполнилось пророчество въ томъ, что дано намъ сердце единое, и новый духъ вложенъ въ насъ, и взято изъ плоти сердце каменное, и дано ей сердце плотское... И всѣмъ оно, всѣмъ одинаково дано, такъ что нѣтъ запозданія для послѣднихъ, какъ нѣтъ ускоренія для первыхъ; дѣломъ Іисусовымъ людская грудь опять въ гіацинтъ и пурпуръ одѣлась, и ради имени Его соберутся всѣ народы въ Іерусалимъ...

— Въ Іерусалимъ!—воскликнулъ, быстро поднявъ голову, младшій, внимательно слѣдившій за словами рабби, многія изъ которыхъ, какъ изреченія пророковъ, были ему издавна знакомы.—Въ Іерусалимъ! сюда!—повторилъ онъ, никакъ не ожидавшій этого, желательнаго для него, заключенія.

— Да, въ Іерусалимъ!.. — увѣренно подтвердилъ старикъ:—но только въ Новый Іерусалимъ, который вездѣ

тамъ будетъ, гдѣ повѣрившее въ Него сердце найдется! и я понесъ мой Іерусалимъ во мнѣ...

* * *

На этомъ разговоръ прекратился. Темнота по саду ложилась глубокая; въ сіяніи звѣздъ продолжали обозначаться только бѣлѣвшія очертанія гробницы, и выдѣлялась изъ тьмы, стоявшая пока-что въ сторонѣ, гробовая крыша.

Къ этому времени со стороны дома, сквозь густую листву, раздался тихій, глухой, неясный шумъ. Собесѣдники, молча, поднялись съ камней и ожидали.

Ни малѣйшаго говора не было слышно, раздавался только однообразный звукъ приближенія очень немногихъ людей. Они подвигались безмолвно во тьмѣ и молчаніи. Изрѣдка, кое-гдѣ, трещали надломленныя ногами вѣтви оливы и шелестили листы. Блеснулъ факелъ, блеснулъ другой...

Несли тѣло Сына Человѣческаго...

Пусты, мертвы были улицы Іерусалима, когда шли эти люди въ сумерки съ Голгоѳы; страхъ обуялъ многихъ изъ учениковъ; не было ихъ подлѣ Него утромъ, не было и теперь.

Никодимъ и Іосифъ, могучіе, бородатые, древніе, въ длинныхъ, темныхъ синдонахъ, были двумя главными носильщиками драгоцѣнной ноши Распятаго, прикрытой длиннымъ, бѣлымъ льнянымъ пологомъ. Подлѣ нея жались одни къ другимъ домочадцы Іосифовы, отовсюду прибѣжавшіе; оказались тутъ и тѣ двѣ рабыни, одна изъ которыхъ проводила къ гробницѣ гостей; онѣ-то и несли факелы, ронявшіе на землю быстро погасавшія и притаптываемыя искры...

Чистъ, какъ дѣвственный снѣгъ, былъ положенный надъ Сыномъ Человѣческимъ льняной пологъ! ни одна капля

крови не обозначалась на немъ! сквозь длинныя складки виднѣлись очертанія тѣла; выше прочаго покоилась, склоненная немного на сторону, голова...

И слѣдомъ за Сыномъ, ослѣпительна своею блѣдностію, въ красномъ заревѣ факеловъ, величаво подвигалась свѣтоносная въ своей печали Мать...

Всѣ они близились къ гробницѣ и, подойдя къ ней, вошли въ благоуханіе мvрры и алоэ, невидимо и неосязаемо разлившееся во тьмѣ ночной... Кедровый ящикъ, принесенный рабами, былъ открытъ.

На утро пришла посланная первосвященниками и фарисеями стража и стала у гроба. Къ камню, приваленному къ двери его, была приложена печать.

II.

На зарѣ.

Наступила вторая ночь по погребеніи, и была она во второй половинѣ, и покрывала своею глубокою, звѣздною сѣнью городъ казни, притихнувшій и успокоившійся.

Спокойно почивали послѣ побѣды своей первосвященники съ книжниками, старѣйшинами и фарисеями, ругавшіеся и издѣвавшіеся надъ Нимъ, когда Онъ еще жилъ и Его истязали; почивали они спокойно, потому что Онъ былъ мертвъ, у гроба стояла ихъ стража и была приложена ихъ печать. Успокоилась и жена Пилатова, имѣвшая видѣніе. Стали собираться въ Іерусалимъ испуганные ученики.

Во тьмѣ и молчанія ночи, прерываемомъ частыми криками пѣтуховъ, вдоль извилистаго, каменистаго пути къ дому Іосифа Аримафейскаго, въ саду котораго почивало тѣло Сына Человѣческаго, быстро шли двѣ женщины. Онѣ шли безостановочно, подвигаясь небольшими, темно-фіолетовыми

пятнами въ застывшемъ безграничномъ сумракѣ холодной палестинской ночи. Чуть-чуть теплился разсвѣтъ и начиналъ вызывать повсюду поблекшія на ночь краски жизни.

На одной изъ женщинъ, постоянно опережавшей другую, обозначался гиматій желтаго цвѣта; она плотно обвернула имъ голову, плечи, станъ: изъ-подъ гиматія, снизу, почти касаясь пыльнаго пути, виднѣлась шерстяная зеленая туника. Другая женщина была вся въ голубомъ; она тоже закуталась вплотную и шла въ подвижныхъ складкахъ.

Это были двѣ женщины изъ народа, простыя женщины, жены-мѵроносицы: Марія Магдалина и съ нею другая Марія. Въ глубокую полночь, превозмогая страхъ и стыдъ, такъ какъ выходить женщинамъ ночью считалось зазорнымъ, онѣ должны были выйти изъ домовъ своихъ, чтобы съ первыми лучами солнца приблизиться къ дому Іосифову. Видно, не было имъ покоя, не для нихъ былъ сонъ.

«Кто-то отвалитъ намъ тяжелый камень гробницы»?— думалось въ пути женамъ-мѵроносицамъ.

Марія Магдалина то и дѣло опережала свою спутницу, торопилась... Была она родомъ изъ Магдалы, отъ озера Тиверіадскаго, и ее постоянно видѣли въ числѣ тѣхъ вдохновенныхъ послѣдовательницъ Іисуса, исцѣленныхъ имъ, которыя не покидали Его, когда Онъ ходилъ съ апостолами по городамъ и селамъ, благовѣствуя.

* * *

Все еще было темно, когда жены-мѵроносицы приблизились къ дому Іосифову. Спутница Магдалины отстала, утомившись торопливой ходьбой; Магдалина шла одна и, по мѣрѣ приближенія, въ ней все ярче и ярче проступали воспоминанія дня погребенія.

Она помнитъ, какъ шла съ Нимъ на Голгоѳу, когда другіе не пошли... Она, подлѣ Скорбящей Богоматери и

Іоанна, не отходила отъ креста, когда одни разбѣжались, другіе глядѣли издали... Возникаютъ въ ея памяти дикія, пугающія лица злобствующаго, бушующаго, ненавидящаго народа... издѣвающіеся первосвященники... терновый вѣнецъ на изможденномъ челѣ... мучительная жажда Распятаго... кровь... всадники... метаніе жребія...

Слышится ей тихая рѣчь, идущая отъ Его креста ко кресту разбойника.

Померкло солнце... Объялъ ужасъ... Совершилось!..

И торопится Марія, торопится къ дорогой гробницѣ. Вотъ и домъ Іосифовъ обозначился, и знакомый Маріи входъ съ дороги въ садъ. Входъ открытъ, первосвященнической стражи нѣтъ; Марія очень удивилась этому и недоумѣвала...

Мvроносица свернула въ садъ и пошла по знакомой, уложенной булыжникомъ, тропинкѣ; та же роща оливъ, тѣ же вѣтви, та же листва, тѣ же дупла съ каменьями... Только все это будто опылено позолотою розоваго утра, рдѣютъ оливковыя деревья, искрится листва!

И вотъ уже близка мvроносица къ гробницѣ, и помнится Маріи, что здѣсь, гдѣ теперь брезжитъ утренній свѣтъ, лежала глубокая тьма... Горѣли тогда факелы... Гробница зіяла раскрытою... Вотъ положили въ нее тѣло... сама она помогла обвить его плащаницею, сама трепетно оправила...

«Не рыдай Мене Мати»,—звучатъ въ воспоминаніи Маріи какія-то слова... Кто сказалъ ихъ? гдѣ слыхала она ихъ?

Но вотъ, помнитъ она, скользнула надъ бѣлымъ обликомъ Распятаго, уже лежавшаго въ глубокомъ гробѣ и ярко озаренномъ факелами, какая-то большая, черная тѣнь... это тѣнь отъ наваливаемой крыши... навалили... затѣмъ ничего... кто-то сниметъ намъ теперь эту крышу?..

Марія снова стояла передъ этой самой гробницей!..

Чуть-чуть свѣтлѣли темныя очертанія ея... она взглянула... но камня не было! камень былъ отваленъ отъ гроба... Порывисто наклонилась она и испуганнымъ взоромъ окинула внутренность гробницы: она оказалась пустою. Усопшій исчезъ...

Марія оцѣпенѣла отъ ужаса и горя. Кто это сдѣлалъ? кто похитилъ изъ гроба тѣло Господа?.. Неужели нашлись злодѣи... Но вѣдь гробъ охраняла первосвященническая стража?.. гдѣ же она?.. Что̀ все это значитъ?.. мысли закружились въ ея головѣ... но заря небесная дѣлала свое дѣло, и золото утреннихъ лучей, лежавшее кругомъ на камняхъ гробницы, на дуплахъ, вѣтвяхъ и листвѣ оливъ, быстро проникло и въ ея глубоко омраченное сознаніе... Вѣдь Онъ говорилъ, что воскреснетъ!?. Значитъ—воскресъ!.. воскресъ!..

Она схватилась рукой за сердце, замиравшее отъ радости. Торопливо, задыхаясь, вся дрожа отъ умиленія, вся озаренная сіяніемъ утра, явилась къ ученикамъ Его и первая принесла имъ великую вѣсть воскресенія...

III.

Силоамскіе голуби.

Кончались вторыя сутки послѣ того, что Царь Іудейскій пріялъ на Голгоѳѣ казнь. Лобное мѣсто прибрали, очистили; должно-быть, чистили его не особенно тщательно, потому что и лобнымъ-то называлось оно потому, что на немъ валялось много лбовъ и другихъ костей, оставшихся послѣ пиршествъ хищныхъ птицъ и животныхъ.

Казнь совершилась обычнымъ порядкомъ, и такъ какъ наступалъ праздникъ, то Голгоѳа, по солнечномъ закатѣ, совершенно опустѣла. Еще взвивались надъ нею кое-гдѣ,

мѣняя мѣста, хищныя птицы, и тѣ къ ночи отлетѣли. Притихъ, но не заснулъ, Іерусалимъ. Близилась полночь.

Въ годъ смерти Спасителя Пасха приходилась въ субботу; наступило полнолуніе и, въ видѣ совершенно особаго исключенія, еще стояла зима: во время ночного судбища надъ Спасителемъ Симонъ Петръ, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ другими, грѣлся у костра. Полная, холодная луна сіяла надъ городомъ и его окрестностями.

Такъ какъ Пилатъ произнесъ свой приговоръ въ шестомъ часу, по-нашему въ полдень, «о девятомъ же часѣ», т.-е. въ третьемъ пополудни, «Іисусъ же паки возопилъ гласомъ веліимъ, испусти духъ», то слѣдовательно, если принять въ расчетъ путь до мѣста казни, приготовленія къ ней и самое исполненіе, Спаситель оставался на крестѣ пригвожденнымъ, до минуты кончины, менѣе трехъ часовъ времени. Если измѣрять обычнымъ физическимъ закономъ, то смерть эта послѣдовала, сравнительно, необычайно быстро. Въ томъ-то и состоялъ ужасъ крестной казни у древнѣйшихъ народовъ, что мученіе истязуемаго длилось безконечно; обыкновенно проходилъ день, проходила ночь, иногда даже нѣсколько дней, а распятый все еще жилъ, жилъ, какъ говоритъ Сенека, «отдавая жизнь свою по каплямъ», и часто сохранялъ онъ чувство тогда, когда мухи, птицы и звѣри, привлеченные къ пиру, уже начинали свое дикое угощеніе; распятый, тѣмъ временемъ все еще не умирая, даже не рѣдко сходилъ съ ума. Быстрая смерть на крестѣ оказывалась явленіемъ не обычнымъ, какъ это случилось, напримѣръ, съ карѳагенянипномъ Гамилькаромъ, успѣвшимъ только обвинить съ креста своихъ судей. Цицеронъ называетъ крестную казнь «крайнимъ, высшимъ, жесточайшимъ, ужаснѣйшимъ видомъ казни» (extremum, summum, crudelissimum. teaterrinum supplicium). Обычнымъ пріемомъ для ускоренія смерти было перебиваніе голеней. Относительно

Сына Человѣческаго, смерть Котораго наступила быстро, вѣроятно, вслѣдствіе длившагося цѣлую ночь и часть предшествовавшаго для неистоваго бичеванія, а также вслѣдствіе того, что душа Его «скорбѣла смертельно», пріемомъ отсѣканія голени не пришлось воспользоваться, чѣмъ исполнилось пророчество: «кость не сокрушится отъ него».

* * *

Извѣстно по евангеліямъ, что, испуганные всѣмъ случившимся, ученики Христовы разбѣжались. Покинуть Іерусалимъ въ тѣ дни великаго раздраженія было, однако, не такъ легко. Въ отѣненіи своихъ садовъ, въ шумѣ безсчетныхъ водопроводовъ и свѣжести множества водоемовъ и цистернъ, Іерусалимъ, нынѣ мертвый, по словамъ Евсевія, буквально омывался водою и каменная почва его казалась цвѣтущимъ садомъ Еговы. Чрезвычайно пестрое населеніе было громадно. Описывая взятіе Іерусалима Титомъ, Флавій насчитываетъ, что число погибшихъ во время осады достигало 1.000,000 человѣкъ. Для подтвержденія своихъ словъ и предвидя недовѣріе, Флавій сообщаетъ, что когда одинъ изъ правителей, желая убѣдить кесаря Нерона въ этомъ чудовищномъ многолюдствѣ, приказалъ однажды сосчитать число пасхальныхъ жертвъ, то ихъ оказалось 256,500; такъ какъ каждая изъ нихъ приносилась обыкновенно семьями, обществами, человѣкъ въ десять, то многолюдство тогдашняго Іерусалима, кажущееся намъ невѣроятнымъ, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно. Тотъ же Флавій свидѣтельствуетъ, что во время осады города, по показанію лица, которому былъ ввѣренъ надзоръ за одними изъ воротъ, изъ нихъ вынесено 150,880 еврейскихъ труповъ.

Въ такомъ громадномъ городѣ, при томъ упорномъ, продолжительномъ, желчномъ озлобленіи, которое вскормили и успѣли разжечь противъ Спасителя старцы, книжники и

фарисеи, такое событіе, какъ казнь Пророка, не могло пройти безъ сильнѣйшаго, продолжительнѣйшаго, глубочайшаго впечатлѣнія. Пророкъ за два года своей проповѣди исходилъ всю Палестину вдоль и поперекъ. Онъ извѣстенъ былъ въ лицо почти всѣмъ и каждому; за Божественнымъ Посланцемъ постоянно ходили неисчислимыя толпы народа, особенно много женщинъ, и къ тому же Онъ воскрешалъ мертвыхъ! Еще носились въ пестрыхъ пересказахъ толпы, слагаясь мало-по-малу въ одно великое цѣлое, всѣ отдѣльныя событія послѣднихъ дней, начиная отъ входа въ Іерусалимъ, еще вспоминались слова архіереевъ, старцевъ, книжниковъ и фарисеевъ, издѣвавшихся надъ Распятымъ и говорившихъ во всеуслышаніе: «иные спасе, себѣ ли не можешь спасти!» И не могъ успокоиться Іерусалимъ, не могъ и, вѣроятно, не хотѣлъ.

Наканунѣ, во время казни, всѣ это видѣли, всѣ подтверждають, что опустилась неожиданная тьма, и лежала отъ перваго часа пополудни до четвертаго и дрожала земля, распадались могилы, и мертвые оживали. Изъ Евангелія несомнѣнно извѣстно, что̀, какъ и въ какой послѣдовательности происходило, но въ тѣ заповѣдные дни никто не зналъ ничего полностью: знали только одно, что Христа распяли. Всѣ остальныя свѣдѣнія являлись обрывками необычайно большой общей ткани, только-что начавшей развертываться...

* * *

Полночь.

Кто-то въ воинскихъ доспѣхахъ не полнаго вооруженія, т.-е. безъ щита и копья, одинъ-одинехонекъ, очень медленно двигается по пути въ Виѳанію. Въ яркомъ сіяніи полной луны мертвенно лежали скалистыя, изъѣденныя временемъ, пробуравленныя водотоками и изуродованныя частыми землетрясеніями восточныя окрестности города, за потокомъ

Кедронскимъ, въ тѣ дни еще шумѣвшимъ, со стороны горъ Елеонской и Соблазна. Особенно безмолвными, причудливыми и страшными становились они за Іосафатовою долиною. Тутъ поднимался древній шапкообразный памятникъ Авессалома, проклятый въ народѣ еще задолго до тѣхъ дней и служившій издавна, какъ и нынѣ, для киданія въ него каменьями; тутъ высился памятникъ Захарія, всегда горѣвшій при солнечномъ освѣщеніи кровавою краскою камня, изъ котораго былъ построенъ, въ воспоминаніе первосвященника, убитаго іерусалимлянами; они воздвигнули эту гробницу, долженствовавшую горѣть кровью, въ вѣчный укоръ народу и его потомству. Въ этой же долинѣ стоялъ когда-то идолъ Молоха, очень древнее воспоминаніе, даже для тѣхъ, очень древнихъ дней. Селеніе Силоамское, не помнящее времени своего рожденія, находилось со своею купелью въ этой же сторонѣ. Оно изстари служило мѣстомъ народныхъ собраній, на одномъ изъ которыхъ помазанъ былъ на царство Соломонъ. Недалеко отъ Силоамской купели, распиленъ былъ деревянною пилою, по повелѣнію Манассіи, пророкъ Исаія: источникъ Силоамскій, говорятъ, брызнулъ изъ земли, чтобы утолить жажду мучившагося пророка.

Днемъ въ этихъ мѣстахъ, по пути къ деревнѣ, кромѣ людей, виднѣлось еще и другое, своеобразное населеніе, а именно голуби, разводившіеся недалеко отсюда, въ такъ-называемой «голубиной скалѣ», равно какъ и въ другихъ скалахъ горы Елеонской. Одно изъ мѣстъ талмуда свидѣтельствуетъ, что: «на Елеонской горѣ росли два дерева: подъ однимъ изъ нихъ были четыре пещеры, въ которыхъ продавались предметы, необходимые для законнаго очищенія въ храмѣ; подъ другимъ разводились голуби для женской очистительной жертвы: ежемѣсячно ихъ продавали на 40 саклей». Извѣстно также, что въ Іудеѣ вообще для

разведенія голубей чаще всего избирались удобныя мѣста среди гробницъ, на кладбищахъ, отчего, впослѣдствіи, возникла вѣра въ тайную связь между умершими людьми и голубями: голуби служили, какъ бы, вѣстовщиками отъ живыхъ къ мертвымъ и обратно.

Въ ту ночь, о которой идетъ рѣчь, голуби спали по своимъ темнымъ обиталищамъ и не оживляли унылыхъ тропинокъ, вившихся между скалъ. Далѣе, по пути въ Виѳанію, царство смерти сказывалось еще внушительнѣе въ бѣломъ свѣтѣ мѣсяца и траурныхъ тѣняхъ. Здѣсь, на различныхъ высотахъ скалъ, зіяли гробницы пророковъ, съ ихъ дробными портиками,—таинственно молчаливые слѣды вдохновенныхъ людей.

* * *

Тишина вокругъ путника лежала такая полная, такая гнетущая, что рѣзкія завыванія шакаловъ, доносясь издали, раскатывались громомъ и тревожили мертвые сны. Залитые серебромъ луннаго свѣта, въ полной неподвижности, спали, поднимаясь кое-гдѣ, маслины, кактусы, тутовыя деревья, объятыя холодомъ ночи и принявшія видъ металлическихъ. При такой же точно лунѣ, за двое сутокъ, въ Геѳсиманскомъ саду, Спаситель возглашалъ: «душа моя скорбитъ смертельно!»

Этого мучительнаго, цѣлую бездну страданій сердца выражающаго возгласа, воинъ, шедшій по пути въ Виѳанію, своевременно не слыхалъ, но Іисуса Назорея въ Геѳсиманскомъ саду, и на судбищѣ, и на Голгоѳѣ, и все, что̀ тамъ совершилось,—онъ видѣлъ.

Этотъ легіонеръ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, изъ сотни сотника, увѣровавшаго въ минуту крестной смерти Спасителя, стоя подлѣ креста, ничего не сказалъ тогда, но не глумился и въ метаніи жребія участвовать не хотѣлъ. Шелъ

онъ теперь по мѣстамъ, ему хорошо знакомымъ, вслѣдствіе давней его службы, потому что онъ былъ не изъ тѣхъ легіонеровъ, которые появлялись здѣсь только на Пасху, сопутствуя правителю, жившему обыкновенно въ Кесаріи, но изъ тѣхъ, которые оставались постоянно крѣпки Іерусалиму, служа представителями римской силы, для сдерживанія не только народа іудейскаго, но и тѣхъ наемныхъ кесарскихъ войскъ, которыя назывались «союзными».

Если когда-либо въ дикой, пугающей мѣстности могилъ, въ полнолуньи, въ страшное время великой народной скорби и не менѣе сильныхъ ярости и озлобленія, въ дни, когда преступленіе властвуетъ и высоко поднимаетъ голову, подобно пробужденному сатанѣ надъ полчищами адскими, если когда-либо шелъ человѣкъ, совсѣмъ умаленный, почти уничтоженный въ сердцѣ, такъ это былъ легіонеръ. Много появилось въ тѣ два дня такихъ удрученныхъ и умаленныхъ, послѣ того, что̀ совершилось на Голгоѳѣ.

Вотъ уже завершается вторая ночь, а легіонеръ разъискиваетъ кого-нибудь изъ учениковъ Христовыхъ, но всѣ они разбѣжались, попрятались. Кто-то сказалъ ему, что видѣлъ нѣсколькихъ изъ нихъ, шедшихъ по пути въ Виѳанію, что тутъ, въ могильныхъ пещерахъ, укрылись они; въ Виѳанію направился и онъ. Помутившемуся сознанію его представлялось не совсѣмъ яснымъ, куда, какъ и зачѣмъ идетъ онъ? Дѣйствительно ли направились ученики въ Виѳанію? Если направились, то какими отыщетъ онъ ихъ тамъ,—прячущимися, испуганными, отрекшимися? Мысль о томъ, что бывшее на немъ одѣяніе римскаго легіонера, для той цѣли, съ которою онъ шелъ, вовсе не пригодно, даже и не зародилась въ его головѣ, сбитой съ толку всѣмъ совершившимся. За два года проповѣди Христовой, легіонеръ неоднократно слушалъ ее, слышалъ о ней; что-то, какъ будто, начиналъ понимать, куда-то жаждала устремиться волно-

вавшаяся душа его, но—пресѣклась проповѣдь, совершилась Голгоѳа, и вотъ онъ, тоскующій, до ослабленія разума, идетъ неизвѣстно на что̀, неизвѣстно куда и зачѣмъ, потому что не можетъ не идти.

Легіонеръ несъ съ собою въ сердцѣ свой внутренній преображающійся во что-то міръ и иногда останавливался. «Не вернуться ли»? думалось ему; но если онъ вернется, то вѣдь опять пойдетъ, непремѣнно пойдетъ, можетъ-быть, въ другую сторону, къ Виѳлеему или въ Эммаусъ, но все-таки пойдетъ. И такъ ясны ему въ памяти одѣянія нѣкоторыхъ изъ учениковъ Христовыхъ, бывшихъ въ Геѳсиманскомъ саду, хотя бы того изъ нихъ, который отрубилъ ухо одному изъ рабовъ архіереевыхъ, такъ ясны, что, повстрѣчай онъ хоть одного изъ нихъ, онъ узналъ бы непремѣнно.

* * *

Поднявшись почти до перевала скалистой горы, легіонеръ остановился. Кругомъ глядѣли на него могильные портики и, какъ бы застывшія на нихъ, полосы бѣлаго луннаго свѣта и глубокихъ черныхъ тѣней. Передъ глазами его, на поворотѣ тропинки, въ сторонѣ, неожиданно блеснуло что-то необычайно бѣлое. Невольно, привычною рукой, схватился легіонеръ за рукоятку короткаго меча, причемъ плащъ его распахнулся и ярко затрепетали въ мѣсячномъ свѣтѣ металлическія, горизонтальныя полосы, такъ-называвшіяся lorica, изъ которыхъ составлялись панцыри римскихъ солдатъ.

Бѣлая пелена, на половину выкинутая изъ открытой гробницы, неподвижно сіяла въ лунномъ свѣтѣ; по тяжелой бѣлой шерстяной ткани чернѣли длинныя, мягкія складки. Легіонеръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ пеленѣ. Открытыхъ гробницъ оказалось не одна, а три.

«Конечно, изъ тѣхъ, что̀ недавно отверзлись!»—мелькнуло въ его мысляхъ.—«Да, да! камни отвалены; мелкая, сухая

поросль помята! Вотъ и еще пелены могильныя, и еще, и еще... но—эти сѣрыя, полуистлѣвшія, цвѣта камня».

Томительно сжалось сердце легіонера. Холодомъ, безмолвіемъ и невѣдомымъ чудомъ обдавало его отъ тѣхъ могилъ, надъ которыми онъ стоялъ.

Но... или слухъ его обманываетъ... или тутъ, подлѣ, близехонько, за скалою есть кто-то!

Легіонеръ громко опросилъ.

Не успѣлъ отвѣтить ему въ изломанныхъ скалахъ откликъ, какъ, совсѣмъ подлѣ него, въ сторонѣ за утесомъ, зашуршало что-то и къ нему вышли одновременно, въ длинныхъ таларахъ, съ непокрытыми головами, обращенные лицами своими къ полному мѣсячному свѣту, двое... «Не изъ Геѳсиманскаго ли сада они?..» сверкнуло молніею въ мысляхъ легіонера.

Неожиданность появленія этихъ двухъ обликовъ надъ раскрытыми землетрясеніемъ могилами была такъ велика, что легіонеръ не могъ сразу разобраться въ своихъ мысляхъ. Радость, страхъ, сомнѣніе, трепетъ, гробовыя пелены и эти два памятныхъ ему лица... Да, это они, ученики!..

Какъ бы сквозь шумъ въ ушахъ слышится легіонеру, будто стоящіе передъ нимъ говорятъ ему что-то, будто они его спрашиваютъ: не убить ли, не предать ли ихъ пришелъ онъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, равви!—отвѣчаетъ легіонеръ, или ему только кажется, что онъ такъ отвѣчаетъ на тѣ слова, которыя ему какъ будто слышатся:—не убить, не предать васъ пришелъ я, а помощи вашей хочу, вразумленія!..

И такъ еще молодо, такъ робко, неясно, неопредѣленно было это новое, только-что возникавшее на землѣ исканіе людьми, скорбными духомъ, духовной помощи, что оба ученика, безмолвно стоявшіе передъ легіонеромъ и не менѣе

его озадаченные, не считали сказанныхъ легіонеромъ словъ: рабби, учитель—обращенными къ нимъ; до сихъ поръ они обращали эти слова только къ Нему, къ Распятому... А теперь!.. имъ ли говорятъ ихъ? Еще не сложилось въ тотъ давнишній день крестное знаменіе, еще не получило вещественнаго знака благословеніе, еще не существовало ни рукоположенія, ни преемственности священства... вся эта встрѣча, совершавшаяся въ виду отверстыхъ могилъ, глубокою ночью, являлась какимъ-то теплымъ вѣяніемъ, животворящимъ дуновеніемъ, какой-то духовною, невидимою, но неуклонно наступавшею зарею, чувствовавшеюся въ смертельной тьмѣ.

* * *

Переходы отъ дня къ ночи и отъ ночи къ дню въ Палестинѣ очень быстры. Только-что затеплилось утро за горою Елеонскою, когда всѣ трое, пробесѣдовавъ всю ночь, рѣшились идти обратно въ Іерусалимъ.

О чемъ бесѣдовали они? Всѣмъ имъ одинаково нужно было вразумленіе. Насталъ третій день по смерти Спасителя и предстояло исполненіе обѣщанія Христова. Но вѣдь не сошелъ же Онъ съ креста Своего? не помогъ Себѣ? и надъ этою безпомощностью Его смѣялись?

И объяты ученики, не осмѣливающимся облечься въ слово, сомнѣніемъ, и нужно имъ знать, нужно провѣдать, нельзя не знать, что̀ же дѣлается въ самомъ дѣлѣ въ Іерусалимѣ?

Едва только вышли всѣ трое изъ-за камней, какъ предсталъ предъ ними вдали, внизу, за долиною, весь пылающій въ утреннихъ краскахъ безконечный Іерусалимъ. По мѣрѣ того, какъ начали они спускаться къ потоку Кедрскому и приближались къ мѣсту ужаса, боковыя тропинки, которыхъ они держались, избѣгая торнаго пути, продолжали

оставаться пустынными, только уже не лунный свѣтъ, не тѣни ночи наполняли логовины, въ которыхъ они изгибались, а красныя краски, сразу воцарившагося, южнаго дня.

Далеко не безъ страха подходили ученики къ городу. Хотя сообщество римскаго легіонера служило имъ нѣкоторою охраною, тѣмъ не менѣе, они часто останавливались, прислушивались, заглядывали впередъ. Передъ тѣмъ, чтобы выйти на дорогу, связывавшую селеніе Силоамское съ городомъ, всѣ они, чтобы сговориться окончательно насчетъ того, какъ, что̀ и гдѣ развѣдать, сѣли, раздѣлили скудную пищу, имѣвшуюся въ запасѣ, уничтожили ее и двинулись дальше.

Тропинка, передъ тѣмъ, чтобы выйти на широкій путь долины, суживалась, углубляясь въ расщелину, такъ что видъ на городъ временно совершенно исчезъ и путниковъ объяло опять холодкомъ и отѣнило.

* * *

Вдругъ, очень сильный, но совершенно неопредѣленный шумъ хлынулъ имъ навстрѣчу и немедленно вслѣдъ за нимъ—стая голубей, словно испуганная кѣмъ-то, налетѣла на нихъ изъ-за заворота тропинки, чуть не въ упоръ. Неожиданно завидѣвъ передъ собою людей и не имѣя возможности вернуться назадъ по расщелинѣ, голуби, будто попавъ въ тиски, дружно, какъ одинъ, взвились надъ тропинкою отвѣсно и, выбравшись изъ ущелья на свободу, немедленно свернули въ сторону и исчезли изъ глазъ въ блескѣ лазурнаго неба. Стая налетѣла на путниковъ такъ близко, что даже опахнула ихъ вѣяніемъ крыльевъ своихъ.

Слѣдомъ за голубями двигалось почти бѣгомъ нѣсколько женщинъ. Свѣтлыя, различныя краски ихъ одѣяній, безпорядочно сбитыхъ въ быстрой ходьбѣ и различно подбираемыхъ руками, наполнили радужными отливами голубоватую мглу ущелья. Женщины двигались такъ быстро, что ском-

канныя складки одеждъ и скатившіяся съ головъ на спину чадры вовсе не оправдывали выраженій псалмовъ, будто «дочери наши (іудейскія), какъ искусно изваянные столбы въ чертогахъ», или «дѣвы наши, какъ углы (камня) красиво обточены». Видно было, и этого не могли не замѣтить остановившіеся и давшіе имъ дорогу путники, что нѣчто совсѣмъ необычное двигало этихъ женщинъ, увлекало и уносило ихъ единымъ порывомъ духа.

— Воскресъ!—слышалось отъ бѣгущихъ.

— Воскресъ!—слышалось еще.

— Христосъ воскресъ!—слышалось опять между быстро уходившихъ дальше, но уже гораздо опредѣленнѣе.

Сіявшія очи женщинъ глядѣли на разступившихся передъ ними и стоявшихъ по сторонамъ ущелья путниковъ, безмолвствовавшихъ передъ этою свѣтоносною толпою. Ни одному изъ путниковъ и въ голову не приходило остановить женщинъ, разспросить, провѣдать, но сами онѣ, пробѣгая мимо и глядя свѣтлыми очами, сообщали, что:

— Воскресъ! Воскресъ! Христосъ воскресъ!

Это было первое «Христосъ воскресъ!», раздавшееся на землѣ, и слова эти промолвили впервые женщины, тѣ неизвѣстныя намъ по именамъ благовѣстницы воскресенія, о которыхъ въ Евангеліяхъ говорится, что ученикамъ «сказывали» о воскресеніи Спасителя «нѣкоторыя женщины изъ нашихъ».

До Іерусалима оставалось не далеко и путники быстро направились къ городу, не раздумывая болѣе.

IV

На пути въ Эммаусъ.

По смерти трехъ распятыхъ, кресты съ Голгоѳы были, вѣроятно, удалены, и какъ римскія власти, такъ, въ осо-

бенности, іудейство, алкавшее смерти Спасителя, казалось, могли бы успокоиться. На самомъ дѣлѣ случилось не такъ.

Палестина евангельскихъ дней вовсе не имѣла того обличія смерти, которое нынѣ одѣваетъ нѣкоторыя части ея, изуродованныя безчисленными землетрясеніями, съ цѣлымъ міромъ погребальныхъ вертеповъ, съ развалинами городовъ, замѣтныхъ, подобно Іерихону, на трехъ мѣстахъ ихъ последовательныхъ возникновеній, съ сухими, засоренными цистернами и остатками жилищъ сыновъ пророческихъ. Богатая, людная, воздѣланная страна управлялась изъ Кесаріи представителями римской власти, стоявшей въ тѣ дни на самой высотѣ своего значенія и роскоши обстановки; повидимому, на время Пасхи, представители этой власти наѣзжали въ Іерусалимъ. По караваннымъ и другимъ путямъ ютились во множествѣ, какъ двѣ противоположности: многочисленные погребальные вертепы, изъ которыхъ многіе были богато отдѣланы портиками, фронтонами и древне-еврейскою мозаикою — лифостратономъ, и гостиницы, въ которыхъ торговые люди, отъ временъ финикіянъ и египтянъ, имѣли свои насиженныя мѣста. Далеко не одни только іудеи составляли, въ тѣ дни, мѣстныя іерусалимскія толпы и упорной замкнутости временъ Іисуса Навина и Саула не имѣлось и слѣда. Лиліи и розы Пѣсни Пѣсней, теперь поблекшія и побѣжденныя пустынею, цвѣли тогда въ нескончаемомъ обиліи; существовала іерихонская роза, имѣвшая способность оживать въ водѣ, сколько бы времени ни оставалась она сорванною. Не было счета садамъ и другимъ насажденіямъ, и только въ пророчествахъ Іереміи провидѣлись тѣ «запустѣніе, развалины, да обломки», о которыхъ сказано: «вотъ послѣдній удѣлъ народовъ!»

Въ ближайшіе, вслѣдъ за казнью на Голгоѳѣ, дни всѣ пути отъ Іерусалима отличались необыкновеннымъ оживленіемъ. Густыя волны народныя, пришедшія на Пасху,

убывали. Онѣ видѣли неожиданныя, яркія зрѣлища: входа въ Іерусалимъ, судбища, распятія и, насмотрѣвшись, расходились по странѣ, уходя въ узкія ущелья, которыя видны почти въ тѣхъ же очертаніяхъ и теперь. Другими, чѣмъ нынѣ, являлись очертанія людскія. По степнымъ, каменистымъ путямъ двигались крупныя, важныя, задумчивыя, почтенныя лица ветхозавѣтныхъ евреевъ, тѣхъ людей, изъ которыхъ вышли пророки, о которыхъ повѣствуетъ Библія, а не большинство современнаго намъ еврейства—продажнаго, выродившагося и грязнаго. Пестрыя, длинныя, складчатыя одѣянія ихъ, озаряемыя искрившимся солнцемъ, рѣзко выдѣлялись на бѣловатыхъ бокахъ ущелій. Высоко надъ людьми, на длинныхъ, крючковатыхъ шеяхъ, темнѣли мохнатыя, губастыя головы верблюдовъ. «Возьми ливійскихъословъ»,—говорили мудрецы Талмуда,—«они умѣютъ ходить въ потемкахъ»; въ яркомъ свѣтѣ дня многочисленные ослы, отягченные, какъ и верблюды, сѣдоками и поклажею и понукаемые хозяевами, только путались въ толпахъ и мѣшали имъ двигаться; Пасха всегда соединялась съ ярмаркою и дѣлались закупки.

Вѣсть о казни Христа въ безконечныхъ пересказахъ широко расходилась по всѣмъ путямъ; люди уходили, сопутствуемые и окружаемые немолчнымъ говоромъ и разспросами о совершившихся на ихъ глазахъ ужасахъ. Насколько мощно должно было быть это распространеніе слуховъ, слѣдуетъ изъ того, что Распятаго, когда Онъ жилъ, видѣли, слышали и знали вездѣ, такъ какъ въ послѣдніе два года своей тридцатитрехлѣтней жизни Онъ исходилъ Палестину вдоль и поперекъ. Вездѣ и всегда народъ «весь шелъ къ Нему», видя въ Немъ воплощеніе неясной, но дорогой и ожидаемой мысли объ искупителѣ, о добромъ пастырѣ, прощающемъ враговъ своихъ, о вѣрномъ пути къ единоличному безсмертію.

И вотъ этого-то пророка, этого носителя свѣтильника душевнаго, этого благовѣстника сердца — предали, продали, пытали, окровавили и, надругавшись, казнили. Не даромъ писали изъ Рима, отъ сената и кесаря, спрашивая о Пророкѣ; не даромъ сдвинуты были къ Голгоѳѣ воинскія римскія сотни и металлическое бряцаніе оружія заглушало женскія рыданія, раздававшіяся подлѣ креста.

И слухъ о казни шелъ по пятамъ расходившихся... сбылись ожиданія и чаянія... не предвѣщалъ ли Исаія?.. Пророкъ умеръ, схороненъ, на гробницу наваленъ камень и приставлена стража. Его не увидятъ больше, не услышатъ... Крестъ, имѣвшій, неизвѣстно почему, у всѣхъ народовъ древнѣйшаго времени мистическое значеніе, получалъ для людей особенную, таинственную святость. Разбѣжалось стадо, за пастыремъ слѣдовавшее; нѣтъ мѣры, нѣтъ удержу пересказамъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ мрачнѣе. Гробъ, изсѣченный изъ камня въ саду Іосифа Аримаѳейскаго, и недавно Распятый, положенный въ него и обвитый чистою плащаницею, будто налегли надъ всею Палестиною, надавили ее, и холодъ смерти чувствовался чуть ли не въ каждой живой душѣ.

* * *

Догоралъ третій день по совершеніи казни. Въ виду приближенія ночи, большинство людей, расходившихся изъ Іерусалима, предпочитало останавливаться для ночевки во встрѣчныхъ селеніяхъ, разсчитывая продолжать путь въ яркомъ свѣтѣ слѣдующаго дня; страшны ночи, особенно въ такое смутное и кровавое время. Ожило и селеніе Эммаусъ, находившееся стадіяхъ въ шестидесяти отъ Іерусалима, т.-е. въ десяти, съ небольшимъ, верстахъ.

Этого Эммауса не существуетъ болѣе. Изъ пяти предположеній о мѣстѣ его нахожденія слѣдуетъ предпочесть то,

которое ставитъ его на вершину горы Самуила, находящейся на западъ отъ Іерусалима въ указанномъ разстояніи. Въ горѣ этой 2,630 футовъ вышины. Христіанами названа она «горою радости» — mons gaudii, потому что съ нея для паломниковъ, идущихъ отъ Средиземнаго моря, открывается впервые видъ на святыни іерусалимскія. Для евреевъ была она и будетъ горою Самуила, потому что на вершинѣ ея, отъ ветхозавѣтныхъ дней, покоились кости пророка; ко времени Спасителя еще существовалъ деревянный саркофагъ съ его останками; тотъ саркофагъ, тоже деревянный, который показываютъ теперь, третій счетомъ, замѣщаетъ два исчезнувшіе. Гора Самуила, расположенная на западъ отъ Іерусалима, какъ гора Елеонская на востокѣ, служила изстари мѣстомъ сигнальныхъ передачъ, между прочимъ, для возвѣщенія о наступленіи новолуній и праздниковъ, и называется въ Библіи «высотой наблюдателей».

Талмудъ даетъ основаніе заключать о нѣкоторомъ исключительномъ положеніи исчезнувшаго Эммауса. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что народные еврейскіе учители, желавшіе оставаться постоянно вблизи Іерусалима, имѣли здѣсь свой forum disputationum; въ Талмудѣ же существуетъ рядъ постановленій, носящихъ названіе «Эммаусскихъ Галъ». Выборъ горы Самуила для религіозныхъ диспутовъ могъ имѣть особенное историческое значеніе еще и потому, что тутъ жили нѣкогда «сыны пророческіе», преемниками преданій которыхъ считали себя народные учители—рабби—времени Спасителя; на вершинѣ горы имѣются и теперь изсѣченныя въ скалахъ пустынныя обиталища, именуемыя въ Библіи «жилищами сыновъ пророческихъ» и придающія мѣстности, одновременно съ могильными вертепами, совершенно особенный, задумчивый видъ.

Къ вечеру третьяго дня Эммаусъ ожилъ. Кто изъ путниковъ вошелъ въ селеніе, а кто остановился ночевать внѣ

его, подлѣ каменной стѣны, его окружавшей. Небольшіе караваны расположились подлѣ этой стѣны и, въ виду приближенія тьмы, пользуясь свѣтомъ вечерней зари, торопились устроиться на ночь. Верблюдовъ и ословъ развьючивали, поднимали подвижные шалаши и зажигали костры, готовясь подкрѣпиться пищею передъ сномъ. На плоскихъ крышахъ тоже размѣстилось цѣлое населеніе, тоже раскинулись пестрые пологи изъ козьей шерсти, пряжею которыхъ такъ искусно занимались женщины еще во времена Исхода. Красные заревые огни освѣщали своеобразную, подвижную картину.

* * *

Подлѣ одного изъ домиковъ, наполовину врѣзаннаго въ скалу, во дворѣ котораго росъ громадный кипарисъ, а по каменной стѣнкѣ, окружавшей дворъ, гнѣздились въ расщелинахъ камней пыльные, много разъ поломанные и столько же разъ упорно отраставшіе кактусы, стояла задумчивая, будто ожидая кого-то, красавица Суламита. Она вдовѣетъ третій годъ. Покойный мужъ ея, человѣкъ торговый, смѣло могъ сказать о ней сказанное про другую: «есть шестьдесятъ царицъ и восемьдесятъ наложницъ и дѣвицъ безъ числа, но единственная она, голубица моя, чистая моя! увидѣли ее дѣвицы и превознесли ее царицы и наложницы, и восхвалили ее».

Эта Суламита, подобно многимъ другимъ, давно уже шла мыслію своею за Христомъ, и «какъ лань желаетъ къ потоку воды, такъ желала душа ея Господа». Она нерѣдко ходила за Нимъ и относилась къ числу многочисленныхъ, не называемыхъ въ Евангеліяхъ по имени, послѣдовательницъ Его. Такихъ послѣдовательницъ было необыкновенно много; когда повѣствуется «о великомъ множествѣ народа», ходившемъ за Нимъ, то прибавляется отдѣльно «и женщинъ», и не даромъ первою по воскресеніи увидѣла Спа-

сителя женщина и первую вѣсть о Его воскресеніи принесла она. Недавнее нездоровье помѣшало Суламитѣ присутствовать на Пасхѣ въ Іерусалимѣ, гдѣ она разсчитывала увидѣть Пророка, слышать Котораго такъ томительно желала. Принятая по смерти мужа своего въ домъ къ старику-дядѣ, одному изъ народныхъ учителей, жившихъ въ Эммаусѣ, она хозяйничала и прислуживала въ домѣ и въ этотъ вечеръ оставалась одна, такъ какъ старикъ еще не возвращался изъ Іерусалима.

Суламита объята глубочайшею тревогою и страхомъ; разсказы объ ужасахъ казни уже дошли до нея и потрясли. Она не разъ выходила на улицу, посѣтила сосѣдей; не придетъ ли кто, не разскажетъ ли? Безпокойство и тягота душевная обуяли ее, и она долгое время принималась и не могла продолжать какой-либо работы по хозяйству. Куда бы ни пошла она, за что̀ бы ни принялась, мѣшаютъ ей яркія воспоминанія и свѣтится ей одинъ и тотъ же неподвижный, поражающій кротостью ликъ...

Не въ силахъ работать, умаявшись ожидать, обойдя клѣти, обойдя насажденія, присѣла она подлѣ кипариса, на самомъ высокомъ мѣстѣ дворика; отсюда, съ возвышенія скалы, видна ей улица и вечернее по ней движеніе. Весь маленькій Эммаусъ залитъ пурпуровымъ, темно-пунцовымъ свѣтомъ зари, будто кровью.

Высокій кипарисъ, подъ которымъ сидѣла Суламита, уходилъ теменью плотно собранныхъ вѣтвей своихъ въ густую, зеленоватую синь замиравшаго надъ пламеннымъ Эммаусомъ неба; покрытый чешуйчатою корою стволъ кипариса, будто пылающій заревыми огнями, стремился въ далекую вышину, какъ мѣдный чешуйчатый змій пустыни. Подлѣ него, вся въ цвѣту, стояла гранатовая яблоня и роняла на Суламиту лепестки осыпавшихся цвѣтовъ, а отъ ближняго насажденія винограда тянуло запахомъ вполнѣ

расцвѣтшихъ лозъ. Далеко кругомъ, за гранью селенія, поблескивали красными чертами по темнотѣ скалъ многочисленные фронтоны и колонны могильныхъ вертеповъ.

Вспоминается Суламитѣ ясный, солнечный день, открытая мѣстность, скалы и по нимъ возлежатъ тысячи народа. Онъ—между нихъ! Суламита недалеко отъ Него на возвышеніи и видно ей, какъ лежитъ народъ по степи пестрымъ ковромъ; и нѣтъ у этого ковра краевъ, потому что изъ степи то и дѣло подходятъ новые люди, и Суламита видитъ, какъ теперь, этихъ посылаемыхъ степью одиночекъ...

А Онъ? она совсѣмъ близко къ Нему! голубой гиматій и красный хитонъ облекаютъ Его длинными складками... гладкіе, темнорусые волосы раздѣлены на-двое... небольшая борода тоже раздвоена...

И слышитъ она этотъ голосъ, незаглушаемый степью. Онъ училъ о нищихъ духомъ, милостивыхъ, кроткихъ... Онъ говорилъ: любите враговъ вашихъ... Онъ говорилъ: молитесь такъ... Отче нашъ... Иже еси... и не можетъ Суламита припомнить съ точностью слова молитвы, не можетъ... а молитва такъ хороша!

И видятся ей другія толпы, другія тысячи... озеро... пустынное мѣсто... не голыя скалы, а много травы, не яркій день, а вечернее время... Онъ велитъ принести пять хлѣбовъ и двѣ рыбы, а народу возлечь... Взялъ хлѣбы, воззрѣлъ на небо, благословилъ и преломилъ и роздалъ ученикамъ, а тѣ народу...

Помнитъ она и Виѳанію. Его не было тамъ въ то время, когда она, какъ и многіе, нарочно ходила туда, чтобы видѣть поднятаго изъ гроба Лазаря... она посѣтила могилу... она говорила съ Лазаремъ, съ человѣкомъ, котораго уже обвивали, по рукамъ и по ногамъ, погребальныя пелены, лицо котораго уже отѣнилось однажды, обвязанное платкомъ, могильною тьмою! Она, какъ теперь, видитъ

эти блѣдныя черты лица Лазаря, еще носившія на себѣ слѣды недавней смерти, его отраставшіе волосы, его уклончивую неохоту говорить о совершившемся...

И пока думаетъ и вспоминаетъ неподвижная Суламита, густѣетъ ночь, заволакивается окрестность и погасаютъ на ней красныя черточки фронтоновъ и колоннъ могильныхъ вертеповъ.

* * *

Удивительно лучезарны, будто отблески сіянія горы Ѳаворской, заронившіяся въ могильную темень смерти, тѣ слова, которыми пользуются евангелисты для увѣковѣченія святыхъ событій перваго новозавѣтнаго дня. Въ нихъ нѣтъ точности, потому что точность слишкомъ вѣсома для изображенія совершившагося. По словамъ Матѳея, Спаситель воскресъ «на разсвѣтѣ перваго дня недѣли»; по Марку «по прошествіи субботы... весьма рано»; Лука повѣствуетъ, что воскресеніе послѣдовало «въ первый же день недѣли, очень рано»; согласно Іоанну, «когда было еще темно». Ясно, что это мгновенія первыхъ заревыхъ огней, неопредѣленныхъ, не столько видимыхъ, сколько чувствуемыхъ, но уже теплыхъ и жизненныхъ, послѣднія мгновенія холодной, черной, безконечно долгой ночи.

И пошла отъ Іерусалима жизненная вѣсть быстрѣе вѣсти о смерти; и нагнала жизненная вѣсть—вѣсть о смерти, и осиливала ее... Воскресъ!.. бываетъ видимъ... является... кому является?

Евангелистъ Лука очень подробно повѣствуетъ о томъ, какъ, въ третій день по смерти Спасителя, двое изъ Его учениковъ шли въ Эммаусъ и разговаривали о событіяхъ дня; какъ подошелъ къ нимъ воскресшій Іисусъ, но глаза ихъ были «удержаны», такъ что они не узнали Его; какъ шли они втроемъ и первымъ завелъ рѣчь Самъ Воскресшій, спросивъ ихъ: «о чемъ это вы, идя, разсуждаете

между собою и отчего вы печальны?» Какъ бы удивленный этимъ вопросомъ, одинъ изъ учениковъ, Клеопа, даетъ отвѣтъ: «неужели ты, одинъ изъ пришедшихъ въ Іерусалимъ, не знаешь о происшедшемъ въ немъ въ эти дни?» и затѣмъ разсказалъ: кто былъ Распятый, какъ предали Его, осудили, распяли; и онъ сказалъ еще: «мы надѣялись-было, что Онъ есть Тотъ, Который долженъ избавить Израиля; но со всѣмъ тѣмъ уже третій день нынѣ, какъ это произошло... но и нѣкоторыя женщины изъ нашихъ»,— продолжалъ Клеопа:—«изумили насъ: онѣ были рано у гроба и не нашли тѣла Его; и, пришедши, сказывали... что Онъ живъ».

Изъ послѣднихъ словъ Клеопы явствуетъ, что ученики шли, такъ сказать, впереди вѣсти о воскресеніи, быстро расходившейся во всѣ стороны отъ Іерусалима; они уже несомнѣнно несли ее съ собою, но только съ невѣріемъ, съ изумленіемъ къ тому, что̀ «сказывали» имъ «нѣкоторыя женщины изъ нашихъ». Они направлялись въ Эммаусъ, какъ къ мѣсту древняго преданія, гдѣ, вѣроятно, между книжниками имѣлись и послѣдователи Христа, и гдѣ имъ, такъ думали они, могло быть дано объясненіе тому, какъ это: Мессія—и умеръ? Мессія—умеръ и воскресъ? Сбитые съ толку всѣмъ совершившимся и опечаленные, поднимались они по каменистому склону горы Самуиловой, въ область могильныхъ вертеповъ и пророческихъ жилищъ...

Далѣе, Евангеліе повѣствуетъ, что, назвавъ, въ отвѣтъ на слова Клеопы, учениковъ своихъ «несмысленными и медлительными», Спаситель, продолжая идти съ ними, изъяснилъ имъ, «начавъ съ Моисея», сказанное о Немъ «во всемъ писаніи». Когда они подошли къ селенію, Онъ показывалъ видъ, что хочетъ идти далѣе, но они упросили Его остаться съ ними, «потому что день уже склонился къ вечеру», и Онъ вошелъ съ ними въ селеніе.

Изъ подробностей бесѣды, изъ объясненія Спасителемъ «всего писанія», необходимо заключить о продолжительности явленія, о томъ, что Онъ шелъ съ учениками долго. Евангелистъ не говоритъ о томъ, видѣли ли Его, какъ третьяго путника, встрѣчные люди, которыхъ въ этотъ вечеръ было много? Относительно зрѣнія учениковъ сказано, что глаза ихъ были «удержаны», но только въ нѣкоторой степени, потому что они видѣли идущаго съ ними человѣка, но не узнавали въ немъ Христа. Видѣли ли Его другіе при нѣсколькихъ послѣдовательныхъ въ эти дни явленіяхъ? Кого разумѣть подъ словами, встрѣчающимися у евангелистовъ, свидѣтельствующими, что Его видѣли: «нѣкоторые», «многіе», «женщины»? Во всякомъ случаѣ, число людей, созерцавшихъ Его въ эти свѣтлые, новозавѣтные дни, гораздо больше, чѣмъ привыкли думать, и не ограничивается тѣми, кто названъ по именамъ.

* * *

Суламита, съ того возвышенія, на которомъ сидѣла, видѣла приближеніе трехъ путниковъ; она узнала Клеопу и, направившись ко входной двери двора, отворила ее и впустила пришедшихъ.

Словно что-то отвѣяло, отклонило ее въ сторону, когда путники медленно проходили мимо; привѣтствовалъ ли ее кто изъ нихъ, согласно обычаю, Суламита не слыхала. Путники вошли въ домъ и она, молча, послѣдовала за ними.

Затеплился свѣтильникъ и озарилъ въ небольшомъ помѣщеніи столъ, приготовленный для вечерней трапезы отсутствовавшаго хозяина; мягкій, трепетный свѣтъ его легъ по небогатой утвари дома, на нѣсколько свитковъ, лежавшихъ въ сторонѣ, на поручни и повязки съ вышитыми на нихъ словами закона, свидѣтельствовавшими о званіи владѣльца дома.

Путники возлежали, и Суламита прислуживала имъ.

Клеопу видѣла она неоднократно; другого—никогда, онъ ей неизвѣстенъ; третій... Онъ говоритъ что-то о писаніи... но мѣшаетъ ей разглядѣть Его бѣлая чадра, плотно обвивавшая голову и шею женщины евангельскаго времени, не можетъ она хорошо разслышать этотъ голосъ... Суламита видитъ и не видитъ Его! Что̀ же случилось, что̀ совершается?.. Ничего особеннаго не случилось, совершается обычная трапеза; кротко озаряетъ ровное пламя свѣтильника бѣлую столовую скатерть, и она кажется розовою, по сравненію съ синезеленымъ небомъ, мерцающимъ въ небольшое окно... Онъ, говорящій, возлежитъ, какъ другіе... объясняетъ писаніе... слова Его такъ сладко звучатъ Суламитѣ сквозь чадру...

И влечетъ Суламиту неудержимо склониться, не подымая очей, предъ какимъ-то безмѣрнымъ, но близкимъ къ ней величіемъ, упасть, повергнуться для какой-то непосредственной, лицомъ къ лицу со своимъ Богомъ, молитвы, потому что священнымъ страхомъ полна душа ея и ей нужно глубокое, мгновенное поклоненіе, потому что видитъ ея сердце, хотя очи слѣпы и уста безмолвствуютъ...

И отчего же молчатъ тѣ двое, или они не видятъ, не чувствуютъ? или не трепещетъ въ нихъ сердце?!

Но когда Онъ, «взявъ хлѣбъ, благословилъ, преломилъ и подалъ имъ...»

— Рабби!—вскрикнула Суламита и пала на колѣни.

Тогда неожиданно поднялись съ мѣстъ своихъ и ученики, но Онъ сталъ невидимъ для нихъ. Вставши въ тотъ же часъ, возвратились они въ Іерусалимъ и оповѣстили одиннадцать и бывшихъ съ ними о томъ, что случилось, и какъ Онъ былъ узнанъ ими въ преломленіи хлѣба.

V.

Подлѣ яслей.

— По повелѣнію императора!

— Долой, прокаженные!..

— Тише! осторожнѣе! правая осѣдаетъ!..

Сопровождаемая такими и подобными возгласами, медленно, медленно, чуть ли не по двадцати саженъ въ день, подвигалась, по направленію отъ Іерусалима къ Виѳлеему, очень грузная поклажа. Клики, разспросы, брань сопровождали это медленное шествіе; на громадныхъ полозьяхъ, вся окутанная цыновками и обвязанная веревками, покоилась она. Время стояло жаркое и быстролетная палестинская весна уступала мѣсто долгому, упорному, жгучему лѣту.

Пѣшіе воины и конная стража, состоявшая изъ «союзныхъ», но подъ непосредственнымъ наблюденіемъ кровныхъ римскихъ центуріоновъ, сопровождали поклажу: сотни рабовъ двигали ее; мѣстные люди собирались поглазѣть.

Время, о которомъ идетъ рѣчь,—время безконечно далекое, чуть не библейское. Почти столѣтіе миновало тогда со дня смертной казни Спасителя и борьба язычества съ христіанствомъ не только ясно и повсюду обозначалась, но уже завершила бо̀льшую часть своего кроваваго развитія. Отошелъ въ былое кесарь Неронъ, за нимъ Домиціанъ и который уже годъ царствовалъ Адріанъ, одна изъ загадочнѣйшихъ личностей въ длинномъ ряду кесарей, представляющихъ изъ себя, какъ типы, такую дикую фантазію человѣческой природы, подобной которой ни одинъ писатель, поэтъ или проповѣдникъ не проявлялъ. Надобно сказать, что помѣсь безумія и ума, бездарности и таланта, грубѣйшей солдатчины и самой отвлеченной мистики, поразительнаго великодушія и отвратительнѣйшей низости, ни-

когда и нигдѣ на страницахъ исторіи не сосредоточивались на такомъ сравнительно маломъ промежуткѣ времени, какъ на цезаризмѣ первыхъ двухъ вѣковъ.

Адріанъ являлся однимъ изъ типичнѣйшихъ. Въ немъ воплотился впервые императоръ-путешественникъ. Въ чаяніи и исканіи успокоенія душевнаго, не имѣвшагося въ тогдашнихъ языческихъ религіяхъ, и съ цѣлью проясненія мысли,—проясненія невозможнаго въ языческой философіи и теософіи, кесарь Адріанъ бѣгалъ за правдой по свѣту; въ Аѳинахъ прожилъ онъ двѣ зимы, въ Египтѣ—два года, и вездѣ окружалъ себя учеными и художниками, что̀ не помѣшало ему казнить архитектора Аполлодора за рѣзкое осужденіе, за сравненіе съ «тыквами» артистическихъ произведеній императора. Подлѣ Адріана, отойдя съ нимъ вмѣстѣ въ былое, высится и до сегодня туманнымъ и глубокомечтательнымъ обликомъ, обусловившимъ возникновеніе характернаго цикла художественныхъ произведеній, юноша Антиной, загадочный утопленникъ...

Отъ Іерусалима до Виѳлеема, мѣста рожденія Спасителя, всего полтора-два часа ходьбы; такъ это теперь, какъ было и тогда. Дорога, теперь гладкое и лучшее въ Палестинѣ шоссе, въ тѣ дни была усѣяна каменьями и перерѣзана водомоинами. Поклажа въ цыновкахъ, очень большіе размѣры которой ясно проступали на длинныхъ полозьяхъ, передвигалась тѣмъ же способомъ, какимъ передвигались въ древнемъ Египтѣ колоссальныя, невѣроятно громоздкія тяжести,—способомъ, свидѣтельствуемымъ самымъ нагляднымъ образомъ на одномъ изъ дошедшихъ до насъ изображеній подземелья Эль-Бершехъ. Евреи знали эти способы передвиженія очень хорошо, потому что изучили ихъ своими боками и спинами во время египетскаго плѣненія.

Таинственная поклажа была привязана къ полозьямъ могучими канатами, причемъ, въ мѣстахъ прикосновенія ихъ

къ поклажѣ, для защиты ея цѣлости, подложены были, какъ это дѣлается и теперь, особыя накладки. Четыре отдѣльныхъ отряда рабочихъ, сбродъ всякихъ пестрыхъ сыновъ пустыни и представителей отъ всѣхъ колѣнъ израилевыхъ, каждый въ два, три десятка человѣкъ, тянули полозья четырьмя канатами; надъ мѣстомъ прикрѣпленія этихъ канатовъ къ полозьямъ возвышалась какая-то смуглая, чище другихъ одѣтая, фигура, то и дѣло поливавшая эти скрѣпленія, для уменьшенія тренія, водою. За этимъ поливальщикомъ, выше его, на самомъ высокомъ горбѣ поклажи, виднѣлась другая фигура главнаго распорядителя, завѣдывавшаго всею тягою и управлявшаго ею посредствомъ хлопанія въ ладоши.

Который уже день длилась перевозка; ночью, при остановкахъ, подлѣ поклажи раскидывался привалъ; для римлянъ устраивались шатры; сыны пустыни, евреи, ночевали въ повалку, гдѣ кто легъ, и огни костровъ, многочисленные съ вечера, уменьшались въ количествѣ своемъ къ утренней зарѣ и тлѣли только угольями, когда заря эта вдругъ, безъ всякихъ почти свѣтовыхъ подготовленій, охватывала полымемъ все небо и быстро смѣнялась палящимъ днемъ.

По мѣрѣ приближенія каравана къ Виѳлеему, мертвенно голыя, каменистыя окрестности, окружающія Іерусалимъ, становились привѣтливѣе, оживленнѣе. Труднѣе всего оказался близкій къ Іерусалиму небольшой перевалъ черезъ гору Злого Совѣщанія, на которой, будто бы, совѣщались евреи о томъ, какъ имъ лучше схватить и вѣрнѣе извести Іисуса Назорея. За горою путь становился не лучше и шелъ мѣстами по косогору; начинались засѣянныя поля и между нихъ лежало одно незасѣянное, такъ-называемое поле гороха. О немъ разсказываютъ, будто однажды Богородица, проходя мимо человѣка, сѣявшаго горохъ, спросила его: что̀ онъ сѣетъ?

— Камни!—отвѣтилъ сѣятель.

— Если ты сѣешь камни, — отвѣтила Богоматерь: — то камни должны тебѣ и вырасти.—Горохъ окаменѣлъ немедленно и круглые катыши его лежатъ тамъ и понынѣ и собираются усердными богомольцами. Подобныя же легенды имѣются въ Палестинѣ, говоритъ ученый изслѣдователь іудейской старины, въ преданіяхъ о «соли патріарха Авраама» и «арбузахъ пророка Иліи»; вопрошателями явились оба только-что названныя лица, а отвѣтъ имъ былъ данъ, приблизительно, тотъ же: человѣкъ, сѣявшій арбузы, отвѣтилъ: камни!—люди, отказавшіе Аврааму подѣлиться съ нимъ солью, лежавшею подлѣ нихъ грудами, тоже назвали ее камнями! Такъ и лежатъ теперь эти камни — бывшая соль—по дорогѣ къ Хеврону.

Окрестности Виѳлеема отличались прелестью въ тѣ времена, о которыхъ идетъ рѣчь; евреи называли ихъ мѣстностью, напоминавшею плодородныя пàжити Евфрата и самое слово Виѳлеемъ значитъ то же, что̀ «хлѣбный магазинъ». Царь Давидъ называетъ Виѳлеемъ «садомъ въ горахъ»; крестоносцы сравнивали его съ итальянскими виллами; современный намъ русскій паломникъ отзывается о Виѳлеемѣ въ томъ же смыслѣ.

Послѣднюю ночь провели люди, сопровождавшіе поклажу, подлѣ самой пещеры, подлѣ «вертепа безсловесныхъ», въ которомъ родился Господь; сюда везли они поклажу, здѣсь былъ конецъ пути.

Императоръ Адріанъ, въ началѣ своего царствованія относившійся къ нарождавшимся христіанамъ и къ іудеямъ, которыхъ онъ, какъ и многіе въ тѣ дни, не отличалъ однихъ отъ другихъ, почти безучастно, къ концу царствованія сталъ къ нимъ въ отношенія открыто враждебныя. Подлѣ храма Іерусалимскаго воздвигнутъ, по его велѣнію, храмъ Юпитеру; самый Іерусалимъ получилъ другое наиме-

нованіе и заселенъ пришлымъ народомъ; іудеямъ, подъ страхомъ смертной казни, запрещено даже вступать въ Іерусалимъ, и цѣлый рядъ жестоко подавляемыхъ огнемъ и мечемъ возстаній евреевъ, то и дѣло возникавшихъ въ Палестинѣ нежданно и негаданно, сдѣлалъ самое имя Адріана ненавистнымъ. Въ ряду многихъ мѣропріятій адріановыхъ, направленныхъ одновременно противъ іудеевъ и христіанъ, имѣется свѣдѣніе объ указѣ его, запрещавшемъ евреямъ жить въ Виѳлеемѣ; объ указѣ этомъ упоминаетъ Тертуліанъ; сообщеніе блаженнаго Іеронима говоритъ, что, по повелѣнію императора Адріана, на мѣстѣ рожденія Спасителя, въ самомъ вертепѣ, поставлена статуя богини любви и красоты—Венеры.

Эту именно Венеру и привезли къ пещерѣ, послѣ долгаго и труднаго пути и, достигнувъ цѣли, заночевали.

* * *

Страна Іерусалимская—страна пещерная. Изслѣдованія говорятъ, что въ Палестинѣ и до-сегодня овины, конюшни и верблюжьи стойла устраиваются въ пещерахъ; что помимо пещеръ, принадлежащихъ частнымъ людямъ, имѣются пещеры гостиницъ, значительно бо̀льшія, въ которыхъ и проводятъ ночи путешественники, и что въ такой именно пещерѣ нашли пріютъ Богоматерь со святымъ Обручникомъ, въ счастливѣйшую ночь міра—въ ночь на Рождество. Что касается до самихъ «яслей», то тотъ же блаженный Іеронимъ, посѣтившій завѣтную пещеру, называетъ ихъ «простою натуральною скважиною», или выбоиною въ скалѣ. Нерѣдко въ подобныхъ пещерахъ устраивались также и гробницы, такъ что Спаситель міра родился не только въ «вертепѣ безсловесныхъ», но и въ «вертепѣ мертвыхъ». Устраиваемыя и теперь ясли въ пещерныхъ загонахъ—это тоже не что̀ иное, какъ искусственныя, высѣченныя въ скалѣ корытообразныя углубленія.

Довольно высоко поднялось по синему небу горячее солнце, когда завѣдывавшіе исполненіемъ императорскаго повелѣнія приступили къ освобожденію статуи отъ цыновокъ. Она была подвезена вплотную именно къ той пещерѣ, въ которой родился Спаситель и которую, что̀ очень замѣчательно, никогда не приходилось разыскивать, потому что она пользовалась, съ самыхъ первыхъ дней, особымъ почитаніемъ, и ее всѣ знали. Слухъ о томъ, что изъ Іерусалима въ Виѳлеемъ везутъ для постановки въ этой пещерѣ статую Венеры, опередилъ ея прибытіе, и утреннее солнце освѣщало хотя не очень многочисленную, но чрезвычайно пеструю толпу. Евреи и рабы изъ инородцевъ приволокли статую, и мѣстные люди, сошедшіеся къ вертепу большею частью изъ любопытства, относились къ императорскому повелѣнію совсѣмъ различно: инородцевъ не трогало оно вовсе, евреевъ, орудовавшихъ изъ-подъ бича, оскорбляло вообще всякое идолообразное изображеніе; но немногочисленныхъ христіанъ, находившихся на мѣстѣ, оскверняло оно въ святая святыхъ ихъ нарождавшагося исповѣданія.

Работа разворачиванія статуи шла быстро; откинутыя въ стороны цыновки лежали цѣлыми грудами; канаты, брошенные на землю, извивались длинными, неподвижными змѣями. Толпа молчала, но большинство ея относилось къ новоприбывшей богинѣ враждебно.

Когда бѣломраморная красавица, освобожденная, наконецъ, отъ цыновокъ и лежавшая на полозьяхъ навзничь, глянула своими роскошными, пластическими, бѣлыми очертаніями, любопытство всколыхнуло толпу и придвинуло ее къ богинѣ. Но когда дружными усиліями начали поднимать ее, и голова статуи обозначилась надъ людскими головами, любопытство это усилилось настолько, что оттѣснило однихъ, выдвинуло другихъ, и римскимъ всадникамъ, окружавшимъ

статую, пришлось осаживать толпу. Испуганные кони ихъ, фыркая и потерявъ чувство поводьевъ, начали безпокойно топтаться на мѣстѣ; застучали мечи о брони; послышался многоязычный, хотя и сдержанный говоръ, командныя слова сотниковъ и возгласы распорядителей и, наконецъ, въ ту именно минуту, когда богиня, слегка качнувшись въ последній разъ, предстала во всей своей обнаженной языческой прелести и послала страстную улыбку незнакомымъ ей скаламъ и вертепамъ и пылавшей полымемъ къ сторонѣ Іордана степи, подлѣ нея, совсѣмъ вблизи, неожиданно раздался неистовый, пронзительный крикъ...

Подъ копытомъ одного изъ коней лежалъ раздавленный ребенокъ; конь, до того безпокойный и пугливый, наступивъ на младенца, остановился словно вкопанный, будто сдѣлалъ свое дѣло, навострилъ уши и, повернувъ голову въ сторону набѣгавшаго отъ степи вѣтерка, не снималъ своей могучей ноги съ небольшой, но въ конецъ и сразу раздавленной младенческой груди. Обезумѣвъ отъ неожиданности, стоявшая подлѣ мать ребенка крикомъ своимъ покрыла всѣ многообразные звуки толпы и бросилась къ раздавленному; нестарый мужчина, видимо отецъ ребенка, схватилъ ее и помѣшалъ кинуться подъ самую лошадь; всадникъ, заглядѣвшійся на статую, не сразу понялъ въ чемъ дѣло: онъ осадилъ коня своего только тогда, когда увидѣлъ, что всѣ взгляды обратились въ его сторону, и когда распозналъ, что̀ именно случилось.

Пока совершалось все это, совершалось быстрѣе, чѣмъ разсказано, мужчина-отецъ, наклонившись къ женѣ своей, не слышно ни для кого, тихо шепнулъ ей:

— Помни Христа, Рахиль...

Словно озаренная яркою молніею, быстро поднявъ освобожденнаго отъ конскаго копыта ребенка съ земли, прижавъ его, мертваго, безотвѣтно раскинувшаго ручонки и

закрывшаго глаза, къ груди своей, она повернулась и побѣжала... Толпа, хотя это было очень трудно, почтительно раздалась передъ нею, и она направилась по открывшейся для нея дорожкѣ, едва-едва настигаемая торопившимся не отстать отъ нея мужемъ. Глухо и сдержанно ворчала толпа, злобный шопотъ пробѣжалъ по ней, и она какъ-то вдругъ вся затолкалась, зашевелилась! Блеснули было въ нѣсколькихъ мѣстахъ ея изъ-подъ пестрыхъ и сѣрыхъ таларовъ длинные ножи...

— Подними значокъ!—промолвилъ не громко, наклонившись съ сѣдла къ стоявшему подлѣ него всаднику, центуріонъ. Значокъ съ римскими регаліями и извѣстною надписью надъ ними, грузный и ярко-вызолоченный, былъ, во исполненіе приказанія, немедленно поднятъ. Условный знакъ данъ. Издали, со стороны, направился къ пещерѣ отрядъ римскихъ всадниковъ. Мѣрно и ровно, поблескивая и позванивая оружіемъ, приблизился онъ къ мѣсту назначенія и остановился подлѣ самой толпы, сзади ея, безмолвно, неподвижно и внушительно.

Палестинскіе евреи знали по опыту, что̀ могло это значить. За послѣдніе три года избито было ихъ собратьевъ болѣе полумилліона человѣкъ; погибшіе отъ голода и огня въ счетъ не входили...

А богиня красоты, бѣломраморная, улыбающаяся, нагая, продолжала глядѣть безмолвно на синѣвшую въ сторонѣ Іордана даль, на ближніе вертепы и гробницы, на изломы скалистыхъ ущелій, на невысокія, съ плоскими крышами постройки маленькаго Виѳлеема, вся озаренная палящимъ солнцемъ, золотясь по краямъ мрамора, обращеннымъ къ нему, и привезенная сюда въ силу императорскаго повелѣнія...

Долго ли оскверняла своимъ присутствіемъ Венера святой вертепъ Рождества Христова, въ который ее поста-

вили,—неизвѣстно; какъ помѣстилась она въ немъ, очень небольшомъ по размѣрамъ, когда и кто удалилъ ее—тоже неизвѣстно. Вѣрно только то, что, тогда какъ пещера Гроба Господня въ Іерусалимѣ, съ теченіемъ столѣтій, какъ замѣчаетъ ученый изслѣдователь, все болѣе и болѣе обнажалась, такъ сказать, выходила внаружу и отъ нея осталась теперь только очень небольшая часть первоначальныхъ стѣнъ—пещера Рождества Христова, наоборотъ, какъ бы уходила въ глубь земли. Покрытая въ первые вѣка христіанскою базиликою, она спасена этимъ отъ участи Гроба Господня; имѣвъ когда-то, какъ и всѣ пещеры, входъ вровень съ землею, она, оберегаемая подземною теменью и тишиною, не видитъ теперь вовсе свѣта Божьяго и посѣщающій ее паломникъ спускается въ ея завѣтную святыню по 18-ти довольно высокимъ ступенямъ.

Въ одномъ изъ самыхъ небольшихъ и темныхъ отдѣленій ея, въ такъ-называемой crypta innocentium, почиваютъ 20,000 избіенныхъ Иродомъ виѳлеемскихъ младенцевъ...

Дѣтямъ, какъ извѣстно, приходилось не разъ нести отвѣтъ за несодѣянное ими.

VI.

Невѣста.

«Наше число увеличивается съ гоненіями,—писалъ Тертуліанъ:—и кому же не захочется, видя гоненія, посмотрѣть въ чемъ дѣло».

Христіане шли на всевозможныя казни.

Они, это отребье людское, эти odium generis humani, эти hostes populi Romani, словно напирали одни на другихъ, устремляясь на несомнѣнную смерть съ какою-то ретивою торопливостью. Inflexibilis obstinatio ихъ, упрям-

ство, вызывавшее язычество, въ особенности у Цельзія, было совершенно непонятно римлянамъ.

Тѣмъ болѣе это было необъяснимо, что римлянъ сбивало, главнымъ образомъ. ученіе о «царствѣ» Христа. За какое это царство, гдѣ-то существующее, идутъ они на смерть? да и гдѣ ему быть, этому царству, когда Римъ владѣетъ всѣмъ извѣстнымъ міромъ, вездѣ его проконсулы, его легіоны? Онъ ли не изслѣдовалъ своимъ флотомъ всѣхъ извѣстныхъ людямъ рѣкъ и морей? Онъ ли не хозяйничаетъ во всѣхъ уголкахъ земли? Гдѣ оно, это запрещенное царство? Можетъ-быть, оно чрезвычайно богато?

Знаменитъ тотъ проконсулъ, который, спросивъ у захваченнаго юноши-христіанина, гдѣ его родина, и получивъ отвѣтъ, что онъ родился на востокѣ, въ Іерусалимѣ, приказалъ подвергнуть его пыткѣ, чтобы узнать, гдѣ находится этотъ проклятый, возмущающій всѣхъ городъ? Это характерно для проконсула и для объясненія страха передъ царствомъ Христовымъ. И еще страшнѣе казалось Риму то, что въ этомъ таинственномъ царствѣ нѣтъ рабовъ и всѣ одинаково свободны.

Народная ненависть къ христіанамъ началась, собственно говоря, только съ Траяна. Изъ всѣхъ апостоловъ оставались тогда въ живыхъ двое: Іоаннъ и Филиппъ; завершилась за это время великая дѣятельность апостола Павла.

Само христіанство еще не приняло опредѣленныхъ, догматическихъ формъ; постъ и безбрачіе предоставлялись на волю каждаго; духовенства и церквей еще не было, праздновали кто какъ хотѣлъ, субботу или воскресенье. Въ самой Палестинѣ еще продолжали существовать всѣ старо-еврейскія ученія; еще держалась особая секта, окружавшая когда-то Іоанна Крестителя; еще появлялись разные лжемессіи, возстановители мірового еврейскаго царства, начиная съ Іуды изъ Гамалы до Баръ-Кохбы.

И все это, думали римляне, такіе же политическіе заговорщики, какъ Самъ Христосъ, и все это сосредоточивается въ Іерусалимѣ! Наскучила Риму неизвѣстность: императоръ Титъ взялъ Іерусалимъ, разрушилъ его, а Палестину обратилъ въ степь.

Такъ и лежитъ она степью по настоящій день.

А христіанскіе мученики все шли, да шли.

Эти тьмы темъ новопреставленныхъ душъ поддерживали какую-то удивительную борьбу съ вооруженнымъ отъ головы до ногъ римскимъ солдатствомъ. Въ отвѣтъ на глухіе удары сѣкиръ, на стукъ паденія крестовъ съ обуглившимися на нихъ тѣлами, на неистовый ревъ животныхъ подъ пурпуровыми шелковыми навѣсами цирковъ, защищавшими отъ солнца десятки тысячъ зрителей, христіане отвѣчали кроткими знаменіями, чуть слышными причитаніями. И такъ сильны были эти знаменія и причитанія, что вдругъ, невѣдомо почему, цѣлые легіоны становились христіанами; супруга и любовница императора дѣлались вѣрующими. Сами императоры какъ бы усомнились: одинъ начиналъ молиться Христу, другой повелѣвалъ вырѣзать на стѣнѣ своего дворца тѣ слова, которыя читаются у евангелиста Луки: «И какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними».

И все это потому, что христіанъ прибывало; замученный или усопшій христіанинъ не исчезалъ, онъ только становился невидимымъ, тогда какъ ряды римлянъ рѣдѣли, потому что у нихъ умершіе переставали существовать.

Никто изъ учителей язычества не коснулся, не обѣщалъ безсмертія единичной, бѣдной души! а этого-то и хотѣли люди, въ этомъ-то и состояло дѣло.

Траяновъ вѣкъ погасъ, и наступило третье столѣтіе послѣ Христа. Началось хозяйничанье тридцати тирановъ. Никто не правилъ всѣмъ сполна; императоры возникали въ

разныхъ мѣстахъ какими-то тѣневыми воплощеніями властителей, выкликаемыхъ легіонами, обрисовывались въ насиліяхъ и пламени и погасали въ собственной крови. Словно на падаль, устремляются на Римъ отовсюду хищники-варвары. А христіанъ гонятъ не меньше прежняго; больше— потому что они причина несчастій, окружающихъ Римъ.

Уже безсчетно велико количество мученическихъ вѣнцовъ, загорѣвшихся надъ людскими головами, а все они продолжаютъ загораться десятками, сотнями, тысячами, пуская отъ себя тихій, лунатическій, неподвижный свѣтъ въ глубокую тьму. Бо̀льшею частью безымянны гибнущіе! въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, въ людныхъ городахъ, въ особенно выдающіеся дни, замѣчались тѣ или другія имена. Побитый камнями Стефанъ, изорванный стрѣлами Севастьянъ, четвертованная на колесѣ Екатерина, Варѳоломей, лишившійся кожи, и многія множества другихъ, поминаемыхъ церковью. Но главныя полчища принявшихъ мученіе остались все-таки безымянны. Они ушли въ безмолвныя цифры, въ тѣ сотни и тысячи, которыя такъ-таки цифрами и поминаются церковью.

А сколько такихъ, что́ и вовсе не считаны?..

Зимою, въ 302 году, два императора, Діоклетіанъ и Галерій, находились въ Никомидіи. Христіане, имѣвшіе тутъ, къ этому времени, одинъ изъ главныхъ центровъ своихъ, сдѣлались силою, съ которою нужно было считаться. Не было легіона безъ христіанской окраски, и въ верховномъ совѣтѣ рѣшено: во что̀ бы то ни стало покончить съ ними. Къ тому времени Діоклетіанъ впервые возложилъ на себя діадему, преобразившуюся позже въ корону. Головные пояса—діадемы—служили отличіемъ властителей древнихъ, погибшихъ царствъ Востока; римскихъ императоровъ до того отличали только ихъ пурпуры. Діоклетіанъ обновилъ, узаконилъ діадему, эту древнюю императорскую рега-

лію, и первая изъ европейскихъ діадемъ-коронъ зарумянилась въ отблескѣ христіанской крови. Діоклетіанъ и не подозрѣвалъ, что не пройдетъ и четверти вѣка, какъ знаменіе креста, гонимое имъ, помѣстится поверхъ короны и освятитъ ее!

Согласно рѣшенію совѣта и подстрекаемый, главнымъ образомъ, Галеріемъ, ненавистникомъ христіанъ и поклонникомъ языческой тауматургіи, Діоклетіанъ издалъ эдиктъ объ уничтоженіи христіанскихъ церквей, уничтоженіи всѣхъ книгъ ихъ и запрещеніи изображеній креста и Спасителя. Какъ и подобало, эдиктъ былъ прибитъ на углахъ никомидійскихъ улицъ. Два императора и ихъ легіоны находились тутъ, подлѣ. Тѣмъ не менѣе, старикъ-христіанинъ сорвалъ эдиктъ со стѣны; это было вызовомъ на гоненіе, сильнѣйшее чѣмъ всѣ остальныя.

Евсевій, очевидецъ, сообщаетъ о томъ, какъ разлилось это гоненіе кровавымъ моремъ по всей имперіи, главнымъ образомъ по Арменіи, Виѳаніи, Сиріи, Египту, Мавританіи. Оно распространилось чрезвычайно быстро. Христіанскія церкви Никомидіи прежде всѣхъ сравнены съ землею; зато запылалъ и императорскій дворецъ. Ежечасно, повсюду, нарождались новые мученики, появлялись новыя легенды...

* * *

По многоводной рѣкѣ Сангаріи, направляясь къ Черному морю, плыли однажды трупы христіанскихъ мучениковъ... Холодныя были зимнія волны Сангаріи. Плыли дѣти, плыли старики, плыли женщины, медленно колыхаясь по свинцовымъ водамъ и выставляя на видъ темные слѣды пытокъ, въ которыхъ они скончались; по одному, по два, а гдѣ и больше виднѣлось утопленниковъ. Толкаясь одни о другихъ, подчиняясь мѣрному теченію и извилинамъ береговъ, они то задерживались, то обгоняли другъ друга, словно распо-

лагались иначе, удобнѣе, покачивались, изрѣдка перевертывались; были такіе, которые, подплывъ къ берегу, точно якорь бросали, не хотѣли двигаться дальше.

Въ одномъ мѣстѣ рѣки плыли они цѣлою громадою. Несомнѣнно было, что гдѣ-то тамъ, дальше, вверхъ по теченію, совершена повальная расправа, бойня, и всѣ покончённые пущены на рѣку.

Разно встрѣчали по берегамъ, въ тѣ дни еще густо населенной Сангаріи, этихъ безмолвныхъ путешественниковъ.

— Плывутъ! вонъ ихъ сколько плыветъ!—говорилъ сотникъ ѳракійскаго легіона, высланный изъ Никомидіи съ отрядомъ для того, чтобы не допускать христіанъ вылавливать трупы и хоронить ихъ.

Возгласы легіонеровъ были опредѣленнѣе:

— Грязные!

— Бѣсноватые!

— Сколько ихъ замолчало, воды понабравшись!

Увлекаемая теченіемъ пестрая громада труповъ, замѣченная сотникомъ, медленно приближалась къ стоянкѣ сотни, освѣщаемая косыми лучами заходившаго солнца. Ясный вечеръ зимы безъ снѣга и мороза, зимы, щадящей почти всю листву и касающейся поверхности земли только краемъ своей одежды, только мимоходомъ, только свѣжими утренниками, догоралъ въ спокойныхъ заревыхъ огняхъ. По скалистымъ берегамъ Сангаріи нависали темной зеленью своею вѣчно зеленыя, смолистыя туи, подходили прозрачныя рощи кедровъ и кипарисовъ, тогда еще не уничтоженныя. Грубая римская солдатчина, стоя на берегу, порою срываясь съ катившихся изъ-подъ ногъ ихъ каменьевъ, тѣшилась не только словами, но и дѣломъ: они метали въ трупы выдернутыя изъ изгородей хворостины, каменья, отталкивали шестами причаливших къ берегу.

— Confarreatio! свадьба!—завопили легіонеры, замѣтивъ

связанныхъ другъ съ другомъ мужчину и женщину, качавшихся въ сторонѣ отъ прочихъ.

— An spondes!—крикнулъ имъ вслѣдъ одинъ изъ шутниковъ, воспроизводя обычную фразу свадебнаго контракта.

— Spondeo, spondeo!—отвѣчали одновременно многіе, и звучный хохотъ, пронесшійся вдоль рѣки, замеръ въ сосѣднихъ ущельяхъ.

Было холодно...

Христіане, прятавшіеся недалеко отъ сотни по щелямъ горъ и въ пещерахъ, Богъ вѣсть кѣмъ изсѣченныхъ и которыми такъ обильна Малая Азія, встрѣчали караванъ иначе. Одиночки-утопленники проносились передъ ними уже давно. Днемъ было опасно заявлять о своемъ присутствіи, но, тѣмъ не менѣе, тѣхъ, которые причаливали къ берегу, христіане вытаскивали и хоронили. Съ наступленіемъ сумерекъ они стали смѣлѣе; сторожевой оповѣстилъ о приближеніи цѣлаго каравана труповъ.

Безшумно, будто тѣни, начали очерчиваться въ тихомъ мерцаніи луны, вдоль холмовъ и ущелій, фигуры многихъ выползавшихъ людей. Безмолвно принялись они за работу, вытаскивая тѣхъ изъ мучениковъ, которые подплывали ближе прочихъ. Кое-гдѣ неожиданно всплескивала струя подъ крутымъ поворотомъ вылавливаемой добычи; ее вытаскивали на берегъ и тотчасъ опускали въ землю, въ заранѣе приготовленныя, покрытыя вѣтвями и хворостомъ, неглубокія могилы. Работа эта спорилась, какъ привычное дѣло, краткія молитвы сопровождали безобрядныя похороны; кого можно было переловить — перелавливали, остальныхъ напутствовали колѣнопреклоненіемъ.

Караванъ медленно прошелъ, и христіане попрятались. Поплыли опять одиночки, и лунная ночь озаряла ихъ.

* * *

Въ эту самую ночь имѣло мѣсто на Сангаріи одно чудесное свѣтовое видѣніе.

Вотъ что̀ говорили о немъ, когда наступило утро и проснувшіеся люди сошлись. Видѣвшихъ было много; видѣли его въ разныхъ мѣстахъ.

Свѣтилось на рѣкѣ.

Что̀ бы это по ней свѣтиться могло? издали подвигалась, плыла по ней ясная, голубоватая точка.

— Гляди!—шепчутъ на берегу:—видишь?

— Давно вижу.

Ясная, голубая точка приближается, и не только ее по теченію внизъ тянетъ, но и къ берегу, къ той сторонѣ, гдѣ сейчасъ шептались. И все она увеличивается, разрастается въ свѣтовое облачко. Вотъ и пододвинулось облачко къ самому берегу, и точно озарились имъ снизу темныя кущи поникшихъ надъ водою деревьевъ; въ черныхъ вѣтвяхъ ихъ забѣгали лазоревые, зеленоватые огни; средина листвы свѣтомъ пронизывалась, лучи озаряли ее.

И по мѣрѣ того, какъ плыло по рѣкѣ облачко, одно за другимъ освѣщались встрѣчныя деревья; проходило оно — погасали деревья.

— Перекрестись!—шепчутъ опять на берегу.

— Да какъ же это креститься! я не умѣю!—отвѣчаютъ шопотомъ.

Ярко блиставшіе въ лунномъ свѣтѣ по лагерю ѳракійской сотни острія копій, нагрудники и гребнистые шлемы точно померкли, когда сіянье на рѣкѣ приблизилось къ нимъ; слабъ былъ земной свѣтъ воинскихъ доспѣховъ по сравненію съ тѣмъ непонятнымъ лазоревымъ свѣтомъ, который двигался.

Чрезъ нѣсколько времени можно было ясно отличить, что свѣтъ шелъ отъ плывшей по рѣкѣ утопленницы. Не только воздухъ свѣтился вокругъ нея, но сквозила лазурью въ холодную глубину и тихая, еле плескавшаяся вода. Не

трудно было отличить на шеѣ утопленной обрывокъ веревки и на груди наперстный крестъ. Вполнѣ очерчивалось на ней свадебное платье, tunica recta, обшитое по краямъ пурпуромъ и стянутое по поясу широкою шерстяною зоною. Потемнѣло это бѣлое платье, пропитавшись водою, потемнѣлъ и пурпуръ, но отличался все-таки явственно. Узелъ пояса оставался неразвязаннымъ; его, обыкновенно, развязывалъ мужъ.

— Невѣста!—шепнули съ берега.

Мертвая невѣста плыла, лежа навзничь, немного отклонивъ лицо въ сторону; значительную часть своей косы захватила она рукою и придерживала на груди.

Вотъ приблизилась утопленная къ тому мѣсту, гдѣ шептались. Тутъ находились часовые ѳракійской сотни, и свѣтъ, озарившій деревья, быстро перешелъ на нихъ; сначала блеснули металлическіе доспѣхи, но тотчасъ же погасли, затуманились въ необъяснимо ослѣпительномъ сіяніи подплывавшей. Легіонеры, озаренные свѣтомъ, будто горѣли; но самихъ ихъ слѣпило, точно они лишились зрѣнія.

Вотъ - вотъ, казалось имъ, увидятъ они лицо ея; свѣтъ былъ такъ лучезарно - ярокъ; какъ бы ореоломъ какимъ обозначались въ немъ многія звѣздочки; тутъ, тутъ, должно-быть, видно будетъ это лицо!

— Она жива! — почти вскрикнулъ младшій изъ ратниковъ, неожиданно рванувшійся къ видѣнію; могучая рука товарища удержала его.

О, какое это было видѣніе, какое! Въ пытку... на крестъ... на страшныя муки... скорѣй, сейчасъ, хотѣлось бы юношѣ! онъ рванулся еще разъ, его опять удержали.

Не шелохнулась утопленная, ни на мгновеніе не пріостановилась она, уплывая по теченію и унося съ собою оглавіе свѣта.

Отошла она, отодвинулась. Растревоженныя очи легіоне-

ровъ долго оставались объятыми сырою мглою земли съ ея блѣднымъ луннымъ свѣтомъ и ничтожнымъ мерцаніемъ полуночныхъ звѣздъ. Видѣли утопленную и другіе; видѣли ее и христіане въ ущельяхъ; видѣли — разсказали; сложилась легенда.

И сохранилась и сохраняется легенда до-сегодня. Въ безплотныхъ и необъятныхъ сферахъ людской мечты, тамъ, гдѣ не можетъ быть тлѣнія, складывается видѣніе и плыветъ по несуществующей рѣкѣ, какъ и рѣка не существующее! не зная преградъ и времени, является оно, приплываетъ и подъ тяжкіе своды темницы, и въ никогда не умолкающія палаты людей больныхъ духомъ, и въ видѣнія живописца, и въ грёзы опечаленнаго — вездѣ утѣшая, освѣжая, успокаивая. Является это видѣніе и въ смертный часъ человѣка...

Если на лицахъ умершихъ замѣтна иногда улыбка, такъ это потому, что они скончались, увидѣвъ нѣчто подобное. Они рванулись изъ жизни вслѣдъ какому-то видѣнію, рванулись за какимъ-то уплывавшимъ, сіявшимъ ликомъ, и никто не удержалъ ихъ, никто... и они именно этому улыбнулись—и умерли...

~~~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~~~

ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Бронзовые кони. (Времени крещенія Руси.) — Въ скудельницѣ. — Императрица Екатерина II и Кіевскіе угодники.—Исчезнувшій свертокъ.—Коринѳская капитель.—Амазонки.—Боровъ. — Форнарина.— На мѣсто.—Художественныя убійства.—Удивительное приключеніе.— Мечты и выстрѣлы.

БРОНЗОВЫЕ КОНИ.

(Времени крещенія Руси).

И не даромъ приходилъ въ Кіевъ слухъ, что князь Владиміръ скоро возвратится изъ Корсуни! Ждали его съ данью и плѣнниками, а возвращается онъ,—такъ толкуютъ люди, потому что гонцы говорили,—съ княгинею и новую вѣру везетъ. Везетъ онъ съ собою вѣру христіанскую!

Больше всего переполоха и плача поднялось въ Вышгородѣ, Бѣлгородкѣ и селѣ Берестовѣ. Тамъ, перепуганныя слухомъ о новой княгинѣ, сидятъ жены Владиміровы, а числомъ ихъ чуть ли не тысяча!

— Новая вѣра, говорятъ люди, одну жену человѣку даетъ! А куда же мы-то дѣваемся?

— Бывъ княгинями, можемъ ли мы рабынями слугъ княжескихъ стать? Потому что на всѣхъ насъ, на каждую, мужей-князьевъ во всей русской землѣ не наберется!

— Ужъ не креститься ли и намъ, сестрицы? — говорятъ между собой жены княжескія.

— А и вправду, станемъ креститься!

Такъ ворковали горлицы въ Вышгородѣ, Бѣлгородкѣ и Берестовѣ, и многія готовы были креститься въ ту новую вѣру, которую привезутъ и которая одного мужа даетъ.

Со страхомъ и недоумѣніемъ ожидали возвращенія Вла-

димірова старые люди земли русской, поветшалые богатыри, не могшіе слѣдовать въ Корсунь съ дружиною; злобствуя, оттачивали волхвы свои ножи жертвенные.

— Ужъ куда-то вы, ножи, дорогу найдете?—приговаривалъ не одинъ изъ нихъ.

Ничего не говоритъ, насупился, возвышаясь на горѣ Днѣпровской, главный богъ Перунъ...

Наступилъ день возвращенія Владимірова.

Ждутъ его! Народъ по берегу разсыпанъ, по горамъ кіевскимъ лѣпится, а яркое полуденное солнце по народу, какъ по пестрому ковру, играетъ. Перуну видно съ горы дальше всѣхъ. Высоко поднимается онъ на желѣзныхъ ногахъ своихъ; кругомъ высокаго тѣла юркія ласточки снуютъ, вокругъ могучихъ плечъ рѣютъ, кружатъ, пощебетываютъ. На Перунѣ искусно подѣланная дубовая одежда; она спадаетъ глубокими складками по чресламъ. Въ рукѣ у него большой камень; на одеждѣ, будто цвѣты, карбункулы и рубины расцвѣли, и блестками и искорками поигрываютъ въ пламени горящаго передъ нимн неугасимаго костра.

Неугасимый костеръ виденъ въ темныя ночи издали. Днемъ синій дымъ надъ нимъ или столбомъ стоитъ, если тихо, или на сторону подъ вѣтромъ гнется, въ складки идолища заходитъ, коптитъ ихъ, а нѣтъ—такъ длиннымъ языкомъ съ горы къ самому Подолу тянется, будто воды днѣпровской испить хочетъ.

Стоитъ Перунъ, насупился! Видитъ: точно, ладьи княжескія вдали пестрѣютъ. Многое слыхалъ онъ за послѣднее время, особенно сегодня, съ утра, на своихъ желѣзныхъ ногахъ стоя. Яркое солнце перевалило за полдень, стало переходить съ лѣвой на правую сторону Днѣпра. Въ накалявшіеся съ утра буераки, котловины и измоины горъ кіевскихъ залегли первыя прохладныя тѣни. Стало остывать и обличье Перуна, обращенное къ востоку; началъ

нагрѣваться правый бокъ его. Такъ ему жарко, такъ жарко, что мѣстами по складкамъ одежды смола проступила.

Не плачетъ Перунъ, какъ женщины въ Вышгородѣ и Берестовѣ; не готовится онъ въ христіанскую вѣру перейти, чтобы одну жену имѣть, а мрачно выпучилъ большіе глаза и смотритъ на свой Кіевъ и безконечное Заднѣпровье.

— А ужъ что̀ мы съ тобою,—думаетъ Перунъ:—далекій новогородскій братъ мой, котораго Добрыня надъ Волховомъ поставилъ, что̀ мы съ тобою дѣлать теперь будемъ? Совлекутъ насъ съ тобою, въ щепы разобьютъ... вотъ что̀!

О своемъ далекомъ братѣ вспомнилъ Перунъ, какъ это всегда въ тяжелыя минуты бываетъ. Смотритъ идолище тусклыми глазами со своей высокой подставы, видитъ, рядомъ, совсѣмъ подлѣ, внизу, дворъ Владиміровъ раскинулся. Глядитъ Перунъ во внутрь двора: сѣни рѣшетчатыя, сѣни косящатыя, терема златоверхіе, переходы да крыльца. Видитъ онъ, какъ люди по двору снуютъ, князя ждутъ, прибираются; вездѣ они по сѣнямъ, горницамъ и помостамъ бѣгаютъ; ковры таскаютъ, должно-быть, въ княжескую опочивальню, въ одрину, потому что княгиня съ нимъ ѣдетъ!

— Разметалъ бы я тебя, дворъ княжескій, и васъ, терема златоверхіе, и тебя бы, самоё княгиню, въ воздухѣ унесъ,—думаетъ Перунъ...

И все ему яснѣе и яснѣе, какъ по Днѣпру множество судовъ подплываетъ. Кіевъ, залитый солнцемъ, лежалъ въ тѣ поры по горамъ и предгорьямъ—весь деревянный. Коегдѣ, повыше прочаго, поднимались знакомые Перуну меньшіе братья его, другіе боги: Дажбогъ, Стрибогъ, Макоша, а рядомъ съ ними ихъ особыя капища, ихъ кровы, одѣтые гонтомъ, будто змѣиными чешуйками.

О золотыхъ маковкахъ кіевскихъ въ тѣ дни еще и помину не было; только и было блеску въ небѣ, что̀ серебряная голова и золотые усы Перуновы. И на него, на

Перуна, еще молятся, и ему еще и костеръ горитъ. По Заднѣпровью и подлѣ разстилались дубовые лѣса зеленымъ океаномъ-моремъ... То-то была въ нихъ охота!..

— Вонъ тамъ, — думаетъ Перунъ: — подальше на горѣ, князь Аскольдъ погребенъ, а тутъ, ближе, Диръ покоится. Помню я ихъ обоихъ, помню тризны, помню! Первыми они тутъ были у меня вѣрными слугами. И много ихъ имѣлось вѣрныхъ слугъ; богатырскому складу сѣмя не изводилось; они, что листва по зеленымъ дубравамъ, весной нарождались. Помню я и могучаго Хорива; онъ тутъ на Хоревицѣ жилъ! Братьевъ его Щека и Кія тоже помню... и сестру ихъ, прекрасную Лыбедь...

Того мѣста, гдѣ жила Лыбедь, Перунъ видѣть не могъ, потому что стоялъ онъ лицомъ къ Днѣпру, а Лыбедь-рѣчка, и понынѣ, по ту сторону кіевскихъ горъ пробирается. А не прочь бы былъ Перунъ посмотрѣть въ сторону Лыбеди! Нравилась ему княжая сестра, Лыбедь прекрасная, когда она къ нему жертвы приносить подходила. И такъ ясна она ему на его памяти, такъ ясна...

А княжескія ладьи тѣмъ временемъ то и дѣло подплываютъ.

Собрались на берегъ всѣ, кто могъ, отъ мала до велика. Много имѣлось оставшихся въ Кіевѣ ратныхъ людей, а ужъ о христіанахъ, которыхъ расплодилось тоже довольное число, нечего и говорить—тѣ всѣ прибѣжали.

Подплываютъ кораблики, стали выгребать къ берегу. Кто раньше пришелъ, тотъ дальше проѣхалъ, чтобы заднимъ не мѣшать; начали причалы забрасывать, сходни устраивать.

Поднимались дружины княжескія на ладьяхъ со скамеекъ, становились однѣ подлѣ другихъ. Отъ пошевеливанья стальныхъ кольчугъ и юшмановъ, отъ острыхъ шеломовъ и ерихонокъ, отъ круглыхъ мисюрокъ у людей въ

глазахъ рябитъ и отъ блеску солнечнаго мелкія солнца ходятъ. Сіяютъ бердыши чеканны и острія рогатинъ; отливаютъ разными цвѣтами налучины и колчаны, туго набитые стрѣлами: видно, что ихъ не всѣ разстрѣляли, домой привезли.

До княжеской ладьи еще далеко, но и на причалившихъ кіевскіе люди глядятъ—не насмотрятся и дивуются многому новому, незнакомому. Больше всего поражены кіевляне стоящими на четырехъ ладьяхъ четырьмя мѣдными конями! Крупныя очертанія могучихъ коней, установленныхъ въ прочныя, деревянныя подставы, высоко поднимались надъ бортами лодокъ и своею неподвижностью, своимъ желтымъ, мѣднымъ блескомъ рѣзко выдѣлялись по стальному, подвижному огню двигавшихся дружинъ.

Съ другихъ ладей виднѣлись разные сосуды, ларцы, виднѣлись какіе-то какъ бы истуканы человѣческаго подобія. И всего этого было много, много! Никогда ничего схожаго съ этимъ не видали на берегахъ кіевскихъ.

Но больше всего глазѣли люди все-таки на мѣдныхъ коней; точно дѣти малыя игрушками любовались.

— Это, должно-быть, къ новой вѣрѣ!—говорили въ толпѣ

— Лошади-то!

— А почему жъ бы и нѣтъ! Кони богатырскіе! Какъ-то ихъ только сгружать будутъ?

Дивовались люди и перешептывались.

Тѣмъ временемъ ладьи продолжали устанавливаться, одна подлѣ другой, носами къ берегу. Точно глазами человѣческими взглядывали онѣ на родной имъ берегъ, чуть повертывались къ нему, потому что на каждой изъ ладей было подѣлано по два большихъ глаза, обведенныхъ крутыми бровями; глаза были изъ рыбьяго зуба, а бровями служили всякіе темные звѣриные мѣха, полосками наколоченные. Глядѣли ладьи этими глазами своими на Кіевъ, на его предгорья, на то, какъ высаживались люди: кто пришелъ

отца родного встрѣтить, кто брата, а кто и другого кого, милѣе! Пошли бы тутъ разные разговоры, да нельзя: княжеская ладья приближается.

И точно: ладья Владимірова, многимъ повыше прочихъ, многимъ фигурнѣе, чуть не вся въ золотѣ, съ высокимъ чердакомъ надъ кормою, круто дала руля къ берегу. За нею, почти вплотную, повернула другая ладья. Гребцы дружно ударили веслами, и обѣ онѣ, обрамляясь бѣлою пѣною, набѣжали быстро чуть не на самый берегъ.

Тутъ только разглядѣли толпы народа своего князя со знакомыми имъ богатырями и съ другими людьми, незнакомыми имъ вовсе, ни по складу, ни по одеждамъ.

— Это кто же такіе?—спрашиваютъ въ толпѣ.

— Это іереи! — отвѣчаютъ бывальцы константинопольскіе, которыхъ въ Кіевѣ имѣлось много и которые на этотъ случай своими объясненіями дѣйствительную службу служили.

— Это, значитъ, новой вѣры жрецы?

— Да, такіе же,—отвѣчаютъ имъ бывальцы:—какъ и у насъ тутъ въ Кіевѣ водятся, только что одеждами побогаче, да поосанистѣе ихъ будутъ, но того же рода!

Дѣйствительно, Константинополь показалъ тутъ свой товаръ лицомъ: златотканныя ризы, фелони, стихари, осыпанныя каменьями митры казались пламенемъ рядомъ съ черными власяницами и высокими клобуками бородатыхъ монаховъ, между которыми виднѣлся и Анастасъ, помогшій Владиміру взять Корсунь. На высокихъ древкахъ качались надъ ними тяжелыя хоругви; въ рукахъ блистали иконы; высился большой, обложенный золотомъ, крестъ; несли какіе-то богатые ларцы, каменьями осыпанные.

— Въ ларцахъ,—объяснялъ людямъ одинъ изъ молодыхъ дружинниковъ, принявшихъ Христову вѣру: — мощи Климента и Фива обрѣтаются.

— А что это такое мощи?

— Нетлѣнныя тѣла.

Все это видѣли, разглядѣли кіевляне и объяснили себѣ и другимъ по-своему. Въ совершенно новыхъ для нихъ впечатлѣніяхъ перепутывались заодно и золото ризъ, и хоругви, и мѣдные кони, и чернота монашескихъ власяницъ, и облики богатырей, и золото ларцовъ и сосудовъ.

Но когда надъ этою помѣсью невиданныхъ дотолѣ предметовъ, надъ ризами, митрами и иконами, надъ воинскими кольчугами и ерихонками, бердышами и рогатинами, мерцавшими въ яркомъ солнечномъ блескѣ, нежданно для всѣхъ раздалось стройное духовное пѣніе, — разспросы прекратились: у людей духъ захватило—они слушали...

Владиміръ вступалъ, крещеный, на свою, еще не крещеную, землю! Творя крестное знаменіе, держа лѣвой рукою княгиню Анну, онъ сходилъ по сходню съ высокаго чердака ладьи своей. Сойдя на берегъ, князь отвѣсилъ низкій поклонъ и городу, и людямъ.

О черныхъ кудряхъ Владиміровыхъ, о которыхъ поется въ пѣснѣ, къ тому времени не было уже и помину: богатая сѣдина оснѣжила и ихъ, и бороду. На князѣ одѣтъ былъ малиновый бархатный полукафтанъ, поверхъ котораго, широко охвативъ станъ по поясу, покрывъ всю грудь и уходя верхомъ подъ бороду, сіяло, какъ бы искрилось, золотое зерцало. На головѣ его виднѣлась синяя бархатная шапка, обшитая грановитою канителью. Подпушка, проглядывавшая изъ-подъ полукафтанья, была желтая. За княземъ несли его шестоперъ и мечъ: не въ воинскихъ же доспѣхахъ было ѣхать ему дальнимъ воднымъ путемъ отъ греческой Корсуни.

Если бы кіевляне понимали ясно все то, что передъ ними происходило, и подробно разглядѣли князя, они бы замѣтили на зерцалѣ его изображеніе православнаго креста.

Но у людей глаза разбѣгались: они этого не замѣтили, потому что подлѣ князя шла его княгиня, царевна Анна, окруженная царьградскими придворными и духовенствомъ, прибывшими съ нею.

Богато одѣтъ былъ князь, но совершенною невидалью была молодая княгиня!

Роскошная платна изъ бархата «жаркаго цвѣта» съ травами, съ горностаевымъ исподомъ, со всѣмъ ея приборомъ, была какъ бы блесткой, искоркой богатой Византіи, кинутой на зеленый берегъ Днѣпра! Оба края платны, отъ шеи до низу, были застегнуты финифтяными пуговицами съ крупными жемчугами, и вдоль нихъ, по всему низу и вкругъ широкихъ рукавовъ одежды, шелъ узоръ, низанный жемчугомъ. На головѣ княгини блистала корона; широкая жемчужная поднизь шла отъ нея, обрамляя молодое лицо и падая на плечи. Сама княгиня, ея одежда, ея корона, ея придворные — являлись кіевлянамъ очертаніями неслыханными, негаданными.

Положивъ низкій поклонъ, Владиміръ и княгиня, сойдя со сходня, приложились ко кресту и медленно двинулись въ гору, ко двору своему, предшествуемые духовенствомъ и окруженные ближайшими своими людьми. Духовное пѣніе сопровождало ихъ...

Это были далекіе - далекіе годы нарожденія словесъ и замышленіи Баяна!

Это было такое далекое время, что не рокотали еще вѣщія струны самого Баяна, еще не пускалъ онъ по нимъ, будто десять соколовъ на стадо лебединое, пальцевъ своихъ! Глубоки были омуты Днѣпровскіе и великое княженіе русское только-что начиналось.

И видѣлъ все это съ высокой горы своей Перунъ, окруженный своими жрецами. Отличилъ онъ и князя, и княгиню; слышалъ непонятное ему пѣніе; замѣтилъ того и

другого изъ старыхъ богатырей... Позже былина помянетъ всѣхъ этихъ богатырей, да только за древностью времени именами перепутаетъ. Скажетъ былина: что шелъ тутъ въ гору дядя княжой—знаменитый Добрыня Никитичъ, шелъ Илья Муромецъ, мощи котораго въ Кіевѣ почиваютъ; шелъ хитрый человѣкъ Алеша Поповичъ, всѣ подъ своею силою перекачиваясь, побрякивая ратными доспѣхами неполнаго прибора, потому что, опять-таки, они, какъ и князь, въ пути были и полнаго прибора не одѣвали.

Они ли, точно, шли, или шли тутъ другіе—это не ясно, но что тутъ уже тогда имѣлись на-лицо люди со всей Русской земли, отъ Рязани и Суздали, отъ Новгорода и Краснаго Галича — такъ это вѣрно. Тяжело было богатырямъ идти въ гору, но они поднимались, шли за княземъ.

Имъ навстрѣчу потянуло вѣтромъ отъ Перунова костра. Запахло гарью.

Вотъ и вершина горы, и Перуново идолище высится, а кругомъ него жрецы вереницей стоятъ и не знаютъ, что̀ имъ дѣлать, какъ имъ быть слѣдуетъ? Больше идола своего очами сверкаютъ; слышатъ они духовное пѣніе и злобствуютъ! Въ ножи бы ударили, да дружина сильна, богатырей много. Стоятъ, молчатъ.

Прошли люди съ иконами, ларцами и хоругвями мимо жрецовъ, мимо истукана и капища къ двору Владимірову. Только стали въ него втягиваться, какъ князь рѣшилъ остановиться: онъ захотѣлъ народу слово молвить. А народу кругомъ—что̀ бисеру.

Чуть остановились—солнце блеску прибавило, распалило, разожгло доспѣхи ратные. Тихо было вѣянье голубого вѣтра днѣпровскаго, и только костеръ передъ Перуномъ потрескивалъ, но ясныхъ, понятливыхъ словъ князя заглушить не могъ.

Владиміръ, оставивъ руку княгини и отойдя немного въ

сторону отъ нея, стоялъ передъ Перуномъ одинъ-на-одинъ; будто глазами другъ друга помѣривали — Перунъ и Владиміръ-князь!

Любили пращуры Русской земли толковое слово. Если не лгутъ былины и сказки, то они даже очень много говорили, а говорившихъ неговорившіе слушать умѣли. Какъ же было ласковому Владиміру-князю, да при такомъ особомъ случаѣ, своего слова не держать?

— Извѣстно и вѣдомо вамъ, народъ кіевскій, — заговорилъ князь: — что давно искали мы вѣры истинноіі, и что много приходило къ намъ посланцевъ, гонцовъ отъ разныхъ вѣръ, и что всѣхъ ихъ мы выслушивали и своихъ людей присмотрѣться посылали. Не истинный богъ этотъ, — продолжалъ Владиміръ, обративъ лицо къ Перуну:—самъ я его ставилъ, самъ изукрасилъ, самъ и сниму...

Многія тысячи глазъ князю вслѣдъ обратились на Перуна; ничего не отвѣтило идолище, только между жрецами его безмолвное движеніе пробѣжало, да тотчасъ же и замерло.

— На что было намъ рѣшиться и какую вѣру взять,— продолжалъ Владиміръ-князь:—указала мнѣ еще бабка моя, представльшаяся княгиня Ольга. Отъ Царьграда должна была быть наша вѣра, и мы сами пошли и взяли ее. Благодарственно пріялъ я и жену мою, царевну Анну, отъ рукъ императоровъ, братьевъ ея, и быть ей, отнынѣ, надъ вами и надъ всею Русскою землею великою княгинею. Свадебнымъ подаркомъ отдали мы Корсунь, который мы завоевали! Дары же императорскіе передъ вами: эти иконы святыя, эти хоругви и ларцы съ нетлѣнными мощами, о которыхъ вамъ повѣдаютъ, и эти сосуды, и драгоцѣнности, и мѣдные кони, что на лодкахъ нашихъ даже отсюда виднѣются!

Обождавъ немного, какъ бы сказавъ тѣмъ народу: смотрите и видите!—князь Владиміръ заговорилъ снова:

— Рѣшено теперь нами, намъ вслѣдъ, крестить и всю Русскую землю. Капища боговъ языческихъ будутъ разрушены; истуканы сокрушены... Не велимъ мы сдѣлать этого сегодня, дабы не нарушить погромомъ и пламенемъ мирнаго христіанскаго прибытія нашего, но мы сдѣлаемъ это; а какъ и гдѣ креститься народу нашему, будетъ обсуждено и исполнено, какъ тому подобаетъ... Костеръ этотъ, — завершилъ рѣчь свою Владиміръ, протянувъ въ сторону Перуна руку:—погасить!

Онъ замолчалъ и, снова взявъ княгиню, пошелъ слѣдомъ за шествіемъ. Медленно, величаво, будто волною радужной, всякими разноцвѣтными блестками разукрашенной, подвинулось шествіе во внутренность широкаго княжаго двора.

Ни однимъ звукомъ не отвѣтила на слова князя толпа народа, вплотную насѣвшая на окрестность, но въ глубокомъ молчаніи, встрѣтившемъ ихъ, сказывалась не одна только покорность; въ любопытномъ смотрѣніи на то, чтò происходитъ, лежала не одна только дѣтская простота; да и далеко и не вся дружина княжеская была крещена; да и не всѣ крещеные сердцемъ къ новой вѣрѣ лежали! И много было жрецовъ, и всѣ они были великою силой.

Узкой-узкой полоской, отъ Кіева на Новгородъ, только мало-по-малу стала просачиваться по Россіи, еще ранѣе словъ Владиміра, христіанская вѣра; она шла по старому, торному пути варяговъ, и шла очень туго, очень медленно.

Но костеръ передъ кіевскимъ Перуномъ потушенъ въ тотъ же вечеръ.

Когда погасъ костеръ, непривычная блѣдность обуяла идолище... Впервые освѣтился онъ въ ночи не полымемъ огня, а безтрепетнымъ луннымъ свѣтомъ.

— Лыбедь, Лыбедь, гдѣ-то ты, моя Лыбедь прекрасная!— думалъ Перунъ.—Хоть бы мнѣ еще разъ въ твою сторону взглянуть, посмотрѣть!

Думая такъ, Перунъ и не зналъ, что это желаніе его скоро исполнится, потому что его потащутъ къ Днѣпру задомъ напередъ и очами своими обернется онъ въ сторону Лыбеди.

Ночь сошла свѣтлая, благоуханная и прикрыла своимъ пологомъ многія сладкія свиданія вернувшихся съ похода ратныхъ людей, и безконечныя, о всемъ видѣнномъ и слышанномъ, толкованія. Во дворѣ Владиміровомъ давно уже все замолкло; ворота укрѣпили засовами; по вышкамъ размѣстились часовые. Самъ князь оканчивалъ свой день въ тихой бесѣдѣ о страшномъ судѣ съ прибывшими изъ Царьграда іереями. Они ему говорить умѣли, и былъ этотъ предметъ любимою бесѣдою престарѣлаго князя.

А по берегу Днѣпра, въ яркомъ свѣтѣ мѣсяца, подлѣ опустѣвшихъ ладей, глядѣвшихъ съ воды своими уставленными въ рядъ очами, долго-долго толпились разные пестрые люди. Ихъ привлекали сюда, главнымъ образомъ, бронзовые кони. Оставленные, покинутые, молчаливые, съ высокихъ подставъ своихъ, ночью казались они еще выше, еще чуднѣе, чѣмъ днемъ! Они мощно выдвигались изъ опустѣлыхъ лодокъ своими мѣдяными очертаніями, согнувъ крутыя шеи, навостривъ уши и точно вдыхая широкими ноздрями душистый воздухъ безоблачной полуночи. Въ кудрястыхъ гривахъ коней залегли густыя тѣни; блѣднымъ матомъ свѣтились ихъ холки, бедра и круглые, литые, будто взиравшіе глаза.

О томъ, какъ взвезутъ этихъ тяжелыхъ корсунскихъ коней на крутыя горы кіевскія; какъ ихъ на площади стараго Кіева, близъ нынѣшней Андреевской и Десятинной церкви, гдѣ ихъ Несторъ видѣть будетъ, уставятъ; какъ они пропадутъ потомъ куда-то безслѣдно—объ этомъ люди не узнаютъ никогда. Разсказъ о коняхъ жить остается, а несомнѣнный, бронзовый корсунскій конь пропалъ!

ВЪ СКУДЕЛЬНИЦѢ.

Царь Іоаннъ IV Васильевичъ сидѣлъ въ слободѣ Александровской. Страшная опричнина тяготѣла надъ Россіею, особенно надъ Москвою. Въ ближнемъ совѣтѣ царскомъ голосовали Малюта Скуратовъ и Алексѣй Басмановъ, имена которыхъ въ народныхъ пѣсняхъ, неумолчно слагавшихся на крови, стали кличками; дружина царская была набрана не изъ лучшихъ людей, а изъ буйныхъ удальцовъ и распутниковъ. Этими потерянными людьми, виновными въ томъ или въ другомъ предъ правосудіемъ, окружилъ себя царь, въ расчетѣ на то, что, заслоняя ихъ могучею близостью своею, онъ будетъ защищенъ ими лучше всего отъ страшившей его крамолы.

Въ безмолвіи и безсиліи лежала опустѣвшая Москва; златотканымъ вихремъ проносились по ней шумливые, веселые, озорные царскіе люди.

Подлѣ сѣделъ ихъ болтались собачьи головы.

— Это мы грыземъ лиходѣевъ царскихъ!—говорили про себя опричники: песьи головы должны были изображать это.

А съ другой стороны висѣла метла.

— Это мы Русь отъ крамолы подметаемъ!—толковали они.

Налетали царскіе дружинники-опричники къ дьякамъ,

купцамъ, къ знатнымъ людямъ земщины, уворовывали ихъ деньги, сосуды, одежды, брали женъ ихъ себѣ; красивѣйшихъ представляли Іоанну, выѣзжавшему къ нимъ навстрѣчу. Послѣ нѣкотораго времени, эти женщины возвращались отцамъ и мужьямъ. Не одна красавица умирала отъ стыда и горести; надо только припомнить затворническую жизнь русской дѣвушки, ея тихую свѣтлицу, подъ недремлющимъ надзоромъ мамушекъ и нянюшекъ, чтобы понять возможность быстрыхъ смертей всѣхъ этихъ запуганныхъ, поруганныхъ, обезстыженныхъ.

А въ Александровской слободѣ, въ честнòмъ храмѣ Богоматери, гдѣ на всякомъ изъ кирпичей, изъ которыхъ его сложили, изображенъ былъ крестъ, чтобы этими крестами, какъ бы нѣкоею бронею, защититься отъ дьявольскаго навожденія извнѣ, царь съ четвертаго часа утра ходилъ на моленье. Выходилъ съ нимъ самъ Малюта, и гудѣли послушные колокола, сзывали на молитву, а концы веревокъ ихъ мѣдныхъ языковъ покачивали и подергивали не кто другой, какъ онъ, Малюта, и царь Іоаннъ!

И братія шла молиться! какая братія? Далеко не отрезвившись, еле сдерживая на губахъ своихъ развеселую пѣсню и не успѣвъ обтереть съ кинжаловъ крови людей, зарѣзанныхъ за ночь, еще полные богохуленьемъ и виномъ, входили опричники во внутренность храма. Кто бы посмѣлъ не пойти! На головахъ ихъ красовались черныя скуфейки, на плечахъ болтались длинныя монашескія рясы, изъ-подъ которыхъ, вслѣдствіе неувѣренности походки, то и дѣло просовывались шитые золотомъ кафтаны и яркокрасные сафьяновые сапоги.

Царь, отягченный болѣзнью душевною, входитъ въ храмъ, поддерживаемый ближайшими людьми своими. На искаженномъ лицѣ его нѣтъ черты спокойной; трепетъ этого лица значительно усиливается трепетомъ пламени зажженныхъ

въ храмѣ свѣчей. Блѣдность въ лицѣ царевомъ становится еще сильнѣе, потому что пламя свѣчей тоже блѣдно, тоже трепетно.

Ввели царя въ церковь; онъ молится. Служба въ храмѣ идетъ... Звучнѣе другихъ раздается подъ тяжелыми сводами церкви голосъ царя, поющаго или читающаго; отъ земныхъ поклоновъ его остаются знаки на морщинистомъ лбу. Царь то и дѣло кладетъ земные поклоны!

Нѣтъ такой силы воображенія, которая могла бы совершенно наглядно воспроизвести дикую смѣсь представленій въ мысляхъ опричника, стоявшаго въ этомъ храмѣ, послѣ ближайшаго ликованія, и усердно молившагося подъ пѣніе рѣзкаго, нетвердаго голоса царя!.. Мелькаютъ въ его мысляхъ синія очи опозоренной красавицы... иконостасъ съ темными ликами... отзвучія послѣдней пѣсни... дымъ ладана, разъѣдающій глаза... смѣлый прыжокъ лошади, прямо черезъ тынъ, хорошъ онъ былъ! На этотъ разъ, тоже, кинжалъ въ ножнахъ застрялъ... бѣсъ его вѣдаетъ! не чищенъ, заржавѣлъ въ крови... а сегодня ночью опять, пожалуй, будетъ нуженъ... Господи помилуй! Господи помилуй! Госп... двѣнадцать разъ! и пока клубится ладанъ и раздается Херувимская, опричникъ, опустившійся на колѣна, тихонько поднимаетъ руку и, по пути къ совершенію крестнаго знаменія, испытываетъ кинжалъ: вынимается онъ изъ ноженъ или нѣтъ.

— Вынимается! хорошо!—и рука идетъ выше и осѣняетъ могучую, волнующуюся подъ рясою, грудь честнымъ крестомъ...

Въ это страшное время, какъ и во многія страшныя времена на Руси, рядомъ съ яркими, рѣзкими теченіями жизни, записанными въ лѣтопись, шли другія, болѣе широкія, болѣе охватывающія, но темныя, незамѣтныя, едва коснувшіяся пера лѣтописца. Благотвореніе въ самыхъ

широкихъ размѣрахъ, молчаливое, скромное, безпритязательное, разливалось цѣлебнымъ масломъ на широкія, жгучія раны, наносимыя царемъ. Русь, найдя себѣ удивительное воплощеніе въ личности митрополита Филиппа, терпѣла, молилась, надѣялась, но нисколько не останавливалась передъ тѣмъ, чтобы говорить царю правду, чтобы завѣрить его въ томъ, что она, Русь, будетъ терпѣть, какъ терпѣла до сихъ поръ, но что то, что̀ дѣлаетъ царь, все-таки не хорошо и не должно быть дѣлаемо. Русь, увѣренная, какъ и Филиппъ, въ побѣдѣ «невооруженной любви», благотворила тѣмъ больше, чѣмъ больше ее терзали. Если бояръ казнили десятками, то въ одну ночь поднимались, въ память ихъ, обыденныя церкви, распложались клѣти нищихъ, множилось число богадѣленъ, призрѣвали подкидышей; если буйствовали опричники, то воздвигались и высились издавна знакомые на Руси типы: Марка-гробокопателя, боголюбиваго Станилы, нищаго Жгальцо и многихъ несчетныхъ божедомовъ.

Совершенно самостоятельнымъ, единственнымъ является у насъ издревле типъ скудельницъ и особыхъ божьихъ людей, посвятившихъ себя служенію при трупахъ. Въ полный разгаръ опричнины труповъ было довольно, и скудельное поле подъ Москвой населялось особенно быстро.

* * *

Въ слободѣ Александровской, въ одной изъ гридней, идетъ пиръ горой.

Весенняя зорька только-что разгорается за мелкими, косящатыми окнами и бросаетъ первые лучи на золотыя братины и серебряныя блюда, на цѣнные поставцы и ендовы, на развеселыя, пьяныя лица опричниковъ, на золотые кафтаны ихъ. Тамъ на стѣнкѣ кафтанъ пріютился, тутъ на лавкѣ валяется, а здѣсь и съ плечъ богатырскихъ

не совсѣмъ сошелъ, наполовину повисъ, да такъ и остался.

На дворѣ, за послѣднею ростепелью, сбѣжалъ послѣдній снѣгъ; по Москвѣ-рѣкѣ ледоходъ; по небу сизыя, теплыя облачка отъ юга къ сѣверу пробираются.

— Эй, Петка, а Петка!—кричитъ изъ краснаго угла опричникъ, постарше прочихъ, бородатый, смуглый, какъ татаринъ; воротъ рубахи его разстегнутъ; взглянуть на мохнатую грудь—точно медвѣдь обросъ.

— Каково тебѣ Петку?—отвѣчаетъ изъ другого угла тотъ именно, къ кому зовъ обращенъ:—мало ли тутъ Петровъ: называй полнымъ именемъ.

— Ну, ладно! понялъ и такъ, самъ отвѣтилъ... извѣстно: тебя зовутъ!

— Такъ и величай понятливо, если отвѣта хочешь!

— Ну, ладно, боярскій сынъ князь Шустрый, сынъ Михѣевичъ.

— То-то!

— Сочини, голубчикъ Петка, какую бы намъ шутку выкинуть, не спроста объѣздъ какой совершить, а съ новымъ помысломъ? Лучше тебя никто не сочинитъ.

— Сочини! сочини!—загудѣло по сторонамъ.—Пора! утро! коней надо провѣтрить, да и себя продуть!

При этомъ многіе поднялись съ мѣстъ: стали оправляться, кафтаны одѣвать; другіе вытянулись по прилавкамъ, завидя свободныя мѣста. Повалилась гдѣ-то со стола братина; опрокинула скамью; въ одномъ изъ угловъ раздался звучный храпъ.

— Ну, Петка!

Петка сидѣлъ въ раздумьи. Ему что-то не весело. Медъ сыченый и зелено вино подступали къ тяжелой головѣ и клонили ее, не въ примѣръ хуже, чѣмъ когда бы то ни было.

— Али тебѣ чередъ въ церковь съ царемъ идти?

— Нѣтъ!

— А почитай, братцы,—замѣтилъ кто-то:—скоро благовѣстъ начнется?

Отворили окно. Хлынулъ въ него свѣжій утренній воздухъ и одновременно съ этимъ въ гриднѣ сразу водворилось полное, боязливое молчаніе. Вдали, по улицѣ, направлялись къ церковной колокольнѣ, мѣрно ступая одинъ подлѣ другого, въ скуфейкахъ и черныхъ рясахъ, двѣ хорошо знакомыя опричникамъ фигуры: царя и Малюты Скуратова. Поодаль шли кучею, покачивая кафтанами, наброшенными на плечи, ближайшіе князья и бояре. Царя отличить не трудно по стану и по походкѣ: онъ идетъ согнувшись, вынося далеко впередъ голову и ступаетъ тяжело, какъ бы подъ какою-то непосильною, невидимою ношею; длинная трость помогаетъ ему нести эту ношу и ступать; Малюта держится прямо, идетъ бодро, молодцомъ, и трости у него не имѣется.

Вотъ подошли они къ колокольнѣ, и на колокольню взошелъ одинъ государь, сопутствуемый звонаремъ. Малюта и бояре остались у входа.

Едва только ударилъ колоколъ, какъ мало-по-малу изъ-за угловъ улицъ, изъ ближайшихъ домовъ потянулись къ церкви одѣтые въ рясы братья-опричники! Нѣкоторые изъ нихъ прошли мимо отвореннаго окна гридни; не любо было имъ идти въ церковь! перемигнулись, перебросились словечками съ товарищами въ гриднѣ.

— Куда, братцы?—спросили у окна вполголоса.

— Вотъ ужò Петка сочинитъ,—отвѣтили тихо изъ гридни.

Петка, дѣйствительно, тѣмъ временемъ сочинилъ.

— Сѣдлай коней, товарищи! знаю, куда ѣхать. Только чуръ, безъ шума, втихомолку выѣздъ.

Всталъ онъ съ мѣста, тряхнулъ головою и оправился.

— Куда, чортъ, говори?—спросили многіе.

— На скудельницу!—отвѣтилъ Петка.

— А зачѣмъ?

— Сегодня четвертокъ передъ Троицынымъ днемъ, тамъ вотъ мертвыхъ хоронить будутъ; издалека собираются божьи люди, и дѣвки, и жены приходятъ... Ну! поняли?

— Поняли!..

Не прошло и получасу, какъ изъ воротъ слободы, противолежавшихъ царскому дому, выѣхало человѣкъ пятнадцать опричниковъ. Кафтаны на нихъ все золотые, словно одной рукой шитые; шапки горѣли яркими бархатами, отъ свѣтло-бирюзоваго до темно-зеленыхъ; сытые кони, большіе, пѣгіе, рыжіе, сѣрые, тоже пестрѣли подъ высокими сѣдлами и осыпанною бляхами и кистями сбруею. Бляхи сбруи, мечи и кинжалы побрякивали въ ладъ конскому ходу. Казалось, что поднимавшемуся солнцу любо было смотрѣть на эту воинскую красоту, такъ настойчиво старалось оно пронизать своими багровыми лучами глубокую синеву и густоту клубившагося на разсвѣтѣ тумана.

Отъѣхавъ въ молчаніи шаговъ пятьсотъ отъ воротъ, опричники, точно сговорившись, всѣ разомъ стегнули нагайками по конямъ, гикнули, свистнули и помчались знакомою имъ на Москву дорогою.

Застонала не вполнѣ оттаявшая земля.

— Есть короче дорога!—крикнулъ зычнымъ голосомъ чернобородый:—сюда, братцы!

Онъ молодецки шарахнулся съ конемъ въ сторону черезъ плетень, вполнѣ увѣренный въ томъ, что остальные за нимъ послѣдуютъ.

Это такъ и было: точно черти какіе на разгоряченныхъ нагайками коняхъ перемахнули опричники, одинъ за другимъ, а гдѣ и по-трое, черезъ плетень. Какъ разъ на этомъ мѣстѣ, за плетнемъ, чуя себя вполнѣ дома, прижавшись къ нему вплотную, стояли ребятишки изъ ближайшей хаты

и глазѣли. Поворотъ всадниковъ на нихъ былъ совершенно неожиданъ, да и всадники ихъ не замѣтили.

Перемахнулъ одинъ, перемахнулъ другой, третій. Обезумѣвшія отъ страха дѣти видѣли надъ собою животы лошадей, да вытянутыя конскія ноги, сѣрыя, пѣгія, рыжія мелькали надъ ними. Конь подъ Петкою прошелъ ниже другихъ и чуть не тронулъ копытомъ одну изъ дѣтскихъ головокъ.

— Куда, черти, забрались!—промолвилъ Петка, увидавъ дѣтей съ высоты скачка своей лошади.

Дрогнуло у него сердце. Но не оттого дрогнуло оно, что малый ребенокъ отъ него мертвымъ покатиться могъ, а оттого, что вотъ уже сколько времени, какъ его точно преслѣдуютъ какія-то знаменія: и сны тяжелые, и трескъ въ полуночи, и въ ушахъ звенитъ, и постоянно онъ своего убитаго отца передъ собою видитъ.

На одной изъ первыхъ расправъ Іоанновыхъ посаженъ былъ на колъ князь Михѣй Шустрый, все имѣніе отобрано, а сынъ его, онъ, Петка, состоялъ уже въ то время опричникомъ. Проклялъ его отецъ, прокляла мать... а тутъ вотъ предзнаменованія пошли. И самое предложеніе его ѣхать на скудельное поле, пришедшееся товарищамъ по-сердцу какъ новинка, задумано имъ согласно общему складу мыслей. Хватилъ онъ нагайкой и безъ того замыленнаго коня и выругалъ его крѣпкимъ словомъ.

Вдали стало выясняться село Скудельничье. Опричники сдержали коней, чтобы въѣхать въ него незазорно, чтобы люди не разбѣжались. Кони, облитые пѣною, сбились въ одну кучу общую, наваливаясь одинъ на другого, и, по утреннему холодку, поднялся надъ ними плотный столбъ пара, такъ что:

Отъ пару было отъ конинаго
Не видать луча свѣта бѣлаго!

Многія изъ уздечекъ оказались окровавленными; не одинъ новый рубецъ вздулся на круглыхъ бокахъ вѣрныхъ коней...

Далеко не безмолвно было въ это утро въ селѣ Скудельничьемъ; оно дѣйствительно кишѣло пришлымъ народомъ. Въ четвертокъ передъ Троицынымъ днемъ люди добролюбивые сходились сюда отовсюду рыть могилы для странниковъ и пѣть панихиды объ успокоеніи душъ тѣхъ, имя, отчество и вѣра которыхъ были неизвѣстны. Они не умѣли назвать ихъ, этихъ людей, но думали, что Богъ слышитъ и знаетъ, за кого возносятъ молитвы. Впрочемъ, не одни безымянные люди погребались въ скудельницахъ: попаленные молніею, замерзшіе, утопшіе, разбойники, отравленные, самоубійцы, иноземцы, люди, замученные пыткою и умершіе въ темницахъ, въ опалѣ,—всѣ, всѣ свозились сюда, въ ожиданіи погребенія. А мало ли было такихъ и подобныхъ за истекшую зиму? Тѣла доставлялись отовсюду, изъ Москвы и окрестностей, ихъ складывали или во временно вырытыя ямы, или въ убогіе дома, иногда въ подземелья со сводами. Надъ этими временными помѣщеніями ставились будки для чтеній надъ покойниками и особые люди, божьи люди, божедомы шли на службу къ ожидающимъ погребенія. Страшны должны были быть печали того смраднаго времени, которыя люди думали утолить, загасить въ этой близости къ безмолвнымъ гноищамъ; были между чтецами мужчины, были и женщины.

Едва только завидѣли въ селѣ, давнымъ-давно проснувшемся, приближеніе наѣзда опричниковъ, все, что̀ могло, попряталось въ избы; матери особенно усердно загоняли дѣтей.

— Ироды, Ироды ѣдутъ!—говорили они со страхомъ, толкая дѣтей въ подворотни, въ сѣни, въ погреба.

Шагомъ въѣхали опричники въ село; оправивъ шапки и подбоченясь, оглядывали они обезлюдѣвшую улицу.

— Куда же тутъ дальше, Петка?—спросилъ кто-то.

— А вотъ, ужо̀, какъ колодецъ минуемъ, вправо возьмемъ, тутъ въ самое поле къ покойникамъ и выѣдемъ.

Взяли вправо отъ колодца и дѣйствительно выѣхали въ широкое, чистое, безконечное поле. Тамъ и сямъ, по ясной, свѣтлой, мерцающей дали темнѣли будочки, торчавшія надъ временными усыпальницами. Казалось, въ этой безконечности голубыхъ и розовыхъ цвѣтовъ сіяющаго утра не можетъ быть такой близости смерти, гніенія и ужаса, какая была въ дѣйствительности, если бы не вѣтеръ, дувшій опричникамъ прямо въ лицо, полный гнойнаго, тяжелаго смрада; гноища, оттаявавшія въ теплѣ весны, служили источниками этихъ невыносимыхъ повѣтрій. Подлѣ самыхъ скудельницъ и будочекъ, темнѣвшихъ торчками по чистому полю, людямъ, собравшимся на Божье дѣло, спрятаться было некуда: отъ коней не убѣжишь! мелькали монахи, калѣки, нищіе, мелькалъ и темный народъ, и много было женщинъ и дѣвушекъ.

Опричники, сначала по-двое и по-трое, а потомъ и въ одиночку, вразсыпную разъѣхались по полю на смотрины. Петка скорѣе другихъ отдѣлился отъ прочихъ. Глазъ у него былъ зоркій, опытный, завидѣлъ онъ подлѣ одной изъ самыхъ ближнихъ скудельницъ красную дѣвушку. Красивой показалось ему ея осанка; остальное молодецъ дорисовалъ самъ и пустился за нею. Испуганная, юркнула она въ открытыя двери скудельницы и исчезла.

Опричникъ хотѣлъ-было слѣдомъ на конѣ въѣхать: нельзя—о надолбу стукнешься. Передъ конемъ, рѣзко осаженнымъ съ наскока у самой надолбы, шли сходни внизъ, въ подземелье. Петка соскочилъ съ коня, привязалъ его къ суку ближайшаго столбика и началъ спускаться.

Скудельница оказалась обширнѣе прочихъ, она была поставлена по обѣщанію. Широкій каменный сводъ, почти плоскій, покрывалъ собою длинное-длинное логовище, наполненное трупами. Едва не задыхаясь отъ трупнаго запаха и мало-по-малу приглядѣвшись къ потемкамъ, Петка

отличилъ, благодаря свѣту, проникавшему въ раскрытую на сегодня дверь, что подлѣ логовища, вокругъ него, шелъ земляной выступъ, по которому можно было обойти скудельницу.

Дѣвушка скрылась, несомнѣнно, близко, но куда? Петка озирался. Въ ушахъ у него звенѣло, въ глазахъ мутилось отъ невыносимаго запаха гнойнаго воздуха. Такъ какъ онъ остановился недалеко отъ входа, то блескъ золота на его кафтанѣ, оправа меча и кинжала, яркость голубого бархата шапки и красные сапоги должны были броситься въ глаза всякому, если бы тутъ былъ кто живой, въ этой юдоли смерти и запустѣнія. Въ неясныхъ, черныхъ, бѣлесоватыхъ и бурыхъ тѣняхъ выдѣлялись предъ его глазами изъ глубокаго логовища очертанія, когда-то живыя, человѣческихъ тѣлъ, сваленныхъ какъ попало. Онѣ точно напоказъ выставили: кто руку, а кто ногу, а кто и ужасное, невѣроятно искаженное смертью и временемъ лицо. Кровь приливала Петкѣ въ голову все больше и больше; онъ не двигался съ мѣста, задыхался.

— Но куда же дѣвка скрыться могла?—думалъ онъ, и эта упорная мысль, занесенная имъ сюда со свѣжаго воздуха, изъ-подъ солнечнаго блеска, оказывалась самою ясною изъ всѣхъ мыслей его помутившейся головы.

— А! вонъ и божедомка! — проговорилъ онъ вслухъ, отличивъ, наконецъ, шагахъ въ четырехъ отъ себя, сидѣвшую на выступѣ темную, неподвижную женщину:— эта скажетъ мнѣ, куда дѣвка скрылась.

Онъ осторожно отмѣрилъ отдѣлявшіе его отъ нея четыре шага, боясь поскользнуться въ потемкахъ и полетѣть въ логовище, и очутился надъ самою божедомкою.

Женщина сидѣла спиною къ стѣнѣ, охвативъ обѣими руками свои поднятыя колѣни и опустивъ на нихъ голову, точно дыша такимъ образомъ и пропуская смрадный воз-

духъ сквозь гнилые лохмотья одежды; такъ было легче, такъ было возможно оставаться тутъ живымъ и не задохнуться. Подлѣ нея на утесѣ лежала раскрытая книжка, должно-быть, псалтырь; толкнулъ опричникъ божедомку ногою, толкнулъ сильно.

— Эй! тетка!—крикнулъ онъ ей съ сердцемъ.

Женщина только и ждала чьего-либо толчка, чтобы повалиться къ покойникамъ. Какъ была она согнутою, окостенѣвшею, такъ и скатилась, не расправившись, съ неширокаго обхода въ глубину логовища, къ другимъ тѣламъ, на свое мѣсто.

— Проклятая!—промолвилъ Петка, продолжавшій озираться и занятый мыслью о дѣвушкѣ.

Глаза его, привыкшіе къ полумраку, отличили, что въ скудельницѣ имѣлись отдѣльные ходы. Дѣвушка могла скрыться только по тому изъ нихъ, который шелъ вправо; маленькія отдушины, свѣтившія тутъ и тамъ, указывали ему дорогу. Какъ ни шумѣло въ головѣ Петки, какъ ни рокотало въ ушахъ, какъ ни тяжело дышалось ему, но онъ все-таки пошелъ впередъ, обогнулъ одинъ уступъ скудельницы, другой, повернулъ влѣво. Открылось опять широкое логовище, не меньшее перваго. Въ самомъ концѣ его, въ противоположномъ углу, бросилось въ глаза Петки удивительное свѣтовое сіянье...

Забѣжавъ въ уголъ, изъ котораго другого пути, какъ назадъ, не было, дѣвушка остановилась у самой отдушины и издали глядѣла на Петку, неподвижная, чудесная! Сквозь отдушину, обращенную прямо на востокъ, обильнымъ потокомъ вливались румяные лучи утренняго солнца и золотили пламенемъ и багрянцемъ лицо прижавшейся къ углу бѣглянки.

— Красавица!—проговорилъ Петка, точно очарованный этимъ свѣтозарнымъ явленіемъ, возникшимъ передъ нимъ

сразу, поверхъ труповъ и смрада, изъ глубокой тьмы и острыхъ очертаній скудельницы.

Дѣвушка продолжала горѣть радужнымъ свѣтомъ.

— Воздуха, воздуха!—крикнулъ вдругъ, вполнѣ неожиданно, Петка, рвановъ на себѣ, что было силы, воротъ рубахи.

А видѣнье все горѣло, да горѣло, и чѣмъ ярче становилось оно, тѣмъ болѣе затуманивалось сознаніе опричника... Онъ думалъ-было опереться о стѣны, но руки скользнули... подогнулись колѣни и грохнулся онъ на землю, какъ снопъ, и забѣгали быстрые огоньки отраженныхъ лучей солнца по шитому кафтану Петки, растянувшагося мертвымъ во весь молодецкій ростъ вдоль уступа, окружавшаго безобразное логовище... Въ головѣ его никакихъ мыслей больше не нарождалось...

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II

и

КІЕВСКІЕ УГОДНИКИ.

Въ глубокую зиму 1787 года, 29 января, долженъ былъ состояться пріѣздъ въ Кіевъ императрицы Екатерины II. Такъ какъ въ народѣ не знали съ точностью часа пріѣзда, то толпились съ утра. Денекъ былъ морозный, довольно пасмурный. Прошло обѣденное время, близился вечеръ, а государыни все еще не было. Плотнымъ покровомъ снѣга одѣлся Кіевъ, и прихотливыхъ извилинъ Днѣпра какъ бы не существовало. Глубокій снѣгъ, по народнымъ примѣтамъ, обѣщаетъ обильный урожай. На этотъ разъ урожай былъ чрезвычайно желателенъ, потому что минувшій годъ оказался плохъ и безкормица подняла стоимость мяса до цѣны небывалой: до трехъ съ половиною копеекъ за фунтъ.

— Ѣдетъ! Ѣдетъ!—раздалось по толпѣ часовъ около пяти пополудни, одновременно изъ нѣсколькихъ мѣстъ, особенно съ вершины горы.

Толпа зашевелилась.

По льду Днѣпра, въ томъ мѣстѣ, гдѣ упиралась въ него столбовая дорога изъ Москвы и гдѣ лѣтомъ принималъ на себя проѣзжихъ паромъ, положенъ былъ помостъ изъ брусьевъ. Зеленыя вѣтви сосны служили ему перилами;

вдоль нихъ, во всю длину, стояли матросы съ офицерами, въ зеленыхъ одеждахъ и красныхъ воротникахъ. Поѣздъ императрицы замѣтили въ толпѣ задолго до того, какъ ему спуститься на помостъ; издали, сквозь сгущавшіяся сумерки, мало-по-малу выяснялся онъ и наконецъ приблизился.

Двухмѣстную, парадную карету императрицы, въ которую она пересѣла за нѣсколько верстъ до Кіева, опережали придворные на коняхъ; непосредственно за каретою ѣхала верхами же свита и, наконецъ, несся лейбъ-кирасирскій полкъ, въ полномъ его составѣ. Едва только въѣхала государыня на правый берегъ Днѣпра, какъ грохотъ брусяного помоста, подъ многими сотнями конскихъ подковъ разносившійся по свѣжему, зимнему воздуху чрезвычайно явственно и на далекое разстояніе, совершенно покрылся трескомъ барабановъ, рокотаньемъ трубъ и литавровъ, грохотомъ пушекъ съ крѣпости и необычайнымъ, неумолчнымъ кликомъ народа.

Императрица направилась прямо въ Печерскую лавру. Три тріумфальныя арки проѣхала она по городу, и въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ встрѣтили ее власти, военныя и административныя, войтъ съ гражданами, дворянство, земледѣльцы; чрезвычайно характерно смотрѣли малороссіянки мѣщанскаго и купеческаго сословія: у женщинъ на головахъ были кораблики, у дѣвушекъ цвѣты; еще характернѣе оказались мѣщане и купцы съ ружьями и значками ихъ обществъ, раздѣленные на цехи, нѣчто въ родѣ блаженной памяти итальянской чивики или французской національной гвардіи.

Холодъ былъ чрезвычайно рѣзокъ, такъ что дамы, ожидавшія императрицу въ лаврѣ, стояли въ шубахъ; имъ пришлось сбросить ихъ при входѣ государыни. Встрѣченная духовенствомъ, при оглушительномъ колокольномъ звонѣ и залпахъ изъ крѣпости, императрица подошла поклониться

лаврской святынѣ, подъ руку съ графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ.

Иллюминація города еще не отгорѣла, когда государыня, во дворцѣ своемъ, сыгравъ обычную партію въ карты отправилась почивать.

Съ пріѣздомъ государыни начался длинный рядъ духовныхъ и свѣтскихъ празднествъ, вошедшихъ, такъ сказать, въ норму съ 3 февраля, со дня прибытія свѣтлѣйшаго князя Потемкина. Наѣхало въ Кіевъ много вельможныхъ поляковъ: Сапѣги, Любомірскіе, Браницкіе прибыли задолго до государыни, съ цѣлыми штатами прислуги; у одного Потоцкаго свита состояла изъ двухсотъ человѣкъ, и молодыя польскія дворянки носили за графинею шлейфъ ея платья.

Для увеличенія свиты русской государыни, замѣчаетъ современный авторъ одного изъ дневниковъ, въ Кіевъ явились разные искатели счастія, прибыли принцы де-Линь и Нассау, а вслѣдъ за ними испанскій графъ Миранда—большой пройдоха, котораго, однако, скоро удалили. Балы, маскарады, куртаги, фейерверки, обѣды чередовались безустанно; плясали подъ оркестръ духовой музыки графа Румянцева.

Кіевъ въ тѣ дни, т.-е. сто лѣтъ тому назадъ, былъ весь деревянный. На всемъ Печерскѣ имѣлся одинъ только каменный домъ, не исключая императорскаго дворца и дворца графа Разумовскаго; грязь по улицамъ, при оттепели, особенно на Подолѣ, лежала невылазная, что̀ нисколько не мѣшало пиршествамъ.

Императрица находила время на все: она слѣдила за ревизіями судовъ и правленій, производимыхъ подлѣ нея сенаторами; занималась пересмотромъ безчисленныхъ тяжбъ, послѣдствій исторически сложившихся мѣстныхъ привилегій, утвердила новый планъ Кіева и образовала кіевскую гу-

бернію, назначивъ праматерь городовъ русскихъ губернскимъ городомъ.

Но вечеромъ, — вечеромъ у императрицы должна была быть своя партія въ карты, въ ламушъ; чаще прочихъ играла она съ свѣтлѣйшимъ Потемкинымъ, съ графомъ Мамоновымъ и австрійскимъ посломъ графомъ Кобенцелемъ.

Въ годъ посѣщенія Кіева миновало ровно четверть вѣка со времени воцаренія государыни. Это было блестящее время ея царствованія. Сама она находилась въ полной силѣ всѣхъ своихъ дарованій и въ полномъ сознаніи себя царицею русскою. Лучшимъ доказательствомъ того, что знаменитое путешествіе ея на югъ Россіи являлось не простою прогулкою для удовольствія, а дѣломъ, служитъ продолжительность ея пребыванія въ Кіевѣ: она провела тутъ безъ малаго три мѣсяца.

Прошелъ великій постъ, государыня отговѣла и близилось время отъѣзда. Днѣпръ вскрылся, и флотилія, приготовленная для дальнѣйшаго путешествія по Днѣпру у Выдубицкаго монастыря, ожидала; она обошлась до двухсотъ тысячъ рублей.

17 апрѣля, въ виду близкаго уже путешествія, императрица цѣлый день отдыхала. Вечеромъ, по призыву ея, собрались ея обычные партнеры для игры въ карты, графы Кобенцель, Мамоновъ и Сегюръ. Приглашенные толковали о чемъ-то въ большой гостиной, а императрица сидѣла въ смежной съ нею малой гостиной, на софѣ, подлѣ раскрытаго карточнаго стола, и читала какія-то письма.

Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, какъ это всегда бывало, заставилъ себя ожидать, но, наконецъ, явился и прошелъ прямо во вторую гостиную.

— Мой свѣтлѣйшій никогда не опаздываетъ!—милостиво сказала императрица, завидѣвъ его въ дверяхъ и отклады-

вая письма. — Онъ попрежнему, — продолжала она, улыбаясь: — парадныхъ костюмовъ не любитъ!

Рослая, немного одутловатая фигура Потемкина сіяла въ новомъ атласномъ камзолѣ стального цвѣта. Цѣнныя, густо собранныя въ складки, кружева, обрамляя его плотную шею, спускались цѣлымъ водопадомъ по прорѣзи жилета, на высокую грудь и выглядывали изъ-подъ рукавовъ. Натуральная желтизна кружевъ, свидѣтельствовавшая издали объ ихъ цѣнности, проступала особенно рѣзко по стальному цвѣту атласа, по близости къ бѣлой, какъ снѣгъ, пудрѣ головы. На пальцахъ рукъ князя, на пуговицахъ, на пряжкахъ башмаковъ поблескивали алмазы.

На Екатеринѣ виднѣлся зеленый шелковый распашной капотъ; волосы ея были причесаны чрезвычайно низко; съ лѣвой стороны головы была приколота брильянтовая, при малѣйшемъ движеніи дрожавшая, «тросявка».

Подойдя къ рукѣ императрицы, свѣтлѣйшій отложилъ шляпу и взялся за карты, не ожидая дальнѣйшаго приглашенія.

— Откуда кружева, князь? — спросила императрица: — опять съ курьеромъ?

— Съ курьеромъ изъ Парижа.

— И дорого они стòятъ?

— Гораздо меньше, милостивая государыня, чѣмъ я бы могъ, по твоимъ благодѣяніямъ, тратить.

Императрица не отвѣтила ни слова, но улыбнулась.

— Вотъ еще письмо отъ короля,—проговорила она, указывая на одинъ изъ конвертовъ: — онъ опять проситъ, не позволю ли ему пріѣхать?

Король польскій Станиславъ Понятовскій, зная о пребываніи государыни въ Кіевѣ, дѣйствительно неоднократно присылалъ съ этою цѣлью многихъ господъ изъ своей свиты, но его предложенія постоянно отклонялись.

— Что же, государыня, разрѣши?

— Свѣтлѣйшій, ты неискрененъ,—возразила Екатерина.— Ну, пригодно ли это будетъ? вѣдь тутъ и такъ вся польская знать присутствуетъ. Это выйдетъ, что какъ будто власть къ власти пріѣзжаетъ, а это непригоже, и то, что̀ на самомъ дѣлѣ есть, на-выворотъ покажетъ.

— А ты, государыня, графа Кобенцеля, австрійца, объ этомъ спросила бы, да и сдѣлала бы какъ разъ иначе, чѣмъ онъ скажетъ. Вышло бы хорошо.

— Онъ, думаю, посовѣтуетъ допустить его.

— А ты, государыня, возьми да и откажи.

— Быть по сему,—отвѣтила императрица, улыбнувшись:— а теперь и за карты можно!

— Два слова еще, милостивая!

— Говори, князь!

— Вѣдь вотъ намъ ѣхать скоро надо; щедротъ твоихъ много роздано—и денегъ, и подарковъ, а вѣдь угодниковъ кіевскихъ ты и забыла.

— Точно ли забыла, князь?

— Сколько я про то вѣдаю...

— Ну, въ такомъ случаѣ быть тебѣ, свѣтлѣйшій, завтра, по нашему высочайшему повелѣнію,—въ Печерской лаврѣ утромъ, къ одиннадцати часамъ,—перебила князя государыня, чрезвычайно довольная чѣмъ-то:—а теперь поди позови австрійца и нашихъ съ нимъ.

Нѣсколько минутъ спустя, партнеры сидѣли на своихъ мѣстахъ, и государынѣ пришлось сдавать первой.

Потемкинъ былъ вообще довольно разсѣянъ. Ему и въ голову не пришло подумать о томъ, почему императорскому величеству угодно было повелѣть ему быть утромъ въ лаврѣ.

Въ лаврѣ, на утро, собралось народу видимо-невидимо. Всѣ знали, что императрица слушаетъ обѣдню въ большой

церкви Печерскаго монастыря; знали, что она скоро отбудеть изъ Кіева; много было еще не видавшихъ ея, и такихъ не видавшихъ каждый день прибывало. Въ тѣ годы, когда газетъ не существовало, если не считать газетами офиціальныя и академическія вѣдомости и начавшіе нарождаться толстые журналы, слухомъ земля полнилась еще больше, чѣмъ теперь, хотя и медленнѣе. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ пребыванія государыни въ Кіевѣ, куда было не дойти слухамъ? и мощамъ поклониться, и царицу видѣть, чѣмъ не услада? и населился Кіевъ паломниками, сермяжнымъ, лаптевымъ и босымъ людомъ; пришли сами, или принесены, или въ ручныхъ телѣжечкахъ подкатили, всякіе безрукіе и безногіе, калики перехожіе, юродивые и другіе божьи люди.

Лаврская гостиница оказалась переполненною ими; располагались въ садахъ, по переходамъ, по дворамъ, внѣ лавры, въ оврагахъ. Какъ разъ наканунѣ 18 апрѣля, того дня, о которомъ идетъ рѣчь, Богъ вѣсть откуда проникъ вдругъ къ этому божьему народу слухъ о томъ, что государыня, и безъ того щедро одарившая монастыри, монаховъ и богадѣльни, также и святыхъ угодничковъ божьихъ не забыла, новыя имъ покрывала и убранства заказала, и что она завтра эти покрывала смотрѣть будетъ.

Этотъ совершенно справедливый слухъ показался слаще мирры и вина божьему люду. Вовсе неубыточная, но чрезвычайно удачная, мѣткая мысль облачить угодниковъ въ новыя одѣянія принадлежала всецѣло Екатеринѣ. Вотъ почему улыбнулась она наканунѣ этого дня словамъ Потемкина, довольная тѣмъ, что предупредила его и повелѣла ему придти.

Весенній день выдался блестящій, солнечный, теплый. Лаврскіе сады опушились цвѣтомъ вишни и яблони, и мо-

лодая зелень была такая прозрачная, смолистая. Чрезвычайно картинно расположились странники и странницы вдоль изгородей и стѣнъ, въ надеждѣ увидѣть матушку-царицу при выходѣ ея изъ церкви, по пути къ помѣщенію недавно выздоровѣвшаго митрополита Самуила, гдѣ ей должны были быть представлены покрывала и убранства, изготовленныя для печерскихъ святыхъ.

Повидимому, состоялось распоряженіе не гнать со двора паломниковъ, такъ ихъ толпилось невѣроятно много. Группами, пріурочась кто какъ могъ, служа одни другимъ опорою, чуть не сидѣніемъ, громоздились они по сторонамъ пути. Можетъ-быть, императрицѣ угодно было видѣть ихъ, и именно ихъ. Это было взаимно.

— Тутъ, тутъ пройдетъ,—говорилъ колченогій однорукій парень, лѣтъ пятидесяти:—иначе нельзя къ митрополиту ей идти, какъ тутъ.

— Не къ митрополиту пойдетъ, — возразила странница, съ котомкою за плечами:—а къ священно-архимандриту лавры—такъ ему съ прошлаго года прозваніе; не знаешь, такъ и не говори.

— А и митрополитъ тоже остался,—отвѣтилъ колченогій.

— О-о-о! охъ, охъ! — раздалось въ это время подлѣ говорившихъ.

— Чего? Ну? Чего?—спросила странница.

— Придавила... ногу придавила!—отвѣтилъ сосѣдъ съ другой стороны.

Сосѣдъ сидѣлъ на землѣ и осторожно ощупывалъ ногу, толсто обвязанную какими-то грязными лохмотьями; клюка валялась подлѣ.

Въ группѣ этой наступило молчаніе, не прерывавшееся довольно долго, потому что напротивъ нихъ, съ другой стороны дорожки, начался въ это время чрезвычайно любопытный разговоръ, и къ нему стали прислушиваться.

— И случилось это, значитъ, въ самое свѣтлое воскресенье,—объяснялъ сосѣдямъ старикъ-нищій, перебирая въ рукахъ своихъ высокую ярославскую шапку:—въ самую утреню; приходятъ это монахи къ угодникамъ въ пещеру покадить. И говоритъ это одинъ изъ нихъ: святые отцы и братія! сегодня великій день! Христосъ воскресе! Только какъ сказалъ имъ, такъ всѣ угодники мертвые разомъ ему въ одинъ голосъ: «Во-истину воскресе!» отвѣтили...

— А кто-й-то слыхалъ, родненькій?—пробормотала не старая, слезливая нищенка, съ широкимъ, весьма неровно зажившимъ шрамомъ вдоль лѣвой щеки; она подпирала эту щеку одною изъ рукъ, другая поддерживала локоть первой.

— Въ книгахъ написано,—отвѣтилъ нищій съ ярославскою шапкою.

— Въ книгахъ? чудное дѣло, Господи, чудное! спаси насъ, Господи, и помилуй, елико ты еси Господи...

— Ты вотъ, Алипушка,—говорила въ другой группѣ прижавшаяся къ яблонѣ странница, довольно дряхлая, молодому слѣпому парнишкѣ, стоявшему подлѣ нея:—ты лика солнечнаго не видишь, а ужò мы съ тобою къ угодникамъ непремѣнно сходимъ.

— Я хочу къ угодникамъ, тётенька, веди.

— Ужò, погоди, какъ впускъ будетъ. Тамъ и преподобный Алимпій есть, его имя носишь, онъ иконописцемъ былъ. Пишетъ онъ, бывало, икону, къ ночи спать пойдетъ, а на утро, смотритъ, икону-то ангелы и дописали. Мартирій тамъ тоже дьяконъ, который бѣсовъ изгонялъ; Іоаннъ многострадальный, по плечи въ землю вошедшій...

— Какъ въ землю?—спросилъ Алипушка.

— А такъ, какъ жилъ, такъ и оставленъ. Старыя на нихъ, на угодничкахъ, власянички были, такъ государыня-царица сегодня, слышно, отъ милости своей имъ всѣмъ но-

вую одежду справила. Кукша тоже, священномученикъ, тамъ, Спиридонъ...

Едва только назвала странница это имя, какъ стоявшій подлѣ нея, совершенно безволосый, блѣдный, желтый старикъ повернулъ къ ней голову.

— Что̀ Спиридонъ?—спросилъ онъ.

— А тотъ это, родненькій ты мой, Спиридонъ, что̀ по смерти православное крестное знаменіе проповѣдуетъ.

— А какъ это онъ его проповѣдуетъ? — рѣзко спросилъ лысый.

— А вотъ какъ, родненькій ты мой: есть это на Руси у насъ такіе раскольники...

— Какіе это раскольники?—уже съ нетерпѣніемъ спросилъ старикъ.

— Ну какъ ихъ, тамъ, старовѣры, что ли, ихъ звать! Такъ видишь, они въ лжеученіи своемъ къ двухперстному знаменію пріобыкли, а знаменію слѣдуетъ быть трехперстному. Такъ этотъ самый Спиридонъ-просфорникъ какъ умиралъ-то, такъ онъ въ часъ отшествія на себя крестное знаменіе положилъ, да оно и доселѣ на его рукѣ сохранилось... трехперстное!

— Ну такъ что же, что сохранилось!

— А то, что раскольники поучаться приходятъ.

— Нужно имъ приходить поучаться, — злобно отвѣтилъ лысый.—Да ты сама-то видала?

— Видѣла, родненькій!

Лысый почему-то почелъ за лучшее перемѣститься; это былъ дѣйствительно одинъ изъ учителей какого-то толка, пришедшій взглянуть на спиридоновы персты. Онъ нашелъ себѣ новое мѣсто подлѣ безногаго и глухонѣмого, удивительнаго парнишки лѣтъ пятнадцати. У парнишки этого ногъ не имѣлось вовсе, двигался онъ на тазу, подшитомъ какою-то подушкою, и ловко работалъ двумя костыльками,

упиравшимися подъ мышки. Онъ чрезвычайно нервно суетился, боясь, чтобы, при общемъ почти передвиженіи, его какъ-нибудь не оттерли изъ перваго ряда; только такъ и могъ онъ видѣть что-нибудь. Лысый помѣстился за нимъ.

Колокола возвѣстили конецъ обѣдни и между странниками сказалось сильное волненіе. Всѣ глаза устремились въ одну сторону.

Императрица вышла изъ церкви. Она шла первою, одна, впереди длиннаго ряда духовенства, генералитета и придворныхъ; на ней блисталъ кирасирскій мундиръ; андреевская звѣзда и цѣпь ордена сіяли, въ блескѣ солнца, цѣнными брильянтами; маленькая брильянтовая коронка высилась надъ высоко зачесанными волосами; у длиннаго бѣлаго шлейфа шли придворные кавалеры, за ними дамы.

Не безъ цѣли, вѣроятно, хотѣла предстать Екатерина въ этомъ великолѣпіи императорскаго величества толпѣ странниковъ, собравшихся со всѣхъ концовъ русской земли, и ни для чего иного, какъ для того, чтобы почтить угодниковъ, возложила она на себя свои регаліи. Государыня шла медленно, разсматривала и нѣсколько разъ останавливалась по пути подлѣ тѣхъ, кто обращалъ на себя ея особенное вниманіе. Тому, другому сказала она нѣсколько милостивыхъ словъ, приказала раздать денегъ, освѣдомиться.

— Какъ же этотъ-то двигается?—спросила она, завидя глухонѣмого на костылькахъ, сидѣвшаго на тазу и успѣвшаго удержаться на своемъ мѣстѣ, въ первомъ ряду, парнишку.

— Какъ тебя зовутъ?—повторила императрица.

Получеловѣкъ понялъ, что обращаются къ нему, какъ-то весь затрепеталъ и сталъ двигать губами и быстро переминаться, работая костыльками.

Императрицѣ объяснили, что онъ глухонѣмой.

— Пристройте его! — сказала императрица стоявшему

подлѣ нея духовнику своему и прошла далѣе.— Свѣтлѣйшій, дайте мнѣ руку,—сказала она Потемкину, всходя на лѣстницу помѣщенія митрополита: — вамъ сейчасъ будетъ объясненіе моего высочайшаго повелѣнія—быть здѣсь. Неужели не знаете?

Поднялись по лѣстницѣ, вошли въ залу.

Стѣны ея, украшенныя изображеніями почившихъ настоятелей лавры, блестѣли на̀чисто выбѣленныя; солнце сіяло яркимъ блескомъ и тѣмъ рѣзче выдавались въ этомъ морѣ свѣта разложенныя на двухъ длинныхъ столахъ длинныя, черныя одѣянія, назначенныя для угодниковъ; ихъ было счетомъ 106 для мощей открытыхъ. Можно было легко пересчитать ихъ по желтымъ, нашитымъ на нихъ крестамъ и по митрообразнымъ очертаніямъ шапочекъ и каптурокъ. Подлѣ безмолвныхъ черныхъ власяничекъ, императрица, шедшая подъ руку съ Потемкинымъ, въ кирасирскомъ мундирѣ, орденахъ, коронѣ и брильянтахъ регалій, ласково улыбавшаяся, казалась свѣтоносным видѣніемъ. Изготовленныя угодникамъ одѣянія представлялъ ей ея духовникъ; митрополитъ шелъ подлѣ и давалъ нѣкоторыя объясненія.

— Свѣтлѣйшій князь, — замѣтила императрица Потемкину, обойдя всю храмину:—вы видите, что я стараюсь не опаздывать въ исполненіи мною предначертаннаго.

— И ты знаешь, державнѣйшая, лучше насъ, что̀ нужно, и гдѣ что̀ нужно дѣлать, — отвѣтилъ, понявшій смыслъ ея замѣчанія, Потемкинъ.

На пятый день, 22 апрѣля, государыня оставляла Кіевъ. цѣлая флотилія галеръ двинулась по Днѣпру и вице-адмиральскій флагъ поднятъ былъ на галерѣ, назначенной Екатеринѣ и называвшейся «Днѣпръ». Встрѣчали кіевляне государыню въ морозъ, въ глубокую зиму, а провожали въ

ясную, теплую весну. Тотъ же, что̀ и тогда, разносился грохотъ орудій, звонъ колоколовъ, звукъ трубъ, литавръ и барабановъ, и не умолкавшій кликъ разсыпаннаго по берегу, по горамъ и предгоріямъ народа.

Императрица не сходила съ палубы и любовалась чудеснымъ, оживленнымъ видомъ.

По мѣрѣ удаленія флотиліи отъ города внизъ по теченію, рѣдѣютъ толпы по берегу, ихъ все меньше и меньше становится. Послѣднимъ, самымъ послѣднимъ, на мыску, выдавшемся далеко въ рѣку, помѣщался, окруженный нѣсколькими паломниками и паломницами, безногій глухонѣмой получеловѣкъ на костылькахъ. Кто изъ нихъ махалъ шапками, кто крестился; виднѣлись стоявшіе на колѣняхъ и клавшіе земные поклоны. Особенно сильно суетился безногій: онъ выхватилъ изъ-подъ мышки костылекъ и безустанно махалъ имъ, не замѣчая того, что прилѣзъ къ водѣ такъ близко, что Днѣпръ подмывалъ толстую кожу, которою былъ онъ подшитъ и которою бороздилъ когда-то землю и въ Соловкахъ, и на Аѳонѣ, и въ Тихвинѣ.

Императорская галера прошла недалеко отъ мыска и императрица замѣтила странниковъ.

— Отчего же безногаго не устроили?—спросила она, не обращаясь ни къ кому лично и продолжая смотрѣть на него.

— Не хотѣлъ, матушка-царица,—отвѣтилъ ей свѣтлѣйшій князь Тавриды.

И разбрелись вслѣдъ за императрицею тысячи паломниковъ, лучше всякихъ газетъ разглашая, какъ царица божьимъ угодникамъ кіевскимъ власянички новыя шила, и какая она, по этому самому, за богобоязненность свою, великая и свѣтлая. Разсказывалъ бы объ этомъ и безногій человѣкъ, подшитый кожею, да Богъ ему слова не далъ и слухъ прекратилъ.

~~~~~~~~~
~~~~~~~~~

ИСЧЕЗНУВШІЙ СВЕРТОКЪ.

Въ церкви Зимняго дворца служатъ обѣдню и поютъ херувимскую. Пожилая императрица Анна Іоанновна и дворъ присутствуютъ. Золото, фижмы, парики. Чинъ служенія идетъ по обычаю; ничего, кажется, особеннаго не происходитъ; мелькаютъ крестныя знаменія, поклоны. Какія тогда пѣлись херувимскія, мы не знаемъ, но тѣхъ внушительныхъ херувимскихъ, которыя поются теперь, еще не существовало. И вотъ, поютъ херувимскую... Это, будто, въ каменной церкви медленно воздвигается, возносится другая, звуковая церковь, и уже въ этой церкви, а не въ каменной, совершается общеніе молящихся съ тѣми добрыми силами, которыя невидимо служатъ.

Голосовъ слышно много. Большинство ихъ съ юга: всѣ они стройны, всѣ звучны, всѣ задушевны,—но одинъ голосъ ярче всѣхъ. Какъ ласточка, случайно залетѣвшая въ церковь, забивается, испуганная, то туда, то сюда, въ лѣпныя и золоченыя изображенія херувимовъ, облаковъ и лучей подъ сводомъ, возможно глубже, возможно сокровеннѣе, такъ пробивался этотъ удивительный голосъ, невѣдомыми путями, въ тайники людского сердца, вился по нимъ, ластился...

Ничего, кажется, особеннаго не случилось: царица на мѣстѣ и дворъ подлѣ нея, и херувимскую пропѣли.

Только малымъ началомъ, незамѣтною струйкою, запалъ этотъ замолкшій голосъ въ душу молодой цесаревны Елисаветы Петровны. И не то что молится она, и не то что слушаетъ, а что-то такое въ ней происходитъ необъяснимое, будто зябкая дрожь обнимаетъ... а она уже знала въ то время, что̀ значитъ любовь. Елисавета Петровна—это будущее, недалекое царствованіе, прихотливое женское самодержавіе, это судьбы Россіи.

Отошла обѣдня. Цесаревна спрашиваетъ, какъ зовутъ пѣвчаго. Ей называютъ Алексѣя Розума и представляютъ его. Розумъ недавно привезенъ изъ Малороссіи; онъ сынъ реестроваго казака.

Будь онъ некрасивъ, будь онъ въ лѣтахъ, этотъ Розумъ—ничего бы не случилось. А то нѣтъ: онъ высокъ, строенъ, смуглолицъ, съ чудными черными глазами, весь — молодость, весь—югъ, ростокъ благодатной Украйны, и этотъ ґолосъ-ласточка...

Сердце цесаревны заговорило...

Четыре года спустя, Розумъ—уже дѣйствительный камергеръ только-что воцарившейся императрицы Елисаветы; онъ имѣетъ ленту Андрея Первозваннаго и нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ. Теноровая партія молодого казака въ херувимской и закрѣпощеніе нѣсколькихъ тысячъ душъ крестьянъ—какое сближеніе!

Но годы идутъ, нѣтъ не идутъ, а бѣгутъ невозвратно. Императрицы Елисаветы нѣтъ больше—царствуетъ Екатерина II. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, ему подъ шестьдесятъ, живетъ со времени смерти своей высокой благодѣтельницы совершенно уединенно.

Въ это время имѣютъ мѣсто различныя, двѣ быстро слѣдующія одна за другою, чудесно дополняющіяся сцены...

* * *

Зимній дворецъ еще объятъ утреннимъ сномъ. Самое зданіе высится такъ же точно, какъ теперь, но сосѣдняя съ нимъ мѣстность представляется иначе: объ Александровской колоннѣ нѣтъ еще и помину, а тамъ, гдѣ тянется зданіе адмиралтейства и идетъ бульваръ, раскинулись земляные валы и укрѣпленія, обведенные рвомъ, по дну котораго уставленъ частоколъ. Туманъ клубится по сугробамъ снѣга этого молчаливаго мѣста, кажущагося пустошью подлѣ самаго дворца. Зимнее, январьское утро чрезвычайно лѣниво; сквозь туманъ еле обозначается розовый свѣтъ невидимаго солнца; все небо одинаково розовое, одинаково блѣдное, такъ что рѣшительно нельзя опредѣлить: гдѣ же именно востокъ, гдѣ западъ, откуда заря?

Зимній дворецъ, окруженный часовыми, спокоенъ, но только по виду, потому что въ немъ зрѣетъ замыселъ чрезвычайно смѣлый. Кто за, кто противъ него, и всѣ вліянія, всѣ происки обострились. Императрица Екатерина II молода, красива и только-что овдовѣла; Григорій Орловъ, за котораго стоятъ многіе, оказался баловнемъ счастія. Хворость цесаревича, наслѣдника престола, ребенка больного, непрочнаго, вызываетъ опасенія за будущность страны. Воспоминанія о послѣдствіяхъ этой неопредѣленности еще такъ живы, и вотъ почему назрѣла въ Зимнемъ дворцѣ мысль выискать императрицѣ супруга между ея подданными. Искать было недолго, многіе за Орлова, но пожелаетъ ли этого сама Екатерина? Не изъ тѣхъ она, чтобы пожелать, но молодого счастливца баюкаетъ и ласкаетъ эта свѣтозарная мысль. Еще бы!

Замыселъ въ полномъ ходу. Екатерина принимаетъ свои мѣры. Она встала раньше обыкновеннаго и уже два раза посылала Перекусихину, Марью Савишну, свою знаменитую камеръ-юнгферу, справиться: не пріѣхалъ ли канцлеръ, графъ Михаилъ Иларіоновичъ Воронцовъ.

— Что же это онъ не торопится?—спрашивала императрица, видимо обезпокоенная, даже нетерпѣливая, какъ бы предполагавшая, что и Воронцовъ, подобно ей, долженъ торопиться.

Дѣло въ томъ, что не дальше, какъ вчера, Григорій Орловъ уже не только намекнулъ ей о бракѣ, но говорилъ, и долго говорилъ о томъ, что этотъ бракъ нуженъ.

— А зачѣмъ?—спросила императрица не безъ двусмысленной улыбки и съ полнымъ сознаніемъ того, что̀ будетъ она дѣлать въ данномъ случаѣ.

— По примѣру,—отвѣтилъ ей Орловъ.

Легкая тучка скользнула по свѣтлому лицу государыни и точно сосредоточилась на бровяхъ ея, чуть-чуть нахмурившихся. Примѣръ, на который намекалъ Орловъ, дѣйствительно существовалъ.

— Я вспоминаю,—говорилъ Орловъ:—о бракѣ покойной императрицы съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ...

— Да, да!—перебила Екатерина, поднявшись съ мѣста:—знаю, слыхала...

Съ-глазу-на-глазъ говорила она тогда съ Орловымъ, и она любила его. «Отказать — обидѣть! исполнить — никогда...»

— Это, я думаю, больше за границей выдумали,—быстро отвѣтила императрица:—и гдѣ же документы? я никакихъ не вѣдаю.

— Есть и документы, государыня!—замѣтилъ Орловъ.

— То-есть, развѣ самъ Разумовскій?

— Нѣтъ! документы, хранящіеся у Разумовскаго.

— О!?—возразила Екатерина, какъ бы ничего не знавшая.—Это любопытно. Пошлемъ, пошлемъ къ Разумовскому, освѣдомимся...

Разговоръ этотъ имѣлъ мѣсто вечеромъ. Въ ночь было обдумано Екатериною, что̀ ей дѣлать. Ночь принесла со-

вѣтъ, и рѣшеніе, принятое императрицею, оказалось чрезвычайно характерно. Это было нѣчто въ родѣ того, что̀ сдѣлала она гораздо позже съ внучкомъ своимъ, великимъ княземъ Александромъ, сыгравъ съ нимъ то, что̀ она сама назвала un tour diabolique, введя его въ искушеніе; другимъ, схожимъ съ этимъ, дѣйствіемъ ея была немилость, оказанная ею князю Репнину въ то время, когда ей хотѣлось, чтобы цесаревичъ Павелъ, съ супругою своею Маріею Ѳеодоровною, поѣхалъ за границу, и чтобы онъ самъ, цесаревичъ, захотѣлъ отправиться въ это путешествіе.

— Ты, князь,—говорила она тогда Репнину:—наведи ихъ, а въ особенности ее, la bonne dame, на мысль объ этомъ путешествіи; а чтобы они не думали, что эта мысль отъ меня идетъ, я буду къ тебѣ немилостива. Надо ихъ провѣтрить, эти Schwere Bagage прокататься послать! Такъ ты устрой, а я отблагодарю тебя и немилость моя окончится!

Извѣстно, что цѣли своей Екатерина достигла. Репнинъ исполнилъ порученіе мастерски. Schwere Bagage поѣхала за границу чуть не насильно. При прощаніи со своими дѣтьми, Марія Ѳеодоровна даже упала въ обморокъ и ее отнесли въ карету въ безпамятствѣ.

Но на такихъ мелочахъ матушка Екатерина не останавливалась. Рѣшеніе, принятое ею и по вопросу о бракѣ, поднятомъ Орловымъ, оказалось сходнаго характера. Оно должно было быть осуществлено канцлеромъ графомъ Воронцовымъ, и вотъ почему Марья Савишна Перекусихина дважды бѣгала справляться о его пріѣздѣ. На третій разъ она ввела графа-канцлера прямо къ императрицѣ и сама удалилась.

— Напишите мнѣ, графъ, — сказала императрица, милостиво давъ поцѣловать вошедшему руку:—напишите мнѣ указъ о томъ, что, въ память въ Бозѣ почившей тетки на-

шей, императрицы Елисаветы Петровны, мы признаемъ справедливымъ присвоить графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому...

При этомъ имени Воронцовъ, и безъ того внимательный къ словамъ своей повелительницы, обратился весь въ слухъ, въ чуткость. Онъ зналъ, конечно, о существовавшихъ въ то время вѣяніяхъ насчетъ задуманнаго брака. Совпаденіе этихъ вѣяній съ раннимъ и неожиданнымъ призывомъ во дворецъ и имя графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго открывали ему нѣкоторую, чрезвычайно любопытную перспективу. Кромѣ того, надо замѣтить, насколько своеобразно дѣйствуетъ на вельможу, находящагося во власти, неожиданное возникновеніе передъ нимъ имени другого, отошедшаго въ тѣнь былого, вельможнаго человѣка. Такимъ именно долженъ былъ представляться Воронцову отошедшій отъ всякихъ дѣлъ, полузабытый Разумовскій.

«Вѣдь и я,—подумалъ канцлеръ:—я тоже съ какимъ-нибудь однимъ словомъ отойти могу!»

Понятно, что этой мысли онъ ни за что бы никому не выразилъ, да и остановиться-то на ней онъ не могъ, потому что надо было слѣдить за дальнѣйшими повелѣніями Екатерины.

— Я хочу, видите ли,—добавила императрица въ разъясненіе своей мысли:—нѣкоторые слухи въ дѣло обратить; справедливымъ признаю я графу Разумовскому, повѣнчанному, какъ извѣстно, съ государыней, — вѣдь вы, графъ, слыхали, конечно, объ этомъ бракѣ!—присвоить титулъ императорскаго высочества, каковую дань признательности и благоговѣнія къ предшественницѣ нашей мы и желаемъ сдѣлать гласною во всенародное извѣстіе.

— А когда же указъ этотъ изготовить прикажешь, государыня?—спросилъ графъ, не считая возможнымъ любопытствовать о причинахъ.

— Сейчасъ, тутъ, у меня! войдите вонъ въ эту комнату; тамъ у меня и перо, и чернила найдете.

Императрица указала на двери.

— При мнѣ печати нѣтъ, государыня.

— Да вѣдь мы указа и не подпишемъ, а только въ проектѣ графу Алексѣю Григорьевичу свеземъ. Онъ, чай, въ халатѣ въ своемъ Аничковомъ сидитъ. Вы, какъ напишете указъ, сейчасъ сами его свезите и попросите отъ моего имени, чтобы графъ имѣющіеся у него, по этому важному дѣлу, документы, для составленія акта въ законной формѣ, вамъ вручилъ, чтобы мнѣ передать...

— Простите, государыня, но...

— Такъ, такъ, понимаю,—возразила Екатерина:—вы въ ту комнату войти не хотите, ну такъ я отсюда уйду, а вы останьтесь и пишите; вонъ столъ и все, что̀ вамъ нужно...

Воронцову ничего не оставалось другого, какъ исполнить повелѣніе. Едва вышла императрица, онъ сѣлъ строчить проектъ устава, а государыня направилась въ ближнюю комнату къ Марьѣ Савишнѣ и толковала съ ней о томъ: обшить ей или не обшивать галунчикомъ то платьѣ, которое предстояло одѣть вечеромъ на эрмитажное представленіе, платье, которое блистало передъ нею, раскинутое по двумъ тяжелымъ, съ золочеными ручками, кресламъ. Комната давно уже ярко озарялась тѣмъ неопредѣленнымъ розовымъ свѣтомъ, который въ это утро разливался надъ Петербургомъ. Кто выходилъ изъ дому, тѣ думали: вотъ-вотъ выкатится солнце мощнымъ малиновымъ шаромъ и станетъ тихо подниматься; но солнце не глянуло: невѣсть откуда стали налетать порывистыя дуновенія вѣтра, стали завихриваться снѣжки, начались завыванія метели.

Какъ было въ природѣ, такъ было и въ комнатѣ Марьи Савишны. По внѣшности, по обстановкѣ все смотрѣло свѣтло, радужно: блестящее платье, растянутое по кре-

сламъ, свидѣтельствовало о предстоявшемъ весельи; мнѣнія императрицы насчетъ обшивки галунчикомъ, которыя она высказывала, были такъ серьёзны, что убѣдили бы всѣхъ и каждаго въ томъ, что этотъ галунчикъ дѣйствительно занималъ ее. На самомъ дѣлѣ, сквозь розовыя разсужденія государыни, точно сами нарождаясь, завихривались, поднимались въ ней метелицею разныя очень важныя мысли. Толкуя съ Перекусихиной о галунчикахъ, она всѣмъ своимъ вниманіемъ обрѣталась въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ канцлеръ строчилъ проектируемый указъ.

«Документы несомнѣнно есть,—думала она:—есть... Отдастъ ли ихъ старикъ? вѣдь онъ можетъ сказать, что нѣтъ никакихъ... ну, тогда ровно ничего не измѣнится, будетъ какъ было, а Григорій Орловъ при своемъ желаніи останется, вотъ и все... Но если...»

— А что, Марья Савишна,—спросила Екатерина:—глянь-ка, какая метелица разыгрывается! метелица мнѣ мысль для платья даетъ! чтò если бы вмѣсто галунчика да бѣлымъ пухомъ опушить, чтò скажешь?

— И пухомъ хорошо будетъ, матушка-государыня,—отвѣтила Перекусихина.

Этого отвѣта Марьи Савишны Екатерина не слыхала, вся сразу охваченная другою мыслью.

«Если,—думала она:—старикъ документы отдастъ, чтò тогда?.. уничтожить ихъ?! надо бы уничтожить! а гдѣ право на это?»

Слегка вспыхнувъ, государыня отошла отъ платья къ окну и довольно долго, безмолвно смотрѣла на неожиданно налетѣвшую, вполнѣ разыгравшуюся метель.

Проектъ указа тѣмъ временемъ изготовленъ и, по прочтеніи его Екатериною, Воронцовъ отправленъ въ Аничковъ дворецъ, къ Разумовскому, немедленно.

* * *

Дворецъ этотъ, гдѣ имѣла мѣсто другая историческая сцена, дополняющая ту, которая описана, глядѣлъ тогда со стороны Большого Перспективнаго проспекта почти такъ же, какъ и теперь, но совершенно инымъ представлялся онъ отъ Фонтанки. Отъ огромныхъ каменныхъ палатъ его, крытыхъ сплошь луженымъ желѣзомъ, шли къ рѣкѣ двѣ длинныя колоннады, соединенныя у воды крытой галлереей! отсюда доступъ возможенъ былъ только на лодкахъ. Построенный лѣтъ за десять до того дня, о которомъ идетъ рѣчь, дворецъ этотъ послужилъ роскошнымъ даромъ Елисаветы графу Алексѣю Разумовскому, какъ странное каменное воплощеніе той удивительной херувимской, которую она нѣкогда прослушала. Пройдутъ немногіе годы, и дворецъ этотъ подарятъ Потемкину! тамъ началось съ херувимской, тутъ—съ одного царственнаго взгляда на блестящаго всадника конной гвардіи, ловко повернувшаго коня своего на глазахъ молодой императрицы, объѣзжавшей свои войска̀.

Метель завывала. Грузный возокъ канцлера, съ трудомъ влекомый по глубокому снѣгу и почти весь занесенный метелью, подкатилъ къ мѣсту жительства графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, къ Аничкову дворцу, часу въ одиннадцатомъ утра. Особенно густо насѣлъ и лѣпился снѣгъ по тѣмъ мѣстамъ возка, на которыхъ держались небольшіе, золоченые, рельефные орнаментики; стекла его оставались чистыми, потому что острый, слегка подмороженный снѣгъ скользилъ по гладкой поверхности ихъ. Для впуска во дворъ пришлось отворить ворота. Когда-то, еще такъ недавно, ворота эти были постоянно открыты настежь, а теперь привратнику, удивленному раннимъ посѣщеніемъ вельможнаго человѣка, не безъ труда удалось отодвинуть крѣпкій засовъ. Ему помогли два какихъ-то усатыхъ малоросса, только-что посѣтившіе графа Алексѣя Григорьевича.

земляки его, односельчане, отправлявшіеся во-свояси, покалякавъ съ хозяиномъ, съ поклономъ родичамъ и богато одаренные.

Хохлы, пропуская во дворъ возокъ, снявъ шапки и обнаживъ чубы, съ любопытствомъ заглядывали сквозь стекла экипажа на вельможную фигуру канцлера, въ собольей шубѣ и шляпѣ, шитой по краямъ золотымъ узоромъ.

— Хто винъ?—спросили хохлы привратника, когда возокъ проѣхалъ.

— А бисъ ихъ знае!—отвѣтилъ привратникъ.

Канцлеръ въ свою очередь, увидавъ чубатыхъ хохловъ, улыбнулся.

Какъ сказала императрица, такъ это и было: Алексѣй Григорьевичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, въ богатомъ, подбитомъ мѣхомъ халатѣ, подлѣ пылавшаго камина, когда ему доложили о прибытіи канцлера. Посѣщеніе это поразило его чрезвычайно. Онъ торопливо, насколько торопливость была ему доступна, отложилъ въ сторону священное писаніе кіевской печати, находившееся въ его рукахъ, и не безъ труда поднялся съ мѣста. Высокая, внушительная фигура его обрисовалась во весь ростъ, и сказанное имъ канцлеру «добро пожаловать» было искренно и гостепріимно. Бывшій красавецъ, темноволосый казакъ, сохранилъ отъ былого одинъ только томный, кроткій, удивительный взглядъ и чрезвычайно пріятный голосъ.

— Чему обязанъ я, графъ Михаилъ Илларіоновичъ?—спросилъ Разумовскій, усадивъ гостя и самъ усаживаясь.

— Я отъ государыни императрицы.

Разумовскій, только-что опустившійся въ кресло, снова быстро поднялся; всталъ и канцлеръ.

— Отъ ея величества?—проговорилъ онъ удивленный, и точно болью какою-то сказалось въ немъ сердце, не добрымъ прозвучало, какою-то далекою стариною откликнулось; иное

чувствовалъ онъ когда-то, когда его звала другая императрица...

Оба графа сѣли снова, и Разумовскій молча выслушалъ объясненія Воронцова. Взявъ въ руки проектъ указа, ему поданнаго, онъ пробѣжалъ его. Легкій трепетъ въ рукахъ давалъ понять присутствовавшему, что нелегко давалось ему это чтеніе. И не тѣ были годы, въ которые неожиданности не поражаютъ, и не таковъ былъ предметъ, котораго коснулись, чтобы не вызвать быстраго напряженія всѣхъ душевныхъ силъ.

Почему-то мелькали также въ соображеніяхъ графа Алексѣя Григорьевича судьбы Меншикова съ дочерью, обрученною Петру II, Бирона, судьбы Долгоруковыхъ, тоже съ «государыней-невѣстою...» Березовъ... тайная канцелярія... все это близко... все это свѣжіе слѣды... все это тяжелыя повѣсти...

Всталъ князь-казакъ съ своего мѣста. Пораздумалъ.

— Такъ государынѣ документы угодны?

— Да!—отвѣтилъ Воронцовъ.

Въ роскошныхъ покояхъ Разумовскаго стояло кругомъ много цѣнныхъ предметовъ. Комнаты, убранныя со всевозможною, по времени, изысканностью, носили на себѣ тотъ почтенный отпечатокъ домовитости, осѣдлости, который теперь все болѣе исчезаетъ. Все кругомъ размѣщалось разсчитанное на вѣчность, на стойкость тѣхъ формъ жизни, въ которыя судьба отлила, а отливши, отчеканила и хозяина, и его домъ. И нѣтъ тутъ никакого противорѣчія съ мгновенными крушеніями самовластныхъ личностей въ родѣ Бирона, Меншикова, Долгоруковыхъ. Шквалы налетали въ разные слои этихъ людей только изъ одного, единаго источника—отъ самодержавной власти. Другихъ подкашивателей, другихъ возмутителей соціальной гидростатики въ тѣ дни не существовало и самыя проявленія безграничнаго

самодержавія, въ концѣ концовъ, служили только самымъ яркимъ доказательствомъ прочности всего остального, всѣхъ этихъ бытовыхъ наслоеній.

Золото, шелкъ, корвы, фигуры изъ фарфора и бронзы, мозаики и картины глядѣли со стѣнъ кабинета. Чаще прочихъ, повсюду, замѣчались изображенія или вензеля императрицы Елисаветы. Знакомый обликъ въ ея царственныхъ регаліяхъ, съ высокой прической, увѣнчанной брильянтовою короною, въ широкихъ фижмахъ и твердомъ корсажѣ, съ острымъ, упрямымъ шнипомъ впереди, царилъ надъ всѣмъ окружающимъ со стѣны, противолежавшей входной двери. Подъ портретомъ стоялъ массивный, корельской березы, инкрустованный бронзою комодъ и на немъ виднѣлся ларецъ чернаго дерева, окованный серебромъ и обложенный перламутромъ.

Въ немъ хранились тѣ именно документы, о которыхъ шла рѣчь.

Ничего не сказавъ, глубоко взволнованный, направился Разумовскій къ комоду, отыскалъ къ нему ключъ, отперъ ларецъ и вынулъ изъ потаеннаго ящика бумаги.

Розовый атласъ, въ который онѣ были тщательно обвиты, выглянувъ изъ чернаго ларца и развертываясь въ дрожавшихъ рукахъ графа, произвелъ на стоявшаго поодаль безмолвнаго Воронцова какое-то странное, имъ самимъ недостаточно сознанное, впечатлѣніе спадающей гробовой парчи: атласъ—покровъ, черный ларецъ—гробъ; эти бумаги, которыя мало-по-малу обнажались,—чѣмъ не покойникъ, чѣмъ не мертвецъ?

Безмолвіе продолжалось полное. Хрустнули обнаженныя бумаги въ рукахъ графа; онъ спряталъ атласъ обратно, а бумаги началъ читать съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Прочиталъ ихъ, поцѣловалъ и заплакалъ. Изъ чудесныхъ, черныхъ глазъ его проступили крупныя, не сразу собравшіяся

слезы. Взглянулъ онъ также на портретъ Елисаветы, на образа, перекрестился и направился къ Воронцову.

Канцлеръ стоялъ у камина; онъ не имѣлъ духа сказать что-либо. Онъ протянулъ руку за бумагами, но Разумовскій быстро бросилъ свертокъ въ огонь. Воронцовъ даже вздрогнулъ и отступилъ, такъ неожиданно встревожилось. вскинулось пламя камина; онъ даже потянулся-было за сверткомъ, но пламя уже дѣлало свое дѣло: историческій фактъ улетучивался изъ области фактовъ! Разумовскій тѣмъ временемъ, точно обезсиленный, подкошенный, опустился въ кресла.

— Я,—проговорилъ онъ наконецъ, помолчавъ немного:— былъ не болѣе, какъ вѣрнымъ рабомъ ея величества покойной императрицы Елисаветы Петровны, осыпавшей меня благодѣяніями выше заслугъ моихъ. Никогда не забывалъ я, изъ какой доли и на какую степень возведенъ десницею ея. Обожалъ ее, какъ сердолюбивую мать милліоновъ народа и примѣрную христіанку, и никогда не дерзнулъ самою мыслью сближаться съ ея царственнымъ величіемъ.

Будто отыскивая подтвержденія словамъ своимъ, взглянулъ онъ на медленно обугливавшіеся, разсыпавшіеся останки свертка въ каминѣ и, склонивъ голову еще ниже прежняго, продолжалъ:

— Стократъ смиряюсь, воспоминая прошедшее, живу въ будущемъ, его же пройдешь, въ молитвахъ къ Вседержителю. Мысленно лобызаю державныя руки нынѣ царствующей монархини, подъ скипетромъ коей безмятежно въ остальныхъ дняхъ жизни вкушаю дары благодѣяній, изліянныхъ на меня отъ престола. Если бы было нѣкогда то, о чемъ вы говорите со мною, то повѣрьте, что я не имѣлъ бы суетности признать случай, помрачающій незабвенную память монархини, моей благодѣтельницы.

Эти слова были сказаны старикомъ по адресу Григорія

Орлова; произнося ихъ, онъ приподнялъ голову и пристально посмотрѣлъ на Воронцова.

— Теперь вы видите,—сказалъ онъ въ заключеніе:— что у меня нѣтъ никакихъ документовъ. Доложите обо всемъ этомъ всемилостивѣйшей государынѣ, да продлитъ милости на меня, старца, не желающаго никакихъ почестей. Прощайте, ваше сіятельство: да останется все происшедшее между нами въ тайнѣ! Пусть люди говорятъ, что̀ имъ угодно, пусть дерзновенные простираютъ надежды къ мнимымъ величіямъ!

Разумовскій еще разъ упорно взглянулъ на Воронцова, затѣмъ всталъ и протянулъ руку. Они молча простились другъ съ другомъ.

Непогода продолжалась. Хохловъ уже не было у воротъ, когда возокъ съ канцлеромъ выѣхалъ на Большой Перспективный проспектъ. Въ глубокомъ раздумьи сидѣлъ въ возкѣ канцлеръ, прислушиваясь къ вою и взвизгиваніямъ вѣтра. Миріады бѣлыхъ хлопьевъ рѣяли передъ его глазами и будто хоронили историческій фактъ въ глубинахъ непогоды и въ самодержавіи неистово-разыгравшейся метели.

Екатерина, которой было передано дословно все случившееся, замѣтила, не безъ удовольствія, что, слѣдовательно, тайнаго брака не существовало, хотя-бы-то и «для успокоенія боязливой совѣсти».

— Шопотъ объ этомъ былъ мнѣ всегда противенъ,—добавила она.

Поступокъ Разумовскаго государыня отнесла къ свойственному малороссамъ самоотверженію. Глубже этого сердце въ ней не шевельнулось, но цѣль была достигнута: о задуманномъ бракѣ не могло быть болѣе и рѣчи.

КОРИНѲСКАЯ КАПИТЕЛЬ.

Кто не знаетъ значенія колонны въ архитектурѣ? Міръ колоннъ, за время исторіи ихъ, это цѣлая безконечность, это особое, самостоятельное бытіе. Гдѣ ихъ не было, и какихъ не бывало колоннъ, начиная отъ грузной, вѣнчанной лотосомъ, египетской и не менѣе массивной, слонообразной индійскихъ храмовъ, включительно до тонкихъ, взвивающихся струнами колоннъ древне-ассирійскихъ и готическихъ; въ нихъ сказываются особые циклы, особыя архитектурныя міровоззрѣнія. Отходилъ народъ, отходила и его колонна, и въ длинномъ безконечномъ ряду ихъ самостоятельныхъ, подражательныхъ и смѣшанныхъ типовъ есть отвѣты на всѣ вкусы, на всѣ требованія.

Но, какъ и во всякой жизни, во всякомъ дѣяніи, во всякой наукѣ, въ развитіи колонны есть тоже свои загадки, которыхъ нельзя не признать, но нельзя и разрѣшить. Если разнообразны колонны, то не менѣе разнообразны ихъ вершинки, ихъ оглавія, такъ-называемыя капители, и изъ этихъ-то капителей, своевременно отошедшихъ и замѣщенныхъ другими, остаются безсмертными, не хотятъ умирать, проходятъ во всѣ вѣка и ко всѣмъ народамъ только двѣ: іонійская съ двумя завитками и коринѳская, отороченная

листвою. Отчего это безсмертіе только двухъ очертаній въ безконечномъ ряду исчезновенія другихъ? Отчего волна художественной жизни, вѣчно бьющая, вѣчно льющаяся, вѣчно мѣняющая формы, не одолѣваетъ только ихъ двухъ? А вѣдь ихъ не защищаютъ никакія права, онѣ ничѣмъ не закрѣплены, а условія статики тутъ не при чемъ.

И замѣчательно повсюдное распространеніе именно этихъ двухъ капителей; такъ какъ колонна, или колонка, находитъ свое мѣсто въ колоссальныхъ обличіяхъ храмовъ и дворцовъ и въ мелкихъ оорамленіяхъ всякихъ бездѣлушекъ: шкатулочекъ, брошекъ, запястій, зеркалъ и т. п., то нельзя не удивляться тому, съ какою настойчивостью, съ какимъ упрямствомъ пробираются именно эти двѣ капители, часто вполнѣ обезображенныя, въ мѣстныя подѣлки какихъ-нибудь темно-красныхъ жителей австралійскихъ острововъ или рѣдковолосыхъ самоѣдовъ нашего сѣвернаго мурманскаго побережья? Какъ добрались онѣ туда? Ну какое дѣло этимъ нѣжнымъ обликамъ архитектуры, рожденнымъ на свѣтъ лучезарною, изящною Греціею, подлѣ жертвенниковъ острозубыхъ людоѣдовъ или на идольчикахъ вымирающей у насъ мордвы? А между тѣмъ онѣ встрѣчаются повсюду, и въ этомъ одна изъ загадокъ, подлежащихъ нѣкоторымъ объясненіямъ, но разрѣшенію—никогда. Любопытна древняя легенда о происхожденіи коринѳской капители.

* * *

Свѣтлое, безмолвное утро загоралось надъ древнею Греціею, задолго до Христа. Бѣлыя мраморныя очертанія храмовъ и портиковъ богатаго Коринѳа оживали на синемъ, удивительно синемъ, небѣ, точно наливаясь алою кровью. Блѣдный, зеленоватый, мертвенный обликъ Коринѳа, какимъ являлся онъ ночью, замѣнялся другимъ. Воздухъ былъ

такъ чистъ, такъ хрустально прозраченъ, что лучи восходившаго солнца, отъ далекаго востока, гдѣ они искрились въ яркомъ пурпурѣ и золотѣ, бѣжали совершенно безпрепятственно на городскія очертанія и разжигали ихъ пламенемъ. Раньше и ярче всѣхъ заалѣлъ акрополь и его святыня. Еще синѣе неба было синее море, виднѣвшееся вдали.

По дорогѣ въ Сикіонъ шла одинокая женщина и несла въ рукахъ покрытую пологомъ корзину. Она оставила за собою рынокъ, его храмы и миновала источникъ Глауки. Женщина эта несомнѣнно направлялась за городъ, потому что поверхъ головы ея виднѣлась дорожная калиптра, богатая складками и чрезвычайно удобная для обворачиванія головы, шеи и плечъ. Такъ какъ было очень рано и встрѣчныхъ не появлялось, то путница не закрывала лица. Ей было лѣтъ тридцать. Темныя очи, богатые волосы, правильныя очертанія лица свидѣтельствовали о томъ, что красота, такъ быстро блекнущая на югѣ, вовсе не желала удалиться отъ нея.

За источникомъ Глауки начиналась первая, ближайшая къ городу, зелень. Ни солнцу, ни морю, ни небу рѣшительно не было никакого дѣла до того, что исторія человѣчества въ тѣ дни только начиналась. Такъ же точно сѣла на острія травинокъ алмазная роса; только путницѣ древней Греціи вспомнилось при томъ, что это та самая роса, которую въ богатыхъ Аѳинахъ, гдѣ случилось женщинѣ побывать, приносятъ въ жертву великой богинѣ Аѳинѣ. Точно такъ же, какъ и теперь, однѣ вслѣдъ за другими погасали звѣзды; раньше другихъ скрылся млечный путь, и женщина, вставшая очень рано, еще видѣла, какъ онъ погасалъ, и не могла не вспомнить о томъ, что эти мелкія, безсчетныя звѣзды—это капли молока другой великой богини, когда-то брызнувшія на небо.

— Пусть святится великое имя матери боговъ! — подумала женщина:—вѣдь я и сама была кормилицею. А теперь! схоронила я мою красавицу... вотъ и иду къ ней, и подарки несу.

Миновала она гробницу дѣтей Медеи и давно ей извѣстную статую Ужаса, поставленную подлѣ, по обѣту, на искупленіе великой вины. Эту бронзовую, всклоченную фигуру старухи, обращенной лицомъ къ востоку, всю блиставшую въ молодыхъ солнечныхъ лучахъ, страшную, отталкивающую, до мелочей правдивую, обошла она возможно далеко. Вотъ и конецъ города, вотъ и ряды надгробныхъ памятниковъ по обѣимъ сторонамъ пути. Путница устала и хотѣла присѣсть на ступени одного изъ нихъ, но отшатнулась: огромная сова, чуть не задѣвъ ее крыльями, вылетѣла изъ-подъ ногъ и бросилась въ сторону.

— Зловѣщая птица, — подумала женщина:—порожденіе подземнаго царства и темной волны Флегетона!

Опустивъ корзину на землю, долго слѣдила она вслѣдъ за юркою совою, летѣвшею порывисто и бросавшеюся изъ стороны въ сторону; женщина какъ бы боялась того, чтобы птица не направилась туда, куда она шла. Мелькнувъ особенно ярко при нѣсколькихъ поворотахъ, сова юркнула къ одной изъ придорожныхъ гробницъ и скрылась. Путница сѣла. Она нагнулась къ корзинѣ и приподняла пологъ ея; въ корзинѣ лежали разныя вещи.

— Зеркальце!—она взяла его въ руки:—металлъ блеститъ такъ ярко! давно ли глядѣлась въ него моя милая отошедшая, смѣялась, прихорашивалась?

Зеркальце сдѣлало, однако, свое дѣло: женщина оправила волоса и чуть-чуть надвинула калиптру.

— Запястья! поясъ! ожерелье! вотъ этотъ поясъ я ей подарила!

И она, перебравъ вещи, уложила ихъ обратно, покрыла и направилась дальше. Гробницы все еще тянулись по сторонамъ дороги; чѣмъ дальше отъ города, тѣмъ проще и бѣднѣе становились онѣ. Двумъ изъ встрѣчныхъ могилъ женщина поклонилась: она знала тѣхъ, чей прахъ тутъ покоился. Вотъ окончились и послѣднія гробницы и ихъ замѣнили небольшія возвышенія. Они замѣчались не только подлѣ дороги, но виднѣлись и дальше, въ полѣ, по направленію къ сосѣднимъ скаламъ. Путница свернула съ пути и, минуя ближайшія возвышенія, направилась къ мѣсту, хорошо знакомому ей.

— Вотъ оно!

Немного дней тому назадъ схоронили здѣсь останки дѣвушки. Хороша была она и привѣтлива, но заболѣла и умерла. Часто ходила къ ней сюда ея кормилица. На этотъ разъ пришла она не съ пустыми руками: собрала всѣ безделушки, которыя покойница любила, сложила ихъ въ корзину и принесла. Любо ей было опустить эту ношу надъ милымъ прахомъ.

— На, дитятко,—проговорила она.

Зачѣмъ проговорила? развѣ съ мертвыми разговариваютъ? не слыхалъ ли кто? она оглядѣлась: никто не видѣлъ, никто не слыхалъ. Тѣмъ временемъ поднялся въ полѣ свѣжій вѣтеръ, вещи надо было прикрыть, иначе разнесетъ. Сыскала она камень и надавила имъ корзину съ бездѣлушками, а взошедшее къ тому времени яркое солнце бросило въ сторону отъ корзины, отъ этого быстро изготовленнаго памятника, рѣзкую, длинную тѣнь. Женщина сѣла и задумалась... Вѣтерокъ шумѣлъ, ласточки порхали; по ближней дорогѣ запылило; кое-гдѣ подлѣ памятниковъ замелькали люди; тѣнь отъ корзины стала совсѣмъ короткою, точно убѣжала подъ нее, когда сидѣвшая собралась въ обратный путь.

— Назадъ пойду я другою дорогою,—думала женщина:— а мимо дѣтей Медеи, мимо страшной, растрепанной старухи— не пойду!

* * *

Черезъ годъ не было въ живыхъ и этой женщины, но корзина продолжала стоять, покрытая камнемъ, на прежнемъ мѣстѣ, только что ея не было видно. Поставленная надъ еле замѣтнымъ отпрыскомъ аканѳа, по-русски—борщняка, и придавивъ его, грузная корзина временно лишила этотъ отпрыскъ и свѣта, и силы, и жизни. Но черезъ годъ придавленный борщнякъ оправился, корень его оздоровѣлъ и, когда повѣяло новою весною, потянулись отъ него, изъ-подъ бездѣлушекъ, надавленныхъ камнемъ, могучіе, жилистые листья. Надавленное какъ разъ по серединѣ, упрямое, колючее растеніе пошло вкругъ корзины короною, обняло ее отовсюду, обогнуло, скрыло, всосало въ себя. Чудесно, ровно, точно отточенная, поднималась надъ прахомъ дѣвушки, между другихъ возвышеній, эта удивительная куща блѣдной зелени, созданіе природы и случая, вызванное къ жизни приношеніемъ чистой, безмолвной любви. Удивительная, своеобразная красота сказывалась въ этомъ единеніи свѣжихъ, свободныхъ, питающихся листьевъ и безжизненной неподвижности и правильности мраморнаго орнамента. И набрелъ на эту случайную красоту художникъ, аѳинянинъ родомъ, Каллимахъ по имени, и создалъ коринѳскую капитель.

Гдѣ-гдѣ не встрѣчаются теперь по бѣлому свѣту коринѳскія капители? Гдѣ не увѣковѣчиваютъ онѣ неизвѣстной памяти безымянной, довременно умершей дѣвушки и такой же безымянной, какъ она, любившей ее кормилицы? Занесло эту капитель, словно летучее сѣмя цвѣтка, и въ тогдашнюю Сарматію, Скиѳію, Гиперборею, нынѣшнюю

Русь! Виднѣется она, худенькая, словно заглохнувшая, и на приземистыхъ церквахъ многоозернаго олонецкаго края, и на Мурманѣ, и въ тайгахъ Зауралья, и на гробницахъ зайсанговъ нашихъ жаркихъ калмыцкихъ степей; есть она и на Казанскомъ и Исаакіевскомъ соборахъ, и на многихъ изъ сорока-сороковъ московскихъ, и въ златоверхомъ Кіевѣ...

А изъ-за чего сыръ-боръ загорѣлся?!

— На, дитятко!—проговорила, когда-то, кормилица, опуская корзину на землю.

Но развѣ съ мертвыми разговариваютъ?

〰〰〰

АМАЗОНКИ.

Высокія волны вздымались по понту Эвксинскому, нынѣшнему Черному морю, въ сосѣдствѣ еще не существовавшей тогда Россіи. Гдѣ онѣ теперь, эти волны, поднимавшія свои непокорныя вершины почти три тысячи лѣтъ тому назадъ? Можетъ-быть, отлившись въ причудливые облики сосѣднихъ кавказскихъ ледниковъ, въ острые шпили и голубые чертоги вѣчной зимы, высятся эти волны въ заоблачныхъ холодахъ надъ горящими зеленью и роскошью долинами? Не бѣгутъ ли поздніе потомки этихъ волнъ вдоль теплыхъ береговъ какой-нибудь южной страны, искрясь сотнями радужныхъ красокъ надъ цвѣтными раковинами моря, или нѣжатся подъ широкими листьями прибрежной древесной растительности исполинской рѣки, отражая въ себѣ желтое, испещренное лицо быстроокаго дикаря, совершающаго надъ ними свою вечернюю молитву. Онъ молится, этотъ дикарь, о судьбахъ своего исчезающаго племени, и молится горячо... его молитва не будетъ услышана. Можетъ-быть, которая-нибудь изъ капель, брызгавшихъ по волнѣ, унесенная вѣтромъ, случайно сѣла на тотъ тлетворный цвѣтокъ, настоемъ котораго, въ добрый часъ отравился какой-нибудь злобный властитель? покоится властитель въ склепѣ, съ короною на головѣ и смертью въ

сердцѣ; обвѣяна капля неподвижнымъ сномъ его бренныхъ останковъ.

Но не счесть же, въ самомъ дѣлѣ, судебъ всѣхъ этихъ капель? И мало ли куда попрятались волны, гулявшія безъ малаго три тысячи лѣтъ тому назадъ по понту Эвксинскому.

Душный лѣтній день давно прошелъ, и темная ночь вступила надъ берегами потемнѣвшаго моря во всѣ свои права. Она не принесла съ собою сна безсоннымъ и страждущимъ; она подстрекнула и придала смѣлости преступленію и сказала ему—совершайся! она наводнила міръ лживостью сновидѣній и въ сновидѣніяхъ этихъ какъ бы показала возможными: свободу, добро и красоту.

Въ легкихъ и совершенно непрочныхъ очертаніяхъ виднѣлись на берегу моря бѣловатыя массы какихъ-то зданій. Это городъ, таинственная Темискира, столица таинственнаго царства амазонокъ, заглохнувшаго въ далекомъ прошломъ.

Ничто, рѣшительно ничто, не напоминаетъ теперь объ этомъ городѣ! Уныло и безлюдно тянется южный берегъ Чернаго моря въ окрестностяхъ Синопа. Ни путешественникъ, ни купецъ не любятъ этого забытаго уголка земли, которому, можетъ-быть, не проснуться больше никогда. А было время, когда именно тамъ, въ Малой Азіи, сосредоточивалась вся историческая жизнь; ущелья и степи ея и теперь полны развалинъ, и глубоко зашевелится почва ея въ часъ страшнаго суда, когда начнетъ собираться въ облики людскіе. Вся она двинется къ долинѣ Іосафата. Вся почва въ тѣхъ мѣстахъ носитъ на себѣ слѣды человѣческаго пребыванія.

Время, о которомъ идетъ рѣчь, было именно тѣмъ временемъ, когда кончался миѳъ и начиналась исторія. Торговцы Финикіи и Греціи, устроивъ свои факторіи по Средиземному, Черному и даже Балтійскому морямъ, раздвинули тогдашнее міровоззрѣніе графическимъ способомъ и

стали убѣждать людей въ томъ, что на свѣтѣ гораздо меньше крылатыхъ чудовищъ, чѣмъ имъ казалось. Одна за другою исчезали въ Греціи народныя справы, и маленькіе, но вполнѣ сложившіеся короли-деспоты являлись первыми провозвѣстниками тѣхъ порядковъ, живучесть которыхъ составляетъ ихъ неоспоримое и главное достоинство.

Къ числу явленій, болѣе близкихъ къ миѳу, чѣмъ къ исторіи, относится царство амазонокъ. Весьма вѣроятное, какъ предполагаетъ наука, въ далекой древности, царство это существовало, но съ теченіемъ времени оно стало невозможностью, и въ ту ночь, о которой мы говоримъ, доживало свои послѣднія времена, утративъ родныя преданія, измѣнивъ прошлому и разлагаясь враждою, измѣною и развратомъ.

Глубокій сонъ обнималъ населеніе Темискиры, и даже сторожевымъ собакамъ не оставалось ничего лучшаго, какъ молчать. Въ получасѣ ходьбы отъ города виднѣлся ярко пылавшій костеръ. Весьма своеобразную картину приходилось освѣщать этому костру: онъ горѣлъ на конскомъ кладбищѣ Темискиры. Вѣрнымъ сподвижникамъ амазонокъ, конямъ, отведено было для погребенія почетное мѣсто на возвышеніи, у самаго моря. Долгіе годы хоронились тутъ кони; ихъ сжигали, какъ и людей, и широко раскинулось кладбище, посвященное праху коней, создавшихъ, безъ малаго на половину, исторію любопытнаго женскаго царства, теперь утраченную.

Костеръ былъ разведенъ посрединѣ кладбища. Подлѣ него высился другой, незажженный костеръ, сложенный изъ толстыхъ брусьевъ, и на немъ покоилась, ожидая на завтра сожженія, павшая лошадь. Это была не простая лошадь которой-нибудь изъ безчисленныхъ наѣздницъ летучаго царства, нѣтъ, это былъ конь молодой красавицы-королевы; предки этого родовитаго коня носились, и не разъ только, а многіе годы, въ степяхъ Скиѳіи, по нынѣшней Россіи.

Свѣжій вѣтерокъ, тянувшій съ моря, сковалъ еще прочнѣе застывшую по жиламъ кровь четвероногаго покойника и слегка пошевеливалъ гриву вдоль вытянутой шеи его. Въ широко раскрытыхъ, померкшихъ глазахъ, обращенныхъ къ огню, свѣтъ лишался тепла и игривости; онъ будто пугался того мѣста, на которое падалъ, и погасалъ на самой поверхности глазъ, не имѣя силъ и отваги пройти въ нихъ глубже. Тѣло коня было отчасти прикрыто гирляндами и вѣнками дубовыхъ листьевъ, и отъ темныхъ и мрачныхъ вѣтвей кипарисовъ, которыми обставленъ былъ костеръ, чуть-чуть отдавало смолистымъ запахомъ.

Не весело было свѣту играть по этой картинѣ смерти, по столбамъ и плитамъ, разсѣяннымъ кругомъ, выдвигая изъ мрака, то здѣсь, то тамъ, гдѣ изображеніе конской головы, гдѣ цѣлый рисунокъ каменнаго рельефа болѣе крупнаго и богатаго памятника.

Съ гораздо бо̀льшею любовью освѣщалъ огонь два живыя существа, находившіяся тутъ же: двухъ сторожевыхъ амазонокъ. Одна изъ нихъ, молодая, задумчивая красавица, сидѣла на камнѣ, воткнувъ передъ собою въ землю короткое копье и опираясь на него обѣими руками. Другая, почти старуха, атлетическаго сложенія, стояла подлѣ, спустивъ съ одного плеча мохнатую бурку; копье ея и серпообразный, составлявшій отличительную особенность амазонокъ, щитъ лежали на землѣ. На головахъ у обѣихъ часовыхъ торчали фригійскія шапочки, перешедшія позже, Богъ вѣсть какими путями, къ итальянскимъ рыбакамъ и террористамъ французской революціи. Бѣлыя, короткія шерстяныя рубахи, безъ рукавовъ, были опоясаны широкими ремнями. Вдоль ногъ амазонокъ, вплоть до остроконечной цвѣтной обуви, оплетенная снизу ремнями ея, морщинилась легкими складками та часть одежды, которую, почему-то, называть собственнымъ именемъ считается некрасивымъ

и которая на древнихъ памятникахъ Египта, Греціи и Рима составляетъ отличительную черту скиѳовъ, парѳовъ и сосѣднихъ съ ними амазонокъ.

Налетѣвшій вѣтерокъ неожиданно зашелестилъ дубовыми листьями, покрывавшими трупъ коня, и прервалъ полусонное молчаніе, царившее между часовыми.

— Свѣжѣетъ,—проговорила старшая, поднявъ на плеча соскользнувшую бурку и переступивъ съ ноги на ногу.

— Старая кровь, Лаодикэ!—отвѣтила сидѣвшая и слегка улыбнулась.

— Старая! А много ли въ вашей-то, въ молодой крови того святого огня, который водилъ насъ еще недавно строить города, собирать дани и рѣшать на шумныхъ сходкахъ судьбы сосѣднихъ намъ королей?

— Съ насъ хватитъ.

— Хватитъ! лжешь ты, Ктезія, а небо лжи не любитъ,— возразила Лаодикэ и улыбнулась въ свою очередь, только другою, болѣе рѣзкою улыбкою.

— А что же? развѣ не гибки мы, не ловки, не сильны? Хуже васъ холимъ мы коней нашихъ, что ли? бѣгали мы отъ кого? опустѣла развѣ казна наша, пусты сокровищницы?

— Гибки вы и ловки, это правда, только не для боя; не бѣднѣе нашей ваша казна, да не къ должному она служитъ; а сокровищницы если не оскудѣли совсѣмъ, такъ только потому, что не всѣхъ вы вашихъ любовниковъ задарили.

— Любовниковъ?!

— А кто же, какъ не любовники, тѣ плѣнники, которыхъ вы прячете и холите, которыхъ ревнуете въ безстыжей нѣжности вашей и допускаете лобзать и тѣшить себя, забывая стыдъ и завѣтъ? Имѣли и мы плѣнниковъ, но только рабами были они у насъ, для племени держали мы

ихъ и не шли за нихъ на поединки. Королева была у насъ въ наше время, а не самка, прости ее боги,—проговорила Лаодикэ почти со злобою и, какъ бы испугавшись сказаннаго, медленно осмотрѣлась.

Непроглядная, молчаливая ночь царила кругомъ, какъ и прежде, и тишина обступала со всѣхъ сторонъ, ничѣмъ не нарушаемая.

— Да,—продолжала старуха, садясь на камень:—не боялись мы въ наше время наушничества и соглядатаи не ходили, какъ теперь, по темнымъ ночамъ, подслушивая сонныхъ и выслѣживая часовыхъ.

Сказавъ это, амазонка замолчала, поправила костеръ и погрузилась въ думу...

...Грезился ей, старухѣ, послѣдній, что-то давно уже забытый, походъ. Онъ направлялся на сѣверъ, къ скиѳамъ. Рѣшено было выступить въ полнолуніе. Разослали гонцовъ по городамъ, амазонокъ оповѣстили. Сталъ оживать, съ прибытіемъ наѣздницъ, пустынный берегъ и зашумѣла Темискира. Тутъ, вотъ, на самомъ этомъ мѣстѣ, по взморью, разставлены были коновязи; краснѣло побережье отъ ночныхъ огней; взрывалась земля неисчислимымъ множествомъ копытъ и воздухъ потрясался ржаніемъ и фырканьемъ. Шумъ, говоръ, бряцанье оружія... Принесли богамъ жертвы, спросили вѣщательницъ, и двинулась на сѣверъ неисчислимая амазонская сила. Покойница королева, ей шелъ тогда шестой десятокъ, ѣхала во главѣ похода. Сосѣдняя степь будто задымилась бѣлыми рубахами наѣздницъ, отѣненными звѣриными шкурами. Милліонами золотыхъ искръ мелькали копья и колчаны и краснымъ огнемъ рѣяли по войску фригійскія шапочки. Шли, сначала, берегомъ, потомъ горами и на новолуніе спустились въ скиѳскія степи.

...Скиѳы провѣдали о походѣ, стали отступать, собираясь въ одну громаду. Искали ихъ амазонки, искали по степи,

наконецъ, завидѣли, сначала одиночекъ, а тамъ и цѣлые отряды.

...Стукнуло сердце въ груди амазонки. Проснулась въ ней тигрица.

...«Тамъ, тамъ, впереди, — нашептывалъ ей кто-то: — смотри, видишь, онъ твой, этотъ скиѳъ! только возьми его— станешь матерью... отдай поводья, пусти скакуна, лови!»

...Занялось ясное, роскошное утро; справа раздались крики; мелкою дробью пронесся по степи топотъ пущенныхъ коней, замелькали впереди неясныя очертанія чужихъ всадниковъ, стали слышны ихъ непонятныя восклицанія. Амазонка отдала поводья... А вотъ и самая свалка. Ничего не разберешь! и только тогда, когда, въ разгарѣ сѣчи, поднимается подъ амазонкою конь на дыбы и рветъ, направо и налѣво, зубами своими шеи малорослыхъ коней противниковъ, видятся амазонкѣ какія-то острыя, темныя, шевелящіяся очертанія. Душно, жарко... вотъ повѣяло свѣжестью; кони почуяли, что очистилось передъ ними мѣсто, что скиѳы бѣгутъ. Погоня! Коней приходится сдерживать. Стоновъ не слышно: всѣ они остались назади, на мѣстѣ свалки. Къ полудню у каждаго сѣдла было по плѣннику, а гдѣ и по два.

«Отчего же не занимаешься ты и теперь, заря, заря? кажется, пора бы тебѣ придти?»—думаетъ амазонка. Оборвалась, пресѣклась дума ея и потонулъ живой шумъ мысли въ суровомъ молчаніи ночи.

— Ужъ не спишь ли ты, молодая, горячая кровь,—сказала она, наконецъ, своему сотоварищу, черноокой красавицѣ, взглянувъ на нее.—Не велишь ли кровать постлать, пологомъ завѣсить?

Въ шуткѣ атлетической старухи слышалась не простая насмѣшка. Въ ней сказывалось чувство презрѣнія къ тому слабому, изнѣженному, какъ ей казалось, существу, кото-

рое сидѣло передъ нею и въ которое, въ настоящую минуту, воплотилось для нея то молодое поколѣніе, которое, по словамъ ея, было гибко и ловко только не для боя, имѣло любовниковъ и вело женское царство на вѣрную гибель.

На слова амазонки отвѣта не послѣдовало; ей, однако, не этого хотѣлось; ей хотѣлось разсердить!

— Клянусь фуріями, блуждающими сегодня въ ночи подлѣ насъ!—воскликнула она, вставъ съ камня и поднявъ правую руку: — я знаю, Ктезія, твою мысль, мѣшающую тебѣ даже замѣтить обиду и отвѣтить на нее.

— Замолчишь ли ты!—крикнула, наконецъ, Ктезія, выхвативъ копье, воткнутое въ землю.

— Ну, ну, зачѣмъ это, сподвижница, — проговорила Лаодикэ, сдерживая злобный смѣхъ: — зачѣмъ? Не надо, оставь копье. Я вѣдь это не тебѣ сказала, не тебѣ, а всѣмъ вамъ, всѣмъ. Не биться же мнѣ со всѣми, да и копье мое на землѣ, вонъ, лежитъ. Я вѣдь у тебя твоего красавца не отнимаю. Ему теперь хорошо, очень хорошо! Зачѣмъ ты его уступила?

Старая Лаодикэ была вполнѣ довольна только-что случившимся, и крупная, могучая фигура ея, взволнованная смѣхомъ, мало-по-малу пришла въ порядокъ и успокоилась. Обозначились въ свѣтѣ пламени, неподвижно, какъ прежде, темныя складки ея бѣлой рубахи, сползла и замерла тяжелая бурка.

Преобразилась и Ктезія. Не обида, заставившая ее схватить копье, вызвала сразу смертную блѣдность на ея цвѣтущія щеки и усилила, участила бой молодого сердца. Мягко свѣтились въ мерцаніи пламени, словно ожившіе, глаза амазонки; высоко поднималась трепетавшая грудь... давила красавицу непроглядная тьма, тяготила одежда...

— Но гдѣ же онъ?—прошептала она, наконецъ, обращаясь къ старухѣ:—гдѣ? знаешь, такъ скажи!

— Близко.

— Знаешь? тѣмъ лучше!—проговорила Ктезія какъ бы нехотя и подняла на всезнающую свои большія, темныя очи, стараясь допытать: дѣйствительно ли знаетъ она, гдѣ онъ, или лжетъ?

— Хочешь ли, я скажу тебѣ, потѣшу тебя, красавица,—проговорила, наконецъ, Лаодикэ, медленно подойдя къ ней и ударивъ рукою по плечу:—хочешь ли, я скажу тебѣ, гдѣ и у кого запропастился твой смуглолицый плѣнникъ, твоя услада, къ которому ты и прикоснуться не успѣла, какъ онъ пропалъ и невѣсть куда скрылся?

Слово было намѣчено вѣрно. Сидѣвшая до сихъ поръ неподвижно, красавица Ктезія поднялась съ мѣста безмолвная, настигнутая врасплохъ, а звонкій и неожиданный хохотъ Лаодикэ разнесся далеко по кладбищу, и эхо отвѣтило ему и тоже захохотало.

— Сказать тебѣ, сказать?!—повторила Лаодикэ, поддразнивая и продолжая смѣяться.—О, вы, преемницы нашей славы, нашей удали,—вотъ онѣ! вотъ чѣмъ и какъ расшевеливаются ваши кроткія души, созданныя для того, чтобы маяться за прялками, да кормить слабою грудью дѣтенышей дряблаго племени...

— Тутъ, въ городѣ, подлѣ?—воскликнула Ктезія.

Лаодикэ сдѣлала головою утвердительный знакъ.

— Значитъ, это не правда, что его увезли?

— Не правда.

— И не правда, что онъ бѣжалъ?

— Не правда.

— О! тогда онъ мой, мой, я найду и возьму его,—проговорила Ктезія, и дыханіе ея стало еще порывистѣе, еще горячѣй.

— Возьмешь?! у королевы-то возьмешь?! у самой королевы?—повторила Лаодикэ и откинула голову назадъ, чтобы

лучше видѣть и насладиться впечатлѣніемъ, произведеннымъ ея словами.

Амазонка-атлетъ побѣдила: впечатлѣніе было полное, рѣшительное...

Въ это самое мгновеніе двѣ золотыя искры прорѣзали мракъ ночи, будто братья-близнецы, едва обозначившись полосками въ пути своемъ надъ костромъ, и скрылись гдѣ-то подлѣ. Это Касторъ и Поллуксъ! сказали бы тогдашніе люди, увидѣвъ эти золотыя искры, промчавшіяся по ночи. Слышенъ былъ также короткій, плакучій звукъ тетивы, и обѣ амазонки упали мертвыми.

Изъ темноты вышли двое...

Припавъ щекою къ плечу молодого, смуглолицаго, стройнаго проводника и обнявъ его шею рукою, шла неровнымъ шагомъ, не спуская глазъ со своего провожатаго, красивая женщина. Чѣмъ ближе подходили они къ костру, тѣмъ замѣтнѣе было сладкое утомленіе въ лицѣ женщины. Черныя косы ея падали вдоль бѣлыхъ складокъ хитона, окаймленнаго пурпуромъ. Въ правой рукѣ ея виднѣлась снятая съ головы фригійская красная шапочка, отличавшаяся тѣмъ отъ шапочекъ только-что убитыхъ амазонокъ, что по нижнему краю ея ярко блестѣлъ кованый золотой вѣнчикъ.

Это была королева...

Подойдя къ костру, она остановилась.

— Мой милый, мой желанный,— прошептала она, обратившись лицомъ къ своему проводнику и обнявъ его обѣими руками:—не сыщутъ онѣ тебя у меня, не сыщутъ, не возьмутъ!

Убитыя амазонки лежали подлѣ, не шевелились и не спорили.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

БОРОВЪ.

Лѣтняя пора въ концѣ XVI вѣка; раннее утро; яркое солнце. Виденъ небольшой городокъ, построенный на утесахъ; утесовъ такъ много, что самый городъ носитъ названіе «Утесистаго»—Falaise.

Городъ окруженъ высокою стѣною, съ башенками и бойницами; стѣны бѣгутъ по скаламъ и оврагамъ. Треугольныя вершины домовъ, бо̀льшею частью деревянныхъ, многоэтажныхъ, глядятъ изъ-за стѣнъ плотною, сбившеюся массою. Несмотря на яркое солнце, эта сплошная куча строеній, по которой, кажется, и улицѣ пройти негдѣ—такъ она густа,—обрисовывается темными, острыми профилями по свѣтло-бирюзовой дали. Видно нѣсколько иголъ съ крестами; это шпили церквей, торчащіе въ воздухѣ и весьма художественно нарушающіе сравнительное однообразіе городскихъ строеній. Дальше—рѣка; еще дальше—лѣса и горы, и опять лѣса, кое-гдѣ перерѣзываемые пастбищами. Мѣстами на вершинахъ горъ темнѣютъ сосѣдніе за̀мки, башни, стѣны; это ястребиныя гнѣзда рыцарей.

Передъ самыми городскими воротами, разсѣвшись по пустырю, собралось много народу. Народу все прибываетъ. Надъ толпою, значительно болѣе пестрою, чѣмъ толпы въ

наши дни, давно посѣрѣвшія и обезцвѣченныя, возвышаются нѣсколько висѣлицъ. Палачъ, весь въ пурпурѣ, тоже на своемъ мѣстѣ: онъ расхаживаетъ между висѣлицъ. Красный дѣтина захотѣлъ выпить. Кабакъ возлѣ. Это было такъ принято въ то время, чтобы лобныя мѣста и кабаки стояли рядомъ.

Толпа, завидѣвъ идущаго палача, съ отвращеніемъ и страхомъ къ этому непремѣнному дѣятелю среднихъ вѣковъ, раздалась въ стороны. Многіе изъ тѣхъ, что̀ замѣчали его приближеніе не во̀-время, завидѣвъ сразу подлѣ себя, кидались въ сторону точно ошпаренные и уходили въ толпу, нашептывая молитву. Палачъ подошелъ къ открытой ставкѣ кабака.

На скамьяхъ, подлѣ стола, сидѣли не старыя и сильно обнаженныя по плечамъ женщины. Какія-то сѣтки, разныхъ цвѣтовъ, съ весьма большими клѣтками, очень слабо прикрывали ихъ нагія шеи и грудь чуть не до пояса. Сѣтки не созданы для того, чтобы скрывать что-либо; оттого-то и одѣли ихъ эти женщины, составлявшія тоже необходимую въ тѣ дни принадлежность кабаковъ, расположенныхъ подлѣ лобныхъ мѣстъ. Между ними красовалось человѣкъ пять королевскихъ арбалетчиковъ и латниковъ, исполнявшихъ полицейскую службу.

Эти арбалетчики, латники и женщины палача не особенно пугались; первые были ему свои люди, представители власти; женщины, на половину пьяныя, очень веселыя, видѣли и не такіе виды и были всѣмъ свои.

— Что же они медлятъ, однако?—проговорилъ плечистый дѣтина, латникъ, вставъ изъ-за стола по приближеніи палача и осушая залпомъ кружку сидра, искони вѣковъ мѣстнаго нормандскаго напитка.

— Законныя формы исполняютъ, а на это время надобно,—отвѣтилъ ему арбалетчикъ.

Женщины захихикали. Палачъ пріосанился, поправилъ поясъ и принялся пить.

Въ это время изъ города донесся одинокій ударъ колокола.

Въ толпѣ зашелестило.

— Потянулись! повезли! Господи, спаси ихъ души! бѣдные!—раздалось по сторонамъ.

Палачъ, бросивъ деньги на столъ, безмолвно, какъ пришелъ, направился къ висѣлицамъ. Кабатчикъ деньги, отданныя ему, швырнулъ въ стоявшую на колѣняхъ и костыляхъ безобразную толпу нищихъ и калѣкъ. Прокаженная и грязная куча людей бросилась подбирать деньги...

Толпа передъ палачомъ раздалась снова. Шумъ и говоръ прекратились. Послышался другой ударъ колокола, третій... Это были какія-то звуковыя ступени смерти, разносившіяся по утреннему воздуху; въ то же время это былъ голосъ дома молитвы.

* * *

Слова, сказанныя арбалетчикомъ: будто надъ осужденными законныя формы исполняютъ и потому медлятъ, были особенно типичны и особенно вѣрны въ то время. Никогда, нигдѣ не жгли, не терзали, не грабили съ такою законностью, какъ во Франціи при Филиппѣ Красивомъ. Королю во что бы то ни стало нужна была сила. Рыцарство—тогдашняя сила—относилось враждебно къ королю, какъ къ воплощенію идеи власти, и ему приходилось поискать другой помощи. Филиппъ догадался: онъ далъ право голоса буржуазіи и создалъ полицію. Явилось нѣчто совсѣмъ новое. Машина стояла готовая — нужны были люди; нужно было создать нити, протянуть ихъ отъ трона по всему королевству для того, чтобы въ каждую данную минуту имѣть возможность пошевелить въ любомъ уголку страны, въ желанномъ направленіи, ту или другую фигурку, представительницу короны и ея интересовъ!

Появились законы, тысячи, десятки тысячъ новыхъ за-

коновъ, собраны старые, и вся эта махинація построена не просто, не безъ системы, но на незыблемыхъ основаніяхъ кодекса Юстиніанова, знаменитаго римскаго права!

Окруженный клерками, легистами, всякими chevaliers-es-lois и цѣлою арміею чиновниковъ, писцовъ и ярыжекъ, Филиппъ явился какимъ-то новымъ, небывалымъ человѣкомъ посреди феодальнаго, вооруженнаго отъ головы до ногъ, міра. Чернильная армія его людей, предводимая Нагоретами, Плазіанами и Мариньи, оказалась дѣйствительно всемогущею. Заручившись пандектами, соблюдая юридическія формы, клерки и легисты сумѣли взять живьёмъ даже самого папу Бонифація; они выжгли, вырѣзали, вытравили изъ человѣчества рыцарскій орденъ тампліеровъ, покупавшій цѣлыя королевства и владѣвшій ими; они дали Филиппу войско, чтобы душить возмущенія. Въ одинъ прекрасный день король объявилъ себя собственникомъ всѣхъ заемныхъ писемъ, данныхъ кѣмъ-либо евреямъ, и добавилъ, что не будетъ принимать уплаты по нимъ имъ же самимъ чеканенною дрянною французскою монетою; евреи были въ тѣ дни единственными банкирами, и клерки оборудовали дѣло многомилліонное. Въ другой разъ, король повелѣлъ гражданамъ земли французской выдать королевской казнѣ половину всей домашней серебряной утвари; это были другіе милліоны, добытые клерками.

И все это писалось и отписывалось, обставлялось законами и ихъ толкованіями и выражалось не просто, а вѣжливо, граціозно и умно:

«Такъ какъ,—писалъ король епископамъ:—данное достойнѣе и пріятнѣе Богу и людямъ, чѣмъ вытребованное, мы просимъ вашу щедрость заплатить намъ, королю, двойную противъ прежняго подать, или пятую часть, вмѣсто десятой, доходовъ вашихъ».

«Мы невинны!»—вопили пытаемые тампліеры, сокровища

которыхъ нужны были Филиппу, — слѣдовательно, нужна была смерть ихъ собственниковъ.

«Богохульники!»—отвѣчали имъ на это легисты:—«вы не можете быть невинны, потому что, по писаніямъ св. отцовъ, даже праведный грѣшитъ не менѣе семи разъ въ день. Вы противорѣчите отцамъ церкви, а это святотатство...» Святотатство достойно казни, и ихъ казнили; но форма была соблюдена, и такъ-называемый «процессъ тампліеровъ» длился цѣлыхъ семь лѣтъ.

Фальшивымъ монетчикомъ называли Филиппа современники; потомство гораздо вѣжливѣе: оно называетъ его Красивымъ. Учрежденіе клерковъ и легистовъ показалось недурнымъ и его наслѣдникамъ, но это не мѣшало тому, чтобы, при всякомъ послѣдующемъ царствованіи, казнили самаго виднаго клерка предыдущаго царствованія: послѣ Филиппа Красиваго—палъ Мариньи, послѣ Филиппа Длиннаго—Жераръ Гвектъ, послѣ Карла Красиваго—Реми. Благодарность—всегда благодарность.

Въ народѣ молчали; въ концѣ концовъ онъ, конечно, а не кто другой, несъ на себѣ уплату грѣха фальсификаціи монеты, онъ запугивался кострами, висѣлицами, пытками, его застращивали именемъ закона и формальностью юрисдикціи. Въ грубой чувственности старался онъ забыть свою голь, и развратъ самый невѣроятный, цинизмъ самый глубокій проступали вездѣ съ самою полною откровенностью.

Общество повыше, почище, если только общество существовало въ тѣ дни нарожденія соціальныхъ элементовъ, оказывалось не лучше. Женщины четырнадцатаго вѣка дали возможность появленія на свѣтъ эротической эпопеи «Roman de la Rose», съ ея продолженіемъ. Женщины были обижены этимъ романомъ,—говоритъ хроникеръ,—особенно при дворѣ; онѣ задумали высѣчь автора въ королевскомъ же дворцѣ, и онъ спасся только хитростью.

Поэма его сохранилась; въ ней есть слѣдующіе характерные стихи:

«Car nature n'est pas si sotte...
«Ains vous a fait, beau fils, n'en doubtes,
«Toutes pour tous, et tous pour toutes
«Chascune pour chascun commune
«Et chascun commun pour chascune...

Позже, когда прошло время легистовъ и клерковъ, эротическая манія осталась, и именно при дворѣ и въ семьѣ Филиппа, гонявшагося за деньгами, сказали свое первое слово тѣ любовныя неистовства, преемственность которыхъ тянется красною нитью по бѣлымъ лиліямъ французскаго королевскаго дома, вплоть до великой революціи.

Лѣтъ сто послѣ Филиппа начались другія формальности, другая юрисдикція, и черненькіе клерки и легисты его времени стушевались.

* * *

Удары колокола шли такъ же равномѣрно одинъ за другимъ, какъ и прежде.

— Кого-то ведутъ? съ кѣмъ-то покончатъ?—слышались въ толпѣ голоса старухъ.

За далью разстоянія нельзя было распознать участниковъ печальной церемоніи, но любопытство навостряло глаза, стараясь осилить разстояніе. Толпа, какъ извѣстно, любитъ казни, но въ тѣ дни келейнаго судопроизводства и безцеремонной расправы это любопытство имѣло характеръ болѣе основательный. Не диво было увидѣть, совершенно неожиданно, идущимъ на висѣлицу брата, отца; за что̀ и про что̀—вѣдалъ одинъ Богъ: такъ было нужно.

Впрочемъ, приблизительно около того времени, о которомъ мы говоримъ, любопытству толпы нанесенъ весьма значительный ударъ. Король, т.-е. клерки, въ постоянномъ попеченіи своемъ о народѣ, положили конецъ вѣшанію,

сжиганію и четвертованію людей нагими, какъ это было до того. Ордонансы судебной власти «одѣли казнимыхъ» и этимъ, конечно, въ значительной степени ослабили яркость картины казней. Распоряженіе это являлось новымъ, и, какъ и всякое новое распоряженіе, наблюдалось въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, съ точностью самою добросовѣстною.

Такъ было это и теперь. По мѣрѣ приближенія процессіи, въ ней не замѣчалось, какъ прежде, сыновъ Адама, лишенныхъ одежды. Нагія тѣла ведомыхъ на казнь не выдѣлялись своею яркою бѣлизною между темными рясами сопутствовавшихъ имъ юристовъ и монаховъ. Въ этомъ сказывался прогрессъ, одинъ изъ тѣхъ безконечно утѣшительныхъ, маленькихъ шажковъ въ развитіи человѣчества, которыми любуются тѣ, кто любоваться можетъ.

На этотъ разъ казнь не могла бы, повидимому, обѣщать много любопытнаго. Процессія шла не длинная, и казнимыхъ виднѣлось немного.

Прежде всего выступалъ толстый монахъ, съ распятіемъ въ рукѣ; его лицо, какъ и лица шедшихъ за нимъ монаховъ, было завѣшано чернымъ покровомъ; для глазъ продѣланы отверстія. Кто именно шелъ подъ власяницею—сказать было невозможно. Ничто не мѣшало, въ случаѣ надобности, одѣть монахами полицейскихъ или хоть женщинъ, и необходимая религіозность обстановки достигалась. Монахи шли молча; въ рукахъ ихъ горѣли и дымились факелы.

Вслѣдъ за ними, съ руками, связанными за спиною, шли двое осужденныхъ мужчинъ, понуривъ головы, уставивъ глаза въ землю. Имъ во слѣдъ сѣменилъ ногами третій, молодой человѣкъ; его держали на веревкѣ, и не трудно было отличить въ немъ, въ его ярко блестѣвшихъ глазахъ, въ постоянной улыбкѣ лица, въ звукахъ голоса, распѣ-

вавшаго молитву, человѣка сумасшедшаго и рѣшительно не понимавшаго, куда его ведутъ и въ чемъ тутъ дѣло.

Далѣе слѣдовала телѣга съ большою, деревянною клѣткою, запряженная чахлою лошаденкою. Въ ней, при болѣе подробномъ разсмотрѣніи, замѣчалось два предмета. Одинъ, неподвижный, представлявшій изъ себя какую-то не вполнѣ правильную массу, былъ явленіемъ обыкновеннымъ: женщиною, прошедшею пытку и не могшею идти на собственныхъ ногахъ. Лицо ея приходилось вплотную къ одной изъ сторонъ клѣтки, и глаза были открыты; богатая коса отчасти спускалась за край клѣтки и конецъ ея почти волочился по грязи. Отъ движенія телѣги по кочковатой дорогѣ, лицо женщины то и дѣло стукалось о деревянные колья клѣтки, но чувствовала несчастная очень немного: жизни оставалось въ ней какъ разъ настолько, чтобы не пришлось вѣшать трупъ; разсказать могла бы она, если бы языкъ остался цѣлъ, конечно, больше, чѣмъ всѣ другіе ея сотоварищи по путешествію: бѣдняга была и красива, и молода...

Еще таинственнѣе глядѣлъ, ближайшій къ ней, другой заключенный въ клѣткѣ. Этотъ другой, возбуждавшій всеобщее любопытство, былъ дородный, усердно хрюкавшій боровъ. Хрюканье это нарушало удивительно странно тишину шествія и какъ бы разъединяло еще болѣе отдѣльные удары церковнаго колокола, доносившіеся изъ города. Этотъ боровъ значился тоже въ числѣ казнимыхъ!

Процессія остановилась.

Латники, пришедшіе съ нею, и тѣ, которые ожидали ее на мѣстѣ, занялись удаленіемъ народа въ сторону, и палачъ приступилъ къ послѣднимъ приготовленіямъ. Уже всѣ четверо изъ пересчитанныхъ осужденныхъ качались на веревкахъ, когда черный клеркъ прочелъ также и пятое изъ постановленій королевскаго суда, опредѣлявшее смертную казнь—борову!

Боровъ имѣлъ неосторожность убить человѣка. За убійство законъ опредѣлялъ смертную казнь. Боровъ долженъ былъ искупить преступленіе, но такъ какъ новый законъ требовалъ, чтобы, избѣгая соблазна толпы, казнимые прощались съ жизнію одѣтыми—предстояло одѣть борова. Объ этомъ подумали раньше, и изъ города привезена женская одежда; одеждъ всегда оказывалось довольно много при мѣстахъ заключеній.

Толпа молчала упорно и глухо; зато черная, несмѣтная стая воронъ, налетѣвшая изъ сосѣдняго лѣса и расположившаяся по крышѣ и изгороди кабака, по висѣлицамъ, заявляла о своемъ прибытіи дружнымъ карканьемъ.

Борова одѣли въ привезенную юбку и правосудіе исполнило свое дѣло и надъ нимъ... Формальное правосудіе ошиблось, однако, и на этотъ разъ: борова не слѣдовало вѣшать въ юбкѣ.

ФОРНАРИНА.

На папскомъ престолѣ Левъ X. Рафаэль въ полномъ развитіи таланта и на высотѣ славы.

Богатая звѣздами, но безлунная, осенняя ночь опустилась надъ Римомъ.

Кому знакомы нынѣшнія очертанія вѣчнаго города, если смотрѣть на нихъ съ Monte-Pincio, не понялъ бы сразу, гдѣ онъ находится. Съ той стороны, гдѣ поднимается сегодня, въ глубокой правильности очертаній, куполъ святого Петра, тамъ было пустое мѣсто, и по темной синевѣ неба пылали звѣзды. Постройка собора въ тѣ дни была доведена только до основаній барабана, и вкругъ него торчали верхи безчисленныхъ лѣсовъ. Самаго купола еще не существовало; о немъ говорили, спорили, его разгадывали. Не существовало и знаменитыхъ колоннадъ, охватывающихъ площадь; ихъ только еще проектировали и намѣревались охватить ими не одну только площадь, но и значительную часть, а можетъ-быть и весь Римъ, включивъ его такимъ образомъ въ объятія католической церкви. Какая гигантская мысль, какія холодныя, красивыя объятія!

Эта мысль, вѣроятно, была бы приведена въ исполненіе если бы не знаменитые тезисы, которые какой-то Лютеръ,

гдѣ-то далеко на сѣверѣ, прибилъ къ стѣнамъ виттенбергской церкви; простая бумага этихъ тезисовъ въ Виттенбергѣ разрушила мраморы и бронзы возрожденія въ Римѣ.

Мастерская Рафаэля помѣщалась съ одной стороны соборной площади,—изображеніе этого зданія дошло до насъ, само же оно снесено для того, чтобы уступить мѣсто колоннадамъ.

Немного позже полуночи, въ одномъ изъ открытыхъ оконъ мастерской Рафаэля отдернули занавѣску; свѣтъ, замѣчавшійся въ мастерской съ улицы только въ скважины между занавѣсками и боками оконъ, хлынулъ весьма обильно въ темную ночь, раскинулся квадратомъ по мостовой и захватилъ часть стѣны противолежавшаго дома.

Въ окнѣ показался Рафаэль: онъ облокотился на подоконникъ и продолжалъ съ кѣмъ-то, невидимымъ съ улицы, разговоръ. Въ тишинѣ ночи, его голосъ звучалъ довольно ясно; подслушать было, однако, невозможно. Онъ говорилъ съ Форнариною; она находилась у него.

А было о чемъ говорить. Не дальше, какъ сегодня утромъ, его святѣйшество, папа, приставивъ къ глазу свою классическую лорнетку, хорошо знакомую намъ по портрету его, писанному Рафаэлемъ, приказалъ высѣчь одного изъ импровизаторовъ за скверные стихи; зато смѣялся онъ отъ души удачнымъ шуткамъ своихъ буффоновъ. Позже ѣздилъ папа смотрѣть вновь отрытую подлѣ термъ Каракаллы статую Венеры; Рафаэль сопутствовалъ ему. Статуя лежала наполовину въ землѣ и обнажены были только голова и плечи, когда они прибыли. Бѣлыя очертанія ея мраморнаго лика, осторожно освобожденныя отъ хранившей и окружавшей ихъ бурой земли, глядѣли залитыя полуденнымъ солнцемъ. Левъ X, подойдя къ ней и приставивъ лорнетку къ глазу, нагнулся и улыбался; улыбалась ему въ отвѣтъ и статуя.

— Это важнѣе лютеровскихъ тезисовъ!—замѣтилъ папа, обращаясь къ Рафаэлю.

— Это можно было бы нарисовать, — сказалъ Рафаэль Форнаринѣ, вспоминая слова папы:—и вышло бы чрезвычайно красиво—папа, наклонившійся надъ статуею Венеры! Меня вообще поражаютъ контрасты, и когда я вспомню, что немного лѣтъ назадъ, въ томъ же дворцѣ, гдѣ теперь властвуетъ Левъ X, властвовалъ Юлій II, и что я самъ видѣлъ его опоясаннымъ мечомъ, идущимъ осаждать крѣпость, мнѣ ужасно жаль, что я не сдѣлалъ тогда его портрета.

Рафаэль былъ правъ, упомянувъ о контрастахъ. Остръ, язвителенъ, одуряющъ былъ воздухъ этого удивительнаго времени возрожденія. Литаніи въ церквахъ распѣвались на мотивы плясовыхъ пѣсенъ; картины монастырскихъ рефекторій и сакристій пылали обольстительною наготою чудесныхъ красавицъ, изображавшихъ кающихся Магдалинъ; просторъ открывался всякому преступленію, но зато скатертью шла дорога таланту и генію. Почти одновременно живутъ и дѣйствуютъ: залитый кровью Цезарь Борджіа; ухмыляющійся, торгующій собою праотецъ журналистики Аретинъ; фанатики и аскеты Саванарола и Фра-Бартоломео; банкиры-сибариты размѣровъ герцога Лоренцо; колоссы таланта—Леонардо-да-Винчи, Микель-Анджело, Рафаэль; цвѣтетъ эротическая поэзія Декамерона и совершаются печальныя, траурныя повѣсти семьи Ченчи и многихъ, многихъ другихъ. До какихъ предѣловъ доходила въ Италіи виртуозность преступленія, видно на примѣрѣ одного священнослужителя алтаря, по имени Пеллегати. Рафаэлю минуло тринадцать лѣтъ, когда въ Феррарѣ, въ желѣзной клѣткѣ, снаружи крѣпостной башни, былъ выставленъ на позоръ этотъ Пеллегати. Совершивъ литургію, онъ вслѣдъ затѣмъ убилъ человѣка и былъ прощенъ папою;

затѣмъ, оставаясь священникомъ, убиваетъ еще четверыхъ, женится на двухъ женахъ, съ которыми путешествуетъ, и, ставъ во главѣ шайки, гуляетъ по странѣ, убивая и насилуя безъ счета: и это не сказка, а историческая быль.

На все это, и многое подобное, Левъ X милостиво смотрѣлъ сквозь свою классическую лорнетку. Чрезвычайно самостоятельно красуется на этомъ искрящемся фонѣ того времени спокойная, ясная фигура Рафаэля. Всѣ почести земныя осѣнили его. Онъ былъ молодъ и счастливъ, и геніальнѣе его не было никого; весь Римъ знаетъ его въ лицо; онъ ходитъ не иначе, какъ сопровождаемый полусотнею учениковъ и почитателей. Онъ не особенно красивъ, средняго роста, но сложенъ хорошо. Длинные, свѣтлые волосы, слегка кудрявясь, падаютъ на плечи изъ-подъ небольшой черной бархатной шапочки; шея его длиннѣе чѣмъ слѣдуетъ; черты лица, носъ—почти неправильны, но глаза... эти глаза удивительны! они заслоняютъ собою всего человѣка; они свѣтятся такимъ блаженнымъ, внутреннимъ свѣтомъ! они полны такимъ чрезвычайнымъ, невѣроятнымъ для того времени, покоемъ!..

Злые языки, изъ клики его соперника Микель-Анджело, подтруниваютъ, будто папа хочетъ дать Рафаэлю красную кардинальскую шапку и что Рафаэль добивается этого; сторонники Рафаэля ехидно отвѣчаютъ на это, говоря, что красный цвѣтъ давно уже нашелъ себѣ болѣе приличное мѣсто, а именно на красныхъ сапогахъ Микель-Анджело, въ которыхъ онъ, покашливая, ходитъ по старой памяти къ такой же старой, какъ и самъ онъ, Викторіи Колоннѣ! О привязанностяхъ Рафаэля сторонники его умалчивали, а между тѣмъ онѣ имѣлись, эти привязанности... и ихъ было много, но одна, главная, стояла особнякомъ: — Форнарина.

Кто она?

Форнарина! попросту—булочница! даже некрасиво! Не искать ли отвода глазъ въ этомъ странномъ имени? Что она существовала—это несомнѣнно: она чувствуется въ историческомъ очертаніи фигуры самого Рафаэля, она свѣтитъ изъ нея.

Отдѣльныя черты лица Форнарины проскальзываютъ иногда въ мадоннахъ и другихъ женскихъ головкахъ Рафаэля, но нигдѣ не сосредоточиваются вполнѣ. Ни про одну головку нельзя сказать: вотъ она! Какимъ-то чуть слышнымъ дуновеніемъ струится подлѣ историческаго облика знаменитаго любовника эта прекрасная женщина, смѣсь легенды и правды, чьихъ-то предположеній и намековъ, чьихъ-то нескромныхъ подсматриваній и собственныхъ неосторожностей, и на этой свѣтлой ткани не тяготѣетъ даже легчайшаго изъ всѣхъ видовъ плоти—имени!

Доносъ, извѣтъ, сплетня цѣнились въ то время чрезвычайно высоко; за нихъ платили золотомъ, почестями, любовью красавицъ. Какъ было, казалось, не узнать людямъ, когда стѣны подслушивали, потолки видѣли, и гдѣ же? подлѣ самого Рафаэля! Не узнали, однако. Но Форнарина сдѣлала свое: она свѣтила Рафаэлю, обозначилась и сгинула для того, чтобы жить навсегда.

— Кардиналъ Бибіена опять слѣдилъ за тобою?—спросилъ Рафаэль, неожиданно обратившись къ Форнаринѣ.

Она сидѣла въ высокомъ, крытомъ пунцовымъ бархатомъ, креслѣ, на которомъ не разъ приходилъ сиживать самъ папа, и, ярко освѣщенная, рисовалась прелестно, составляя живой центръ роскошной мастерской, со стѣнъ, изъ угловъ, съ треногъ которой глядѣли, въ набросках, этюдахъ и повтореніяхъ, многія изъ извѣстнѣйшихъ работъ Рафаэля.

Зеленое бархатное платье, обшитое по краямъ золотою оборкою, лежало хвостомъ своимъ, въ густыхъ, массивныхъ

складкахъ, на полу; на высокихъ буфахъ, подлѣ плечъ, сквозили прорѣзи бѣлаго атласа; бѣлымъ атласомъ прикрыта была грудь и часть шеи: не будь этого атласа, низко вырѣзанный корсажъ могъ бы казаться нескромнымъ и не идти Форнаринѣ...

Насколько не былъ красавцемъ Рафаэль, настолько же не была красавицею и она. Оттого, вѣроятно, не видно выдающихся земныхъ красавицъ и между всѣми женскими лицами, вышедшими изъ-подъ его кисти. Зато сколько въ нихъ женственности, прелести, очарованія! Сколько задумчивости, сколько мысли!..

Въ отвѣтъ на вопросъ Рафаэля о кардиналѣ Бибіена, Форнарина молча кивнула головою.

— О! оставайся, оставайся такъ!—неожиданно проговорилъ Рафаэль, быстро поднявшись, отойдя отъ окна и направившись къ ней.

— Зачѣмъ?

— Я напишу тебя!

Форнарина быстро поднялась съ мѣста и отрицательно покачала головою.

— Такъ, значитъ, опять нельзя?—проговорилъ Рафаэль, тихо приближаясь къ ней и глядя ей въ глаза.—Почему же не хочешь ты оставить слѣда по себѣ? Зачѣмъ не позволяешь ты мнѣ, для меня, для одного меня, не по памяти, какъ я это дѣлаю, раскидывая твои прелестныя черты по отдѣльнымъ лицамъ картинъ, а съ тебя самой, съ тебя, сіяющей модели моей, созданной Богомъ, написать хотя бы разъ, хотя одинъ только разъ?

— Потому что я люблю тебя!—негромко отвѣтила Форнарина.

Сдѣлавъ шагъ къ Рафаэлю, она взяла его за руку, подвела къ креслу и просила сѣсть вмѣсто себя. Сама она облокотилась на его плечо.

Существуетъ картина одного художника, изображающая подобную сцену между Рафаэлемъ и Форнариною. Художникъ, для бо̀льшей ясности мысли, нарисовалъ за ними улыбающагося амура, натягивающаго лукъ; но присутствіе этого шаловливаго, смѣлаго, вертляваго бога въ ту минуту было бы чрезвычайно неумѣстно. Его и быть не могло. Зато звучала тихая-тихая рѣчь Форнарины, подъ обаяніемъ которой Рафаэль, сидѣвшій въ креслѣ, оставался недвижимъ.

— Люблю тебя давно и буду любить! — сказала она. — Знаешь ли ты, что̀ значитъ скупость? Я скупа! Если бы я, во всеуслышаніе, объявила себя твоею, мнѣ бы стыдно не было; нѣтъ коронованнаго князя, нѣтъ принца крови, который не считалъ бы за честь придти сюда, ко мнѣ, къ твоей любовницѣ, въ блестящій кругъ большихъ и славныхъ людей, которыми ты окруженъ. Но тогда наша любовь, какъ я о ней думаю, лишилась бы своей скромности, и цѣльною, какъ теперь, она бы не была: разглашенная любовь — улетучивающаяся любовь! А я этого не хочу, не могу, и вотъ почему я такъ скупа. Не только жаль мнѣ потерять что-либо изъ любви нашей, но я даже изображенія своего, принадлежащаго этой любви, не дамъ. Люди скажутъ тогда: это съ нея снято! А я вся твоя, да, вся, вся. Ты понялъ?

Ничего не отвѣчая и не выпуская руки Форнарины, Рафаэль придвинулъ ногою инкрустованный перламутромъ табуретъ и уговорилъ ее сѣсть.

— Знаешь ли что̀,—продолжала Форнарина:—кардиналъ Бибіена добьется своего: онъ женитъ тебя на своей племянницѣ.

— Не хочешь ли ты сама просить его объ этомъ? — проговорилъ Рафаэль.

— Да... буду!

Рафаэль никакъ не ожидалъ этого отвѣта. Онъ всталъ съ мѣста и молча отопелъ. Сердце его сжалось неожиданно и быстро: онъ испугался этихъ словъ.

— Слушай,—продолжала Форнарина:—но только слушай до конца! Я знаю, чье высокое ходатайство хочетъ твоей свадьбы! Этого хочетъ самъ папа! Я знаю, какъ трудно было тебѣ, много разъ, отклонять его; я знаю, что продолжаться эти отказы твои не могутъ; я видѣла Марію, которую тебѣ прочатъ; ты не можешь долѣе отказываться. Ты должен...

— Однако...

— Послушай... Обрученіе еще не свадьба! — замѣтила Форнарина:—обручись!..

— И это ты просишь меня! ты! объ этомъ?!

— Я не только прошу, я куплю твое согласіе, потому что оно нужно!—почти прошептала Форнарина.

— Купишь! — воскликнулъ Рафаэль, рѣшительно недоумѣвая.

— Да, да!—отвѣтила Форнарина увѣренно:—куплю.

Она встала съ мѣста. При первыхъ шагахъ по направленію къ Рафаэлю, стоявшему поодаль, обрисовался роскошный станъ, охваченный зеленымъ бархатнымъ корсажемъ; на широкой золотой цѣпи, укрѣпленной на одномъ изъ бедръ и спускавшейся съ другой стороны ниже колѣна, опустился и повисъ цѣнный, усыпанный изумрудами кошель, необходимая принадлежность женщины того времени. Выпрямились, вытянулись складки тяжелаго бархата платья, и мелкія тѣни перебѣжали на другія мѣста его, точно заиграли; Форнарина оправила волоса.

— Ты,—продолжала она не громко:—только-что говорилъ мнѣ, что я не позволяю тебѣ рисовать съ себя, что ты рисуешь меня по памяти?

— Говорилъ.

— Ты говорилъ, что недоволенъ своими моделями? Я тебѣ моделью не служила никогда... Ты умолялъ, просилъ, грозилъ... Но ты меня все-таки моделью не взялъ... Обѣщай обручиться съ Маріею—и тогда пиши съ меня!

Форнарина направилась къ окну, опустила занавѣску и, подойдя къ Рафаэлю, стала передъ нимъ. Рафаэлю почудилось, какъ бы сквозь сонъ, что щелкнулъ замочекъ женскаго пояса, который передъ нимъ снимали; что блеснули острыя грани пуговицъ изъ-подъ разстегивавшихъ ихъ пальцевъ; что тяжкія складки зеленаго бархата стали перебѣгать, перемѣщаться, ломаться какъ-то иначе, непривычно рѣзко, падать одна на другую, и что ему говорили:

— Ты напишешь всю меня, всю... но только лица не напишешь... не правда ли?..

Модель стояла передъ художникомъ...

Для того, чтобы придти къ рѣшенію, удивившему Рафаэля, Форнарина много разъ ходила смотрѣть Марію, которую прочили ему въ жены. Что̀ думала она, что̀ соображала, что̀ взвѣшивала, оглядывая со стороны, гдѣ-нибудь въ полумракѣ церкви, или на гульбищѣ, эту дѣвушку, свою соперницу, вовсе не красивую, племянницу князя церкви, вовсе не замѣчавшую внимательнаго взгляда Форнарины.

Форнарина очень хорошо понимала, что, послѣ обрученія, могущественный кардиналъ будетъ лучшимъ оплотомъ, лучшимъ пособникомъ ея противъ всякихъ другихъ попытокъ женить Рафаэля на болѣе опасной соперницѣ, и она потребовала, она купила это обрученіе. Дальнѣйшую, безмолвную борьбу съ Маріею, обрученною невѣстою Рафаэля, любовница принимала на себя, и не ошиблась въ расчетѣ: Рафаэль умеръ, не женившись!

И какъ молодъ былъ онъ, умирая! Когда, въ тридца-

тыхъ годахъ нашего столѣтія, возникло сомнѣніе объ одномъ изъ череповъ, хранившемся въ академіи св. Луки и считавшемся черепомъ Рафаэля, рѣшено было открыть могилу его въ Пантеонѣ. Могилу открыли. Составленъ актъ осмотра и въ немъ сказано, между прочимъ: «голова найдена хорошо сохранившеюся, и всѣ зубы, счетомъ тридцать одинъ, прекрасны; тридцать второй зубъ нижней челюсти, съ лѣвой стороны, еще не успѣлъ прорѣзаться вполнѣ».

НА МѢСТО!

Въ то время во Флоренціи, богатѣйшей республикѣ міра, герцогствовали знаменитые Медичи, бывшіе банкиры, и надъ Италіею сіялъ въ полномъ блескѣ несравненный вѣкъ Возрожденія. Это шестнадцатый вѣкъ послѣ Христа.

Никогда еще до того общественная жизнь въ Италіи не дѣлала такихъ широкихъ розмаховъ, испытывая свою силу, какъ въ развитіи отдѣльныхъ личностей, такъ и въ историческихъ событіяхъ. Значеніе отдѣльной личности, «uomo singolare», совершенно погасшее въ тогдашней Европѣ на многіе вѣка, никогда вполнѣ не уничтожалось только въ Италіи; никогда не застывала тамъ свобода человѣка вполнѣ въ общественныхъ, желѣзныхъ формахъ феодализма; мрачнаго готическаго склада жизни, мысли и художества Италія не знала никогда. Не одна только лазурь ея морей, не одно только свѣтлое солнце обусловливали это явленіе.

Послѣ двухъ отошедшихъ въ былое міровъ — греческаго и римскаго — Италія осталась полна ихъ памятниковъ, какъ высохшее русло рѣки наноснымъ хрящемъ, и была, въ полномъ смыслѣ слова, загромождена, заставлена свидѣтелями прежнихъ великихъ дней въ образчикахъ искусствъ и въ

памятникахъ литературы. Благодаря имъ, этимъ молчаливымъ свидѣтелямъ лучшихъ дней, сознаніе художественной красоты, невозможной безъ свободы, передавалось въ Италіи изъ рода въ родъ, преемственно, такъ сказать, матеріально. И такъ много было этихъ памятниковъ, что даже варварская практика послѣдовательно чередовавшихся властителей Италіи, смотрѣвшая на города и кладбища погибшихъ цивилизацій какъ на готовыя каменоломни и безжалостно уничтожавшая ихъ, не загубила всего, не вытравила изъ почвы и изъ людей преемственности вкуса. Ломали, жгли, сносили и свои, и чужіе; хозяйничали готы и нѣмцы; даже отъ Франціи протягивались сюда воровскія руки, и добродушный аббатъ Сугерій задумывалъ перетащить гранитные монолиты термъ Діоклетіана, чтобы поставить ихъ колоннами въ отстраиваемомъ имъ въ то время аббатствѣ С.-Дени, въ родовой усыпальницѣ французскихъ властителей... Колонны римскихъ бань надъ прахомъ феодальныхъ властителей! странное сопоставленіе!

Казалось, все было сдѣлано людьми для того, чтобы уничтожить самую память язычества, а она все-таки, какъ бы на зло, существовала и выходила изъ прошедшаго. Не хватало памятниковъ надъ землею, изъ земли появлялись новые, лучшіе; со дна рѣкъ и озеръ, изъ глубокихъ могилъ Этруріи, изъ песчаныхъ лагунъ Венеціи, изъ трясинъ Понтійскихъ болотъ неожиданно возвращались къ свѣту художественныя работы отошедшихъ вѣковъ и служили сторожевыми столбами, защищавшими итальянцевъ отъ окончательнаго извращенія вкуса.

Но и въ людяхъ, не меньше чѣмъ въ памятникахъ, сохранялись родные мотивы народной воли и римскаго гражданства, заявляя о себѣ при первой возможности. Въ V вѣкѣ на Капитоліи еще приносились жертвы богамъ; до VII вѣка каждый изъ островов Венеціи имѣлъ своего трибуна; въ

XII вѣкѣ римляне, изгнавъ папу, собираютъ сенатъ и назначаютъ консуловъ; духовное лицо XII вѣка, поэтъ Carmina Burana, изучаетъ Овидія, Лукіана и Виргилія; въ XIV является Ріенци, самъ даетъ себѣ званіе трибуна и облекается императорскою мантіею, а въ XV вѣкѣ убійцы Галеацдо Сфорцы, готовясь совершить свое преступленіе, думаютъ совершить его непремѣнно классически, и знакомятся для этого съ заговоромъ Катилины по Саллюстію...

Въ 1300 году, т.-е. когда Европа только вступала въ самое мрачное время своей жизни, въ Римѣ, на знаменитомъ юбилеѣ, уже присутствовали такіе люди, какъ Данте, Бокаччіо, Виллани, и послѣдній изъ нихъ, будто въ предвидѣніи, писалъ уже въ началѣ своей исторіи полныя значенія, характерныя для времени, слова: «Римъ—разрушается, мой городъ—Флоренція идетъ на творчество... великихъ дѣлъ!» Еще учитель Данте былъ составителемъ энциклопедіи наукъ, а появленіе подобной энциклопедіи Дидро во Франціи обозначило, какъ извѣстно, время первой революціи. Въ XIV вѣкѣ французскіе короли предписываютъ, кому сколько имѣть у себя въ домѣ серебряной посуды и какъ кому одѣваться; во Флоренціи, напротивъ того, нѣтъ даже какой-либо общей моды для одежды, потому что всякій одѣвается по-своему и долженъ быть свободенъ даже въ этомъ. Когда Европа знаетъ одинъ только родъ театральныхъ представленій—мрачныя мистеріи, на сюжеты, взятые изъ Св. Писанія, длящіяся десятки дней, въ Италіи давно уже существуетъ комедія съ характерными типами Arlechino, Pulcinello, Dottore, Capitano,—все, несомнѣнно, революціоннаго пошиба. Въ Венеціи въ XIV вѣкѣ уже собирались статистическія данныя, существовали пансіоны и богадѣльни для вдовъ и сиротъ, а отцы, умирая, обязывали государство въ своихъ завѣщаніяхъ взимать по 1,000 золотыхъ за дѣтей, не знающихъ ремесла и неспособныхъ къ реме-

сленному занятію! Генуя, какъ извѣстно, награждала правомъ плебейства. Значеніе воспитанія не теряло въ Италіи своего смысла никогда; педагоговъ было много, на нихъ имѣлось требованіе, и стоитъ назвать имена Витторино-да-Фельтре или Гуарино, чтобы понять, какіе люди, какого высокаго развитія посвящали себя скромному учительскому званію. Не удивительно, что повсюду возникали библіотеки за библіотеками, иногда, правда, въ странномъ сосѣдствѣ съ собраніями мощей, какъ это сдѣлалъ Жанъ-Галеаццо въ Миланѣ; что для Козьмы Медичи подряжались цѣлые отряды переписчиковъ, а Федериго Урбинскій стыдился бы имѣть въ своемъ книгохранилищѣ печатную книгу, по самому существу своего изготовленія дешевую, плебейскую, сравнительно съ тѣми великолѣпными томами, которые выходили изъ-подъ пера и кисти спеціалистовъ переписки и миніатюры.

Къ концу XV вѣка хозяйничанье мелкихъ тирановъ и кондотьери уступаетъ требованіямъ времени и исчезаетъ совершенно вмѣстѣ съ мелкими республиками. Политическая и соціальная жизнь находитъ прочные, могучіе центры въ Венеціи, Миланѣ, Флоренціи и Римѣ. Никогда вполнѣ не дремавшая любовь къ наукѣ, гражданственности и свободѣ начинаетъ проявляться съ особенною силою: «uomo singolare» выдвигается изъ толпы и побѣждаетъ ее окончательно.

Отъ всего этого очень близко къ исканію славы, къ поклоненію гробницамъ великихъ людей, къ тріумфамъ! Флоренція требуетъ отъ Равенны прахъ Данте; Александръ VI Борджіа, съ высоты престола намѣстника Христова, высматриваетъ своихъ любовницъ, задумываетъ убійства и планы міровой монархіи; Юлій II опоясывается мечомъ, осаждаетъ крѣпости, даетъ сраженія; Левъ X серьезно думаетъ вѣнчаться на царство въ Капитоліи, и только упрямство того слона, на которомъ онъ долженъ былъ ѣхать, мѣ-

шаетъ исполненію этого удивительнаго желанія. Папы—библіофилы, антикваріи, военачальники, развратники,—все, что̀ хотите, но только не представители церкви, не намѣстники Христа!

И церковь дѣйствительно была забыта... По мѣрѣ того, какъ въ Римъ стали доходить тревожные слухи о томъ, что на сѣверѣ, за горами, поднимаетъ голову какая-то реформація и сожигаются папскія буллы, католичество отвѣчало на это увеличеніемъ торжественности богослуженія. Дворъ папы сталъ роскошнѣйшимъ дворомъ всего міра; импровизаторы, буффоны, пародисты, антикваріи, художники толпились на сіестахъ наслѣдника св. Петра.

Побратавшись съ языческимъ міромъ, католичество воскрешало классицизмъ—этого покойника, и холодныя, но красивыя черты его, освѣщенныя яркимъ итальянскимъ солнцемъ, взглянули на міръ еще разъ какъ бы живыя! Совершилось дѣйствительное чудо: покойникъ, съ благословенія папы, ожилъ и вступилъ въ жизнь во всеоружіи страстности и красоты, главнымъ образомъ съ эротической стороны, конечно, — и повелъ за собою живого человѣка. Мертвый повелъ живого! Понятно, что жить для жизни сдѣлалось главною цѣлью, и цѣль эта была такъ легко достижима, и соблазну было такъ много! А людей, мѣшавшихъ жить и наслаждаться, Савонаролу съ товарищами, пытали и жгли на кострахъ.

* *
*

Шумно и весело проходили дни, и особенно ночи счастливой Флоренціи!

Смѣлый куполъ флорентійскаго собора, патріархъ-родоначальникъ всѣхъ европейскихъ куполовъ, только-что выдвинулся въ небо,—и просторно и легко дышалось человѣку въ этомъ полномъ воздуха, свѣтломъ пространствѣ церкви. Свѣтлыми громадами поднялись вдоль улицъ дворцы

вельможъ Флоренціи, одинъ другого величавѣе; тянулись подъ прямыми, спокойными линіями ихъ карнизовъ, вдоль стѣнъ, разукрашенныхъ рустикою, мѣрныя, круглыя аркады, словно послѣдовательные вздохи груди здороваго человѣка; каждый изъ дворцовъ былъ художественнымъ типомъ архитектуры, помѣченнымъ рукою какого-либо великаго мастера, испытывавшаго свои силы передъ сооруженіемъ въ Римѣ, общими силами, собора св. Петра. Исчезли мрачныя рѣшетки, бойницы и подъемные мосты многихъ городскихъ зданій, еще недавно служившихъ крѣпостцами,—исчезли они съ первымъ дымомъ пушки и щелкнувшаго арбалета, исчезли, какъ привидѣнія, передъ ширью, красотою и правдою дѣйствительной жизни.

Въ вѣчно зеленыхъ садахъ и на площадяхъ Флоренціи блистали бронзы и сквозили мраморы изваяній, созданныхъ руководителями скульптуры. Металлъ и камень, отвѣчая общему строю времени, тоже ожили, тоже дышали, и художественная правда изображеній нагого тѣла свидѣтельствовала о томъ, что, преодолѣвъ церковный запретъ, скальпъ анатома-художника коснулся неприкосновенности трупа, опередивъ, какъ кажется, людей науки.

Жизнь, жизнь широкая, самоувѣренная, горячая разливалась повсюду, захватывала, опьяняла. На безконечныхъ праздникахъ и гульбищахъ города красовались роскошныя жены и любовницы богатыхъ до пресыщенія гражданъ республики, и каждая изъ нихъ была доступна, въ каждой изъ нихъ была хотя частица тѣхъ желаній, полнымъ воплощеніемъ которыхъ явилась Лукреція Борджіа и тысячи другихъ женщинъ, не настолько счастливыхъ, какъ она, чтобы стать историческими знаменитостями и нарицательными именами, но готовыхъ на это и жаждавшихъ этого не менѣе ея.

Понятно, что острый, опьяняющій воздухъ времени

долженъ былъ дѣйствовать губительно на людей не особенно сильныхъ, но самолюбивыхъ, къ числу которыхъ относился и тотъ художникъ, о которомъ пойдетъ рѣчь.

* * *

Людямъ, подобнымъ этому художнику, не отличавшимся талантомъ первоклассным, не имѣвшимъ самообладанія, недостаточно смѣлымъ ни для борджіевской преступности, ни для савонароловскаго аскетизма, но стоявшимъ далеко выше посредственности, оставалось испить всѣ горечи разочарованія и пойти торной дорогой, по которой идутъ тысячи людей къ той тихой и скромной неизвѣстности, которая, въ концѣ концовъ, должна казаться необыкновенно заманчивою всѣмъ людямъ, много страдавшимъ, много боровшимся и безвременно потерявшимъ, оказавшіяся ненужными, силы...

Такъ это и случилось.

Неизвѣстный міру художникъ былъ, какъ сказано, человѣкомъ талантливымъ, но талантъ его отличался непомѣрнымъ развитіемъ фантазіи на счетъ ума. Фантазія, руководившая его творчествомъ, заставляла его приниматься только за громадныя, выходившія вонъ изъ ряда, вещи. Если ему думалось писать битву, такъ это была непремѣнно самая бо̀льшая изъ всѣхъ ему извѣстныхъ: бойня на поляхъ Каталаунскихъ, или при Каннахъ; если ему думалось воспроизвести что-нибудь трагическое, такъ онъ выбиралъ что-нибудь въ родѣ послѣдовательныхъ смертей графовъ Уголино въ башнѣ или питье крови заговорщиками-катилинцами; если вдохновеніе его требовало создать что-нибудь страстное, ну такъ это была, конечно, странствующая ночью, покинувъ дворецъ и ложе супруга своего, императрица Мессалина, или нечеловѣческая возбужденность красавицы Пазифаи.

Эта болѣзненная исключительность таланта художника не

ограничивалась, однако, даже такимъ выборомъ колоссальныхъ предметовъ, сердце его рвалось и кипѣло безъ удержу, умъ съ какимъ-то страннымъ, тупымъ упрямствомъ, съ какимъ-то сонливымъ равнодушіемъ отказывался рѣшительно отъ всякой провѣрки порывовъ чувства и, казалось, этому уму не было никакого дѣла до того человѣка, въ котораго онъ какъ бы случайно попалъ.

Приходило вдругъ вдохновеніе, бралъ художникъ палитру, оживлялъ полотно... человѣку хотѣлось непремѣнно сдѣлать сразу что-нибудь особенно могучее, подавляющее.

А между тѣмъ могучее и подавляющее, признанное всѣми, уже видѣлось въ работахъ Рафаэля и М.-Анджело; а между тѣмъ дѣйствительно великое не родится изъ одного только вдохновенія! Слезъ въ глазахъ и на сердцѣ недостаточно для того, чтобы сдѣлать великимъ то или другое свое художественное созданіе; самолюбіе—не творчество; поспѣшность—не залогъ успѣха; обѣщаніе—не исполненіе. Какъ бы легки и просты ни казались великія работы великихъ мастеровъ, онѣ вскормлены трудомъ и терпѣніемъ, онѣ появились на свѣтъ не въ минуту вспыхиванія фантазіи, посѣщенной вдохновеніемъ, а при ровномъ и кроткомъ сіяніи лампады труженика, горящей въ долгую ночь и никому невидимой.

Рафаэль и М.-Анджело, сошедшіеся во Флоренціи въ 1504 году, были лично знакомы съ художникомъ. На вопросъ о немъ Рафаэль, со свойственною ему мягкостью и женственностью, отвѣчалъ: «искренно жалѣю его—онъ никогда никого до сихъ поръ не любилъ! пожалуй, не полюбитъ и изъ него легко можетъ ничего не выйти». М.-Анджело, спрошенный о немъ же, отвѣчалъ иначе, своеобразно и рѣзко: «разобьется въ куски — не жаль будетъ, но куски будутъ почтенные». Великіе мастера не ошиблись, ихъ слова сбылись, и оба они были, отчасти, правы, каждый съ своей точки зрѣнія.

* * *

Художнику минуло двадцать два года.

Время жизни, полное надеждъ и силы, счастливые дни первыхъ увлеченій!.. Нѣтъ у нихъ въ быломъ неисправимыхъ ошибокъ, этого грузнаго скарба, собирающагося во времени; не болитъ еще сердце о томъ или другомъ, часто невольномъ, никому невѣдомомъ, но все-таки совершонномъ преступленіи; еще не обманутъ человѣкъ, не обманулъ, не озлобленъ, не приниженъ, и молодыя очи не туманились еще слезами, кромѣ развѣ тѣхъ, которыя вызываются смѣхомъ веселой бесѣды и вдохновеніями первой любви.

Какъ разъ наканунѣ дня своего рожденія выставилъ художникъ, въ рефекторіи одного изъ центральныхъ монастырей Флоренціи, набросокъ своей огромной картины, изображавшей «Всемірный потопъ».

Въ тѣ дни рефекторіи флорентійскихъ монастырей служили главными мѣстами выставокъ, и картины всѣхъ содержаній, нерѣдко полныя чувственности, появлялись впервые на судъ публики среди келій монаховъ, по сосѣдству рѣшетчатыхъ галлерей, уставленныхъ гробницами.

Тогдашніе флорентійскіе граждане имѣли обыкновеніе усердно посѣщать подобныя выставки и считали за святую обязанность видѣть всякое новое художественное произведеніе ранѣе другихъ; это давалось не легко, такъ какъ желающихъ быть первыми было много. Общественный судъ оказывался тогда необыкновенно правиленъ, быстръ и строгъ. Развитію художественнаго чутья въ тогдашней Флоренціи удивляться нечего: людямъ было на чемъ учиться и празднаго времени оставалось много.

— Фу, какая безтолочь!—говорили одни, глядя на «Всемірный потопъ».

— Это какой-то бредъ въ краскахъ; это громадная, безсмысленная претензія!

Были и такіе цѣнители, которые выражались еще рѣзче:

«художникъ, должно-быть, просто тупъ и необразованъ, богомазъ самаго злого и позорнаго свойства!».

Въ чемъ находили эти послѣдніе позоръ — опредѣлить, конечно, трудно.

Мало кому извѣстный въ лицо, гуляя или стоя въ толпѣ, слушалъ художникъ и видѣлъ, какъ какой-нибудь лысый негоціантъ, за которымъ арапчата приносили вышитый золотомъ табуретъ, садился на него и принимался, лорнируя и покачиваясь со стороны на сторону, судить его работу. Подлѣ негоціанта въ кружокъ становились его поклонники, соглядатаи, друзья и дармоѣды и поддакивали сужденіямъ патрона. Патронъ сидѣлъ, распахнувъ полы своей длинной цвѣтной одежды и выставивъ на видъ массивную золотую цѣпь и широкій поясъ, украшенные дорогими каменьями, привоза его галеръ, ходившихъ на Востокъ и занимавшихся, по пути, морскимъ разбоемъ. Чѣмъ рѣзче судилъ патронъ, тѣмъ усерднѣе смѣялись окружавшіе его клевреты.

Арапчата стояли въ сторонѣ, держа на шелковыхъ шнуркахъ тонконогихъ, золотистыхъ левретокъ; на нихъ заглядывалась не одна изъ проходившихъ мимо посѣтительницъ, изъ которыхъ многія знали патрона, кланялись ему проходя и, если останавливались, то раздѣляли сужденія его о картинѣ, поддакивали и разносили ихъ, шумя длинными хвостами своихъ шелковыхъ и атласныхъ платьевъ.

Злоба и презрѣніе заѣдали художника, но дѣлать было нечего, приходилось выслушивать.

— Знаете ли что̀,—говорилъ своей дамѣ, нѣжно нагнувшись къ ней и держа подъ руку, красивый, въ бархатъ и шелкъ одѣтый юноша: — знаете ли вы причину холода и ничтожности этой картины?

— Нѣтъ,—отвѣтила дама, поднявъ на него свои прелестные черные глаза.

— Художникъ этотъ, по словамъ Рафаэля, никого. никогда не любилъ!

При этомъ кавалеръ улыбнулся.

— Такъ что жъ такое?—спрашивала дама, не спуская съ него глазъ и говоря ими очень выразительно:—вы, конечно, правы.

— Я правъ потому, что только любя можно творить и вдохновляться: что будь я художникомъ, теперь я былъ бы вдохновленъ вами... Вѣдь потопъ былъ дѣломъ любви!

Художникъ слышалъ сказанное, не хотѣлъ слушать далѣе, и послѣднія слова незнакомаго ему человѣка, этотъ голосъ изъ толпы, стали вершителями его дальнѣйшихъ судебъ.

* * *

Окончилась выставка, унесли картину, а черезъ недѣлю флорентійцы забыли о ней. Но не забылъ всего случившагося художникъ. Глубоко потрясла его неудача, и сталъ онъ задумчивъ.

«Кого же мнѣ любить?—думалось ему:—кого? гдѣ она, кто она, эта любимая?»

Случай откликнулся—любовь осѣнила его.

Любовь эта вспыхнула тихою лѣтнею ночью, подъ опушенными розовымъ цвѣтомъ олеандрами городского сада, сосѣдняго къ дворцу, подлѣ бассейна главнаго фонтана. Фонтанъ въ поздній часъ ночи былъ остановленъ и въ заснувшихъ и успокоившихся до утра водахъ каменной чаши горѣло небо и отражалась темными массами эротическая группа сатиры и нимфы. Рѣдко-рѣдко мелькали по саду, уходя въ глубь темныхъ, дремавшихъ дорожекъ, одинокія пары гуляющихъ. Вдали, въ прогалинѣ деревьевъ, виднѣлась башня стараго дворца, горѣли цвѣтныя стекла въ окнахъ его; близилась полночь: часы на башнѣ сыграли свою пѣсенку на половинѣ двѣнадцатаго.

Художникъ любилъ это мѣсто сада и, по обыкновенію, направился сюда. Подходя, услышалъ онъ довольно тихій, но ясный разговоръ двухъ женщинъ, сидѣвшихъ къ нему спиною. Онъ остановился, словно задержанный какою-то незримою силою.

— Можетъ, я и долго еще проживу,—говорила одна изъ нихъ своей собесѣдницѣ:—а все же лучше, дочь моя, подумать тебѣ о будущемъ. Дѣло все въ томъ, чтобы продать себя подороже. Много у насъ тутъ иностранцевъ, и пословъ, и торговыхъ людей, много и своихъ богачей, и именитыхъ гражданъ, стариковъ и молодежи, и особенно духовныхъ. Отдать себя есть кому; спросъ великъ, а на такихъ, какъ ты, моя красавица-доченька, и подавно. Выгодно бы было тебѣ поѣхать въ Римъ съ кардиналомъ-викаріемъ — онъ человѣкъ и богатый, и молодой, да, Богъ ихъ знаетъ, что̀ тамъ, въ Римѣ; у насъ вѣрнѣе. Такъ вотъ видишь ли, я и придумала! Я обо всемъ подумала и озаботилась. Я, видишь ли, теперь тебя оставлю. Скоро ударитъ на соборной колокольнѣ полночь. Къ тебѣ подойдетъ человѣкъ, который назоветъ тебя по имени, ты иди за нимъ смѣло. Остальное въ твоихъ рукахъ: будешь умна—съ голоду не умрешь и меня прокормишь. Мнѣ же кормить тебя не на что̀; въ твои годы начала я гораздо хуже, чѣмъ ты начнешь. Все это, милая моя, не страшно, а главное нужно, очень нужно!

Говорившая замолчала.

— Ну, прощай же, доченька, и будь умна. Тебя ждетъ много веселья, много счастья, а отъ матери своей не жди ничего.

Раздался поцѣлуй и говорившая удалилась.

Едва только скрылась она за ближайшимъ угломъ дорожки сада, терявшейся въ ночной тѣни, и стало возможно подойти къ дѣвушкѣ, безъ страха возвратить ушедшую, художникъ рѣшился подойти.

«Красива она, или нѣтъ?»—думалось ему, и онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ.

Его услыхали и подняли на него глаза. Онъ подошелъ вплотную, приглядѣлся: дѣвушка, какъ бы полусознательно, встала, и отъ роскоши очертаній воздвигнувшагося передъ художникомъ полуночнаго видѣнія кровь хлынула ему въ голову, и онъ не помнилъ себя.

— Я не тотъ, котораго ты ждешь, — поспѣшилъ онъ проговорить скороговоркою, осторожно взявъ ее за руки:— я другой... Я не тотъ...

Дѣвушка дала ему руки и продолжала слушать молча, какъ бы соображая что-то. Холодъ и совершенная мертвенность рукъ ея поразили художника. Онъ слегка пожалъ ихъ.

— Простишь ли ты меня?—прошепталъ онъ, озираясь кругомъ и наклоняясь ближе.

Отвѣта не послѣдовало. До полуночи оставалось не далеко; мгновенія были сосчитаны. А между тѣмъ обаятельная, всемогущая, обвѣянная темною ночью, одиночествомъ и тайною, красота стояла передъ нимъ совсѣмъ блѣдная. Неподвижность смерти чувствовалась въ этихъ безотвѣтныхъ, холодныхъ рукахъ! Страшная мысль промелькнула въ головѣ художника; холодный потъ проступилъ на горячемъ лбу его.

— Она отравлена... опоена... она приготовлена! для кого? для чего?

Различныя опаиванья были дѣйствительно въ большомъ ходу въ то время, и къ посредству ихъ прибѣгали очень часто, съ цѣлью одолѣть чье-либо упрямство, чью-либо робость или съ желаніемъ скрыть слѣды задуманнаго преступленія, удаляя, самымъ предупредительнымъ образомъ, главнаго свидѣтеля—пострадавшее лицо, лишивъ его памяти и соображенія. Отъ приворотныхъ зелій и различ-

ныхъ снадобій, дѣйствовавшихъ на мозгъ временно, было не далеко, въ случаѣ надобности, и до настоящей отравы. «Бѣлый порошокъ» Борджіи облетѣлъ, обсыпалъ всю Италію.

— О! идемъ отсюда, идемъ, моя красавица,—проговорилъ художникъ, увлекая дѣвушку почти насильно въ сторону, противоположную той, въ которую ушла старуха.—Ты не увидишь болѣе твоей матери, нѣтъ, не увидишь! у меня, правда, богатства немного, но намъ хватитъ на двухъ. Идемъ, идемъ скорѣе, полночь близка и за тобою придутъ...

Все это говорилъ художникъ полушопотомъ, не соображая того, что говорилъ напрасно. Во-первыхъ, дѣвушка продолжала оставаться въ состояніи какого-то тупого безпамятства; во-вторыхъ, она и безъ того слѣдовала за нимъ безпрекословно. Не разъ хватался художникъ за небольшой кинжалъ, висѣвшій у него на поясѣ, рядомъ съ кошелькомъ. Онъ пугался шороха, приближенія чьей-либо тѣни! онъ убилъ бы непремѣнно и наповалъ всякаго, кто подвернулся бы ему подъ руку въ эту минуту. Но никто не подвернулся, никто не помѣшалъ. Они оставили садъ благополучно, и только тогда, когда, пробравшись нѣсколькими глухими закоулками, подходили они къ дому, въ которомъ жилъ художникъ, на соборной колокольнѣ ударила полночь.

Дѣвушка была спасена! но какою цѣною и что̀ дальше?

Заботливость художника, спокойствіе и нѣкоторое медицинское пособіе привели ее черезъ нѣсколько дней къ сознанію. Художникъ не могъ удержаться, чтобы не нарисовать портретъ своей жилицы еще раньше этого времени, въ минуту ея глубокаго сна. Блѣдная, съ закрытыми глазами, но безукоризненно прекрасная, перешла головка опоенной дѣвушки на полотно, и первымъ смертнымъ, полюбовав-

шимся ею, была собственница и хозяйка этой прелестной головки, воскресшая къ жизни и безконечно благодарная за то.

Одинъ изъ лучшихъ, прекраснѣйшихъ цвѣтковъ, когда-либе созданныхъ Богомъ, оправился, раскрылъ лепестки, поднялъ головку, весь—блескъ, весь—благоуханье! Заструилась жизнь, заговорила молодость, и любовь не заставила ждать себя. Благодарность дѣвушки была царская! она отдала себя всю... и художникъ пилъ любовь полною чашею, и полюбила она его горячо, и отдалась ему беззавѣтно...

* * *

Но быстро прошло увлеченіе, и изъ временно поглотившаго обаянія страсти началось въ художникѣ, мало-по-малу, проявленіе прежнихъ порывовъ творчества, прежнихъ болѣзненныхъ усилій, прежнее стремленіе къ исканію славы и какого-то далекаго, другого, необъяснимаго будущаго счастья.

Черезъ годъ не было помину о прежнихъ отношеніяхъ. Чѣмъ сильнѣе привязывалась къ нему красавица — тѣмъ докучливѣе казалась ему она. Надоѣли ему ея чудные глаза, тягостны, однообразны стали ея объятія, утомительна благодарность. Дѣвушка какъ бы мѣшала ему сосредоточиться на работѣ, и наброски за набросками, картоны за картонами появлялись одни за другими съ лихорадочною поспѣшностью и уходили на покой въ папки, или швырялись въ углы мастерской, не удовлетворяя художника и его требованій.

Выставки отдѣльныхъ работъ другихъ сотоварищей его слѣдовали, между тѣмъ, обычнымъ порядкомъ. Появились новыя извѣстности, сказались новыя имена, а нашъ художникъ все ничего не производилъ, ничего, кромѣ набросковъ.

Дѣвушка, дѣвушка мѣшала ему! Подъ конецъ не могъ

онъ работать иначе, какъ спровадивъ ее куда-либо, не видя ея и не желая слышать. Подходить къ нему во время работы ей строго запрещалось. Дѣвушка повиновалась безропотно и, присутствуя при медленномъ разрушеніи своей любви, не промолвила ни одного упрека и ничего не просила.

Прошло два долгихъ года со времени встрѣчи. Увлеченный знаменитыми картонами М.-Анджело и Л. Винчи, имѣвшими предметомъ изображеніе боя и служившими художественнымъ поединкомъ двухъ геніальныхъ творцовъ, художникъ остановился, наконецъ, на выборѣ своего сюжета. Ему для какого-нибудь рѣшенія всегда нужно было вмѣшательство посторонняго примѣра, факта или совѣта. Такъ было это и теперь. Картоны Л. Винчи и М.-Анджело сказали свое слово. Онъ остановился на чемъ-то схожемъ, на изображеніи «Битвы при Мелоріи» и уничтоженіи генуэзцами пизанскаго флота. Сюжеты картинъ Л. Винчи и М.-Анджело были тоже взяты изъ битвъ пизанцевъ съ флорентійцами.

Во время самой работы, при удачѣ того или другого мотива картины, къ художнику, изрѣдка, какъ бы возвращалась привязанность къ его любовницѣ; онъ нервно цѣловалъ ее и лелѣялъ, и она была счастлива этимъ. Но это случалось рѣдко. Наконецъ, картина была кончена и выставлена напоказъ.

Снова побѣжали толпы флорентійцевъ смотрѣть новую работу, и снова раздались безпощадные голоса.

— А, это тотъ же сочинитель, который далъ намъ «Всемірный потопъ».

— Мы говорили тогда правду: ни искры таланта, страшная самоувѣренность!

— Смѣть писать сцену битвы послѣ Винчи и М.-Анджело, тутъ надо имѣть порядочный запасъ художественной слѣпоты.

— Посовѣтовалъ бы кто-нибудь художнику малевать вывѣски на остеріяхъ или расписывать каюты увеселительныхъ галеръ нашихъ сибаритовъ.

И на этотъ разъ, какъ тогда, художникъ прислушивался къ говору. Только многое измѣнилось въ этомъ человѣкѣ. Поблѣднѣли его щеки, погасли глаза; сдержанная и непріятная улыбка поселилась на его сжатыхъ, тонкихъ губахъ, какая-то нервность движеній была усвоена имъ. Онъ ходилъ по выставкѣ и прислушивался.

Того лысаго негоціанта съ арапчатами, который безпощадно судилъ его первую работу, не существовало. Онъ умеръ и покоился въ церкви ближайшаго къ городу монастыря, подъ мраморнымъ балдахиномъ. Монахи-цистерціенцы отчитывали днемъ и ночью его грѣшную торговую душу. Вмѣсто него пришелъ его сынъ, окруженный другими дармоѣдами, другими поклонниками. Этихъ не унаслѣдовалъ онъ вмѣстѣ съ огромнымъ капиталомъ,—они сами наплодились. Достались ему, кромѣ богатства, и порядочные задатки чахотки. Онъ былъ развратнѣе своего отца, но принадлежалъ къ числу самыхъ строгихъ и правдивыхъ цѣнителей художества.

— Въ этой битвѣ,—сказалъ онъ, подойдя къ картинѣ:—было бы не страшно участвовать: люди бьются безъ страсти, удары сыплются будто разсчитанные на то, чтобы не убивать; убитые—притворяются убитыми, живые—не живутъ! смѣшно!

— Смѣшно, смѣшно!..—подхватили десятки голосовъ и понесли это сужденіе по городу.

— Видимо,—продолжалъ чахоточный юноша:—что этотъ художникъ по наслышкѣ пишетъ, горя не испыталъ, несчастія не вкусилъ, преступленія не отвѣдалъ... Это ясно!

— Ясно, ясно!—подхватили голоса дармоѣдовъ и поклонниковъ.—Вѣрно сказано, удивительно вѣрно!

И полетѣли также и эти слова по городу.

Юноша сказалъ, однако, не свое, а чужое мнѣніе; его постоянно окружали художники, и они-то ему говорили не разъ, что имъ, художникамъ, несчастія нужны, чтобы вдохновеніе разогрѣть; что тутъ, пожалуй, и преступленіе умѣстно...

Окончилась и эта выставка, и унесли картину и позабыли о ней флорентійцы.

* * *

«А что же?—думалъ художникъ,—правъ былъ цѣнитель, правъ! горя не испыталъ я, преступленія не коснулся. А кто же мѣшаетъ мнѣ жить и испытывать жизнь? любовница мѣшаетъ, одна она! а если это такъ, такъ прочь съ этимъ ребячествомъ, прочь съ нею! пускай беретъ ее кто хочетъ, а съ меня довольно. А что она зачахнетъ, что мнѣ и самому будетъ немножко тяжело, что же дѣлать? на то во мнѣ призваніе, на то я художникъ, и жертвую, и долженъ жертвовать всѣмъ».

Круто и безчеловѣчно обошелся онъ со своею любовницею. Есть такія существа, особенно между красивыми женщинами, которыя живутъ только для того, чтобы освѣтить и согрѣть немногія минуты чьей-либо другой, мужской жизни. Они уходятъ въ эту жизнь, исчезаютъ въ ней, какъ исчезаетъ ручей въ лонѣ широкой рѣки, пріобщающей его къ себѣ и уносящей въ далекое море, безымянными и безличными струйками!

«Богъ съ нимъ,—думала брошенная красавица.—Можетъ-быть, талантъ его дѣйствительно долженъ окрѣпнуть въ слезахъ моихъ!»

И они разстались. Свободно вздохнулъ художникъ, но тяжело вздохнула она. Съ каждымъ днемъ хилѣла, грудь подавалась, и она умерла.

И пришелъ художникъ къ мертвой, и глядѣлъ на холодныя, износившіяся черты той, которая была для него всѣмъ, и, не упрекнувъ его, предпочла умереть, освободивъ отъ себя.

«Вотъ теперь,—думалъ художникъ:—начну я творить и въ горѣ моемъ почерпну вдохновеніе».

Мысль о томъ, что онъ убійца, ему и не мерещилась. А когда въ яркомъ свѣтѣ полуденнаго солнца, мимо собора, облицованнаго разноцвѣтными камнями, мимо его пестрой, стройной колокольни шла погребальная процессія, дымились свѣчи въ рукахъ черныхъ монаховъ и пѣли монахи свои латинскія пѣсни и качался на плечахъ носильщиковъ раскрытый гробъ, уносившій въ себѣ покойницу, художникъ даже какъ-то радовался всему этому. Такъ картинно, такъ полно чувства и вдохновенія казалось ему все случившееся, такъ близокъ былъ онъ къ творчеству, такъ красиво смотрѣло лицо покойницы въ небо.

Онъ даже заплакалъ, но только не отъ горя, а отъ другого, совсѣмъ другого чувства. Похоронилъ художникъ свою любовь и заперся въ мастерской, и сталъ работать.

* * *

Сидитъ художникъ, растираетъ краски, испытываетъ кисти.

«И зачѣмъ мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, эти громадные замыслы,—соображаетъ онъ:—они мнѣ, видимо, не по плечу. Оставлю-ка я громадное, перейду къ болѣе простому, мелкому, стану на свое мѣсто!»

Легкодоступная и всѣмъ извѣстная истина! только для художника была она плодомъ долгихъ лѣтъ и многихъ разочарованій, только купилъ онъ ее слишкомъ дорогою цѣной.

Прошли еще года два, и, послѣ всякихъ колебаній, задумалъ онъ, наконецъ, написать «Клятву Горацiевъ». Фигуръ

немного—всего четыре, чувства довольно, обстановка хорошая, римская. Началъ онъ работу и привелъ ее къ концу, и поставилъ на выставку.

— А! старый знакомый,—заговорили въ толпѣ.—Какъ онъ похудѣлъ въ своихъ произведеніяхъ. Недурно, но гдѣ прежняя запальчивость? Помните вы нѣсколько лѣтъ тому назадъ его «Всемірный потопъ», вотъ была пародія!

— Ужъ не первой молодости долженъ онъ быть, этотъ художникъ,—проговорилъ кто-то, проходя какъ разъ мимо него.

«Не первой молодости»... прозвучало, прозвенѣло, простонало въ ушахъ художника. Въ первый разъ въ жизни вошла въ него эта мысль. Неужели это правда? спросилъ онъ себя. Неужели первая, слабая похвала заслужена мною только съ исходомъ молодости, да вѣдь это тоже смерть, и этому помочь нельзя, никакъ нельзя!

Грудь художника стѣснилась. Онъ вышелъ на улицу тихо, незамѣтно. Какъ-то торжественно, будто дорогую ношу, несъ онъ свое новое страшное сознаніе и очутился, не зная почему, на кладбищѣ, и отыскалъ давно забытую могилу. Онъ пришелъ къ ней послѣ похоронъ въ первый разъ. Плющъ и розы успѣли обвить надгробный холмикъ, замѣнявшій памятникъ. На дворѣ была весна, птицы рѣяли и щебетали.

— Неужели это я, на этой могилѣ?—думалъ художникъ.— Я не узнаю себя... и все это сонъ, и неужели это такъ должно было быть?

Хлынули слезы изъ глазъ его, бросился онъ на могильный холмикъ и, рыдая, сталъ цѣловать его. Хорошо что никого не было подлѣ. Солнце скрылось; половину дороги сдѣлали звѣзды, и только тогда очнулся художникъ и побрелъ домой. Онъ шелъ такъ же безсознательно, какъ шла къ нему, когда-то, въ мастерскую милая покойница. Тогда

упиралась она на его руку и ничего не понимала, теперь понималъ онъ не больше, и спутникомъ его, вѣрнымъ спутникомъ, на котораго онъ тоже какъ будто упирался, была она—его воспоминанье!

Свѣтлый и кроткій обликъ ея поднялся изъ могилы съ туманомъ вечера заодно и скользилъ вмѣстѣ съ нимъ, незримый, но ощущаемый. Добрался художникъ домой, не ошибаясь въ пути, поднялся на лѣстницу, отомкнулъ двери своей мастерской и вошелъ въ нее.

Луна, какъ и въ тотъ завѣтный вечеръ, сіяла полнымъ блескомъ, и бѣлые гипсы, головы, туловища, руки и ноги, стоявшіе и висѣвшіе по сторонамъ, выступали изъ угловъ и со стѣнъ съ удивительною ясностью. Подошелъ художникъ къ кровати своей: она была пуста и одинока; подошелъ къ треногѣ, на которой еще недавно висѣла картина, поставленная на послѣднюю выставку: тренога была тоже пуста и осиротѣла; произнесъ онъ дорогое, завѣтное, ставшее снова милымъ, во сто кратъ милѣе прежняго, имя... высоко по круглымъ, темнымъ сводамъ отвѣтило эхо и замерло.

«Смерть и пустота! одинъ--и не молодъ!—думалось художнику.—На своемъ мѣстѣ!»

И тогда-то, въ минуту этого страшнаго сознанія, влившись въ полную чашу печали послѣднею каплею, взглянула на него со стѣны знакомая головка, когда-то имъ же рисованная, головка опоенной дѣвушки.

-- Мстительница! — крикнулъ художникъ; въ глазахъ его потемнѣло, ноги подкосились, онъ опустился и упалъ навзничь на каменный полъ.

Ничто не пошевельнулось въ просторной мастерской. Глухой звукъ упавшаго тѣла пробудилъ ее и разсѣялся. Надъ полумертвымъ художникомъ проносилась одна изъ тѣхъ великихъ минутъ жизни, въ которыя человѣкъ пере-

рождается. Художникъ лежалъ, обративъ лицо къ свѣту мѣсяца, лежалъ безъ движенія, безъ дыханія. Лучи мѣсяца долго и упорно пробирались подъ его рѣсницы, проникали въ глаза и свѣтили въ нихъ, и вызывали къ жизни угасшее сознаніе, тревожа и будя его; они находили путь къ самому мозгу и сердцу и будто силились залить ихъ обоихъ, переполнить своимъ холоднымъ металлическимъ блескомъ! И когда художникъ пришелъ въ себя, сталъ онъ глядѣть въ дѣйствительную жизнь иначе, какъ бы сквозь дымку полуночнаго тумана и луннаго свѣта, кроткую и мягкую, но полную невыразимой, безвыходной, хотя и лишенной злобы и отчаянія, тоски. Съ этой поры онъ никогда болѣе не улыбался, и веселье, въ какомъ бы то ни было видѣ, отлетѣло отъ него навсегда.

* * *

Прошло еще нѣсколько лѣтъ.

Въ Италіи только и рѣчи было, что о работахъ послѣдователей Рафаэля и М.-Анджело. Слухи объ этомъ обступали со всѣхъ сторонъ и художника нашего.

— Ну, — думалъ онъ: — большому кораблю большое и плаванье. Я не завидую. Всякому свой талантъ, у всякаго свое призваніе. И что̀ проку завидовать! Изъ зависти таланты не растутъ, самолюбіе—не творчество... Прежде, конечно, думалъ и я творить великое, да не сотворилъ не осилилъ... Отчего нѣтъ ея при мнѣ, моей милой покойницы? Бросилъ бы я все на свѣтѣ, и кисти, и самолюбіе, заперся бы въ себя, въ свою семью... Ну, да и то хорошо, что работа моя, теперешняя работа, по сердцу приходится и кормитъ.

Но что̀ же это была за работа?

Это была работа, для него когда-то невозможная: онъ расписывалъ миніатюры! Прежній сочинитель шестиаршин-

наго «Потопа» сидѣлъ надъ бездѣлушками и, нагнувшись надъ разрисовываемымъ диптихомъ, складнемъ, прилежно и осторожно выводилъ головки за головками, черточки за черточками, вытягивалъ цѣлыя вереницы чудеснѣйшихъ арабесковъ.

Какъ измѣнилась работа, такъ измѣнился и самъ художникъ. Длинными, посѣдѣвшими прядями падали по плечамъ его обильные волосы; на желтоватомъ, мраморномъ лицѣ его лежало невозмутимое спокойствіе; опять появилось на лицѣ этомъ что-то въ родѣ улыбки. Черный бархатный камзолъ не скрывалъ легкой сутуловатости работавшаго. Чистая и свѣтлая мастерская давала знать о хозяинѣ, какъ о человѣкѣ достаточномъ.

— Видѣли ли вы,—говорили въ разныхъ городахъ:— эти удивительныя вещи! удивительныя вещи! удивительный художникъ. Но кто онъ? гдѣ онъ? Въ мелочахъ, на бездѣлушкахъ нашихъ красавицъ, на ящичкахъ и медальонахъ, выводитъ онъ такой поэтическій, воздушный, самобытный міръ, что непонятно, какъ это до сихъ поръ не прославился онъ! Какъ нѣжны краски, какъ тонки и воздушны орнаменты, какъ восхитительны головки. Точно легкимъ вѣтромъ занесены они и разсыпаны, точно сотканы они изъ воздуха. Гдѣ онъ, кто онъ, этотъ художникъ?

Сидитъ нашъ художникъ за работою; стучатъ у дверей. Послышался говоръ. Служанка увѣряетъ пришедшаго, что хозяинъ уѣхалъ въ Сіенну и ранѣе мѣсяца не вернется; это служанкѣ такъ приказано. Пройдетъ мѣсяцъ, опять постучатъ, и опять хозяина нѣтъ: уѣхалъ въ Пизу.

Никого не принимаетъ художникъ, ни съ кѣмъ не знакомится, одного только человѣка и знаетъ: того, который приноситъ и уноситъ заказы, да и съ нимъ говоритъ онъ мало, очень мало, а адреса своего и имени, подъ страхомъ не работать, сообщать не позволяетъ; человѣку, принимаю-

щему заказы, расчетъ молчать о немъ, и онъ молчитъ.

«Я бы могъ, конечно,—разсуждалъ художникъ порою:— и совсѣмъ не быть художникомъ. Развѣ одни только художники должны жить на землѣ, или, лучше сказать, развѣ не всякій живущій человѣкъ художникъ? Быть Рафаэлемъ въ своей жизни, въ уголку, предназначенномъ намъ, дана возможность каждому».

И художникъ принимался за работы. Не отъ гордости, не отъ воображенія шли онѣ теперь! Печаль и воспоминанія питали ихъ, и чужда была имъ злоба дня, чужда совершенно. Даже и мысли-то въ этихъ работахъ, казалось, мало было, какъ нѣтъ мысли въ фіалкѣ и ландышѣ. Ничьею рукою не посаженные, не взлелѣянные, никакою хитростью не воспитанные, родятся они, Божьи дѣти, хотя и остаются безъ ума, безъ разума. Если кто спроситъ: для чего они на свѣтѣ?—отвѣта не будетъ. Но скажите только: весна идетъ, весна шествуетъ!—и чья же душа не встрепенется, чье сердце не откликнется на это шествіе фіалокъ и ландышей? развѣ не понятно, для чего они?

И художникъ работалъ, работалъ усиленно. Грудь его ослабѣла, злая болѣзнь внѣдрилась въ нее; погасали и глаза, натруженные работою, нерѣдко плакавшіе, и онъ ослѣпъ.

Тогда-то, на преждевременномъ закатѣ дней, началось для него разрѣшеніе второго вопроса жизни, болѣе труднаго, поставленнаго при разрѣшеніи перваго.

Втихомолку, въ какой-то грустной истомѣ, точно выплывая откуда-то, просыпалась въ немъ мысль о загубленной любви. Знакомыя черты являлись передъ духовныя очи его съ такою ясностью, съ такою всепрощающею кротостью, что, казалось, не одну бы жизнь, а цѣлый рядъ жизней принесла эта женщина въ даръ своему милому. Художнику чуялось также, что кто-то, кромѣ ея, темный, совсѣмъ темный, постоянно обитаетъ подлѣ, тревожитъ его.

«Ужъ не совѣсть ли это моя?—думалъ онъ:—неужели я въ самомъ дѣлѣ убійца?!.. Да, да! ты убійца, слышалось художнику, и ты виноватъ; но виноватъ ты какъ волна морская, раздробляющая о скалу подхваченную ею раковину; виноватъ, насколько виновно солнце въ томъ, что есть на землѣ такіе темные уголки, которыхъ оно не можетъ освѣтить. Если бы ты не совершилъ сдѣланнаго, ты бы былъ героемъ, Богомъ! Теперь ты только человѣкъ, простой человѣкъ, служившій своимъ слабостямъ, не понимавшій себя и... поставленный на мѣсто»!

Думая такъ, художникъ проявлялъ, конечно, признаки преждевременной слабости мысли,—слѣдствіе болѣзни. Мучительный кашель работалъ въ груди и раздавался въ мастерской, не измѣнившей прежней обстановки. Само собою разумѣется, что съ концомъ работъ прекратились и заказы, и никто болѣе, никто рѣшительно, не стучался у дверей.

— Дженевра!—говорилъ не разъ слѣпой художникъ, обращаясь къ своей старой прислужницѣ, сидя въ широкомъ креслѣ:—свѣтло ли на дворѣ? подай-ка мнѣ ее!

Дженевра знала, что̀ нужно подать, и приносила завѣтную головку.

— Ступай теперь, Дженевра, оставь меня.

Прислужница уходила.

Въ мастерской наступало обычное молчаніе. Слѣпой уставлялъ свои широко раскрытые глаза по направленію портрета; казалось, онъ глядѣлъ. Иногда удостовѣрялся онъ въ присутствіи его рукою, водилъ пальцами по полотну, подносилъ къ себѣ и ставилъ на колѣни.

Случалось ли замѣтить кому-нибудь, какъ, послѣ долгихъ лѣтъ, собирается вторично разрозненная, ходившая по бѣлому свѣту семья? Дѣтьми были они тогда; теперь отъ многихъ недалека старость. Издали пришли они, эти братья и сестры. Это не жизнь миновала—сонъ прошелъ! и тѣсенъ

ихъ кругъ, порѣдѣлъ онъ, порѣдѣлъ жестоко. И не одна только смерть хозяйничала между ними, не однихъ только покойниковъ не досчитываются родные. Живутъ еще, не умерли, погибшіе для нихъ, гдѣ братъ, гдѣ сестра! Сонъ жизни унесъ ихъ, грёзы захватили! зато остальные... они всѣ, всѣ здѣсь... всѣ на-лицо!

Прежде всего пришла къ ослѣпшему художнику на семейное собраніе воспоминаній его любовь. Она сказывалась въ болѣзни груди, въ тьмѣ, лежавшей на глазахъ. Это все была любовь; безъ нея этого бы не было! Пришелъ къ нему другой гость—сознаніе таланта: такъ или иначе, но онъ нашелъ свой талантъ, сдѣлалъ, что̀ могъ, прикоснулся губами къ этому отравленному, чарующему кубку, называемому славою, могъ бы пить изъ него вволю, но онъ самъ оттолкнулъ напитокъ, выплеснулъ его, разбилъ кубокъ...

Пришло, наконецъ, хотя и позже всѣхъ, тихое, полное примиреніе; болѣзнь и страданія развивались быстро и въ нихъ-то именно и проявились миръ и покой. Когда порывистый, мучительный кашель глубоко тревожилъ слабую, разбитую грудь, гналъ отъ сердца въ голову кровь и туманилъ сознаніе, художнику казалось, будто съ каждымъ шагомъ приближавшейся смерти, въ каждой отдѣльной боли совершалось искупленіе и просвѣтлялась совѣсть.

Не вернулись къ художнику только его силы, не могли, какъ прежде, глядѣть глаза. Яснымъ, весеннимъ, благоухающимъ утромъ, передъ отворенным окномъ, сидя въ креслахъ и держа въ рукахъ портретъ дѣвушки, умеръ онъ. Въ розовомъ свѣтѣ раскидывалась передъ окномъ широкая, радужная панорама Флоренціи, доживавшей послѣдніе дни своего возрожденія, но художникъ не видалъ ея.

* * *

Въ петербургскомъ Эрмитажѣ и во многихъ изъ отдѣленій европейскихъ собраній рѣдкостей, въ безсчетныхъ образ-

чикахъ мелочей и бездѣлушекъ всѣхъ временъ, красующихся въ шкапахъ и витринахъ, есть тысячи предметовъ, носящихъ на себѣ печать талантливости первоклассной, особенно въ чуть замѣтныхъ работахъ рѣзьбы и чеканки, а также въ мелкихъ произведеніяхъ кисти, въ миніатюрахъ. Большинство посѣтителей торопится пройти по этимъ отдѣламъ шкаповъ и витринъ. Утомленные большими полотнами и крупными изваяніями, посѣтители не даютъ себѣ труда вникнуть въ мелкія работы, и развѣ только изрѣдка какой-нибудь любитель, часто подслѣповатый, поклевываетъ носомъ по стекламъ шкаповъ, обращая на себя подозрительное вниманіе полусоннаго сторожа, спящаго въ углу. Самые сонные и нерасторопные сторожа ставятся именно въ эти отдѣленія собраній.

Значительное большинство миніатюръ принадлежитъ неизвѣстнымъ художникамъ; лѣтъ триста тому назадъ ихъ особенно любили и писали на кости, перламутрѣ и металлѣ, на шелкахъ и пергаментахъ, на деревѣ и стеклѣ. Многія изъ этихъ работъ задуманы и выполнены такъ хорошо, въ нихъ положено столько свѣжести, наивности, столько неподдѣльнаго юмора и граціи; иногда по нимъ пущена такая тихая, нѣжная струя печали, что маленькій рисунокъ, при весьма незначительномъ усиліи воображенія, перерастаетъ свои размѣры, и невольно спрашиваешь себя: да кто же онъ, онъ, этотъ художникъ, тебя создавшій?! Художникъ? его нѣтъ, онъ не соблаговолилъ оставить своего имени, а само оно не осталось.

А между тѣмъ, сколько труда и таланта, сколько безсонныхъ ночей, сколько потраченныхъ силъ смотритъ изъ этихъ бездѣлушекъ, предметовъ ненужной роскоши и безразсудныхъ фантазій, образчиковъ суетности и пустоты женщинъ всѣхъ столѣтій! Какъ много положено въ нихъ вдохновенія, тепла, любви къ дѣлу и вѣры въ него!

Краснорѣчиво говорятъ эти вещи, эти броши, вѣера, шкатулочки, кольца, запястья, молитвенники, булавки, цѣпочки, и пр., и пр., о томъ, какъ неразсчетливо расходовали люди свои художественныя и денежныя средства; какое-то болѣзненное чувство вселяется въ грудь при видѣ произведеній этого искусства, измельчавшаго на службѣ женской пустотѣ. Часто художественное наслажденіе улетучивается совершенно, мысль и чувство начинаютъ дремать надъ мелкимъ разнообразіемъ вещицъ, и только глаза продолжаютъ работать безъ устали, переходя отъ витрины къ витринѣ, слѣдя за нескончаемою дробностью работъ, соображая эти микроскопическія и, все-таки, громадныя усилія, которыя нужны были для ихъ произведенія на свѣтъ.

А когда теплый, случайный лучъ весенняго солнца упадетъ сквозь окно на золото, серебро и драгоцѣнные камни, разложенные по шелку и бархату, раздробится на нихъ и вызоветъ острую игру яркихъ цвѣтовъ и граней, такъ и хочется сказать этому лучу: «не здѣсь твое мѣсто! ничего ты тутъ не сдѣлаешь, никакой жизни не вызовешь, напрасно потратишь только свое животворное тепло и потеряешь золотую улыбку, заронивъ ее въ шкапы и витрины, полные неподвижнаго, затхлаго воздуха, остраго блеска граненыхъ каменьевъ и какой-то упрямой и безнадежной нѣмоты!»

Нашли ли свои мѣста въ жизни тѣ люди, которые все это заказывали?

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ УБІЙСТВА.

Рибейра! талантъ, большой талантъ! но отчего этотъ глубокій мракъ его красокъ, эти мѣдно-желтыя пятна свѣта, напоминающія тѣ особенныя явленія далекой грозы, когда молніи не видно, раскатовъ грома не слышно, а изъ-за свинцовыхъ тучъ порою проблескиваютъ зловѣщія вспышки заоблачнаго, какъ бы мѣднаго, злобнаго огня; вспыхнутъ, озарятъ—и опять все тихо, все мрачно.

Въ петербургскомъ Эрмитажѣ есть нѣсколько картинъ Рибейры. Лучше прочихъ св. Іеронимъ, прислушивающійся, въ часъ своей смерти, къ звуку трубы архангела на страшномъ судѣ. Есть еще два Севастьяна, и еще Іеронимъ. Но по этимъ вещамъ съ Рибейрой познакомиться нельзя: онѣ слишкомъ спокойны. Онъ—художникъ пытки и экстаза, а эти работы совсѣмъ не то, не исключая даже и св. Севастьяна, повтореннаго Рибейрою, какъ извѣстно, многое множество разъ.

Но мѣдно-желтыя пятна свѣта, непроглядная тѣнь и лихорадочность кисти имѣются и въ картинахъ Эрмитажа; для того, кто знаетъ, какимъ человѣкомъ былъ Рибейра, достаточно и этихъ вещей, чтобы выяснить себѣ непригляднуго, отталкивающую, но мощную фигуру художника.

Рибейра, испанецъ, жилъ и дѣйствовалъ въ Неаполѣ.

Въ первой четверти семнадцатаго вѣка Неаполь и Сицилія принадлежали могущественному въ то время испанскому королю и служили предметомъ правительственнаго грабежа въ пользу Испаніи. Народъ не могъ выносить тяготы своего положенія; готовилось возстаніе Мазаніелло, которое и вспыхнуло въ 1647 году. Оно извѣстно большинству по оперѣ «Фенелла».

Неаполемъ управлялъ вице-король, и хотя дворъ его не могъ соперничать съ пышными дворами Рима, Тосканы, Модены, но все-таки онъ былъ богатъ бѣдностью страны и сильно развращенъ.

Блестящій вѣкъ возрожденія только-что погасъ надъ Италіею. Рафаэль и Микель-Анджело умерли. Со страхомъ прислушиваясь къ успѣхамъ реформаціи въ Германіи, тогдашніе папы признали необходимость реакціи. Вездѣ и повсюду царилъ развратъ; сама церковь развращала, и папа Павелъ IV повелѣваетъ замалевать всѣ нагія части тѣла на фрескахъ въ сикстинской капеллѣ, какъ будто этимъ замалевываніемъ могло быть прекращено поклоненіе женщинѣ! Іезуиты, быстро возросшіе въ своемъ значеніи, вызываютъ къ жизни новый циклъ въ живописи съ изображеніями мучениковъ и ясновидѣній святыхъ; экстазъ Франциска, галлюцинаціи Антонія, видѣнія Іеронима... какъ будто малеванныя изображенія судорожныхъ экстазовъ могли задвинуть обаятельную снисходительность прелестницъ, чары лунныхъ ночей и импровизованныя серенады, къ которымъ люди привыкли, безъ которыхъ жить не могли.

Поющая и влюбляющаяся Италія продолжала оставаться полною памяти и практики Цезаря и Лукреціи Борджіа; именно съ этого времени реакціи начинается повсемѣстное царство разбоя: страна, въ особенности большіе города, кишмя-кишатъ спадассенами и брави, и Понтано былъ

правъ, когда писалъ, что въ Неаполѣ не было ничего дешевле жизни и головы живого человѣка; это же подтверждаетъ и Бенвенуто Челлини.

Но все сказанное совершалось съ нѣкоторою долею художественной виртуозности. Мало было кондотьери Вернеру убивать и насиловать, нѣтъ, онъ заказываетъ себѣ серебряный щитъ и на бѣломъ металлѣ его выгравировываетъ, чтобы всѣ знали и видѣли, свой лозунгъ: «Врагъ Бога, состраданія и жалости». Вѣдь наслаждается же король Неаполя Ферранте двойнымъ музеемъ своихъ полоненныхъ враговъ; живыхъ держитъ онъ въ темницахъ, мертвыхъ бальзамируетъ и, одѣвъ обезображенные трупы въ доспѣхи, которые покойные носили при жизни, холитъ ихъ въ видѣ мумій и ходитъ любоваться ими.

Странно, дико и намъ совершенно непонятно, но какія большія картины! сколько красокъ

Большія шайки разбойниковъ гуляютъ по странѣ; подметныя письма, кровавые пасквили, за которыми слѣдуетъ чрезвычайно быстро исполненіе тайныхъ приговоровъ, устрашаютъ полицію и обусловливаютъ бездѣятельность ея. Казнятъ рѣдко, и преступники, идя на казнь, щеголяютъ своею смѣлостью, а толпа любуется ими.

Неизвѣстно, видалъ ли Рибейра музей мумій короля Ферранте, но очень вѣроятно, что видѣлъ, потому что состоялъ придворнымъ живописцемъ неаполитанскаго вице-короля не болѣе какъ полвѣка спустя; едва ли музеи исчезаютъ такъ быстро. У вице-короля былъ свой дворъ; дворъ долженъ имѣть своего придворнаго живописца, и испанецъ Рибейра попадаетъ къ испанскому вице-королю. Блеску двора способствуетъ художество; необходимы большіе, богатые заказы, и Рибейра заправляетъ ими. Никто, кромѣ его и его людей, не долженъ работать въ Неаполѣ; если кто осмѣлится—его изведутъ ядомъ или кинжаломъ. На то

у Рибейры товарищи-ученики, художники-спадассены, историческія имена которыхъ сохранились: Корренціо, Сантафеде, Карачіолло, Ланфранко, Франканцани.

Самъ Рибейра, лично, не убиваетъ, онъ посылаетъ для этого другихъ. Самъ онъ ученикъ Караваджіо, а въ числѣ учениковъ Рибейры значится Сальваторъ Роза! Какая преемственность мрачныхъ, злобныхъ людей, какая послѣдовательность, какое прямое объясненіе этой живописи тьмы и страсти, этой демонической силы въ живописи, которая въ темныхъ тонахъ и рѣзкихъ мѣдяныхъ пятнахъ свѣта, взятаго не отъ солнца, а отъ желчи и ненависти собственной души, легла самостоятельною тѣнью на длинномъ ряду свѣтоносныхъ произведеній другихъ представителей возрожденія.

Король призываетъ въ Неаполь, для работы фресковъ въ Spirito Santo и Gesu-Nuovo, самаго крупнаго изъ всѣхъ представителей тогдашней живописи—Анибала Караччи; но онъ не выноситъ всѣхъ козней рибейровскихъ спадассеновъ; желчный, больной, оскорбленный, возвращается въ Римъ и тамъ вскорѣ умираетъ. Призываютъ другую знаменитость—кавалiере Арпино, для тѣхъ же работъ; съ нимъ повторяется та же исторія, тѣ же угрозы смертью, и кавалiере убѣгаетъ. Ему на смѣну является знаменитый Гвидо Рени; опять пущены въ ходъ старые способы устрашенія, и снова достигаютъ они своей цѣли. Находится, наконецъ, смѣлый человѣкъ — Гесси; онъ самъ вызывается ѣхать въ Неаполь писать названныя фрески, и его предложеніе принимаютъ. Но Рибейра не дремлетъ: ему надо достичь той же цѣли—удалить Гесси, получить эти фрески; только отчего же не поразнообразить преступленія? И вотъ пускается въ ходъ фантазія и обращаются за прототипомъ къ классическому пріему.

* * *

Таверны, кабаки, австеріи среднихъ вѣковъ имѣли характеръ совершенно особый; они посѣщались, главнымъ образомъ, солдатами. Постукиваніе шпоръ и мечей, въ особенности стальныхъ налокотниковъ вѣчно пьяныхъ наемниковъ, продававшихъ себя тому, кто больше платилъ; смѣсь многихъ языковъ и говоровъ; вѣчная игра въ кости; необходимое присутствіе подходившихъ къ обстановкѣ женщинъ; темное, закоптѣлое помѣщеніе; грязь, грубая шутка, побрякиваніе денегъ и брань,—все это было вполнѣ общимъ во всей феодальной Европѣ, въ такихъ уголкахъ, какимъ представлялась таверна «Трехъ поваровъ» въ Неаполѣ, въ шестомъ часу вечера яснаго апрѣльскаго дня.

Таверна стояла на берегу моря, съ видомъ на весь лазурный заливъ и островъ Капри. Этотъ удивительный видъ, во всей роскоши тоновъ благоухающей весны одного изъ роскошнѣйшихъ уголковъ земного шара, западалъ самымъ разнообразнымъ образомъ въ потускнѣвшія очи и сознанія посѣтителей таверны. Онъ западалъ въ нихъ, этотъ видъ, какимъ-то поломаннымъ, расшатаннымъ, какими-то неясными пятнами свѣта и красокъ и кусками тѣней. Попойка попойкѣ рознь и не всѣ удаются одинаково. Если бы еще одинъ часъ попойки, состоявшейся на этотъ разъ, то произошло бы, вѣроятно, обычное явленіе: могучая драка, свалка, убійство и, какъ слѣдствіе этого, появленіе патруля и успокоеніе разбушевавшихся полицейскимъ порядкомъ.

Дѣло въ томъ, что когда стало очень весело и начались различныя хвастовства, одинъ изъ немногихъ не военныхъ посѣтителей, высокій, худощавый, въ желтомъ беретѣ, съ широкою шляпою на головѣ, при шпагѣ, значительно подпившій, и его товарищъ, низенькаго роста, толстый и очень шутливый, вздумали потѣшать солдатъ разными фокусами.

Долгое время очень удачно исчезала серебряная мо-

нета, съ потускнѣвшимъ изображеніемъ Фердинанда Католическаго.

— Ай да Сильвіо! ай да серениссимо! Madre di Dio! какъ ловко!—раздавалось по сторонамъ.

Сильвіо, толстенькій и веселый, повидимому, потратился весь; наступила очередь другому, его товарищу, именовавшемуся Анжелико. Начали исчезать и появляться въ другихъ мѣстахъ предметы болѣе крупные. Особенно хорошо прятались пивныя кружки, и что нравилось болѣе прочаго—такъ это то, что кружка исчезала изъ-подъ носу того именно, кто хотѣлъ бы приложиться къ ней и хлебнуть.

Вино, между прочимъ, дѣлало свое дѣло, и собесѣдники пьянѣли. Шутки становились рѣзче, хохотъ неразборчивѣе; то тутъ, то тамъ начинали сердиться.

— Да это дьяволы какіе-то! пальцы у нихъ что̀ когти, руки что̀ рѣшето! держи карманы, господа! обворуютъ!

— Ой-ой, господа синьоры, зачѣмъ же такія вѣжливости! Мы васъ любопытными вещами потѣшаемъ, а вы намъ непріятныя слова говорите.

— Съ сатаной вы въ кумовствѣ, вотъ что̀! — отвѣтилъ кто-то.

— Да, да! съ сатаной!

— Ну, съ сатаной, не съ сатаной, а искусствомъ пользуемся.

— Нѣтъ, вы намъ что-нибудь такое покажите,—проговорилъ могучій арбалетчикъ, сильно смахивавшій на Фальстафа, типъ, ранѣе этого времени подмѣченный Шекспиромъ: — покажите что-нибудь такое, чтобы не руки ваши участвовали, а похитрѣе, ну, напримѣръ: чтобы вотъ этотъ домъ исчезъ, или вотъ та скала, что̀ надъ берегомъ торчитъ!

— Что жъ, и это можно, — отвѣтилъ желтый беретъ: — синьоръ Анжелико, можно?

Онъ переглянулся съ Сильвіо.

— Видите ли вы вонъ тамъ, далеко въ морѣ, по направленію къ Капри, двѣ лодочки?

Глаза всѣхъ обратились къ морю.

— Видимъ!

— Ну, смотрите: не пройдетъ и четверти часа времени, какъ вмѣсто двухъ лодокъ только одна останется.

Слова Анжелико подѣйствовали весьма различно: кто захохоталъ, кто переглянулся, а толстый синьоръ Сильвіо, сразу понявшій въ чемъ дѣло, ударилъ Анжелико по плечу и проговорилъ:

— Молодецъ!

— Только это будетъ не даромъ, а, во-первыхъ, клади каждый на столъ, сколько бутыль вина стòитъ, а во-вторыхъ, всѣмъ нашимъ красавицамъ тарантеллу проплясать. Согласны ли?

— Согласны.

— Ну, смотрите: четверти часа не пройдетъ, и только одна лодка останется. Затѣмъ, уговоръ лучше денегъ: глядѣть въ оба, а назадъ не оглядываться, пока не скажемъ, а не то не сдобровать.

— А если оглянусь?—спросилъ арбалетчикъ.

— Тогда увидятъ люди, чтò съ тобою сдѣлается, самъ не увидишь,—отвѣтилъ Сильвіо.

— Ну, ладно, быть по-вашему. Смотрѣть, что ли?

Назначенный срокъ, четверть часа, былъ не великъ, и говоръ, и смѣхъ временно затихли, а глаза всѣхъ устремились къ морю.

На далекой лазури его виднѣлись двѣ небольшія лодочки. На волнахъ лежала глубокая тишина, и обѣ лодочки двигались на веслахъ. Сначала онѣ держались поодаль одна отъ другой, но къ тому времени, какъ сдѣлалъ Анжелико свое предложеніе, какъ это было хорошо ими замѣчено,

стали онѣ приближаться одна къ другой. Временно заслоняясь, выскальзывая одна изъ-за другой, онѣ точно чайки играли въ лазури, давая круги, и то виднѣлись сбоку, то почти исчезали, поворачиваясь къ смотрѣвшимъ на нихъ носомъ или рулемъ.

— Ну, что же? — раздалось со стороны крупнаго арбалетчика, болѣе другихъ нетерпѣливаго.

— А вотъ и совершилось!—отвѣтилъ синьоръ Анжелико, указывая пальцемъ въ сторону лодокъ:—всего только одна осталась, вѣрно или нѣтъ? глядите!

Наступило глубочайшее молчаніе; многіе, вставъ съ мѣстъ, просунулись къ окну, налегая другъ на дружку и путаясь длинными шпагами своими; упорнѣе всѣхъ протискивались женщины и, надо отдать имъ справедливость, умѣли находить себѣ мѣсто. Группа была чрезвычайно живописна.

Дѣйствительно: какъ ни напрягали люди зрѣніе, какъ ни упорствовали въ своей увѣренности, что лодка не могла исчезнуть, несомнѣнность имѣлась на-лицо: оставалась только одна лодка, а другая сгинула безслѣдно, вдругъ, точно потонула. Оставшаяся лодка держалась нѣкоторое время неподвижно, а затѣмъ быстро направилась къ берегу.

Отъ окошка лица всѣхъ обратились бы сразу назадъ, къ синьорамъ Сильвіо и Анжелико, если бы не запретъ ихъ, не страхъ оглянуться, не присутствіе какого-то сѣрнаго запаха въ комнатѣ, запаха, который прежде всего замѣченъ былъ арбалетчикомъ; онъ упорнѣе другихъ утверждалъ, что сѣрный запахъ дѣйствительно ощущался.

Этотъ страхъ оглянуться, посреди глубокаго, царившаго молчанія, былъ причиною той удивительной живой картины, достойной кисти Сальватора Розы или Караваджіо, которая составилась въ окнѣ: цѣлая группа лицъ, обращенныхъ къ морю, глядящихъ по одному направленію, неподвижныхъ,

съ выраженіемъ любопытства и ужаса во всѣхъ ихъ оттѣнкахъ.

Сомнѣнія не могло быть никакого: лодка оставалась только одна, но зато не было больше на столѣ и тѣхъ монетъ, которыя, согласно условію, положены собесѣдниками на столъ: ихъ забрали съ собою Сильвіо и Анжелико и чрезвычайно ловко и безшумно исчезли.

И они очень хорошо сдѣлали, что исчезли, потому что, когда, мало-по-малу, группа зашевелилась, нашлись смѣльчаки, которые, несмотря на сѣрный запахъ, оглянулись—молчаніе чрезвычайно быстро преобразилось въ ужасающій потокъ ругательствъ и проклятій.

Болѣе всѣхъ гудѣлъ арбалетчикъ, убѣжденный въ томъ, что онъ ощущалъ сѣрный запахъ.

— Негодяи! прощалыги! Да будь они сами черти, я бы ихъ вотъ этою шпагою... она у меня святой водой окроплена, эта шпага! я бы ихъ какъ цыплятъ на вертело посадилъ!

Онъ даже выхватилъ шпагу изъ ноженъ и сунулся-было къ двери, но двѣ любезныя собесѣдницы остановили его. Въ концѣ концовъ хозяину пришлось прибѣгнуть къ помощи патруля.

Сильвіо и Анжелико тѣмъ временемъ направились къ жилищу Рибейры.

* * *

Оба они были живописцами, его учениками, спадассенами первой руки, смѣлыми до безумія. Если они удалились изъ таверны, устроивъ вышеописанную сцену, то отнюдь не изъ страха передъ шпагами, окружавшими ихъ; это бы ихъ только потѣшило! Если они забрали деньги, положенныя на столы, то никакъ не изъ желанія поживиться ими! Въ деньгахъ ни тотъ, ни другой не нуждались, и шпаги ихъ

были искуснѣе прочихъ. Сдѣлали они все это потому, что имъ хотѣлось художественности, оригинальности выходки, и потому, что ихъ ждалъ Рибейра, которому предстояло разсказать о совершившемся: объ исчезновеніи второй лодки.

— Поздравляю, маэстро, съ заказомъ! съ фресками въ Spirito Santo и Gesu Nuovo! — быстро проговорилъ, обратившись къ Рибейрѣ, тотъ изъ двухъ, котораго называли Анжелико. Рибейра полулежалъ на широкомъ ложѣ, схожемъ съ нынѣшними оттоманками, только пошире; это была мебель, которая полюбилась всей Италіи, съ легкой руки венеціанской республики, заведшей ее у себя съ образцовъ Востока.

Рибейра былъ совершенно одинъ. Рѣзко очерченныя, нервныя черты лица его, освѣщенныя желтыми отраженіями вечерняго солнца, выдѣлялись весьма характерно въ длинномъ ряду всякихъ эскизовъ и картинъ, полныхъ такими же неспокойными отраженіями и такими же лицами; темныя драпировки усиливали это впечатлѣніе родственности мастера и его картинъ.

— Если бы вы видѣли, маэстро, если бы вы только видѣли, какъ это все произошло! — продолжалъ Анжелико: — народу въ тавернѣ...

— Народу тамъ было много, — перебилъ Сильвіо: — да вы, вѣроятно, «Трехъ поваровъ» знаете?

— Только вотъ, изволите ли видѣть...

— Сидимъ это мы съ большой компаніей...

— Да, да, въ большой компаніи! только, знаете...

— Потѣшать мы ихъ начали...

Недолго прислушивался къ перебою разсказовъ своихъ учениковъ Рибейра; онъ не вытерпѣлъ и разразился сильнымъ ругательствомъ:

— Чортъ васъ побери! говори одинъ, а не двое! говори, Анжелико!

Сильвіо безпрекословно отошелъ въ уголъ; онъ предпослалъ себѣ широкую шляпу; съ разстоянія весьма далекаго направилъ онъ ее на мраморную голову сатира, улыбавшуюся изъ угла съ невысокаго постамента. Ловко кинутая шляпа донеслась по назначенію, вертясь около своей оси, очутилась на головѣ каменнаго божка и плотно насѣла на его рожки. Сатиръ продолжалъ улыбаться изъ-подъ широкихъ полей шляпы. Сильвіо, видимо недовольный замѣчаніемъ Рибейры, подошелъ къ сатиру, сѣлъ на табуретъ и продолжалъ смотрѣть на мраморный ликъ статуи, сложивъ ногу на ногу и охвативъ верхнее колѣно обѣими руками.

Разсказъ Анжелико только-что начался, какъ въ мастерскую вошли еще три человѣка.

На этотъ разъ Рибейра быстро поднялся съ мѣста, увидавъ вошедшихъ; съ ними появилось дѣйствительное, фактическое подтвержденіе разсказа, начатаго Анжелико.

Одна изъ вошедшихъ фигуръ стояла закутанною въ плащъ; она не снимала шляпы и не отводила отъ лица руки съ приподнятымъ бортомъ плаща.

— Франканцани, ты? — спросилъ Рибейра, подойдя къ фигурѣ и указывая на нее пальцемъ.

— Да, маэстро, я!—отвѣтила фигура, сбросивъ плащъ и сдернувъ шляпу.

Фигура была чрезвычайно характерна. Она только-что вышла изъ воды; набедренные и наплечные пуфы, обыкновенно вздувавшіеся и придававшіе человѣку нѣкоторый, ему не подобавшій, видъ могучести, отягченные пропитавшею ихъ водою, висѣли вдоль рукъ и ногъ. Темныя кудри головы тоже еще не просохли и клеились ко лбу и щекамъ.

— Разсказывай!—быстро и нервно проговорилъ Рибейра, направившись къ своему ложу и бросившись на него. Ученики размѣстились гдѣ кто могъ; Сильвіо оставался сидѣть

подлѣ сатира. Стоялъ одинъ только мокрый разсказчикъ—Франканцани.

— Какъ вы приказали, маэстро, такъ и исполнено: синьоръ Гесси несомнѣнно покинетъ нашъ Неаполь, потому что два его спутника, два гессита, вволю напились воды нашего лазурнаго залива и наслаждаются теперь на днѣ его. Послѣ знакомства съ ними вчера, о которомъ, маэстро, мы вамъ сообщали, рѣшено было предпринять прогулку по морю въ двухъ лодкахъ. Это было не больше какъ часа четыре назадъ; на одну изъ нихъ сѣли они,—Франканцани указалъ глазами на обоихъ вошедшихъ съ нимъ спутниковъ,—на другую я съ обоими гесситами.

При этихъ словахъ по хмурому лицу Рибейры пробѣжало что-то въ родѣ улыбки; улыбнулись также и Сильвіо, и Анжелико; сатиръ, тотъ и не переставалъ улыбаться.

— Дальше!—проговорилъ Рибейра.

— Вся трудность была въ томъ, чтобы имѣть нужную лодку. Тутъ, маэстро, помогъ намъ Анжелико. Его красавица-рыбачка, живущая на самомъ берегу моря, промыслила все нужное; прорѣзали мы въ лодкѣ люкъ въ днищѣ; если бы вы видѣли, что̀ это за искусная работа была! люкъ былъ пригнанъ такъ ловко, что не пропускалъ ни одной струйки воды; мы его сдерживали засовомъ, приходившимся какъ разъ подъ ногами гребца! о, это былъ удивительный люкъ! пригласить гостей на прогулку было не трудно. Сѣли мы, я на весла, съ ними двумя; въ другую лодку—нашихъ двое, вотъ эти самые.

При этомъ Франканцани вторично взглянулъ въ сторону товарищей.

— Ѣхать было довольно далеко, — продолжалъ онъ: — сновало много рыбаковъ, а намъ слѣдовало удалиться настолько, чтобы, въ случаѣ невѣжливыхъ криковъ господъ гесситовъ о спасеніи, ихъ не слыхали!

— А лучше, если бы даже не видѣли! — перебилъ Рибейра.

— Насъ и не видѣли...

— Мы васъ видѣли,—перебилъ Анжелико:—потому что...

Онъ тотчасъ же замолчалъ подъ впечатлѣніемъ взгляда, брошеннаго на него Рибейрой; разсказъ продолжался безостановочно.

— Когда я замѣтилъ,—заговорилъ опять Франканцани:—что приступить можно и что наши въ лодкѣ недалеко, я выдвинулъ засовъ... О! если бы вы созерцали, маэстро, эти двѣ глупыя физіономіи, торчавшія передо мною! если бы вы только ихъ видѣли, когда въ лодку хлынула вода! а вода хлынула чудесно—разомъ, цѣлымъ потокомъ... видѣлъ я, маэстро, минуту всемірнаго потопа передъ собою въ гибели этихъ людей... но глупѣе ихъ физіономій я ничего не помню... да и было съ чего: ни тотъ, ни другой не умѣли плавать, какъ оказалось! Очень это странное чувство—сидѣть въ лодкѣ, опускающейся ко дну, очень странное! Я почувствовалъ полную свободу только тогда, когда опустился въ воду по горло, а лодки ни передо мною, ни подо мною больше не было, а торчали изъ воды только двѣ головы! Они даже, кажется, драться одинъ съ другимъ начали, одинъ на другого взлѣзть хотѣли, нѣсколько разъ крикнули, кувырнулись, потомъ...

— Потомъ?—повторилъ Рибейра.

— Потомъ усѣлся я очень скоро на другую лодку и, какъ видите, красивъ!

Рибейра поднялся съ мѣста.

— Съ фресками Gesu Nuovo, маэстро!—неожиданно проговорилъ Сильвіо, вскочивъ на ноги и отойдя отъ мраморнаго сатира.

— Съ фресками Spirit Santo!—добавилъ Анжелико.

Всѣ прочіе, въ знакъ согласія съ этими заявленіями, медленно наклонили головы.

Расчетъ Рибейры и на этотъ разъ оказался вѣрнымъ: Гесси, послѣ таинственнаго исчезновенія двухъ своихъ учениковъ, немедленно покинулъ Неаполь. Франканцани, одинъ изъ прилежнѣйшихъ и искуснѣйшихъ исполнителей смертныхъ приговоровъ Рибейры, нѣсколько времени спустя, обвиненъ въ другомъ убійствѣ и приговоренъ къ повѣшенію. Могучему заступничеству Рибейры удалось достигнуть только той милости, что ему позволено было замѣнить казнь чрезъ повѣшеніе отравленіемъ въ тюрьмѣ: это исполнено, и рибейровская шайка художественныхъ преступниковъ избѣгла этимъ путемъ нѣкоторой доли оглашенія; нѣкоторая стыдливость была у этихъ не сочиненныхъ, а дѣйствительно существовавшихъ людей.

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ.

Быстрые сумерки осенней ночи спускались надъ Римомъ.

Въ далекіе годы семнадцатаго столѣтія, съ наступленіемъ ночи, въ большомъ городѣ на улицахъ становилось небезопасно. Освѣщенія не было никакого; полиціи не существовало. Одинокими, медленно двигающимися звѣздочками мелькали иногда, тутъ и тамъ, фонари, несомые прислугою передъ какимъ-нибудь засидѣвшимся въ гостяхъ съ семействомъ горожаниномъ. Завернутые въ плащи, снабженные палками, двигались эти запоздалые гости по узкимъ, кривымъ, грязнымъ улицамъ, особенно сильно побаиваясь перекрестковъ. Уличная темень увеличивалась еще и тѣмъ, что дома снабжались, зачастую, крытыми галлереями для пѣшеходовъ и тротуары шли подъ ними.

Не только магазины прочно закрывались могучими засовами, но окна нижнихъ и вторыхъ этажей снабжались выведенными одновременно со стѣною рѣшетками. Случись что-нибудь на улицѣ, позови кто на помощь, выбраться изъ этихъ закрытыхъ наглухо воротъ и дверей было чрезвычайно трудно; не легко поддавался ржавый засовъ, не всякаго слушался громадный, привѣсный замокъ, да и повернуть на петляхъ обитую желѣзомъ дверь было подъ-стать

далеко не всякому. Помощь несомнѣнно опаздывала; предпочитали вовсе не подавать ея, и оставалась—самозащита.

Темень надвинулась окончательно въ то время, когда какая-то сомнительная фигура, не то горожанинъ, не то цыганъ, не то нищій, слабо освѣщаемая свѣтомъ лампады, горѣвшей за массивною рѣшеткою передъ Мадонною у воротъ мужского монастыря въ Транстеверѣ, подошла вплотную къ стѣнѣ и не то что присѣла, а какъ-то скорчилась, осунулась, опустилась на каменную скамью.

Есть явленія въ жизни человѣка, не озаряемыя свѣтомъ, къ числу которыхъ относится, между прочимъ, и чувство голода. Фигурѣ, осунувшейся на скамью подлѣ Мадонны, сильно хотѣлось ѣсть. Это былъ юноша лѣтъ двадцати съ небольшимъ, въ лохмотьяхъ, съ помятою, широкополою шляпою на головѣ. Шляпа эта, когда-то, несомнѣнно украшала чело какого-нибудь богатаго, знатнаго гражданина; теперь она не годилась бы для него, во вниманіе къ прорванному днищу, зіявшему кверху широкою дырой.

Едва только усѣлся горемыка на мѣсто, какъ къ нему подошла другая фигура, давно слѣдившая за нимъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, въ плащѣ, при шпагѣ, въ шляпѣ еще болѣе широкой, чѣмъ та, которая отличалась отсутствіемъ днища, но совершенно цѣлой; по внѣшности это былъ несомнѣнно художникъ—типъ, хорошо извѣстный Риму того времени.

— Не наймешься ли ко мнѣ на службу?—спросилъ онъ горемыку, подойдя къ нему.

Фигура со шляпою безъ днища встрепенулась; къ ней, съ ранняго утра истекшаго дня, никто не обращалъ слова.

— Мнѣ нуженъ носильщикъ воды,—продолжалъ художникъ:—ты, какъ видно, изъ прочныхъ, плечистъ, молодъ: не хочешь ли?

— Хочу!—отвѣтилъ спрошенный.

— Слѣдуй, въ такомъ случаѣ, за мною.

Оба они двинулись съ мѣста.

«Господи!»—думалъ импровизированный носильщикъ воды:—«неужели онъ меня не накормитъ? Неужели онъ, человѣкъ съ сытымъ желудкомъ, который ублажалъ его съ утра Богъ вѣсть какими прелестями, не сознаетъ, что за нимъ слѣдуетъ другой желудокъ, въ которомъ, вотъ уже сутки, ни крошки не побывало?»

— Синьоръ! — спросилъ горемыка съ пустымъ желудкомъ:—синьоръ! послушайте...

— Что?—отвѣчалъ художникъ, не оборачиваясь.

— А полагается ли у васъ въ дому кормить людей на ночь? Я ничего не ѣлъ.

— Будетъ тебѣ и хлѣбъ, и вино, и говядина.

— И говядина? и говядина будетъ?—повторилъ съ нѣкоторымъ увлеченіемъ человѣкъ, нанятый въ носильщики.

— Да, да, и говядина!

Въ сладкихъ грёзахъ о томъ, какъ пройдетъ въ него этотъ обѣтованный кусокъ говядины, какъ польется вслѣдъ ему вино и, можетъ-быть, хорошее вино, носильщикъ не замѣтилъ, какъ подошли они къ древнему за̀мку Святого Ангела, хмурившемуся во мракѣ ночи, какъ перешли мостъ, какъ повернули направо и направились разными мелкими улицами.

Когда путники миновали нѣсколько улицъ, такъ что трудно было опредѣлить, гдѣ именно они находились и въ какую часть вѣчнаго города зашли, фигура въ лохмотьяхъ, движимая совершенно понятнымъ нетерпѣніемъ, спросила:

— Скоро ли, синьоръ?

— Вотъ мы и дома,—отвѣтилъ проводникъ:—пришли!

Улица, въ которой оба находились, оказалась такою узкою, что въ нее, конечно, никогда не заворачивало ни одного экипажа. Темень ея увеличивалась еще и тѣмъ, что

наверху, тамъ, откуда могли бы проглядывать звѣзды небесныя, нависали обычныя, средневѣковой архитектуры, вышки съ кранами для подъема различныхъ запасовъ муки, сѣна и т. п. На улицѣ не виднѣлось рѣшительно никого, и дверь, передъ которою пѣшеходы остановились, была такъ низка, что, казалось, вела не въ жилье, а въ подземелье.

— Куда же это мы, синьоръ? — спросила, удивленная размѣрами двери, фигура въ шляпѣ безъ днища.

— Къ доброму куску говядины и къ хорошему стакану вина, мой милѣйшій,—отвѣтилъ художникъ.

Дверь оказалась не запертою. Съ сиплымъ скрипомъ отворилась она и за нею потянулся довольно длинный коридоръ, чрезвычайно бѣдно освѣщенный нагорѣвшею и чадившею плошкою, поставленною на огромную бочку.

— Милости просимъ!—проговорилъ художникъ.

Оба двинулись по коридору. Слѣдовала вторая дверь. Отворили и ее.

— Ну, господа, вотъ вамъ то, что̀ нужно,—сказалъ художникъ, остановившись у двери и протолкнувъ въ нее фигуру въ шляпѣ безъ днища.

Неожиданный толчокъ смѣнился для фигуры еще болѣе неожиданнымъ видомъ. Бѣжать хотѣлось бы фигурѣ назадъ, но дверь оказалась быстро защелкнутою, а бой съ присутствовавшими, въ значительномъ числѣ, людьми оказался бы неравенъ.

Картина представлялась дѣйствительно ужасною.

Посрединѣ весьма просторнаго, накрытаго круглымъ сводомъ помѣщенія, освѣщеннаго изъ двухъ угловъ красноватыми огнями висѣвшихъ на веревкахъ свѣтильниковъ, на длинномъ столѣ лежало мертвое тѣло, далеко не во всю длину покрытое простыней. Кровавыя пятна проступали вдоль простыни и сосредоточивались главнымъ образомъ на груди трупа.

При входѣ обоихъ посѣтителей глаза многихъ изъ присутствовавшихъ обратились на приведеннаго художникомъ незнакомца, въ которомъ чувство ужаса достигло мгновенно крайнихъ предѣловъ.

Онъ оторопѣлъ, снялъ свою шляпу съ прорваннымъ днищемъ и замѣтно дрожалъ всѣмъ тѣломъ, что̀ означалось очень ясно, благодаря ветхости лохмотьевъ его одежды, опадавшихъ кругомъ бахромою. Пришедшій съ нимъ художникъ немедленно затерялся между другими, пестрыми, озабоченными, еле виднѣвшимися изъ темныхъ угловъ помѣщенія, людьми. Неподвижный, ошеломленный владѣлецъ лохмотьевъ и шляпы безъ днища только поводилъ глазами и не шевелился. Онъ отличалъ, какъ бы сквозь сонъ, движущихся людей со всѣми ихъ непривѣтливыми, даже злобными лицами; ему казалось, будто всѣ брови морщились, всѣ глаза сверкали; онъ замѣтилъ, какъ шептались эти люди одни съ другими и о чемъ-то сговаривались, глядя на него, и какъ будто улыбались.

Кто-то изъ самыхъ крупныхъ по очертаніямъ подошелъ къ нему и заговорилъ:

— Ты можешь ли поклясться,—сказалъ онъ ему:—что никогда, никому не разскажешь о томъ, что̀ видѣлъ? Клянешься ли?

Фигура въ лохмотьяхъ прошептала что-то въ отвѣтъ.

— Дѣло въ томъ, что этого мертваго надо унести. Тибръ не далеко; ты привяжешь камень къ ногамъ—и дѣлу конецъ; тебя проведутъ самою короткою дорогою, а вотъ тебѣ за труды!

При этомъ онъ сунулъ ему въ руку нѣсколько монетъ.

«Золотыя, золотыя!»—промелькнуло по затуманившимся мыслямъ человѣка въ лохмотьяхъ.

Звукъ монетъ и ощупь не солгали ему: монеты были дѣйствительно золотыя; вслѣдъ за этимъ соображеніемъ

промелькнули и другія: что тутъ дѣло идетъ о какомъ-то убійствѣ, что его хотятъ скрыть; что если не согласиться, то самого въ Тибръ отправятъ; что отчего же и не снести покойника въ Тибръ, такъ какъ воскресить его невозможно, а грѣхъ убійства лежитъ на другихъ, а не на немъ.

— Если согласенъ, — проговорилъ крупный господинъ, сунувшій въ руку монеты:—то взваливай, торопись!

Дѣлать было нечего; подошли къ тѣлу и завернули его во что-то темное. Тутъ только могъ замѣтить человѣкъ, взявшійся нести покойника, черты его лица: оно было совершенно синее; широкій кровавый порѣзъ выдѣлялся на лѣвомъ вискѣ; борода торчала всклоченною; на рукахъ обозначались рѣзкія ссадины.

Взвалить покойника на спину было довольно трудно, но, съ общею помощью, это сдѣлано.

При первыхъ шагахъ подъ тяжестью непривычной ноши, носильщикъ не могъ не замѣтить какого-то страннаго шопота, пронесшагося между присутствовавшими; раздались какъ бы смѣшки. Но въ головѣ его окончательно помутилось и онъ готовъ былъ свалиться съ ногъ, когда почувствовалъ, что мертвецъ, навьюченный на него, зашевелился, обнялъ его своими, далеко не холодными руками, пригнулъ къ землѣ и соскочилъ долой...

Неистовый, дробный хохотъ огласилъ помѣщеніе.

Фигура въ лохмотьяхъ рѣшительно не знала, что̀ ей дѣлать; безсознательно повернулась она и стала лицомъ къ лицу съ ожившимъ мертвецомъ.

Тотъ же шрамъ на вискѣ, та же синева и отеки, но при этомъ рѣзкій контрастъ добродушнѣйшаго смѣха и безконечно веселые глаза, не имѣвшіе съ кровью и отеками ничего общаго. Быстро окружили люди обоихъ со всѣхъ сторонъ, хохотали, трогали руками, повертывали къ себѣ и отъ себя, видимо изслѣдовали, изучали и при этомъ сы-

пали присказками. Быстро замелькали по столамъ листки бумаги, затеплились новые огоньки свѣточей; усѣвшись за столы, присутствовавшіе что-то набрасывали, крокировали, то и дѣло поглядывали на носильщика, весьма медленно приходившаго въ себя.

Съ носильщикомъ случилось то, что̀ бываетъ очень часто при сильныхъ нравственныхъ потрясеніяхъ: онъ окончательно пришелъ въ себя, вслѣдствіе возникновенія передъ нимъ одного изъ обычныхъ, ежедневныхъ, съ дѣтства знакомыхъ именно ему мотивовъ жизни. Этимъ мотивомъ явились, въ данномъ случаѣ, листки бумаги и карандаши, потому что фигура въ шляпѣ съ продырявленнымъ днищемъ былъ не кѣмъ инымъ, какъ будущею знаменитостью гравернаго искусства—Жакомъ Калло.

Если, до того, жертвою довольно злостнаго обмана со стороны общества художниковъ, задумавшихъ устроить себѣ потѣху и изучить въ натурѣ выраженіе страха, былъ онъ, то теперь роли перемѣнились неожиданно, и нельзя сказать, чтобы въ ущербъ Калло.

Ближе прочихъ къ нему, подлѣ того стола, на которомъ недавно лежалъ мнимый покойникъ, помѣстился самъ покойникъ, весь украшенный размалеванными рубцами и синяками, весь сіяющій смѣхомъ, довольный исходомъ совершившагося; онъ, то и дѣло поглядывая на Калло, крокировалъ съ него свой набросокъ.

Калло, совершенно отрезвившійся, давно позабывшій, конечно, и голодъ и жажду, быстро подошелъ къ нему и посмотрѣлъ на кроки.

— Что̀? хорошо?—спросилъ самоувѣренно художникъ.

— Отвратительно!—такъ же точно рѣзко и громко отвѣтилъ Калло.

Это было первымъ словомъ, произнесеннымъ имъ, съ иностраннымъ для Италіи акцентомъ француза.

Озадаченный рѣзкостью отвѣта, бывшій покойникъ, бросивъ работу и не вставая съ мѣста, пристально оглядѣлъ Калло и его лохмотья.

— Ты не итальянецъ? — спросилъ кто-то со стороны, услыхавъ замѣчаніе.

— Нѣтъ, я французъ, изъ Нанси.

— А что же, по-твоему, тутъ дурного, въ этомъ наброскѣ?—спросилъ тотъ же самый голосъ.

— Все дурно! души нѣтъ! правды нѣтъ! мысли нѣтъ!

Этихъ словъ, сказанныхъ чрезвычайно горячо и громко, оказалось вполнѣ достаточно, чтобы водворить во всемъ шумномъ и пестромъ обществѣ полнѣйшее молчаніе. Брошены рисунки, прекращены разговоры; слышалось въ глубокомъ безмолвіи шарканье ногъ по плитамъ каменнаго пола людей, подходившихъ со всѣхъ сторонъ къ центральному столу и къ возникавшей удивительной сценѣ. Совершенно неловко чувствовалъ себя бывшій покойникъ, подвергшійся замѣчанію. Начались подтруниванія со стороны товарищей, взглядывавшихъ на листъ бумаги и начатый набросокъ.

— А ты живописецъ, что ли? — спросили, наконецъ, Калло.—Если да—покажи себя: садись и пиши!

Уже совершенно развязно, войдя въ свою колею, положилъ Калло на столъ шляпу съ прорваннымъ днищемъ и деньги, не покидавшія до сихъ поръ другой его руки, и сѣлъ на очищенное ему мѣсто.

Невозможно было принять за одного и того же человѣка фигуру въ лохмотьяхъ, робко вошедшую съ улицы, жалостливую, голодную, какъ бы съежившуюся, и художника, садившагося за свое дѣло съ увѣренностью художника, вдохновеннаго и развязнаго. Прошло не болѣе полуминуты совершеннѣйшаго безмолвія; кругомъ было такъ тихо, такъ тихо, что слышались дыханія налегавшихъ другъ на друга

людей, нетерпѣливо жаждавшихъ появленія на бѣлой бумагѣ первыхъ объяснительныхъ штриховъ.

Въ эти короткія мгновенія Калло самовластно владѣлъ психическими силами всего собранія. Чуялась та глубокая, нервная натянутость положенія, изъ которой Калло оставалось только два выхода: или быть жестоко избитымъ за дерзость, или быть поднятымъ на руки въ великомъ торжествѣ. Присутствіе таланта всегда обаятельно, а ужъ тутъ ли, въ средѣ итальянскихъ художниковъ тѣхъ дней, не были чутки къ нему, не понимали въ чемъ дѣло?..

До насъ не дошелъ набросокъ, сдѣланный Калло въ эту удивительную ночь; намъ не извѣстно даже, что̀ именно набросалъ онъ, но съ тѣхъ поръ имя его прославилось сразу и судьба окончательно опредѣлена. Очень можетъ быть, что онъ изобразилъ лицо бывшаго покойника, во всемъ противорѣчіи смертельныхъ ранъ, смѣха и того неожиданнаго удивленія, которое появилось на немъ вслѣдствіе замѣчанія, сдѣланнаго Калло. Подобная задача являлась трудностью необычайною: совладать съ нею могъ только большой талантъ!

Удивительное приключеніе, только-что описанное, не составляетъ исключенія въ чрезвычайно пестрой біографіи знаменитаго гравера, родившагося въ Нанси въ 1591 году. Двадцатилѣтнимъ мальчикомъ бѣжитъ онъ отъ семьи съ таборомъ цыганъ, насильственно возвращается семьѣ, бѣжитъ вторично, присоединяется въ дорогѣ опять-таки къ цыганамъ и бродитъ съ ними долгое время. Въ качествѣ сочлена цыганскаго табора, онъ сходится на довольно продолжительную, жгучую связь съ красавицей-цыганкой и дѣлитъ съ сотоварищами нужду и работу. Гдѣ и что̀ можно, рисуетъ онъ на доскѣ, на стѣнѣ, на бумагѣ; въ этой способности заключались особыя права его на уваженіе въ таборѣ. Но завѣтною мечтою Калло былъ Римъ, и когда

таборъ подкочевалъ къ Риму—Калло бѣжалъ и встрѣтился въ Транстеверѣ съ приключеніемъ, только-что описаннымъ.

Это легендарная сторона его біографіи. Другія свѣдѣнія говорятъ о болѣе счастливой обстановкѣ, о помощи его молодому таланту со стороны людей богатыхъ и даже объ отвозѣ его въ Римъ однимъ изъ пословъ Генриха II Лотарингскаго къ папѣ.

Какъ бы то ни было, но странички изъ жизни Жака Калло заключаютъ въ себѣ благодарный матеріалъ для прелестной оперетки и, удивительно, какъ это до сихъ поръ никто не воспользовался ими, перебравъ множество другихъ, менѣе подходящихъ. Сколько красокъ, сколько жизни, сколько чудесныхъ, счастливѣйшихъ противоположеній!

Въ исторіи гравюры Калло занимаетъ весьма видное мѣсто не только по оригинальности и силѣ таланта, по глубокой реальности, можно сказать, реалистичности исполненія, но и по техникѣ; онъ былъ если не изобрѣтателемъ, то однимъ изъ первыхъ выдающихся художниковъ-офортистовъ.

Характерна была его жизнь, его работа, характерна и эпитафія на памятникѣ, поставленномъ ему неутѣшною вдовою его въ Нанси, гдѣ онъ умеръ. Вотъ начальный отрывокъ эпитафіи: «Потомству! Прохожій, взгляни на эту надпись и, когда ты узнаешь, какъ быстро прожилъ я, ты не вознегодуешь, если я остановлю тебя на твоей дорогѣ. Я—Жакъ Калло, великій и превосходный граверъ, покоящійся здѣсь въ ожиданіи воскресенія тѣла. По рожденію я былъ бѣднымъ, призваніе мое было почетно, жизнь моя коротка и счастлива», и т. д.

Люди того времени дѣйствительно вѣрили въ почетность своихъ художественныхъ призваній и не удивительно, что они были счастливы, создавали много прекраснаго и чаяли и жаждали воскресенія своихъ тѣлъ!

МЕЧТЫ И ВЫСТРѢЛЫ.

Широкая низменность крайняго сѣверо-восточнаго уголка Италіи, неподалеку отъ Венеціи, быстро очищалась отъ заволокнувшаго ее ночью тумана, когда по дорогѣ между Креспано и Посаньо медленно подвигался худощавый, видимо болѣзненный или только-что оправившійся отъ болѣзни, человѣкъ. Онъ былъ одѣтъ чрезвычайно щеголевато, хотя и по-дорожному. Въ сотнѣ шаговъ за нимъ, слѣдуя его приказанію, медленно подвигалась блиставшая новизною карета. Ночному туману свободно было возникать, потому что необозримыя рисовыя поля, искусственно орошенныя, стояли подъ водою. Совершенно своеобразенъ видъ этихъ рисовыхъ полей. Это прѣсноводное море, искусственно перенесенное на землю; только не землетрясенія, не бури выдвинули его сюда изъ родной глубины, нѣтъ, оно точно прогуляться вышло, чтобы насладиться непосредственною близостью, прикосновеніемъ къ растительности, вѣчно отодвинутой отъ него песчаными наносами скучныхъ лагунъ. Топленнымъ золотомъ казалось это выплывшее на землю море, облюбованное огнями утра. Длинными, четыреугольными гранями обозначались по немъ межи, съ возвышавшимися вдоль ихъ деревьями. Деревьевъ этихъ, казалось,

росло ровно вдвое противъ дѣйствительности, потому что каждое отражалось въ водѣ. Покоились блестящія воды, вплотную прилегая къ полевымъ цвѣтамъ, росшимъ по межамъ; довѣрчиво и безмолвно купались въ нихъ пахучія фіалки, выглядывали коронки ландышей.

Море, ландышъ и фіалка въ безмолвномъ объятіи—развѣ это не красиво?

И такъ хороша была общая картина, такъ полна какой-то блаженной тишины, такъ золотились, искрились покойныя воды рисовыхъ полей съ отраженьями гатей, дорогъ, мостовъ и домовъ, раскиданныхъ по окрестности, такъ звучно пѣли птицы и юрко порхали бабочки, что больному человѣку, шедшему въ Посаньо, становилось легче на душѣ.

Путникъ этотъ былъ скульпторъ Канова.

Онъ, къ этому времени, какъ говорится, совершилъ почти все земное и находился на высотѣ славы. Маркизомъ Искіи сдѣлалъ его папа, но онъ продолжалъ подписываться Антоніо Канова.

Это были послѣдніе годы первой четверти нашего столѣтія, время полнаго затишья послѣ наполеоновскихъ погромовъ, царство меттерниховской системы безусловной реакціи. Наполеонъ только-что отошелъ въ прошедшее. Онъ тоже хотѣлъ быть увѣковѣченъ рѣзцомъ Кановы, лучшимъ рѣзцомъ того времени, если не считать Торвальдсена, и Канова воспроизвелъ его колоссальнымъ, но почти нагимъ.

— Развѣ Канова думаетъ, что я кулачный боецъ?— замѣтилъ Наполеонъ, увидя этого колосса.

Императоръ боялся насмѣшки пуще всего, и статуя, тогда же, была куда-то припрятана; въ настоящее время она находится въ Англіи и принадлежитъ семьѣ герцога Велингтона.

Двое имѣлось на-лицо великихъ ваятелей въ тѣ дни: Канова и Торвальдсенъ. Въ томъ и въ другомъ праздновала скульптура свои послѣднія, по времени, торжества. Являлись, конечно, ваятели и послѣ нихъ, и будутъ еще, но колесо жизни повернулось: ваяніе зачахло, поднялась музыка.

Чрезвычайно характерна и не обслѣдована эта быстрая перемѣна декорацій въ мысляхъ и чувствахъ людей. Какъ въ древней Греціи, у самаго начала ея скульптурнаго творчества, высятся фигуры Фидія и Праксителя, такъ и въ новѣйшее время успѣхи музыки даютъ, на первыхъ же порахъ, двухъ самыхъ крупныхъ представителей—Моцарта и Бетховена. Почему тогда и тамъ первое мѣсто ваянію, тутъ и теперь—музыкѣ! вѣдь, была же и у грековъ музыка, есть и у насъ ваяніе; всякое начало трудно, а тутъ и тамъ сразу—гиганты!

Почему, однако, наше девятнадцатое столѣтіе, зародившееся въ крови наполеоновскихъ войнъ, разъѣдаемое всѣми внутренними болѣзнями, отравившееся въ собственномъ умѣ, такъ полюбило музыку? кажется, потому, что музыка можетъ ублажить, успокоить механическимъ путемъ музыкальнаго ритма, а отнюдь не мышленія, сознаніе человѣка, не находящее въ себѣ рѣшительно никакой опоры. Дѣйствіе музыки на насъ—дѣйствіе колыбельной пѣсни на ребенка. Слушаетъ человѣкъ музыку и что-то приходитъ въ порядокъ, что-то, какъ будто, устраивается, какъ будто утихаетъ; чуется, видится существованіе какихъ-то обѣтованныхъ земель, гдѣ царятъ тишина и порядокъ, въ которыя, наконецъ, вступаешь самъ и успокаиваешься. Чѣмъ хуже будетъ жить, тѣмъ музыкальнѣе будетъ человѣчество. И дѣйствительно, зачѣмъ этому бѣдному человѣчеству прекрасныя формы ваянія, завѣренія въ существованіи тѣлесной красоты въ жизни, когда сама жизнь наобѣщаетъ много, но ничего не дастъ, и вовсе не красива? Музыка

ничего не обѣщаетъ, ни о чемъ не мыслитъ, ни о чемъ не споритъ—и намъ хорошо при ней. Но, къ счастью, музыкальны не одни только звуки, музыкальны и краски, и очертанія, и сами аффекты сердца человѣческаго; и Канова, медленно подвигаясь къ Креспано изъ Посаньо, въ музыкѣ роскошнаго утра, находился именно въ подобномъ же счастливомъ настроеніи.

Онъ только-что оправился отъ тяжкой болѣзни и находился подлѣ родного очага, небольшого, забытаго, скромнаго мѣстечка, онъ—всесвѣтная знаменитость, лицо, близкое многимъ царямъ. Сцены нѣжнѣйшихъ воспоминаній возникали и тѣснились въ памяти и мечтахъ ваятеля. Первая любовь его имѣла мѣсто тутъ, въ этихъ мѣстахъ, по которымъ онъ подвигался. Бетта Біази... черноглазая... такой роскошной косы, какъ у нея, не видалъ онъ нигдѣ, а ужъ онъ ли не видалъ красавицъ, не приглаживалъ, отложивъ рѣзецъ въ сторону, богатѣйшихъ волосъ! Давно это было, давно...

«И былъ я тогда,—вспоминалъ Канова:—неуклюжимъ сельчаниномъ; она, совсѣмъ какъ въ сказкахъ или эклогахъ, пастушкой... ничего изъ этого не вышло: неожиданный отъѣздъ мой въ Венецію, затѣмъ начало успѣховъ, славы... Впрочемъ, я видѣлъ ее,—вспомнилъ Канова,—Бетту Біази, еще разъ, проѣздомъ въ Посаньо, двадцать лѣтъ назадъ, и видѣлъ ее еще разъ вчера, въ Креспано... Она замужемъ и счастлива. Годы сдѣлали свое! Но нечего сказать, хороши и красивы мы оба! А было когда-то совсѣмъ другое время»...

И припоминались ему иныя условія жизни, возникала въ общихъ чертахъ вторичная, и послѣдняя, повѣсть другой любви...

Опять что-то годное для новеллы. Онъ друженъ съ Вольпато, знаменитымъ граверомъ рафаэлевскихъ работъ. У Воль-

пато дочь—Доменика, тоже красавица. Канова—объявленный женихъ ея. Но искренна ли Доменика? Нѣтъ ли въ ея согласіи расчета? Помнитъ Канова, помнитъ чрезвычайно ясно, день, когда онъ убѣдился въ ея искренности. Доменика пойдетъ въ церковь; она будетъ раздавать милостыню... Канова, переодѣтый нищимъ, ждетъ на паперти; онъ получаетъ отъ нея свою лепту, но въ то же время является несомнѣнность любви Доменики къ другому человѣку, ее сопровождавшему, тоже къ художнику, къ Рафаэлю Моргену. Свадьба не можетъ состояться; скорѣе опять въ творчество и забыть о женщинѣ, насколько это возможно...

И все идетъ Канова по дорогѣ, вдоль знакомыхъ ему рисовыхъ полей, въ музыкѣ роскошнаго утра.

Возникаютъ въ памяти его длинные ряды созданныхъ имъ ваяній. Все это бѣлые, нѣжные мраморы; не пò-сердцу ему рѣзкая, сумрачная, могучая бронза! Онъ ваятель сердца, чувства, граціи, а не силы. Фигуры смѣняются однѣ другими, ихъ много, много, и у каждой свой генезисъ, своя исторія, и каждую вынашивалъ онъ въ душѣ. А рельефы, а бюсты, а надгробные памятники, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Тиціану и папѣ Клименту, цѣлыя эпопеи въ лицахъ! И всякое созданіе являлось успѣхомъ, славою!.. Куда ему съ этой славой? что̀ въ ней?

Мраморные облики, созданія его рѣзца, одни за другими быстро проскальзываютъ въ его мысляхъ, перепутавшись самымъ удивительнымъ образомъ съ біографическими подробностями жизни и утренними отливами орошенныхъ водою полей. Канова шелъ медленно, но, несмотря на это, легкій слой известковой пыли насѣлъ на его высокіе, глянцовитые сапоги, на его плечи и спину. Онъ начиналъ уже уставать и не безъ удовольствія замѣчалъ, какъ близился къ знакомымъ съ дѣтства мѣстамъ, какъ изъ-за невысокихъ

холмовъ и обнаженій придорожныхъ скалъ, отъ поры до времени, мелькаетъ шпиль мѣстной церкви. О каретѣ, слѣдовавшей сзади, онъ точно позабылъ, несмотря на то, что усталось одолѣвала его все болѣе и болѣе.

Дальше всего былъ, конечно, Канова въ своихъ мечтахъ отъ какихъ бы то ни было воинственныхъ помысловъ.

Вдругъ выстрѣлъ!

Онъ раздался надъ самымъ ухомъ его; слѣдовалъ другой, третій, со всѣхъ сторонъ, съ разныхъ разстояній.

— Evviva!—грянуло на множество ладовъ. Эхо отвѣтило, звуки повторялись.

Озадаченный и совершенно неподготовленный къ чему-либо подобному, Канова остановился. Сердце стучало въ немъ неровно, порывисто, онъ растерялся. Что̀ это: опасность, случай, шутка?

Полное уединеніе родныхъ полей, которое такъ нерушимо окружало его, оказалось призрачнымъ, ложнымъ, потому что населеніе двухъ мѣстечекъ, Креспано и Посаньо, предупрежденное о его приходѣ, попрятавшись кто какъ могъ, ожидало приближенія своего великаго родича и встрѣтило его несовсѣмъ любезно—пальбою. Дѣти и взрослые, мужчины и женщины, быстро выбираясь изъ своихъ засадъ на дорогу, съ сіяющими лицами и безконечно веселые, направлялись къ нему, осыпали цвѣтами, тѣснились, окружали.

Канова стоялъ неподвижно въ этой пестрой, живой, радостной толпѣ, озаренной солнцемъ. Онъ не находилъ словъ, онъ все еще не понималъ того, что̀ вокругъ него дѣлалось.

— Вотъ онъ! вотъ онъ! Ecco!—быстро раздавалось по сторонамъ, и десятки ребятишекъ и дѣвчонокъ придвигались къ нему вплотную и глядѣли на него въ упоръ, чуть не трогали.

— Evviva!—гудѣло, рокотало отовсюду, и опять выстрѣлы.

— Раздайтесь, раздайтесь!—пронеслось вдругъ въ толпѣ съ той стороны, куда Кановѣ предстояло двигаться.

Съ обнаженными головами, составляя особую живописную группу, старѣйшіе люди обоихъ мѣстечекъ, блистая сѣдинами всѣхъ оттѣнковъ, въ праздничныхъ платьяхъ, продвинулись къ нему, имѣя передъ собою священника. Многое множество пережитыхъ годовъ подвигалось навстрѣчу Кановѣ въ этой почтенной, молчаливой группѣ, представительницѣ завершавшагося столѣтія мирной жизни обоихъ мѣстечекъ.

Канова снялъ шляпу.

— Синьоръ,—началъ священникъ:—дѣти, взрослые и старцы Креспано и Посаньо задумали, посильно и насколько сумѣютъ, почтить тебя, великаго человѣка, вышедшаго изъ среды ихъ. Прости за простоту пріема, но она идетъ отъ души. Ты близокъ къ царямъ земнымъ; мы—простые сельчане, но почитать умѣемъ и мы. Пріиди же къ намъ, въ домъ свой, и порадуемся вмѣстѣ...

Звучный голосъ священника замеръ въ полной тишинѣ, быстро водворившейся кругомъ. Несмотря на присутствіе тысячной толпы народа, было такъ тихо, что слышалось чириканье самой мелкой пташки, порхавшей неподалеку... И, вдругъ, какъ величественное продолженіе словъ священника, ударилъ колоколъ недалекой церкви мѣстечка; ему отвѣтилъ другой, третій—и мелодичный перезвонъ какъ бы повисъ въ веселой, сіяющей лазури безподобнаго утра.

Вспомнилось Кановѣ, что, отвѣчая именно этому голосу церкви, еще будучи дитятей, ходилъ онъ когда-то на молитву... Проступили слезы на старые глаза его, во свидѣтельство того, что великое мгновеніе жизни вкусилъ онъ въ ту минуту, счастливый и благодарный.

Умѣть цѣнить и праздновать своихъ людей—особенность всякаго сложившагося, сознавшаго себя народа. Не одними только успѣхами и радостями обозначаются пути этихъ людей; больше, лучше, слаще могли бы жить они, если бы пользовались своими талантами только какъ средствомъ къ красивому и счастливому существованію, и только въ мѣру. Нѣтъ! на тяжелыя минуты упорной борьбы и изнуряющаго труда идутъ эти люди, увлекаемые къ чему-то гораздо болѣе высокому, чѣмъ блестящая обстановка жизни: она имѣлась бы и безъ «этихъ минутъ», и достигалась бы легче. За эти, такъ сказать, избытки, излишки труда,. за эти даровыя приношенія силъ человѣка, золотомъ не вознаградить!

Много лѣтъ спустя, тѣло Кановы, умершаго въ Венеціи, перенесено съ великимъ торжествомъ въ Посаньо, подъ своды церкви, построенной имъ. Условіе, которое заключилъ онъ съ общиною Посаньо на предметъ постройки церкви, заключаетъ въ себѣ ту оригинальность, что на сто дукатовъ расходовъ Канова бралъ на свою долю девяносто пять: община доставляла песокъ и известь. По заключеніи этого условія, несомнѣнно свидѣтельствующаго о томъ, что церковь построена не Кановою, а на общій счетъ, дѣвушки мѣстечка внесли небольшую поправку для возстановленія равновѣсія въ счетѣ: онѣ обязались носить матеріалы для постройки въ свободные отъ работы, праздничные дни.

Такъ это и сдѣлано. Канова присутствовалъ при закладкѣ и основной камень церкви отесанъ и положенъ имъ самимъ. Построить церковь на своей родинѣ—было всегда однимъ изъ завѣтныхъ мечтаній Кановы, и эта церковь уже высилась въ его воображеніи, какъ бы построенная, когда онъ въ сіяніи утра подходилъ къ ущельямъ и былъ смущенъ неожиданными выстрѣлами и неумолкавшими кликами: «Evviva»! раздававшимися вокругъ него.

РАЗСКАЗЫ.

Мой дядя. (Изъ воспоминанiй успокоившагося человѣка.)—Старые часы.—Полусказка.—Облпкъ.—Кто лгалъ?—Изъ чужого дневника.—Что людямъ иногда кажется?—Ключикъ.—Чугунные фрукты.—Подсмотрѣлъ.—Приглядитесь къ ней.—Ѳеклуша.—Нынѣ отпущаеши. (Народное преданiе.)—Наслѣдница.—Воспоминанiе.—Воскресшiе.—Случай.—Завянетъ ли.—Археологъ.—Фаустъ въ новомъ пересказѣ.—Добрыня Никитичъ поссорилъ.—Безъ хозяйки.

МОЙ ДЯДЯ.

(Изъ воспоминаній успокоившагося человѣка)

I.

Въ 1848 году въ Петербургѣ свирѣпствовала сильная холера, и тогдашняя медицина и тогдашніе полицейскіе порядки имѣли малое воздѣйствіе на эпидемію, уносившую въ день по тысячѣ, и болѣе, человѣкъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ было очень жарко... Я помню, какъ мы, мальчишки, я—двѣнадцати и братъ мой—десяти лѣтъ, пользовались всякимъ случаемъ для того, чтобы поѣсть ягодъ, строго запрещенныхъ. Мы жили тогда на дачѣ, на Поклонной горѣ. Поклонная гора въ то время была еще совершенно цѣльною, не такъ, какъ сегодня, на половину уничтоженная, потому что песокъ ея хорошъ и свезенъ въ городъ и на желѣзную дорогу; внизу разстилалась совершенно болотистая низина, вплоть до земледѣльческой фермы—мѣсто, которое занимаетъ теперь больница для умалишенныхъ; на всѣхъ трехъ парголовскихъ озерахъ не было ни единаго жилья, кромѣ длиннаго Парголова съ его недавно снесенною деревянною церковью. Дорога къ Поклонной горѣ шла тамъ же, гдѣ идетъ теперь шоссе, но съ тою разницею, что одна сторона ея была мощена круп-

нымъ булыжникомъ, а другая оставалась не мощеною, грунтовою дорогою, съ никогда непросыхавшею грязью; обозы тянулись тогда болѣе длинные, чѣмъ въ наши дни, когда большинство грузовъ идетъ по желѣзной дорогѣ; для того, чтобы объѣхать обозъ, приходилось сворачивать съ булыжника на грунтовую дорогу, причемъ, зачастую, дрожки и колясочки опрокидывались.

Для того, чтобы мнѣ съ братомъ поѣсть ягодъ, мы, улучивъ минуту, убѣгали въ садъ и прятались подъ кустами малины и черной смородины, росшими вперемежку. Ѣли мы очень много, рѣшительно ничто не пугало насъ, и мы оставались здоровыми. А смерть, тѣмъ временемъ, косила направо и налѣво. Какъ это мы не заболѣвали—не знаю; заболѣть было тѣмъ болѣе легко, что мальчики нашихъ лѣтъ продолжали носить русскія рубашки съ косыми воротами, застегивавшимися на поясѣ широкими, черными резиновыми кушаками, бывшими тогда новинкою. Суконная курточка, смѣнявшая рубашку по четырнадцатому или пятнадцатому году, являлась для меня самою сладкою надеждою, самымъ заманчивымъ будущимъ, но не потому, что была удобнѣе рубашки, а потому, что болѣе шла «мужчинѣ».

Почему, собственно, чувствовалъ я, или желалъ чувствовать, себя мужчиною—не знаю. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, дѣти были безконечно менѣе развиты, чѣмъ нынче, во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ. При дѣтяхъ не шло серьезныхъ разговоровъ старшихъ, и не потому, чтобы старшіе сознательно дѣлали это, а потому, что вообще серьезныхъ темъ на общіе вопросы, т.-е. умныхъ разговоровъ, у старшихъ никогда не бывало. Основы русской жизни, въ самое дѣятельное время Николая I, въ той служебной чиновничьей средѣ, къ которой принадлежало наше семейство, казались такъ ясны, такъ просты — съ властью

наверху и подчиненіемъ внизу,—что и говорить-то было не о чемъ.

Помню я очень хорошо, какъ довелось мнѣ въ тѣ дни показать на дѣлѣ, во-первыхъ, мои знанія по географіи, а во-вторыхъ, мои политическіе взгляды. Я нарисовалъ карту Европы и, по государствамъ, людскія фигуры долженствовали изображать положеніе государствъ; во Франціи совершилась революція, и на трибунѣ ораторствовалъ Ламартинъ; въ Турціи спалъ «больной человѣкъ» въ чалмѣ и т. д., въ Россіи высилась фигура кираспра, съ обнаженнымъ палашомъ надъ короною, покоившеюся на подушкѣ.

Этотъ рисунокъ мой былъ немедленно показанъ всѣмъ пріѣзжавшимъ знакомымъ.

Старый генералъ, съ золотыми аксельбантами, потрепалъ меня по щекѣ и сказалъ:

— Молодецъ, молодецъ! А будетъ онъ у васъ военнымъ.

— Непремѣнно,—отвѣтилъ отецъ мой.

— Придется, придется попробовать имъ нашего меча. А самъ ты хочешь быть военнымъ?

— Хочу,—робко отвѣтилъ я.

— Ну, то-то, то-то.

Одинъ изъ моихъ дядюшекъ, большой другъ Ермолова, какъ и генералъ съ золотымъ аксельбантомъ, служившій въ министерствѣ юстиціи у графа Панина, если не ошибаюсь, отозвавъ меня въ сторону, спросилъ:

— А признайся: вѣдь ты не самъ сочинилъ эту твою карту?

— Самъ!—отвѣтилъ я, вспыхнувъ.

— Не вѣрю; скажи: кто тебя на эту мысль навелъ?

— Право, я самъ сочинилъ, дядюшка, — отвѣтилъ я, обиженный его сомнѣніемъ.

Я не зналъ въ то время, когда отвѣтилъ сказанное, что черезъ три дня послѣ этого меня повезутъ на похороны

этого именно дяди. Не зналъ я также и того, что, одновременно съ похоронами дяди нашего, мнѣ раскроется одна тайна, которая давнымъ-давно казалась мнѣ непроницаемою и любопытною.

Надобно напомнить вамъ, что это было время крѣпостничества, довольно-таки обильное разными исключительностями людскихъ отношенiй. Хотя мой дядя въ деревнѣ на моей памяти никогда не жилъ, но всѣ мы знали, что у него было гдѣ-то на югѣ Россiи, кажется въ Кiевской губернiи, имѣнiе, что при имѣнiи числилось нѣсколько сотъ крестьянъ, что многихъ изъ нихъ онъ отпустилъ на волю, что его за это боготворили, что ближайшая прислуга его, камердинеръ съ женой и при нихъ Яшка-лакей, были его крѣпостными и тоже души въ немъ не чаяли.

Хотя при насъ, при дѣтяхъ, стѣснялись иногда большiе заниматься особенно откровенными разговорами, но, во-первыхъ, этимъ стѣснялись не всегда, во-вторыхъ, нерѣдко не знали, что мы подлѣ и можемъ слышать, а въ-третьихъ, на то и прислуга, чтобы слышать и знать больше насъ и, ужъ вовсе не стѣсняясь, толковать о томъ и другомъ при дѣтяхъ.

Вотъ на этомъ-то основанiи знали мы о покойномъ дядѣ, что онъ былъ человѣкомъ не совсѣмъ заурянымъ. Ближайшiе къ нему люди, т.-е. моя мать—родная его сестра— и другой дядя, его братъ, а также мой отецъ, нерѣдко упрекали его въ томъ, что онъ самъ себѣ, будто бы, блестящую карьеру портитъ, что если бы не какая-то ошибка его жизни, которую онъ продолжаетъ дѣлать, то онъ давно былъ бы министромъ. Прислуга разсказывала о какой-то женской исторiи, и когда говорила о ней, то, все-таки, съ оглядкою.

Дядя никогда не былъ женатъ. Помнится, что онъ занималъ какое-то, намъ, дѣтямъ, неясное, очень высокое служебное положенiе, что къ нему ѣздили на поклонъ, что

онъ пользовался и у родныхъ большимъ почетомъ. Теперь-то я знаю, что онъ былъ сенаторомъ и, какъ говорили мнѣ еще недавно его однолѣтки, всѣ до единаго сошедшіе теперь во гробы свои, дѣйствительно могъ бы имѣть виды по крайней мѣрѣ на товарища министра юстиціи, но... но... вотъ это именно «но» въ тѣ дни было для меня глубочайшею тайною.

Въ тѣ дни существовалъ еще счетъ на ассигнаціи, и дядя получалъ жалованье, какъ теперь помню, двѣнадцать тысячъ рублей, что̀, во вниманіе къ его одиночеству и нѣкоторому доходу съ имѣнія, давало ему возможность жить очень безбѣдно. Послѣдняя квартира его помѣщалась въ Троицкомъ переулкѣ, нынѣ улицѣ, и раза два-три въ годъ зимою мы, дѣти, бывали у него, пріѣзжали цѣлой семьей, обѣдали и около девяти вечера отбывали во-свояси. Мы знали расположеніе его квартиры и знали очень хорошо, что въ какую-то дальнюю комнату, расположенную въ концѣ очень длиннаго, полутемнаго коридора, входъ намъ былъ запрещенъ.

Эта именно комната ужасно занимала насъ. Чего-чего не предполагали мы въ этой комнатѣ, благодаря глубокой таинственности, окружавшей нѣкоторыя стороны жизни дяди. Эта комната, или комнаты разрисовывались въ нашемъ воображеніи такими красками фантастики, что въ нихъ даже ужасное, пугающее могло имѣть мѣсто. Вѣдь мы, дѣти, читали много разныхъ сказокъ и вѣрили въ чудеса. Надобно вамъ сказать, что и сама фигура дяди многое прибавляла къ тѣмъ свѣдѣніямъ о чемъ-то таинственномъ, которыя мы о немъ имѣли. Дядя былъ очень молчаливъ, по виду суровъ, рѣшительно никогда не улыбался и хотя и являлся, по-своему, привѣтливымъ съ племянниками, но никто изъ насъ и не могъ бы подумать броситься къ нему на шею и поцѣловать его; это было бы тѣмъ невозможнѣе,

что, согласно установившемуся въ нашей семьѣ этикету, мы цѣловали дядѣ «ручку», а отцу и матери говорили «вы».

Вѣсть о неожиданной смерти дяди, быстро дошедшая до насъ, перевернула все вверхъ дномъ. Всѣ обычные порядки, т.-е. сроки вставанья, чая, уроковъ и пр., были поставлены на голову. Мы не могли даже исполнить самаго первоначальнаго, т.-е. пойти утромъ въ спальню къ папашѣ и мамашѣ и поздороваться съ ними, потому что оба они не ночевали дома. Это былъ 1848 годъ. Дядя заболѣлъ холерою къ вечеру, и мои родители тогда же отправились къ нему, а въ девятомъ утра мамаша уже вернулась и сказала гувернанткѣ, что: «tout est fini; il est mort, le senateur!»

Почти одновременно съ возвращеніемъ мамаши, ей доложили, что пріѣхала портниха, вызванная, вѣроятно, еще изъ квартиры дяди, для заказа траурнаго платья. Телеграфа и посыльныхъ тогда не существовало, значитъ, послали курьера. Сдѣлали также одѣяніе и намъ: новыя черныя шерстяныя рубашки, новые башмаки и новые черные ластиковые пояса. Всѣ начали быстро готовиться къ похоронамъ.

На домашнемъ совѣтѣ рѣшено было везти насъ, дѣтей, на которую-либо изъ панихидъ и на похороны. Ясно помню я, что вся эта суматоха имѣла для насъ, дѣтей, какой-то праздничный видъ: всѣ занятія были отложены, число гостей увеличилось вдвое, присмотръ за нами уменьшился до послѣднихъ предѣловъ, и чувствовалась какая-то совсѣмъ небывалая, истинно праздничная воля. Даже какая-то радость находила себѣ путь въ сердцѣ, и это было тѣмъ понятнѣе, что дяди, которымъ насъ нерѣдко пугали, больше уже нѣтъ и мы избавлены отъ его суроваго взгляда, отъ цѣлованія его, обыкновенно какъ ледъ холодной, руки.

Въ теченіе дня мы узнали, что насъ повезутъ на пани-

хиду завтра утромъ, т.-е. на второй день по смерти сенатора. Улучивъ минуту и убѣжавъ въ садъ подъ малину, мы съ братомъ составили нѣкоторый планъ. Пробѣжавъ въ тотъ уголъ сада, гдѣ кусты малины, недалеко отъ полнаго тиной и лягушками пруда, въ полутѣни старыхъ липъ, березъ и ольхи, раскидывались чрезвычайно богато, и юркнувъ подъ нихъ, въ самую гущу листвы, мы занялись немедленно ощипываніемъ сочныхъ, пунцовыхъ, обильно разсыпанныхъ по листвѣ, ягодъ. Говорятъ, въ холерные года ягода бываетъ особенно вкусною; вѣрно только то, что недозрѣлыхъ и некрупныхъ мы не ѣли, а срывали только тѣ, которыя гнули подъ собою вѣточки, на которыхъ выросли и отдѣлялись отъ нихъ при самомъ легкомъ прикосновеніи.

Сначала мы только ѣли и молчали, но затѣмъ, удовлетворивъ первую алчбу на малину, принялись и за разговоръ.

— А что, Володя,—говорилъ я брату:—вѣдь холера не шутитъ.

— Да, не сутитъ,—отвѣчалъ мнѣ братъ, не произносившій буквъ ш, ч и ж.

— А ты считалъ, сколько сегодня покойниковъ провезли?

— Сциталъ.

— А сколько?

— Девять.

— А вчера всего пятнадцать провезли.

— Узасно много. Страсно.

— Такъ зачѣмъ же ты малину ѣшь, если страшно?

Володя мгновенно пересталъ щипать малину, и я видѣлъ изъ-за листвы, какъ началъ онъ робко озираться въ сторону дома.

— Ну, что же ты?—спросилъ я его, тоже пріостановившись съ ѣдою.

— Ницево.

— Какъ ничего? Отчего пересталъ ѣсть?

— Довольно.

— Да ты плакать собираешься?—спросилъ я, замѣтивъ его скорчившуюся физіономію и подойдя къ нему.—Чтò съ тобой?

— Зивотъ болитъ!—процѣдилъ онъ сквозь зубы.

Жутко стало мнѣ при этихъ словахъ. А ну какъ, въ самомъ дѣлѣ, холера! Вѣдь я Володю къ ягодамъ тащилъ; онъ еще маленькій, а я большой! Мнѣ—ничего, можно, а ему? ай-ай-ай! Всякая охота къ малинѣ пропала у меня. Замѣтивъ на щекахъ брата слѣды ягодъ, я немедленно отеръ его щеки еще сырою отъ росы листвою малины, нависшей надъ нами и еще такъ недавно привлекавшей къ себѣ своими бархатными, крупными, необычайно обильно разсыпанными ягодами. Не на шутку испуганный и вспоминая безчисленные разговоры о томъ, что холеру надобно «захватить» немедленно, я, взявъ брата за руку и выведя его на дорожку, рѣшился тотчасъ заявить о томъ, что у него болитъ животъ и что мы ѣли малину. Володя шелъ, потупивъ голову, какъ осужденный.

— Ну, что? болитъ?

— Нѣтъ, не болитъ больсе,—отвѣтилъ онъ.

— Чего же ты напугалъ меня, трусишка этакій!

Не знаю, могъ ли бы я оказаться настолько храбрымъ, чтобы заявить дома о томъ, что мы ѣли малину, но вѣрно то, что я былъ очень радъ словамъ Володи, и тутъ же порѣшилъ, въ виду того, что онъ несомнѣнно еще очень малъ и глупъ, не принимать его въ сообщники того намѣренія, которое созрѣло во мнѣ, для приведенія его въ исполненіе на предстоявшей по дядѣ, при гробѣ его, панихидѣ: я задумалъ пробраться къ таинственнымъ комнатамъ.

Въ назначенный часъ къ подъѣзду нашему подъѣхала хорошо знакомая мнѣ пара дядиныхъ лошадей, сѣрая и

вороная, или, какъ мы называли ее—черная, запряженная въ парную колясочку, съ кучеромъ Өедоромъ на козлахъ. Этотъ экипажъ пріѣзжалъ иногда за нами, когда дядя давалъ его намъ «погулять», теперь же, такъ какъ хозяину онъ болѣе не нуженъ, а папа и мама являлись временно хозяевами, то и долженъ онъ былъ служить намъ. Мамаша взяла съ собою меня и брата, а папа выѣхалъ на извозчикѣ гораздо раньше.

Мы жили на Шестилавочной, теперь—Надеждинская, и быстро доѣхали на толстенькихъ, сенаторскихъ лошадкахъ до Троицкаго. Подлѣ подъѣзда и на подъѣздѣ толпилось много народу; виднѣлось нѣсколько генеральскихъ треуголокъ съ перьями, одѣтыхъ поперекъ головы, какой-то красный уланскій киверъ, шитые мундиры, много звѣздъ. Когда мы подъѣхали, ближайшій къ колясочкѣ генералъ, съ огромными, сильно нафабренными усами, помогъ мамашѣ сойти съ экипажа.

На лѣстницѣ намъ тоже дали дорогу, и мы быстро прошли въ залъ, въ одномъ изъ угловъ котораго стоялъ столъ и на немъ, подъ золотымъ покровомъ, виднѣлось очертаніе еще не положеннаго въ гробъ тѣла дяди. Насъ подвели поклониться ему, приказали поцѣловать руку, но покрова не поднимали.

Помню я очень ясно, что рѣшимость моя пробраться къ таинственной комнатѣ не оставляла меня ни на минуту. Несомнѣнно, что я былъ дерзкимъ мальчикомъ, замышляя нѣчто подобное. Весь вопросъ состоялъ только въ томъ, чтобы улучить минуту, скрывшись изъ глазъ какъ бы случайно; надо было, чтобы меня кто-нибудь, такъ сказать, оттеръ отъ папаши и мамаши.

— Все кругомъ черное,—думалось мнѣ:—я тоже въ черномъ, да и шторы спущены; стòитъ мнѣ отойти на мигъ, на два, ну тогда ищи, да и искать не будутъ.

Пока насъ высаживали изъ колясочки, я успѣлъ осмотрѣть все, что̀ дѣлалось у подъѣзда. Въ тѣ довольно далекіе дни всѣ экипажи были на такъ-называемыхъ круглыхъ рессорахъ, плоскіе только-что появились на западѣ Европы и до насъ еще не дошли. Въ то время царили также извозчики-гитары, убійственный инструментъ сообщенія по городу, а линейки только еще появлялись; если на такомъ инструментѣ ѣхали кавалеръ съ дамою, то они садились съ обѣихъ сторонъ, плечомъ къ плечу, лицами въ разныя стороны; чтобы не свалиться, приходилось держать ноги непремѣнно на подножкахъ, нерѣдко полустоять на нихъ; во вниманіе къ этому же обезпеченію, дамъ сажали на гитару бокомъ, причемъ кавалеръ сидѣлъ, упираясь въ круглую спинку сидѣнія поясницею — верхомъ. Кажется, что въ Москвѣ, въ самыхъ далекихъ участкахъ, еще встрѣчаются подобныя гитары.

Все это, и многое другое, я успѣлъ осмотрѣть. Когда мы, взошли на лѣстницу, въ квартиру, помѣщавшуюся во второмъ этажѣ, все было готово къ панихидѣ, и она немедленно началась. Мамаша стояла впереди у окна, а мы съ братомъ помѣстились подлѣ. Чѣмъ было тѣснѣе отъ многочисленной публики, тѣмъ легче было мнѣ улизнуть для приведенія въ исполненіе быстро, но окончательно созрѣвшаго плана: пользуясь суматохою, проникнуть въ заповѣдныя тайныя комнаты и узнать, что̀ тамъ такое, такъ упорно отъ насъ, и вообще всѣхъ, скрываемое. Я рѣшилъ исполнить это одинъ, не примѣшивая къ предпріятію моего брата.

Въ самомъ началѣ панихиды я, мало-по-малу отступая за мамашу, юркнулъ между стоявшихъ за нею и, пользуясь тѣмъ, что былъ не высокъ ростомъ, юркнулъ удачно; братишка хотѣлъ-было идти за мною и на половину повернулся, но я, схвативъ его за руку и крѣпко сжавъ ее, произнесъ сквозь зубы: «оставайся!» Онъ остался.

За залою, въ которой шла панихида, шла гостиная, затѣмъ столовая и изъ нея направо коридоръ, упиравшійся въ ту дверь, проникнуть за которую я рѣшился. Въ гостиной еще виднѣлся кое-кто изъ молившихся, но въ столовой не было никого. Я быстро выскочилъ изъ нея въ коридоръ, такъ какъ всѣ двери были открыты настежь, и пустился бѣгомъ по коридору, довольно темному, освѣщаемому только верхними стеклами многихъ дверей, выходившихъ на него.

Вообразите себѣ мой ужасъ, когда, добѣжавъ до завѣтной цѣли моего предпріятія, до двери, увидѣлъ вдругъ Яшку, словно изъ-подъ земли выросшаго и вышедшаго изъ-за угла коридора, поворачивавшаго къ кухнѣ. Я остановился, какъ вкопанный. Рослая фигура Яшки, весьма неуклюжаго, но добраго и старательнаго дурака, показалась мнѣ еще больше, а голосъ, чуть заговорилъ онъ, какимъ-то громовымъ.

— Чтò вамъ, баринъ? Это не сюда! А вамъ тутъ дальше, налѣво.

Ясно, что Яшка предполагалъ, что мой визитъ направлялся вовсе не туда, куда онъ направлялся въ дѣйствительности.

— Знаю, знаю! — быстро отвѣтилъ я, и спокойно, тихо пошелъ по указанному направленію. Сердце стучало во мнѣ сильно-сильно.

Минуты черезъ три я, какъ ни въ чемъ не бывало, стоялъ подлѣ гроба, за мамашей, и молился. Мнѣ было страшно досадно, и я тутъ же рѣшилъ сдѣлать вторую попытку завтра, въ день похоронъ.

II.

По окончаніи панихиды всѣ понемногу разъѣхались по домамъ, и отецъ взялъ меня съ собою на Смоленское кладбище, на которомъ были похоронены всѣ наши петербург-

скіе предки; онъ поѣхалъ для того, чтобы распорядиться насчетъ приготовленія могилы. Путь до кладбища былъ далекій, а день чрезвычайно жаркій. По пути встрѣтили мы очень много похоронъ; покойниковъ везли и несли; видѣлись желтые деревянные гробы по два и по три на телегѣ, увозившіе къ мѣсту упокоенія бѣдняковъ, умершихъ въ больницахъ, несли отдѣльныхъ покойниковъ на носилкахъ; встрѣтились похороны и съ балдахиномъ; хоронили русскихъ, лютеранъ, встрѣтили мы и еврейскія похороны, только онѣ шли не въ одну сторону съ нами, а въ обратную. Прибывъ на Смоленское, мы пришли прямо въ главную церковь. Какъ теперь помню, что весь низъ наружной стѣны храма, у которой мы проходили, былъ обставленъ, какъ ожерельемъ, гробовыми крышками: виднѣлись малиновыя бархатныя, черныя, бѣлыя,—но огромное большинство желтѣло своими, еле обозначенными желтой олифой, выпуклостями...

Внутренній видъ церкви былъ еще типичнѣе; такъ какъ отца моего хорошо знали и церковный староста, и сторожа, то онъ направился прямо въ алтарь къ священнику. Мы думали, что пріѣдемъ по окончаніи всѣхъ похоронъ, но ошиблись. Пробраться до алтаря было очень трудно. Гробовъ стояло очень много, одинъ подлѣ другого, одинъ выше, другой ниже, и между гробами находились всѣ сопровождавшіе своихъ покойниковъ. Отецъ, человѣкъ рослый и плотный, взявъ меня за руку, тихонько проталкивался къ алтарю. Рыданій, плача и стоновъ раздавалось по церкви множество; я слѣдовалъ за папашей, поглядывая по сторонамъ. Гробовъ болѣе богатыхъ было не особенно много и всѣ они стояли на катафалкахъ, такъ что ихъ внутренности, самихъ покойниковъ, я видѣть не могъ; зато остальные, огромное большинство, стояли или прямо на церковномъ полу, или на еле возвышенныхъ фантастическихъ

катафалкахъ изъ небольшихъ, наскоро сколоченныхъ козловъ или, просто-на-просто, на подсунутыхъ подъ гробы полѣньяхъ дровъ.

Не скажу, чтобы я шелъ между покойниковъ, лица которыхъ, бо̀льшею частью обезображенныя страданіями, были видимы мною сверху внизъ, такъ какъ они приходились мнѣ по поясъ, я не скажу, чтобы шелъ безъ ощущенія страха. Врѣзалось мнѣ въ память лицо какой-то очень старой старухи, вѣроятно нищенки: она во весь ротъ, недостаточно плотно закрытый, буквально смѣялась; помню цѣлую гирлянду дѣтскихъ гробиковъ, поставленныхъ одинъ къ другому и въ достаточномъ количествѣ усыпанныхъ цвѣтами. Въ нѣкоторыхъ проходахъ было такъ узко, что приходилось касаться гробовъ.

Теперь, на протяженіи полувѣка, думается мнѣ, зачѣмъ понадобилось отцу вести меня съ собою, какъ не подумала мать и почему отпустила? Но въ такіе тяжкіе годы холерныхъ бѣдствій, какъ 1848 годъ, когда изъ ладона не выходили, покойники видѣлись повсюду, и о смертяхъ слышалось каждый день, да и не разъ,—соображенія о заразности какъ-то исчезаютъ сами собою: себя не бережешь—не бережешь и другихъ. Кромѣ того: чѣмъ хуже время, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе растетъ увѣренность въ томъ, что отъ заразы не избавиться, что если суждено умереть, то и такъ умрешь. Этому много помогали разсказы о томъ, что, изъ боязни холеры, одинъ богатый человѣкъ ѣлъ только кушанья, присылаемыя ему изъ Швейцаріи, въ которой почему-то холеры вовсе не было, или если и была, то весьма слабая,—и все-таки умеръ въ жесточайшей холерѣ; что другой, тоже очень богатый, каждый день, по два раза, принималъ теплыя спиртовыя ванны—и тоже умеръ. Разсказы бывали удивительные о томъ, напримѣръ, что люди запирались въ потемки и жили безъ дневного свѣта, о томъ,

что другіе принимали усиленныя рвотныя, будучи еще совершенно здоровыми, и т. д. «А вотъ меня ничего не беретъ,—говорили смѣльчаки,—пью и ѣмъ, что̀ хочу и сколько хочу», а часовъ черезъ шесть послѣ сказаннаго лежали на столѣ.

Какъ бы то ни было, но поѣздку на Смоленское мы совершили, переговорили со священникомъ, сходили на могилку, заказали ее и возвратились въ городъ.

Неудача моей попытки посѣтить таинственную комнату нисколько меня не охладила въ моемъ намѣреніи; я рѣшилъ, какъ сказано, сдѣлать то же самое во время самыхъ похоронъ; пожалуй, что Яшка на этотъ разъ не будетъ на своемъ сторожевомъ посту, и я въ комнату проникну. День тянулся очень медленно, ночь проспалъ я отлично и съ новыми силами готовился исполнить задуманное.

Сборы на похороны были гораздо дольше, чѣмъ вчера на панихиду. У дядинаго подъѣзда стояли дроги подъ малиновымъ балдахиномъ, гарцовали жандармы на коняхъ, шныряли квартальные въ красныхъ воротникахъ и треуголкахъ, а впереди, у рослыхъ лошадей колесницы въ черныхъ попонахъ съ гербами дяди по бокамъ, собрались въ кучу человѣкъ тридцать факельщиковъ. Эти факельщики въ черныхъ длинныхъ балахонахъ, въ черныхъ круглыхъ, съ широкими полями, à la Донъ-Базиліо, шляпахъ на головахъ, державшіе каждый по одному длинному, бѣлому, до начала процессіи незажженному факелу, исчезли теперь съ лица земли, какъ и дрожки-гитары. Надобно сказать, однако, что прежнія похороны были внушительнѣе нынѣшнихъ, и одинъ поэтъ, только-что окрылявшійся въ тѣ дни, а нынѣ почти замолкшій, написалъ о нихъ, по сравненію съ теперешними похоронами, слѣдующее:

Забытъ обычай похоронный!
Исчезли факеловъ ряды

И гарь смолы, и оброненный
Огонь — горящіе слѣды!

—

Да! факелъ жизни вѣчной темой
Сравненья издавна служилъ!
Какъ бы объятые эмблемой
Мы шли за гробомъ до могилъ!

—

Такъ нужно! думалось, смиримся!
Жизнь — факелъ! Сколько ихъ подъ-рядъ!
Мы всѣ погаснемъ, всѣ дымимся,
А искры послѣ отгорятъ.

—

Теперь другимъ, новѣйшимъ чиномъ
Мы возимъ къ кладбищамъ людей,
Коптятъ дешевымъ керосиномъ
Глухія стекла фонарей;

—

Дорога въ вѣчность не дымится,
За нами слѣдомъ нѣтъ огня,
И нѣтъ намъ времени молиться
Въ немолчной сутолокѣ дня;

—

Не нарушаемъ мы порядка,
Бросая искры по пути,
Веземъ такъ быстро, чисто, гладко,
Что вслѣдъ намъ нечего мести!

Собственно говоря, мертвому все равно, какъ его хоронятъ, но живымъ это не все равно, и если позволено неумѣстное, можетъ-быть, сравненіе, то похоронный приборъ перваго разряда, отпускаемый современнымъ похороннымъ бюро, чуть-чуть не шутовской, маскарадный. Стоитъ взглянуть на бѣлыя съ аграмантами попоны лошадей, на бѣлыя ливреи и цилиндры похоронной прислуги, на бѣлыя узды коней, на блестящую золотомъ или серебромъ бесѣдку надъ гробомъ, замѣнившую балдахинъ, и проч., и проч. Согласиться съ поэтомъ, почти замолкшимъ нынѣ, и сказать,

что прежніе факелы и гарь смолы были лучше керосиновыхъ фонарей и ихъ копоти въ пожарномъ отношеніи; что насъ, шедшихъ за прахомъ, окружала эмблема жизни; что на дорогѣ нашей въ вѣчность замѣтенъ былъ хоть маленькій дымокъ, хоть искорка, отстаивавшая по мѣрѣ силъ свое существованіе; что теперь этого не позволяетъ полиція и что вслѣдъ за нами и гробами нашими даже нечего подметать,—пожалуй, трудно.

Особенное оживленіе на подъѣздѣ у дяди и по лѣстницѣ царствовало еще и потому, что, какъ мы тотчасъ узнали, ожидали прибытія высочайшей особы. Этотъ слухъ былъ мнѣ на руку, потому что, думалось мнѣ, Яшка непремѣнно прибѣжитъ смотрѣть на высочайшую особу. Съѣздъ былъ дѣйствительно большой, и въ комнатѣ прохода почти не было.

День наступилъ опять-таки чрезвычайно жаркій. Солнце палило немилосердно уже въ десятомъ часу утра, и въ комнатахъ съ закрытыми окнами дышалось очень трудно. Духовенства виднѣлось много, и я, на этотъ разъ, уже не прошелъ съ мамашей впередъ ко гробу, а остался сзади, поближе къ коридору. Рѣшимость моя была велика, и уже передъ самымъ тѣмъ, чтобы мнѣ привести въ исполненіе мое намѣреніе, я рѣшилъ совершенно правильно, съ геніальностью полководца первокласснаго, что я проскользну въ коридоръ въ ту самую минуту, когда замѣчу, что прибыла высочайшая особа. Очень можетъ быть, что если бы слухъ объ ожиданіи этого прибытія оказался невѣренъ, и особа не прибыла, я упустилъ бы желанную минуту, и осуществленіе моего плана оказалось бы невозможнымъ.

Но не успѣлъ я сообразить всего сказаннаго, какъ вдругъ особенное какое-то движеніе отъ лѣстницы въ комнату, точно будто кто-то колыхнулъ въ одну сторону плотно стоявшихъ другъ къ дружкѣ людей, — послужило признакомъ ожидавшагося прибытія. Скоро узналъ я, что это былъ

великій князь Михаилъ Павловичъ. Съ быстротою молніи проскользнулъ я въ гостиную и дальше; особенной бодрости придало мнѣ то, что вдали, въ дверяхъ, сзади всѣхъ, увидѣлъ я Яшку, который, безсовѣстно налегая на стоявшихъ впереди людей, весь ушелъ въ зрѣніе, чтобы видѣть великаго князя, умершаго, какъ извѣстно, въ слѣдующемъ 1849 году.

Коридоръ былъ пустъ. Я стремглавъ пустился къ двери, быстро открылъ ее и въ дверяхъ остановился какъ вкопанный....

Влѣво отъ входа, на высокой кровати, сидѣла, поставивъ ноги на придвинутый къ кровати стулъ, какая-то почти совсѣмъ старая женщина. Я былъ слишкомъ малъ тогда, чтобы получить о всемъ, что̀ видѣлъ, полное впечатлѣніе, настолько полное, чтобы хорошо описать все видѣнное, но главное я все-таки замѣтилъ.

На женщинѣ было полосатое одѣяніе, какъ бы халатъ; сѣдые волосы были подвязаны на затылкѣ въ косу. Въ углу виднѣлось нѣсколько иконъ съ лампадками передъ ними; на окнѣ цвѣточные горшки. Вотъ все, что̀ я помню.

Я стоялъ на порогѣ недвижимъ, держа въ рукахъ ручку дверей; изъ коридора доносились голоса пѣвчихъ. Женщина, не шелохнувшаяся при скрипѣ дверей, заслышавъ пѣніе, медленно стала спускать ноги со стула на полъ, опустила ихъ и начала креститься. Она не поднимала глазъ, но крестилась быстро, усиленно; коса, сплетенная узломъ и лежавшая на плечѣ, опустилась за спину.

Совершенно не отдавая себѣ отчета въ томъ, что̀ я дѣлаю, я осторожно затворилъ дверь; я помню именно то, что я затворилъ ее осторожно. По коридору я пробѣжалъ очень быстро, замѣтивъ, что высокая фигура Якова все еще продолжала высматривать высочайшую особу, и юркнулъ въ гостиную. Я остановился. Сердце билось во мнѣ шибко-шибко. Подъ

пѣніе пѣвчихъ, подъ шорохъ двигавшихся къ выходу людей, вслѣдъ за выносимымъ людьми гробомъ, я не совсѣмъ ясно соображалъ: что̀ я видѣлъ, чѣмъ рисковалъ и что̀ мнѣ дѣлать дальше? Не знаю, долго ли бы пришлось мнѣ стоять такимъ образомъ, если бы не неожиданное появленіе предо мною, въ дверяхъ, моего другого дяди, проталкивавшагося противъ теченія.

— Куда ты пропалъ?—спросилъ онъ, завидѣвъ меня:— мамаша твоя безпокоится.

— А меня, дядя, оттолкали отъ мамаши, а потомъ я уже не могъ пройти.

— Ну, теперь надо обождать; когда всѣ пройдутъ, я тебя проведу къ мамашѣ.

— Яковъ!—проговорилъ дядя, завидѣвъ Якова у другихъ дверей:—подай мнѣ пальто; знаешь, темное съ бархатнымъ воротникомъ.

— Слушаю - съ! — отвѣтилъ Яковъ. Говоря это, онъ зорко глядѣлъ на меня, словно подозрѣвая истину, и, покачавъ головою, повернулся и ушелъ за пальто.

III.

Прошло много-много лѣтъ — четверть вѣка.

Мнѣ было уже подъ сорокъ, когда, въ одну изъ многочисленныхъ поѣздокъ моихъ по Волгѣ, я, совершенно случайно, получилъ разъясненіе всего видѣннаго мною на похоронахъ дяди и многому изъ того, что̀ слышалъ, будучи ребенкомъ, очень часто.

— Да, да, быть бы ему министромъ, если бы не...

— И охота ему самому себѣ на шею ярмо накладывать...

— Было бы изъ-за чего, а то изъ-за дурацкой юношеской шутки... изъ-за бабы... вѣдь на то у насъ и крѣпостные...

Слова и намеки въ родѣ перечисленныхъ западали въ мою

память противъ воли, но никакъ не могли сложиться въ нѣчто цѣльное, связное, подозрѣваемое мною издавна; но когда я, во время похоронъ, увидѣлъ эту женщину въ полосатомъ халатѣ, когда содержимое таинственной комнаты стало мнѣ ясно, то клочки и обрывки подозрѣній сразу сложились для меня въ какую-то, правда, непонятную, но все-таки несомнѣнную картину. Мнѣ тогда же почуялось что-то, что̀ такъ тщательно скрывалось отъ насъ, не пустяки, а нѣчто очень важное. Мнѣ сразу объяснилась вѣчная суровость и задумчивость дяди и многое, много другое, насколько неглупый мальчикъ двѣнадцати лѣтъ въ тѣ годы могъ понимать; теперешній мальчикъ, къ несчастью, понялъ бы гораздо больше.

Чудесное стояло время въ іюнѣ 1873 года, когда я, взявъ билетъ на одномъ изъ американскихъ пароходовъ Волги, долженъ былъ проѣхать отъ Ярославля до Царицына. Хотя эти путешествія и сами по себѣ, сколько разъ ихъ не дѣлай, очень пріятны, но если при этомъ хороша погода и хорошо то общество, съ которымъ путешествуешь, то цѣнность пути возрастаетъ вдесятеро.

Такъ было это и тогда.

— Вы до самой Астрахани? — спросилъ меня, уже по прибытіи на пароходъ, почти въ самую минуту отъѣзда, одинъ изъ проворныхъ молодыхъ людей, нерѣдко встрѣчавшійся со мною въ Петербургѣ.

— Нѣтъ, только до Царицына,—отвѣтилъ я.

— Поѣдемте до Астрахани,—быстро отвѣтилъ онъ:—ну, что̀ вамъ стоитъ? Скучать не будете.

— Какъ это такъ,—возразилъ я:—взять да и поѣхать?

— Ну, конечно...

— Нѣтъ-съ, въ мои годы такихъ быстрыхъ рѣшеній не принимаютъ, но я, во всякомъ случаѣ, очень радъ. что проведу дня три съ вами.

— Я не одинъ, со мной отецъ мой.

— Тѣмъ пріятнѣе; пожалуйста, познакомьте.

— О непремѣнно, непремѣнно! Хотите сейчасъ, только я его не вижу,—проговорилъ юноша, по фамиліи Симайловъ, быстро повертывая голову со стороны на сторону и даже поднимаясь нѣсколько разъ на цыпочки, чтобы лучше разглядѣть.

— Нѣтъ, зачѣмъ же сейчасъ,—поторопился я ему отвѣтить:—еще успѣемъ.

— Ну, какъ хотите, какъ хотите...—и, проговоривъ это скороговоркою, юноша быстро отскочилъ отъ меня и направился къ тому мѣсту парохода, гдѣ нагружали чемоданы.

— Симайловъ, Симайловъ! — думалось мнѣ послѣ его ухода: — что-то ужасно знакомая фамилія, но гдѣ, когда встрѣчался я съ нею?

Въ ожиданіи третьяго звонка, я взошелъ на верхнюю палубу американскаго мастодонта, на которомъ долженъ былъ совершить путешествіе. Недавно выкрашенная въ бѣлую краску палуба, на которой тамъ и сямъ замѣтны были поставленныя на ней табуретки, казавшіяся чуть не игрушечными, во вниманіе къ размѣрамъ палубы,—была совершенно пуста: на ней находился я одинъ. Двѣ громадныхъ дымовыхъ трубы просовывались изъ-подъ нея и жестоко дымили; нефтяного отопленія тогда еще не знали, и дымъ былъ необходимою принадлежностью всякаго плаванія. Я придвинулъ одну изъ табуретокъ къ тому краю палубы, который приходился къ берегу, сѣлъ на нее и сталъ смотрѣть на нагрузку и прибывающую публику. Трапъ приходился какъ разъ подо мною, и мнѣ были очень ясны всѣ лица людей, входившихъ на пароходъ. Кого и чего не было тутъ! Когда путешествуешь по Европѣ, знаешь очень хорошо, что на всѣхъ рѣчныхъ пароходахъ

имѣется, въ общемъ, какой-то средній типъ путешествующихъ, конечно въ каждой странѣ свой, при значительномъ различіи между пассажирами перваго и другихъ классовъ. Только въ Россіи, въ Турціи и вообще по Востоку встрѣчается полная смѣсь одеждъ, лицъ и состояній, начиная отъ русскаго чиновника, купца, помѣщика или заѣзжихъ иностранцевъ Запада, до представителей ислама и ламаизма, со всею романичностью ихъ одѣяній, чертъ лица и сложенія тѣла.

Невообразимая суета царствовала повсюду; люди толкались взадъ и впередъ, встрѣчаясь на трапахъ и этимъ задерживая общее движеніе. Юноша, только-что встрѣтившійся со мною, суетился больше всѣхъ; онъ прощался съ какими-то дамами на пристани, онъ спрашивалъ какихъ-то объясненій у помощника капитана, онъ не оставилъ въ покоѣ даже представителя полицейской власти. Только передъ самымъ отходомъ парохода озаботился онъ свести по трапу своего отца.

— Держитесь, папаша, за меня,—говорилъ онъ:—тутъ ступенька!

— Гдѣ, гдѣ? — отвѣтилъ не громко отецъ.

Наконецъ, раздался третій звонокъ и свистокъ. Вовсе неторопливо, видимо имѣя передъ собою очень много времени и не особенно-таки озабочиваясь срочностью, нашъ пароходъ все еще не могъ сразу и вполнѣ разстаться съ берегомъ. Онъ словно прилипъ къ нему. То притягивали къ нему крючьями и веревками какой-то огромный, но не очень тяжелый мягкій тюкъ, забытый при нагрузкѣ, то передавали прямо на кожухъ колеса какія-то письма, то, наконецъ, пожимали другъ другъ руки тѣ, что̀ отъѣзжали, и тѣ, что̀ стояли на берегу. Какой-то юноша, должно-быть изъ фабричныхъ, перегибаясь черезъ веревку, протянутую вмѣсто перилъ, обнималъ и цѣловалъ женщину, немолодую,

постарше его, съ головы которой скатился на плечи красный платокъ; лицо ея пылало, глаза слезились.

— Ну, ну, полно вамъ,—раздалось со стороны:—пароходъ къ берегу прилипнетъ!

— Тетка! а тетка! небось, вернется!

— У—ухъ, какъ сладко!

— Хи-хи! Хо-хо!

Парень и тетка не обращали, однако, на эти возгласы ни малѣйшаго вниманія, и веревка, отдѣлявшая ихъ, сильно вытянулась всторону, прежде чѣмъ тронувшійся, наконецъ, пароходъ неотразимо, какъ сила судьбы, не отдѣлилъ обнимавшихся другъ отъ дружки и не двинулся въ путь. Колеса завертѣлись быстрѣе, теченіе рѣки прибавило своего, и движущаяся панорама города, пригорода, полей, откосовъ и проч. потянулась предъ глазами путниковъ. Сначала громовые свистки съ парохода раздавались очень часто, но потомъ порѣдѣли, и проявилась самостоятельная жизнь парохода; стали приводиться въ порядокъ наскоро сваленные въ проходахъ тюки, начали осматривать билеты; на палубу, несмотря на ранній часъ дня, вытащили карточный столикъ, потребовали пива, бифштексы и кофе.

Спустившись со своей вышки, я немедленно обошелъ палубу, чтобы приглядѣться къ спутникамъ. Были такіе артисты въ третьемъ классѣ, которые уже спали глубокимъ сномъ, прикурнувъ гдѣ и какъ попало. Юноша изъ фабричныхъ, только-что такъ крѣпко цѣловавшійся съ женщиной немного постарше его, что сбросилъ съ головы ея красный платокъ, безконечно веселый, разсыпался въ любезностяхъ съ какой-то, должно-быть, горничной. Въ верхнемъ салонѣ, въ углу, подлѣ небольшого фортепіано, увидалъ я моего юношу Симайлова и его старика-отца. Юноша подскочилъ ко мнѣ.

— Позвольте мнѣ познакомить васъ съ батюшкою.

— Очень пріятно,—отвѣтилъ я.

Представленіе совершилось, и старикъ предложилъ мнѣ сѣсть подлѣ него; юноша исчезъ немедленно.

Общее впечатлѣніе, произведенное на меня старикомъ, было весьма и весьма внушительно. Для такой внушительности стариковъ необходимы, сколько я ни наблюдалъ, двѣ вещи. Во-первыхъ, безукоризненная чистоплотность, вниманіе къ своей внѣшности, не переходящее, конечно, извѣстной границы и не имѣющее ничего общаго съ тѣмъ, что̀ называется желаніемъ молодиться. Въ этомъ отношеніи старикъ Симайловъ былъ безупреченъ: черный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы, свѣжій, лоснившійся отъ хорошаго мытья и глаженья воротничокъ рубашки, правильно причесанные, съ проборомъ на сторонѣ, густые, совершенно бѣлые, серебристые волоса съ двумя вихрами на обоихъ вискахъ,—все это вмѣстѣ взятое подкупало въ пользу старика. Если прибавить къ внѣшности свѣжесть лица, едва подернутаго морщинами, спокойный взглядъ и весьма сильный, густой, но некрикливый, медленно проявляющійся голосъ, то характеристика будетъ довольно полною.

Второю причиною внушительности впечатлѣнія, производимаго стариками, должна быть признана причина чисто психическаго свойства. Спокойный взглядъ и медленность въ рѣчи служатъ у такихъ людей выразителями завершенія той долгой внутренней борьбы, которая происходила въ нихъ и результатъ которой можетъ быть выраженъ слѣдующими словами:

— Я, господа, старъ; во многомъ не понимаю васъ, во многомъ признаю верховенство вашего времени надъ моимъ, но и въ мое время было много хорошаго, чего вы не признаете и отсутствіе чего въ васъ дѣлаетъ васъ, въ моихъ глазахъ, неизмѣримо пустыми и мелкими. Остановить васъ я не могу, поддѣлаться подъ васъ не желаю и поэтому

остаюсь тѣмъ, чтò я есть, но памятую, что и вы, въ свою очередь, непремѣнно будете въ моемъ положеніи и будете чувствóвать себя, чтò ни день, то въ бòльшемъ одиночествѣ.

Старикъ Симайловъ, несомнѣнно, относился именно къ такимъ типамъ «понимающихъ свое мѣсто людей». Такъ именно подѣйствовалъ онъ и на меня съ первыхъ словъ разговора.

— Скажите, пожалуйста,—проговорилъ онъ, отчеканивая каждое слово:—вашъ батюшка, не былъ ли онъ сенаторомъ?

— Это мой дядя.

— Онъ умеръ въ...

— Въ большую холеру, въ сорокъ восьмомъ году.

— Такъ, такъ!—проговорилъ Симайловъ, поднявъ на меня свои свѣтлые глаза и слегка ударивъ меня рукою по плечу.—Вы меня за эту фамильярность простите, но вѣдь я былъ другомъ вашего покойнаго дядюшки, сенатора.

Съ быстротою молніи возникли во мнѣ при этихъ словахъ цѣльныя, громадныя картины моего прошедшаго, не имѣвшія ничего общаго съ проскользавшими передъ глазами, въ окнахъ салона, пейзажами Волги. Холера, смерть, малина, гробовыя крыши, длинновязый Яковъ, коридоръ, женщина въ пестромъ халатѣ, суровость дяди, подтруниванія надъ нимъ родныхъ,—все это и многое, многое другое преобразилось какъ будто бы изъ прошедшаго въ настоящее, и я былъ уже не пожилымъ сорокалѣтнимъ путешественникомъ по Волгѣ, а мальчикомъ въ шерстяной черной рубашкѣ, подпоясанной чернымъ ластиковымъ поясомъ. Я былъ несказанно радъ случайной встрѣчѣ и чувствовалъ, что, наконецъ-таки, противъ ожиданія, вѣроятно разъясню себѣ женщину въ полосатомъ халатѣ.

— Да вѣдь и мнѣ, какъ я теперь припоминаю, фамилія ваша не незнакома,—отвѣтилъ я старику; — не бывали ли вы у насъ въ домѣ?

— Нѣтъ, у васъ въ домѣ я не бывалъ,—отвѣтилъ Симайловъ:—и по причинамъ въ тѣ далекіе дни очень для меня вѣскимъ. Но вѣдь это теперь такъ далеко, такъ далеко... Почти всѣ дѣйствовавшія лица—покойники. А вашъ батюшка, ваша матушка?—прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья.

— Ихъ тоже не существуетъ.

— А кто-же умеръ раньше?

— Мамаша—лѣтъ двадцать назадъ.

— Помню ее, помню очень хорошо,—отвѣтилъ Симайловъ:—умная и характерная была женщина. Со мною она не дружила.

— Но почему же, смѣю спросить?

— Такъ, знаете... тутъ причиною былъ сенаторъ.

Старикъ замолчалъ. Онъ вынулъ изъ кармана жилетки небольшое складное зеркальце и посмотрѣлся въ него. Еще не отнимая отъ лица зеркальца и поправивъ свободною рукою вихры на вискахъ, Симайловъ продолжалъ:

— Я помню и послѣднюю квартиру сенатора въ Троицкомъ переулкѣ, во второмъ этажѣ: прихожая, налѣво залъ, затѣмъ гостиная, столовая и вдоль ихъ...

— Длинный, полутемный коридоръ, упиравшійся въ одну вѣчно закрытую дверь...—быстро проговорилъ я.

Симайловъ медленно опустилъ руку съ зеркальцемъ на колѣни и такъ же медленно перевелъ испытующій взглядъ на меня.

— А вы развѣ знаете... помните?..

— То-есть эту дверь? да, да, помню! Насъ не пускали за нее,—отвѣтилъ я почему-то очень робко, точно пойманный на шалости мальчуганъ.

— Ну, а за дверью что̀ было?—спросилъ Симайловъ.

— За дверью помѣщалась какая-то женщина.

— Значитъ, вы знаете?

— Только то, что я вамъ сказалъ, я и знаю, и знаю вотъ почему.

Въ краткихъ словахъ изложилъ я Симайлову, какъ и что случилось, какъ занимала насъ, дѣтей, таинственная комната, какъ предполагали мы въ судьбѣ покойнаго сенатора нѣчто чуть не сказочное. Симайловъ слушалъ меня чрезвычайно внимательно и, наконецъ, заговорилъ самъ.

— Лѣтъ сорокъ пять, пятьдесятъ тому назадъ, видите ли, были у насъ совсѣмъ, совсѣмъ другіе порядки. У насъ существовали крѣпостные. Вы, я думаю, почти только по наслышкѣ знаете о крѣпостныхъ. Ну-съ, и у сенатора, и у меня были они. И имѣнія наши въ Кіевской губерніи по сосѣдству находились. Охотились мы вмѣстѣ и покучивали вмѣстѣ, и были съ сенаторомъ одногодки. Былъ у насъ и еще сосѣдъ, довольно богатый—Непороевъ, Иванъ Васильевичъ, и много мелкихъ, даже изъ однодворцевъ. Кутили мы и въ карты играли довольно-таки порядочно. Нашъ помѣщичій уголъ вошелъ даже въ дурную славу, потому что всѣ мы молодые люди были. Надо вамъ сказать, что сенаторъ, тогда онъ еще только небольшимъ чиновникомъ губернскимъ состоялъ, былъ куда осторожнѣе и благоразумнѣе насъ, а въ особенности этого Ивана Васильевича Непороева. Этотъ господинъ былъ для крѣпостныхъ всѣмъ хорошъ, только въ одномъ не то что сбился, а какъ бы сумасшедшимъ становился, а именно относительно женщинъ...

При этомъ словѣ промелькнула передъ моими глазами таинственная узница въ пестромъ халатѣ. Но при чемъ же тутъ сенаторъ, думалось мнѣ; это становилось любопытнымъ.

— Такъ вотъ я, видите ли,—продолжалъ Симайловъ:—вамъ вотъ эту печальную исторію разсказать хочу...

— Не женщина ли въ коридорѣ?—совершенно противъ воли воскликнулъ я.

— Да, да! Объ ней...

— Значитъ, сенаторъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, не онъ, а Непороевъ... это, видите ли, случилось такъ. Мы собирались одинъ у другого по очереди и проводили по два, по три дня, сколько когда понравится. Выпала очередь и на вашего дядюшку. Собрались. Помню я это собраніе наше особенно ясно не потому, чтобы оно мнѣ тогда же въ память запало, нѣтъ! По обычному характеру своему оно ничѣмъ отъ другихъ не отличалось: вино, карты, пѣсенники, дѣвушки, охота и проч., а потому, что послѣдствія его оказались тяжеловѣсными и, по мѣрѣ того, какъ они нагляднѣе становились, это наше собраніе все яснѣе и яснѣе въ моей памяти воскресало. И вотъ теперь, когда я вамъ это, больше полувѣка спустя, говорю, оно мнѣ такъ ясно, какъ будто я на немъ присутствую, и мы съ вами не на Волгѣ, а въ кіевскомъ уѣздѣ, и я не сѣдой какъ лунь старикъ, а темнокудрый, юный, красивый помѣщикъ. Какъ живого вижу я и Непороева—причину всего... гдѣ онъ теперь? Живъ ли, умеръ ли?—не знаю. Была, это, у дядюшки вашего въ крѣпостныхъ красивая дѣвушка, круглая сирота, Любанькой ее звали; почему не Любинькой, какъ бы слѣдовало,—не знаю. Выпили мы тогда очень сильно, трубокъ выкурили множество. Не совсѣмъ трезвъ былъ и вашъ дядюшка, нашъ хозяинъ. Непороевъ разошелся во всю.

— А что̀,—говоритъ онъ дядюшкѣ:—пошли-ка намъ Любаньку. Поетъ дѣвка, говорятъ, хорошо. Правда, что̀ хорошо?—переспросилъ Непороевъ, обращаясь къ дворецкому Никитѣ, всегда торчавшему подлѣ стола и нерѣдко принимавшему участіе въ разговорахъ.

— Точно, что поетъ хорошо, Иванъ Васильевичъ, да только не приказано сюда ее звать,—отвѣтилъ дворецкій, искоса поглядывая на вашего дядюшку, сильно дремавшаго

въ старинномъ вольтеровскомъ креслѣ, обитомъ сафьяномъ.

— А развѣ запрещено? — воскликнулъ Непороевъ. — Вздоръ, что запрещено, подайте ее сюда!

— Подайте, подайте!—раздались голоса.

— Какъ прикажутъ-съ,—отвѣтилъ дворецкій, показывая поворотомъ головы на дядюшку вашего.

Дядюшка, какъ теперь помню, уже почти совершенно спалъ. Къ нему подошли Неустроевъ и другіе и, поталкивая, кто за плечи, кто за колѣни, требовали появленія Любаньки. Дворецкій, безмолвно улыбаясь, смотрѣлъ на сцену.

— Да ну васъ! — бормоталъ тормошимый хозяинъ: — отстаньте.

— Да ты прикажи только!

— Я спать хочу.

— А мы спать не дадимъ!

— Никита, — проговорилъ, наконецъ, сквозь сонъ вашъ дядюшка:—приведи къ нимъ Любаньку, да смотри мнѣ...

И сказавъ это, дядюшка повернулся въ креслѣ и заснулъ глубокимъ сномъ.

Слушая мѣрный, неторопливый разсказъ Симайлова, я весь ушелъ въ слухъ и уже рѣшительно не замѣчалъ береговъ Волги, скользившихъ въ окнахъ салона, не замѣчалъ остановокъ и спутниковъ. Симайловъ, повидимому, тоже ушелъ въ былое.

— Да-съ, — проговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія: — совершилось нѣчто скверное, о чемъ мы, конечно, очень скоро узнали... Любанька, какъ честная дѣвушка, погибла... Конечно—Непороевъ. Правда, въ тѣ дни это было дѣломъ обычнымъ, и Непороевъ замѣтилъ свое скверное дѣло лишь настолько, насколько на утро слѣдовавшаго дня арапникъ дядюшки вашего прошелся по лицу его,

оставивъ на немъ крупный слѣдъ... Непороевъ обидѣлся, конечно, требовалъ удовлетворенія, но такъ на этомъ и остановился, на требованіи, потому что всѣ гадкія натуры одинаковы... Но глубокій слѣдъ, хуже чѣмъ шрамъ на лицѣ Непороева, слѣдъ на всю жизнь остался въ вашемъ дядюшкѣ. Очень скоро послѣ всего совершившагося, Любанька стала заговариваться, а затѣмъ сошла съ ума. Помѣшательство ея было тихое, вначалѣ болтливое.

— Я,—говаривала она въ забытьѣ:—не хочу, не хочу этого... ужъ если бы, если бы—ну, такъ я барина своего люблю... онъ добрый, онъ не требуетъ... а то этого Ивана Васильевича!.. брр... не хочу, не хочу...

И бѣдная Любанька дрожала при этомъ всѣмъ тѣломъ, жалась къ чему могла—къ стѣнѣ, къ спинкѣ стула, къ шкапу. Бѣдная никогда не приходила въ себя.

Не оправился отъ своихъ, сквозь сонъ сказанныхъ, словъ и сенаторъ... онъ самъ не помнилъ, что̀ и какъ сказалъ, и только при дальнѣйшемъ разъясненіи дѣла ему было подтверждено всѣми свидѣтелями, что приказаніе привести дѣвушку было дано именно имъ самимъ.

Никогда не былъ женатъ сенаторъ. Повліяла ли на него эта исторія—не знаю. Безумную дѣвушку, которая, конечно, въ очень скоромъ времени утратила всю свою красоту, онъ взялъ къ себѣ въ домъ и холилъ ее, какъ ребенка. Онъ возилъ ее къ докторамъ въ Кіевъ, въ Москву, призывалъ врачей къ себѣ, но о лѣченіи и выздоровленіи не могло быть и рѣчи. Прибыла она съ нимъ и въ Петербургъ, и именно тутъ, въ столицѣ, явилась бѣдная сумасшедшая помѣхою ему во многихъ отношеніяхъ. Молва, съ разными прикрасами и неправдами, опередила прибытіе дяди вашего на службу въ Петербургъ. Говорили Богъ знаетъ что̀, и это мѣшало ему по службѣ. Вы вѣдь, вѣроятно, знаете, что ближайшимъ начальствомъ дѣлаются служащимъ секретныя

аттестаціи? Въ тѣ дни эти аттестаціи имѣли гораздо бо̀льшее значеніе, чѣмъ теперь. Совершенно случайно прочелъ я одну изъ аттестацій, касавшуюся сенатора; я вѣдь тоже служилъ,—объяснилъ Симайловъ,—и пользовался даже въ свое время значеніемъ. Аттестація была слѣдующая, и я скажу вамъ ее почти съ несомнѣнною точностью: «къ юридическому повышенію неудобенъ, слабъ къ женщинамъ».

— И вотъ-съ, основываясь на правдѣ этой аттестаціи, покойный вашъ дядюшка дальше сената не пошелъ, а могъ бы идти, благодаря своимъ знаніямъ, способностямъ и усидчивости, значительно дальше.

Когда Симайловъ кончилъ свое повѣствованіе, я находился подъ обаяніемъ его. Освѣтились яркимъ свѣтомъ очень многія стороны былого... Суровый дядя переродился для меня въ человѣка совершенно иного, чѣмъ былъ. Такое фениксообразное перерожденіе памяти того или другого человѣка, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ по ихъ смерти, дѣло довольно обыкновенное, но этимъ перерожденнымъ бывшимъ людямъ отъ этого, конечно, ни тепло, ни холодно.

Изъ дальнѣйшихъ судебъ Любаньки, и то случайно, зналъ я только то, что ее, по смерти сенатора, помѣстили въ какой-то домъ сумасшедшихъ. Я спросилъ объ этомъ Симайлова.

— Какъ же, какъ же, — быстро отвѣтилъ онъ: — ваши родные помѣстили ее въ больницу на петергофскую дорогу. Да и что имъ было дѣлать съ нею, вѣдь она была безнадежною. Она, насколько мнѣ извѣстно, сенатора пережила недолго. Но о судьбѣ ея онъ озаботился еще при своей жизни, такъ какъ на помѣщеніе ея въ лучшихъ для безумныхъ условіяхъ онъ оставилъ особыя средства. Да и я тутъ,—прибавилъ Симайловъ,—былъ тоже не совсѣмъ безучастенъ, такъ какъ состоялъ однимъ изъ душеприказчи-

ковъ. Если вы поѣдете когда-нибудь къ больницѣ и зайдете на ближайшее кладбище, то не далеко отъ ограды, вправо отъ входа, увидите довольно высокій памятникъ, колонку съ крестомъ, и на немъ надпись, которую намѣтилъ самъ покойный сенаторъ: «Любанька, родилась въ такомъ-то, скончалась въ такомъ-то году».

Не успѣлъ проговорить сказаннаго Симайловъ, какъ къ намъ подскочилъ—не подошелъ, а подскочилъ—его сыночекъ.

— Прекрасное на пароходѣ, папаша, общество, прекрасное!

— А ты уже со всѣми перезнакомился?

— Ну, не со всѣми, нѣтъ, но со многими; хочешь, представлю?

— Нѣтъ, ты уволь меня отъ этихъ представленій,—отвѣтилъ отецъ:—мнѣ такъ лучше.

— Ну, какъ хочешь, какъ хочешь!—отвѣтилъ юноша и, быстро повернувшись, юркнулъ въ люкъ, въ нижнее помѣщеніе парохода.

IV.

По окончаніи моего волжскаго путешествія и по возвращеніи въ Петербургъ, въ августѣ мѣсяцѣ, я, согласно данному себѣ обѣщанію, предпринялъ немедленное посѣщеніе могилы сенатора и отыскалъ мѣсто послѣдняго упокоенія Любаньки. Я рѣшилъ купить два совершенно одинаковыхъ металлическихъ вѣнка; такихъ не было, и я заказалъ ихъ. Мнѣ думалось, что я этимъ поднесеніемъ двухъ вѣнковъ двумъ могиламъ кого-то, какъ-то, чѣмъ-то удовлетворяю. Глупость, конечно, сантиментальность! Мнѣ глубоко врѣзались въ память такъ кратко и такъ характерно переданныя мнѣ Симайловымъ слова, изъ которыхъ можно было видѣть, что между сенаторомъ и Любанькой, безъ всякаго физическаго проявле-

нія, все-таки существовала какая-то какъ бы любовь, какой-то эмбріонъ любви, такъ страшно и неожиданно умерщвленный. «Если бы еще баринъ,—говорила она, уже будучи сумасшедшею, — онъ добрый...» А что̀ же, какъ не любовь сенатора, все остальное: таинственная комната, обезпеченіе по завѣщанію, холостая жизнь и проч. Да, да, тутъ, несомнѣнно, существовала любовь, и я хотѣлъ украсить обѣ могилы двумя одинаковыми вѣнками. Сантиментально, по-нѣмецки, не правда ли? И никого, никого рѣшительно, не удовлетворялъ я этимъ, такъ какъ покойники, и это безспорно, слѣпы и глухи, а кому-либо изъ живущихъ людей, способныхъ злословить, исторія съ вѣнками оставалась неизвѣстною.

Любанька была схоронена, какъ я уже сказалъ, не вдали отъ больницы, а сенаторъ покоился на Смоленскомъ кладбищѣ. Довольно далеко, слѣдовательно, одинъ отъ другой. Я рѣшилъ предпринять мое путешествіе по двумъ кладбищамъ въ одинъ и тотъ же день. Удобнаго для этого времени очень долго не подходило, такъ какъ осень наступила дождливая, пасмурная. Вѣнки были уже давно готовы, принесены ко мнѣ на квартиру и спрятаны въ кладовую. Спряталъ я ихъ по той простой причинѣ, что въ самый день прибытія ко мнѣ вѣнковъ подвергся разспросамъ болтливой тетушки моей, находившейся у меня въ то именно время, когда только-что принесенные вѣнки еще стояли у меня въ кабинетѣ на двухъ креслахъ.

— Кому вѣнки, голубчикъ?—спросила тетушка.

— Сенатору,—быстро отвѣтилъ я ей.

— А другой?

Тутъ только сообразилъ я неловкость своего положенія, вызванную неумѣстностью вопроса.

— А почему же такъ сенатору? Развѣ годовщина какая-нибудь, которую я позабыла? — быстро добавила те-

тушка, усиливая этимъ ту неловкость, которую я чувствовалъ.

Помню очень хорошо, что я спутался, какъ школьникъ, неожиданно пойманный на какой-то глупости, и пойманный отнюдь не какимъ-либо начальствующимъ, что̀ могло бы имѣть нежелательныя послѣдствія, а какъ бы нижнимъ чиномъ, который и ловить-то не имѣлъ никакого права. Да и что̀ значила мнѣ въ самомъ дѣлѣ тетушка? Но что̀ могъ я отвѣтить ей разумнаго? Никакой годовщины дядѣ не было; никакой причины везти вѣнокъ ему, а не родителямъ, тоже не было, и для кого второй вѣнокъ?

— А меня просили объ этомъ,—сказалъ я.

— Кто просилъ?

— Въ дорогѣ, на Волгѣ...—отвѣчалъ я, начиная путаться.

— Но отчего же два вѣнка?

— Ахъ, тетушка, да оттого, что двое просили,—быстро и съ сердцемъ отвѣтилъ я.

Послѣ ухода тетушки, вѣнки отправились въ кладовую ожидать благопріятнаго дня. Выдалось, наконецъ, хорошее, ясное, слегка морозное утро, и мнѣ удалось совершить задуманное. Часу въ десятомъ утра возложилъ я вѣнокъ на могилу дяди и прямо оттуда, въ парной коляскѣ, взятой на Конюшенной, покатилъ къ Любанькѣ.

Довольно тяжелое впечатлѣніе производитъ на ѣдущаго тутъ, въ эту сторону Петербурга, за Нарвскія ворота, унылое шоссе. Теперь почти никто не ѣздитъ этимъ путемъ, когда-то торною дорогою на Стрѣльну, Петергофъ и Ораніенбаумъ, по которой совершилось столько историческаго. Этимъ же клочкомъ пути заканчивались, когда-то, очень длинные переѣзды къ намъ въ Петербургъ изъ-за границы, направлявшіеся черезъ Ригу и Нарву; не одну важную невѣсту, не одного важнаго посла видѣли эти пути. Историческія свѣдѣнія говорятъ, что именно вдоль этого шоссе

существовали когда-то богатыя дачи и въ нихъ живали представители нашихъ высшихъ сферъ. Малые остатки былыхъ дачныхъ фронтоновъ на колоннахъ еще видны кое-гдѣ и понынѣ, но и они исчезнутъ, конечно, въ самомъ непродолжительномъ времени. Желѣзная дорога окончательно убила эту, и безъ того умершую своею смертью, мѣстность; временно возникавшіе рестораны тоже отошли въ былое, такъ какъ особеннаго веселья, хотя бы въ зимніе пикники, на тройкахъ, эта мѣстность не представляла.

Внушительно поднимается влѣво отъ шоссе домъ для умалишенныхъ; извѣстность дома этого была въ тѣ дни гораздо больше, чѣмъ сегодня, потому что не плодились тогда въ Петербургѣ другія, казенныя и частныя, больницы, воздвигнутыя съ тою же цѣлью. Такъ какъ самый домъ и его содержимое меня вовсе не интересовали, то и распорядился я проѣхать прямо на недалекое кладбище. Коляска моя остановилась у воротъ, и я слѣзъ съ нея.

«Брать мнѣ или не брать съ собою вѣнокъ?»—думалось мнѣ. Сторожа, конечно, спрашивать нечего, потому что могила, къ которой я направлялся, давнишняя, да и покойница никакими отличіями въ жизни не пользовалась. Я рѣшилъ пойти безъ вѣнка, съ тѣмъ, чтобы принести его потомъ, отыскавъ могилу. Я былъ очень доволенъ тѣмъ, что сторожа у воротъ не оказалось, и рѣшилъ слѣдовать указаніямъ Симайлова, довольно поверхностнымъ, но все-таки яснымъ. Побурѣвшая, пожелтѣвшая и покраснѣвшая листва деревьевъ кладбища была ярко озарена солнцемъ, когда я вошелъ за ограду его.

Дитя природы—русскій человѣкъ, отзвонивъ съ колокольни жизни, вовсе не прочь удалиться поскорѣе въ обычный круговоротъ природы. На кладбищахъ нашихъ столицъ еще борятся искусство и природа. Искусство говоритъ: «я увѣковѣчу твою память и облеку ее въ бронзу и мраморъ, я

обезпечу политурою и стекломъ, ты только заплати художнику и мастеру»; природа говоритъ: «а я напущу на твои созданія искусства, на твои мраморы и политуры, цѣлыя тьмы отъ темъ сѣренькихъ и зеленыхъ, еле видимыхъ мховъ и лишаевъ, я принижу мраморную гордыню твоего творчества, я все-таки возвращу тебя въ мое лоно безлично, безпамятно, но и безмятежно». На безчисленныхъ сельскихъ кладбищахъ русскихъ земель природа побѣждаетъ чрезвычайно скоро, такъ какъ памятниковъ не любятъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ ихъ даже не ставятъ вовсе, главнымъ образомъ потому, конечно, что денегъ нѣтъ.

Люблю я кладбища. Признаются же люди въ любви къ наукамъ, къ странамъ горъ и озеръ, къ морю, къ женщинѣ, къ тому или другому писателю, такъ дайте же мнѣ объяснить, почему я всегда любилъ и люблю кладбища. Когда я былъ очень юнъ, кладбище было для меня какою-то любопытною загадкою; рука объ руку съ первыми уроками о вѣрѣ и безсмертіи, кладбища казались мнѣ единственно ощутимыми, единственно несомнѣнными звеньями въ безконечной цѣпи міроздания и яко бы доказательствами безсмертія. Это было очень глупо, но это было такъ. Гораздо позже, когда я увидѣлъ и прочувствовалъ жизнь и чувствую ее и въ настоящую минуту, проживъ полвѣка и прописывая эти строки, кладбища стали для меня такими очевидными воплощеніями безконечнаго покоя, такими дѣятельными примирителями, что я за эту одну очевидность и несомнѣнность того, что успокоеніе ожидаетъ и меня, люблю кладбища и нерѣдко посѣщаю ихъ. Есть у меня на нѣкоторыхъ изъ петербургскихъ кладбищъ излюбленные уголки, въ которыхъ столько для меня воспоминаній, что я смѣло могъ бы назвать ихъ пріятнымъ бременемъ, потому что всегда сажусь посидѣть въ этихъ уголкахъ.

Люблю я и могилу Любаньки. Не могу не сообщить, что

при отыскиванiи ея совершилось нѣчто удивительное, чуть ли не чудесное.

Симайловъ сказалъ: взять вправо—взялъ я; идти вдоль ограды—пошелъ. Сотни именъ мелькали у меня передъ глазами: останавливаюсь часто, схожу съ дорожки то вправо, то влѣво. Наконецъ, совершенно неожиданно, когда я сталъ отчаиваться въ успѣхѣ своихъ розысковъ и думалъ, на худой конецъ, пойти къ священнику и обратиться къ книгамъ,—вправо отъ пути, повыше другихъ надписей, на хорошемъ изъ чернаго мрамора столбѣ, увидѣлъ я четкую, крупную надпись: «Любанька». Ранѣе чѣмъ подойти къ могилѣ и поклониться ей, я возвратился къ коляскѣ и взялъ вѣнокъ. Сторожъ стоялъ у воротъ и, завидя меня, снялъ шапку. Минуты черезъ три былъ я подлѣ Любаньки.

Роскошное осеннее солнце золотило кладбище во всю, возможную для своихъ осеннихъ способностей, силу.

Тишина царствовала подлѣ меня глубочайшая и даже, что̀ рѣдко на нашихъ кладбищахъ, обыкновенно довольно густо зарастающихъ деревьями, не слышалось ни галокъ, ни воронъ, ни воробьевъ. Я опустился передъ памятникомъ на колѣни, а затѣмъ поднялся, чтобы укрѣпить вѣнокъ проволоками, что́ и исполнилъ. По обыкновенiю своему—посидѣть въ излюбленномъ уголкѣ, такъ какъ могила Любаньки стала для меня тоже излюбленнымъ уголкомъ, я захотѣлъ присѣсть, съ тѣмъ, чтобы закурить папиросу. Куда, на что̀ присѣсть? Осматриваюсь и замѣчаю скамеечку, довольно старенькую, покосившуюся, а подлѣ нея совсѣмъ свѣжую насыпь съ новымъ, видимо только-что поставленнымъ крестомъ. Я пробрался къ скамеечкѣ, сѣлъ на нее, поднялъ глаза на новый крестъ и мгновенно прочелъ: «Иванъ Васильевичъ Непороевъ, отставной полковникъ, скончался 27 iюля 1878 года».

Я, словно ударенный электричествомъ, поднялся съ мѣ-

ста. Въ двухъ-трехъ шагахъ отъ меня ясно виднѣлось имя «Любанька».

«Чтò это?—думалось мнѣ.—Насмѣшка! случай! Выраженіе чьей-либо воли? И вѣдь этотъ человѣкъ умеръ всего четыре, пять недѣль тому назадъ, передъ моимъ случайнымъ приходомъ. И почему же здѣсь? Пожалуй, тоже сумасшедшій? Кому нужно было это внушительное сопоставленіе жертвы и палача—и при чемъ тутъ именно я?»

Обуреваемый самыми противорѣчивыми мыслями и стоя неподвижно передъ лицомъ двухъ могилъ, я, поводя глазами, не замедлилъ увидѣть сторожа, который, выслѣдивъ меня, остановился въ почтительномъ отдаленіи. Я подозвалъ его къ себѣ.

— Скажи, пожалуйста,—спросилъ я его,—эта вотъ новая могилка, это похороненъ кто-либо изъ больничныхъ? сумасшедшій?

— Точно такъ-съ.

— А ты не знаешь ли: долго ли онъ въ больницѣ былъ?

— Говорили-съ, что очень долго; сѣдой такой, старый.

— А вотъ къ этому памятнику, — спросилъ я, — на который я вѣнокъ повѣсилъ, ходитъ кто-нибудь?

— Никого-съ не видали, только онъ у насъ въ присмотрѣ, чистимъ.

— Но почему же? Развѣ кто платитъ за это?

— Должно-быть, въ церковь внесли. Который уже годъ чистимъ.

Я далъ сторожу рублевую бумажку. Оставаться подлѣ Любаньки въ его присутствіи мнѣ не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что мѣсто это сразу стало для меня однимъ изъ любимыхъ уголковъ и должно было подлежать посѣщеніямъ, чтò я дѣлаю иногда и теперь, правда, не часто, но все-таки дѣлаю.

Странно и необъяснимо мнѣ слѣдующее: почему удержался я отъ того, чтобы мнѣ тогда же не пойти къ начальству печальнаго дома, въ которомъ умерли Любанька и Непороевъ? Положимъ, о Любанькѣ, за давностью ея смерти, вѣроятно, всѣ свѣдѣнія исчезли, но Непороевъ только-что умеръ, его, несомнѣнно, всѣ знали и могли бы сообщить о немъ кое-что.

Я думаю, что меня удержало какое-то чувство гадливости; такъ оно и остается во мнѣ до сихъ поръ.

СТАРЫЕ ЧАСЫ.

Графъ Өедоръ Васильевичъ Баинъ жилъ на набережной Фонтанки, нанимая квартиру въ домѣ, еще недавно принадлежавшемъ его матери; теперь домъ этотъ принадлежитъ Семену Өедуловичу Пезухину, очень богатому коммерціи совѣтнику и кавалеру.

Былъ десятый часъ утра въ началѣ.

Въ кабинетѣ графа бесѣдовали два лица: Екимъ, камердинеръ его, человѣкъ очень пожилой, и управляющій домомъ, молодой человѣкъ, съ богатѣйшею растительностью, словно парикъ, на головѣ, одинъ изъ служащихъ въ конторѣ Пезухина. Екимъ былъ вооруженъ метелкою и салфеткою; у управляющаго была въ рукахъ шляпа, а подъ мышкою—портфель.

Оба они, такъ сказать, терялись въ громадности кабинета, при входѣ въ который бросалась въ глаза, прежде всего, его величина, а затѣмъ три предмета: тяжелый, массивный, подѣленный ящиками, дубовый потолокъ, висѣвшій надъ кабинетомъ какою-то средневѣковою сѣнью; громадный готическій каминъ, въ которомъ можно было бы зажарить на вертелѣ цѣлаго теленка, и, наконецъ, превосходные гобелены, съ миөологическими изображеніями, обтягивавшіе

кругомъ всѣ стѣны, не доходя до полу аршина на два; весь низъ стѣнъ былъ обложенъ превосходными, темными голландскими изразцами.

Мебель, картины, бронза, книги, безделушки — все это было подобрано подъ-стать богато задуманному и мастерски исполненному кабинету; значительно потерты и истоптаны были ковры, покрывавшіе полъ его; по нимъ бѣлѣли двѣ дорожки—несомнѣнные слѣды того, что когда-то, кто-то очень много ходилъ здѣсь по двумъ направленіямъ.

— Такъ вотъ, изволите ли видѣть, господинъ управляющій,—говорилъ Екимъ, помахивая метелкою по письменному столу:—мы опять въ нашъ старый домъ вернулись! Повышеніе получили: изъ хозяевъ въ жильцы попали!

— Что же? Это нынче дѣло довольно обыкновенное.

— Обыкновенное! — процѣдилъ, иронически ухмыляясь, Екимъ.

— Принадлежалъ барскій домъ графамъ Баинымъ, издавна принадлежалъ, а теперь Семену Ѳедуловичу Пезухину принадлежитъ. Больше ничего,—отвѣтилъ управляющій.

— Точно ли принадлежитъ? Больше ничего, развѣ, что принадлежитъ!—возразилъ Екимъ.

Онъ остановился, положилъ салфетку на столъ, сунулъ метелку подъ мышку, разставилъ ноги и закачалъ головою.

— Да вѣдь тутъ, — продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья, озираясь: — тутъ въ домѣ, господинъ управляющій, императоры бывали-съ! Кутузовъ тутъ одно время жилъ! Однихъ посланниковъ тутъ сколько гащивало! А придворныхъ дамъ, да министровъ!

— Да вѣдь вашъ графъ самъ, а не кто другой, его продалъ,—замѣтилъ управляющій.

— Сами продали, точно, не кто другой, а вотъ теперь свой собственный домъ и нанимаютъ, тоже сами нанимаютъ.

Екимъ снова принялся за работу, а управляющій со-

общилъ ему, что такія продажи и уничтоженія состояній—дѣло житейское; что вотъ на Невскомъ, напримѣръ, недалеко отъ средины его, милліонный купеческій домъ стоитъ, тоже извѣстную фамилію носитъ, а единственный наслѣдникъ рода по два рубля въ день отъ опекуновъ получаетъ, да по ночамъ съ дворниками у воротъ очищенную пьетъ.

— То купцы-съ,—возразилъ Екимъ:—а мы совсѣмъ иное! Вѣдь гербы-то наши по угламъ, вонъ, да на мебели остались, вѣдь они остались, смотрятъ!..

Екимъ, а за нимъ управляющій окинули глазами кабинетъ, по которому, начиная отъ верхушки камина, по угламъ потолка и на всей мебели виднѣлись рѣзные по дубовому дереву графскіе гербы.

— Мы вашихъ гербовъ и не трогаемъ,—отвѣтилъ управляющій.—Семенъ Ѳедуловичъ не бородачъ какой-нибудь; его отъ графа, если по виду судить, и не отличишь. Что̀ же, что безъ титула.

— Одно слово — не графъ, — замѣтилъ Екимъ: — какой онъ тамъ ни на есть, а все сѣрый человѣкъ! Ему, вотъ, эти портреты ничего не сто̀ятъ, рамки на нихъ старыя; а въ портретахъ этихъ, господинъ управляющій, цѣлый сказъ семейный лежитъ, вотъ что̀!

— Ну, портреты тоже дѣло почтенное; мы и ихъ со стѣны не снимаемъ, пусть глядятъ.

— А лучше было бы снять, ей-Богу,—отвѣтилъ Екимъ:—глазъ бы не мозолили! Вотъ этого генерала, — объяснилъ онъ, подойдя къ одному изъ портретовъ, на которомъ особенно ярко проступали длинныя бѣлыя бакенбарды и зеленая лента персидскаго «Льва и Солнца», и глядя на него: — я малюсенькій былъ, живымъ его помню, трубку ему, бывало, подносилъ, какъ изъ дворца наѣзжалъ... А эти, вотъ, часы надъ каминомъ,—замѣтилъ Екимъ, подойдя къ

нимъ и глядя наверхъ: — въ часахъ у насъ, господинъ управляющій, цѣлая исторія существуетъ!..

— Да это вовсе не часы,—отвѣтилъ управляющій.—Это циферблатъ какой-то, а на немъ стрѣлки утверждены, чтобы имъ во вѣки не двигаться и три четверти пятаго навсегда показывать.

— Это они,—объяснилъ Екимъ:—правда ваша, три четверти пятаго утра навѣки-вѣковъ показываютъ... потому что должны показывать. Были тутъ часы-съ, были настоящіе, да только до того утра и шли на своемъ мѣстѣ... Въ самую, видите ли, послѣднюю минуту, какъ графъ Өедоръ Васильевичъ холостымъ были, т.-е. передъ самою передъ свадьбою, мы у себя здѣсь мальчишникъ устроили. Наѣхали эти, помню, къ намъ француженки...

— Къ жениху-то, передъ свадьбою? — перебилъ управляющій.

— Ихъ, это, въ мужскихъ костюмахъ привезли; иначе въ домъ входить нельзя было: матушка-графиня не позволили бы. Окромя меня, никто изъ своихъ людей въ ту ночь въ кабинетѣ не служилъ, все татаръ отъ ресторановъ набрали... повара, это, какого-то, имя я забылъ, на этотъ на самый вечеръ изъ Москвы почему-то выписали. И пошла у насъ, господинъ управляющій, потѣха; и чего-чего ужъ не было: и карты, и пѣсни, и пляски; а ѣда, да питье со столовъ не сходили.

Двое слишкомъ сутокъ мы этакимъ образомъ пировали; кто спать хотѣлъ—спать уходилъ; сначала, это, они ѣли, пили, плясали, пѣсни пѣли, потомъ уже, подвыпивши, только рычали. Это они всегда рычатъ, когда сознанье потеряютъ! Ну, на третьи сутки, въ три четверти пятаго, — кончили... по домамъ, по распоряженію матушки-графини, развезли...

— А часы, значитъ, на память остановили?

— Точно-съ! Самъ графъ приказали ихъ остановить.

Настоящіе-то часы, бой у нихъ такой звонкій, заунывный, хорошій былъ, въ им'ѣніе теперь, въ майоратъ, свезли и въ церковь, надъ входомъ въ графскій склепъ, пов'ѣсили, тамъ ли они теперь—не знаю, а сюда вотъ эту чучелу, въ вид'ѣ часовъ, заказали... Да-съ, господинъ управляющій, тутъ, въ этомъ дом'ѣ, у всякой вещи свой сказъ есть,—продолжалъ Екимъ, видимо разболтавшійся.—Да вотъ, извольте взглянуть, коли на то пошло...

Екимъ подвелъ управляющаго къ довольно маленькой ветхой картин'ѣ итальянской школы, съ изображеніемъ святыхъ женъ, въ очень старой грузной рам'ѣ.

— Это, изволите ли вид'ѣть,—говоритъ онъ ему: — картина духовная?

— Ну, да!

— А тутъ, если только кто чего не испортилъ, машинка есть—другая совс'ѣмъ картинка будетъ.

Екимъ медленно вскарабкался на стулъ, пошарилъ гд'ѣ-то за картинкою рукою, что-то быстро щелкнуло, наружная картина на шарнирахъ отдѣлилась отъ второй, внутренней рамы, повисла, духовныя жены скрылись, и глазамъ удивленнаго управляющаго предстала очень большая фотографія съ изображеніемъ четырехъ поваровъ: главный сид'ѣлъ, остальные за нимъ стояли.

— Что это?—невольно проговорилъ онъ.

— Это-съ? Это повара тѣхъ двух'ъ послѣднихъ сутокъ, о которыхъ я говорилъ вамъ, а это, вотъ, самъ французъ изъ Москвы! Такія фотографіи всѣмъ собесѣдникамъ роздали, можетъ, еще когда встр'ѣтите в'ъ другомъ мѣстѣ, такъ вспомните!

Улыбавшіяся физіономіи поваровъ въ бѣлыхъ шапкахъ и курткахъ явились на см'ѣну святыхъ женъ въ этомъ строгомъ, молчаливомъ кабинетѣ съ такою неожиданностью и глядѣли изъ дубовой рѣзной рамки съ такимъ нахаль-

ствомъ, что въ управляющемъ, отчасти разжалобленномъ всѣми сообщеніями Екима, проснулось чувство какого-то глубокаго, искренняго сожалѣнія. Это чувство было совершенно безлично, безымянно; оно направлялось по адресу не къ тому или другому человѣку, а къ какому-то недалекому былому, о которомъ управляющій, какъ молодой еще человѣкъ, могъ только слышать...

— А что же обѣ графини, матушка и невѣста?—проговорилъ онъ громко, вслѣдъ за молчаливо совершившимся въ немъ процессомъ мышленія, послѣднимъ выводомъ котораго былъ этотъ вопросъ. Управляющій слѣдилъ за тѣмъ, какъ поднималъ Екимъ откинувшуюся на шарнирахъ раму и пряталъ поваровъ въ бѣлыхъ шапкахъ подъ женъ-мvроносицъ, занявшихъ снова свое почетное мѣсто.

— Да что̀ графини! извѣстно что̀...

— Знали онѣ объ этомъ циферблатѣ часовъ и о томъ, что̀ онъ обозначаетъ?

— Зачѣмъ имъ было знать? Въ этотъ самый часъ, изволите ли видѣть, у графа ихъ батюшка померли, такъ имъ и объяснили, что это, молъ, память объ отцѣ.

— Ага!.. ну, а какою же была ваша графиня, передъ свадьбой которой этотъ чудной дѣвишникъ справляли?

— Покойница-то? жена? хорошая была она, да не жильцомъ родилась... ей во всю жизнь ея только одно разрушеніе видѣть и довелось... всю жизнь, это, она разрушалась! И все вокругъ ихъ тоже разрушалось, прахомъ шло...

— Что̀ же! Развѣ графъ въ карты играть любилъ?

— Нѣтъ, не играли...

— Пилъ?

— Нѣтъ-съ.

— Такъ какъ же это все состояніе разрушилось?

— Женщина тутъ одна замѣшалась. Не будь ея, такъ мы бы, пожалуй, и по сіе время тутъ хозяевами были...

Вотъ если бы ее къ намъ въ деревню, какъ мы еще крѣпостными были, прислали, такъ карачунъ бы ей скоро былъ... О Жаннѣ-наѣздницѣ слыхали?

— Нѣтъ, что-то не помню.

— Въ циркѣ онѣ были; у Александринскаго театра тогда онъ стоялъ... ну, обвела графа, совсѣмъ обвела... Графиня почитай что отъ нея и зачахла.

— Вотъ оно что!—отвѣтилъ управляющій.

— Да тутъ тоже и ихъ изображеніе въ кабинетѣ имѣется, — продолжалъ совсѣмъ расходившійся Екимъ. — Изволите ли видѣть: вотъ оно!

Говоря это, старый камердинеръ увѣренно и быстро направился къ этажеркѣ, на трехъ высокихъ полкахъ которой стояли небольшія бронзовыя фигурки. Онъ снялъ съ верхней полки женскую ножку въ натуральную величину и поднесъ ее управляющему.

— Вотъ она-съ, наша сокрушительница,—проговорилъ онъ.

Управляющій взялъ въ руки поданную ему массивную бронзу.

— Съ натуры, должно-быть, отлита?—сказалъ онъ, любуясь несомнѣнно прелестнымъ образцомъ одной изъ чудныхъ и красивѣйшихъ женскихъ ножекъ.

— Точно такъ, и это помнимъ! Какъ отливали, что̀ было при этомъ-съ...

Совсѣмъ холодный, тяжелый металлъ сообщилъ свой холодъ управляющему. Неужели,—думалъ онъ,—изъ-за той женщины, которой эта ножка принадлежала, которой она была одной изъ оконечностей, захилѣлъ цѣлый родъ, погибла семья, уничтожилось состояніе? Чѣмъ окупилось все это? Что̀ за безтолочь? И, не давъ себѣ отвѣта на вопросъ, мышленіе управляющаго, перескочивъ черезъ длинный рядъ всякихъ посылокъ, остановилось на одномъ вопросѣ, который онъ и задалъ Екиму:

— Ну, а скажите мнѣ, пожалуйста,—быстро произнесъ онъ:—зачѣмъ же такія дорогія для графа вещи, не имѣющія для другого никакого значенія, никакой цѣны, тоже были проданы вмѣстѣ съ другими? Почему же ихъ не взяли? Вѣдь на это никакого запрета быть не могло; стоило сказать одно слово, и конечно Семенъ Ѳедуловичъ ничего бы противъ изъятія подобныхъ вещей изъ инвентаря не имѣлъ.

— А вотъ объ этомъ и я, господинъ управляющій, не разъ уже думалъ.

— Ну?

— Да, какъ вамъ сказать... стыдно, то-есть, сказать... одно слово крушеніе, полное крушеніе... Душой захудали-съ... душа-то у нихъ вся вышла; къ счастью, что Богъ дѣтей не далъ... Пора была старому роду зачахнуть...

Сказавъ это, Екимъ такъ усердно замахалъ рукою, что ясно проявилъ свою нервность.

— А уже вы, батюшка, — сказалъ онъ вдогонку къ только сказаннымъ словамъ:—мои дурацкія слова забудьте, потому что дурацкія они. Ну, да сорвалось—нечего дѣлать.

Глаза висѣвшихъ на стѣнахъ портретовъ несомнѣнно заморгали: Екимъ плакалъ. Молча взялъ онъ у управляющаго изъ рукъ бронзовую ножку, поставилъ на мѣсто и, вооружившись салфеткою и метелкою, продолжалъ прибирать кабинетъ.

Часы на стѣнѣ продолжали стоять все на тѣхъ же трехъ четвертяхъ пятаго, какъ будто все, только-что имѣвшее мѣсто, совершилось въ какомъ-то безвременьи разговора и всѣхъ его откровеній. Екима какъ-будто не было и онъ ничего не говорилъ, а управляющій какъ-будто ничего не слыхалъ.

Прошло двадцать пять лѣтъ.

Не было больше въ живыхъ графа Ѳедора Васильевича,

не было Пезухина и не существовалъ также Екимъ-камердинеръ. Оставался въ живыхъ одинъ только управляющій. Но уже не подъ этимъ блѣднымъ, нарицательнымъ именемъ былъ онъ извѣстенъ въ бывшемъ графскомъ домѣ, а подъ именемъ Степана Степановича Рахилева, собственника этого дома и богатаго поставщика всякихъ холстовъ, клеенокъ и проч. на армію.

Оставался, кромѣ того, и кабинетъ, но въ какомъ видѣ! О гобеленахъ, часахъ, картинахъ, бронзахъ, мебели, портретахъ не было и помина. Мрачно темнѣли попрежнему изразцы по низу стѣнъ, потолокъ, грандіозный каминъ; молчаливо глядѣли изъ закоптѣлыхъ угловъ потолка и съ верхушки камина графскіе гербы; не во всѣхъ углахъ, однако, уцѣлѣли они: въ одномъ изъ нихъ, противоположномъ окнамъ, сдѣланъ былъ вырѣзъ, почти на половину его величины, для помѣщенія огромнаго вентилятора.

Удивительную картину представлялъ этотъ почтенный когда-то кабинетъ, преображенный въ торговую контору. Что̀ за судорожная, нервная жизнь кипѣла въ немъ по буднямъ, какъ бы наверстывая тѣ далекіе дни, когда, тоже по цѣлымъ днямъ, царила въ немъ полнѣйшая тишина.

Вентиляторъ, постоянно открытый, въ центрѣ котораго трепетно моргалъ газовый рожокъ, былъ совершенно необходимъ въ этомъ кабинетѣ, уставленномъ столами и полномъ всякаго полугрязнаго, писарского народа—мужчинъ и женщинъ. Несмотря на вышину кабинета и его размѣры, воздухъ въ немъ былъ затхлъ и пыленъ и казался еще пыльнѣе вслѣдствіе того, что громадныя окна его, Богъ вѣсть сколько времени, оставались немытыми. Во всѣхъ углахъ, подъ подоконниками, на столахъ и скамьяхъ валялись какіе-то тюки съ буквами и номерами; по стѣнамъ, на крючкахъ, висѣли связки образчиковъ всякихъ холстовъ и клеенокъ. Отъ дверей къ дверямъ то и дѣло

проходили какіе-то пестрые люди, не потрудившіеся снять верхняго платья; они останавливались у того или другого стола, говорили или шептались съ тѣмъ или другимъ изъ конторщиковъ, обмѣнивались словами другъ съ другомъ и уходили.

Столовъ съ чернильницами, грязныхъ столовъ, полныхъ чернильныхъ пятенъ и всякихъ порѣзовъ ножами, разставленныхъ въ два ряда по кабинету, было очень много; за ними сидѣли мужчины и женщины и дѣятельно строчили; они отрывались отъ работы только приходившими съ вопросами или вставали сами, нуждаясь въ какой-либо справкѣ и отправляясь къ длиннымъ шкапамъ. Въ углу, противоположномъ тому, въ которомъ уничтожена была половина герба для вентилятора, стоялъ телефонный шкапъ. Телефонъ слышался очень часто. Поминутно являлись почтальоны и сдавали корреспонденцію и телеграммы. Появлялись и крючники съ тюками на плечахъ.

— Сняли копію, Ѳедоръ Петровичъ?—кричалъ отъ одного изъ столовъ по направленію къ другому какой-то старичокъ въ синемъ пиджакѣ.

— Это не у меня-съ, это у Глафиры Петровны,—отвѣтила съ ближняго стола какая-то лысая голова, высунувшись на тонкой шеѣ.

Глафира Петровна тоже подняла свою стриженую голову надъ однимъ изъ дальнихъ столовъ и, вмѣсто отвѣта, вздернула высоко надъ головою какой-то листъ бумаги.

— Ага! ладно!—отвѣтилъ старичокъ въ синемъ пиджакѣ.

— Пожалуйте къ телефону, васъ зовутъ,—проговорилъ скороговоркою артельщикъ, подойдя къ блѣдному, съ длинными волосами, юношѣ, считавшему на счетахъ.

— Меня?

— Точно такъ-съ.

Блѣдный юноша съ трудомъ приподнялся и поплелся,

ковыляя болѣе короткою правою ногою, къ телефонному шкапу.

— Гдѣ образцы № 10? эй, вы!—рявкнулъ ему навстрѣчу рослый парень, должно-быть, изъ унтеръ-офицеровъ.

— Какіе образцы?—спросилъ озадаченный и испуганный блѣдный юноша.—Это не мое дѣло.

— Какъ не ваше?

— Да, не мое; со вчерашняго дня Аннѣ Христофоровнѣ передано.

Анна Христофоровна, съ пенснэ на носу, въ лѣтахъ, услыхавъ свое имя за нѣсколько столовъ, откликнулась.

— Въ кладовой образцы! Кому ихъ надо?—отвѣтила она.

— Самъ Степанъ Степановичъ требуетъ.

Въ это самое время изъ среднихъ дверей, остававшихся все время закрытыми, вышелъ самъ Степанъ Степановичъ, бывшій управляющій, а нынѣ собственникъ дома.

Неузнаваемъ былъ бывшій управляющій. Ни одного волоса не оставалось на его головѣ, сплошь покрытой когда-то богатою растительностью. Сильно ожирѣвшій, обрюзглый, онъ съ трудомъ переступалъ съ ноги на ногу и страдалъ одышкою. Не менѣе, чѣмъ графскій кабинетъ, преобразился онъ и, конечно, не къ своей выгодѣ.

Появленіе его въ конторѣ вызвало нѣкоторое замѣшательство, такъ какъ выходы его были непривычны; разговоры прекратились, стало потише въ этой рыночной сутолокѣ. Двое артельщиковъ, во исполненіе приказанія, ринулись въ кладовую...

— Болваны! Михрютки!—крикнулъ имъ почему-то вслѣдъ Степанъ Степановичъ...

Да, сиживали въ этомъ кабинетѣ и фельдмаршалы, и посланники, и министры, и придворные, и справляли тутъ когда-то бывшіе хозяева безумный мальчишникъ. Прахомъ

пошло все.—все, кромѣ тѣхъ часовъ, однако, бой которыхъ былъ такой звонкій, заунывный, хорошій и которые свезены были въ деревню, въ церковь, и висятъ тамъ и позваниваютъ надъ склепомъ погасшаго рода графовъ Баиныхъ и по сей день.

Продолжаютъ также свое странное, комическое существованіе и тѣ часы, которые ихъ замѣнили и постоянно показывали три четверти пятаго. Долгое время оставались они въ лавкѣ хламовщика на Апраксиномъ рынкѣ, а въ настоящее время красуются въ коллекціи курьезовъ одного любителя. Любитель сумѣлъ и въ этомъ найти великое мастерство, придать имъ смыслъ и цѣнность: онъ назвалъ ихъ часами польскаго происхожденія, обозначающими, яко бы, часъ смерти котораго-то изъ великолѣпныхъ польскихъ королей.

ПОЛУСКАЗКА.

I.

— Знали ли вы Мэри?

— Какую Мэри?

— Ахъ, Боже мой, неужели вы не знаете, не слыхали, не встрѣчали? Мэри Балегако.

— Итальянка?

— Нѣтъ, чистокровная русская, изъ Пензенской губерніи.

— Я ее не знаю... не слыхалъ.

— Ну, такъ видите ли: ее послѣзавтра хоронятъ; умерла нá восемнадцатомъ году; красавица замѣчательная, умница и богата. Это, чтò называется, смерть невпопадъ.

Такъ разговаривали двое старыхъ знакомыхъ—Колѐнко и Писѐнко,—случайно встрѣтившись въ саду, въ обѣденный часъ, у Донона. Лѣто стояло жаркое, и тѣнистый садъ, хотя и душный, благодаря заборамъ, его окружающимъ, бывалъ, обыкновенно, въ седьмомъ часу вечера полонъ обѣдающихъ; между ними виднѣлось много высшихъ чиновъ изъ нашей министерской администраціи, достаточное количество представителей биржи, нѣсколько военныхъ изъ красносельскаго лагеря и тѣ господа «ни то, ни сё», которые имѣются на-лицо вездѣ и всегда, во всякомъ рѣши-

тельно обществѣ. Есть таковые въ наибогатѣйшихъ и представительнѣйшихъ салонахъ, есть они и въ маленькихъ кабачкахъ подлѣ Сѣнной. Совершенно то же, что въ мірѣ растительномъ обозначается словомъ «дерево», а не какою-либо породою: кленъ, дубъ, сосна и пр.,—являютъ изъ себя эти господа «ни то, ни сё», попросту люди, человѣки, хорошими представителями которыхъ являлись Колѐнко и Писѐнко.

Оба они пришли къ Донону въ расчетѣ быть приглашенными кѣмъ-либо къ обѣду, но ошиблись, и тогда-то именно, послѣ обхода всѣхъ столовъ и заглядываній въ павильоны, пришлось имъ занять свой особый столъ и заказать себѣ свой обѣдъ. У подобныхъ людей имѣется удивительное чутье на то, чтобы, на основаніи пословицы: «рыбакъ рыбака видитъ издалека», знать, что на этотъ разъ каждому придется заплатить за свой обѣдъ самостоятельно. Это было непріятно.

Разговоръ о Мэри продолжался.

— А чѣмъ же она умерла, ваша Мэри?—спросилъ Колѐнко, произнося эти слова съ полною увѣренностью въ томъ, что говоритъ по-русски совершенно правильно.

— Она сдѣлалась больна очень не долго,—отвѣтилъ Писѐнко, совершенно съ тою же увѣренностью, будто отвѣтилъ по-русски тоже правильно.

Понятно, что слѣдовало сказать: «отъ чего она умерла», а не «чѣмъ»; надо было сказать: «чѣмъ она заболѣла», а не «чѣмъ сдѣлалась больна».

— Это страмъ, наши доктора!—продолжалъ Колѐнко, сдѣлавъ еще одну не менѣе крупную, самую заурядную у насъ, ошибку. снабдивъ слово «срамъ» совершенно непригодною ему буквою «т».

— Говорятъ, будто она шла по улицѣ, подскользнулась,

упала, какая-то у нея связка въ желудочной части порвалась, совершилось воспаленіе чего-то,—ну, и смерть.

Ни Писе́нко, сказавшій слово «подскользнулась», ни Коле́нко, его слушавшій, не замѣтили, конечно, что въ слово «поскользнулась» совершенно незаконно втерлась буква «д»; но зато оба они отлично умѣли дѣлать замѣчанія какъ татарину, подававшему кушанья, такъ и по адресу Донона, тогда еще жившаго и появлявшагося въ «саду» въ поварскомъ одѣяніи безукоризненной чистоты и такомъ же сильно накрахмаленномъ бѣломъ bonnet.

— Да ты, братецъ,—говорилъ Писе́нко, обращаясь къ татарину:—повидимому, подавать не умѣешь: я вотъ, закусывая, бралъ масло своимъ ножомъ, а вилкой я ничего не бралъ, и она совсѣмъ чистая, а ты мнѣ вдругъ еще ножикъ и еще вилку кладешь! Да вѣдь это, если такъ за всякимъ блюдомъ будетъ, мы торговлю ножами и вилками заведемъ, а на столѣ подъ вилками скатерти не будетъ видно.

— Да, ужъ надо отдать справедливость насчетъ сервировки,—добавилъ Коле́нко:—совсѣмъ, совсѣмъ разучились.

Татаринъ продолжалъ хладнокровно исполнять свою обязанность и подавалъ вполнѣ исправно, вовсе не обративъ вниманія на сдѣланное ему замѣчаніе.

— А кто же этотъ Балегако,—спросилъ Коле́нко:—отецъ умершей Мэри?

— Какъ! и отца не знаете?! А еще въ газетахъ пописываете! Это одинъ изъ богатѣйшихъ маклеровъ нашихъ; говорятъ, родственникъ, хотя и дальній, знаменитаго американскаго Вандербильда; кромѣ того, онъ главный агентъ въ Петербургѣ по волосному дѣлу.

Писе́нко былъ правъ: Коле́нко пописывалъ въ газетахъ и состоялъ репортеромъ въ нѣсколькихъ изъ нихъ. Всякіе разспросы служили ему службу, потому что нерѣдко обращались въ строки, т. е. въ деньги, и чужія слова давали

ему пятачки. Завтрашнія похороны, повидимому, могли дать ему кое-что.

— Рыжій такой?—спросилъ Колéнко, продолжая разговоръ.

— Ну, да, да!—отвѣтилъ Писéнко, видимо разсердившись, и, положивъ подлѣ своей тарелки, съ обѣихъ ея сторонъ, ножъ и вилку, велѣлъ татарину позвать Донона.

— Это чортъ знаетъ, чтò такое,—договорилъ онъ, въ объясненіе своего требованія:—подавать консервированный горошекъ, когда свѣжимъ горошкомъ уже давнымъ-давно въ бочаговскихъ трактирахъ обѣдаютъ!—Онъ воздержался отъ дальнѣйшаго, ибо Дононъ, самолично, словно изъ земли выросъ и появился изъ-за дерева.

— Messieurs?—привѣтливо спросилъ онъ, со своею обычною добродушною улыбкою.

— Ecoutes, cher monsieur Donon,—началъ Писéнко—и пошелъ, и пошелъ:—«и тогда вотъ, и такъ вотъ, и поэтому, и какъ это, и зачѣмъ», и т. д....

Дононъ объяснилъ, что консервированнаго горошка въ іюнѣ мѣсяцѣ и за деньги не достанешь, но что онъ очень извиняется за то, что, можетъ-быть, поваръ не доглядѣлъ, и что если господамъ угодно, то онъ имъ что-либо другое подать велитъ. При этомъ онъ взглянулъ на двухъ татаръ, безмолвно стоявшихъ подлѣ, какимъ-то особеннымъ, видимо условленнымъ взглядомъ, и тарелка съ горошкомъ немедленно исчезла со стола.

Согласно требованію, была подана спаржа; Дононъ отошелъ, и разговоръ опять коснулся Мэри.

— А гдѣ ее хоронятъ?—спросилъ Колéнко.

— На Новодѣвичьемъ, послѣзавтра, утромъ.

— А вы поѣдете?

— Непремѣнно,—отвѣтилъ Писéнко:—вѣдь мы съ отцомъ ея давно знакомы.

II.

Мэри, о которой шла рѣчь въ ресторанѣ Донона, имѣла въ своемъ бытіи чрезвычайно много сказочныхъ элементовъ. Такіе люди встрѣчаются иногда въ жизни и о нихъ слагаются цѣлые сказы. Если эти сказы любопытны и длинны за долгую жизнь человѣка въ лѣтахъ,—это хотя и рѣдко, но не удивительно; но когда они касаются дѣвушки восемнадцати лѣтъ, неожиданно завершившей свое существованіе, то, во всякомъ случаѣ, признать ихъ заурядными нельзя.

Во-первыхъ, родство съ Вандербильдомъ—родство русской барышни съ американскимъ крезомъ—не можетъ не броситься въ глаза, какъ совершенная исключительность. Не менѣе удивительно и все ея кратковременное прошлое. Она родилась ранѣе срока—на седьмомъ мѣсяцѣ, и занесена подъ буквою б* въ нѣкоторыя акушерскія сочиненія, какъ нѣчто вполнѣ удивительное по способу появленія на свѣтъ; подробности эти вполнѣ техническія и дальнѣйшаго толкованія въ разсказѣ не выдерживаютъ. Затѣмъ слѣдовало не менѣе удивительное возрастаніе дѣвочки: довременное появленіе ея на свѣтъ ни малѣйше не отразилось дурными послѣдствіями на всемъ ея организмѣ: уже на десятомъ году жизни Мэри отличалась цвѣтущимъ здоровьемъ и обѣщала сложиться въ первоклассную красавицу, что̀ и было ею исполнено, на диво всѣмъ и на зависть многимъ. Этой зависти имѣлось еще и другое объясненіе: при блестящей красотѣ, Мэри была снабжена удивительно быстрымъ, смѣтливымъ умомъ и нѣсколькими талантами: пѣнія, рисованія, равно какъ и несомнѣнною способностью ко всякимъ механическимъ производствамъ—вышиванью, вязанью и т. п.

Когда Мэри исполнилось пятнадцать лѣтъ, отецъ пода-

рилъ ей три выигрышныхъ билета: перваго, второго и дворянскаго займовъ. Сегодня даритъ онъ ей билетъ, а завтра выигрываетъ она на одинъ изъ нихъ 10,000 руб. Не успѣвъ отнести полученныя деньги въ банкъ, отецъ Мэри кладетъ ихъ къ себѣ въ письменный столъ, но камердинеръ находитъ, что этимъ деньгамъ гораздо лучше въ его карманѣ, чѣмъ въ карманѣ Балегако, и воруетъ ихъ. Поставленная на ноги сыскная полиція, при всемъ желаніи, не можетъ ничего сдѣлать; тогда Мэри садится за гаданіе—она отлично гадала—и опредѣляетъ съ полнѣйшею точностью мѣстонахожденіе своихъ денегъ.

Сыскной чиновникъ, которому указано было это мѣсто, даже обидѣлся словамъ отца Мэри.

— Извините,—отвѣтилъ онъ:—я по этому указанію не пойду.

— Да вѣдь это вамъ не трудно!—возразилъ Балегако.

— Не трудно, конечно... но, знаете ли...

И чиновникъ разсмѣялся.

Вошла Мэри, и чиновникъ, взглянувшій на нее, совершенно опѣшилъ; когда же отецъ объяснилъ ей о нежеланіи чиновника послѣдовать ея указаніямъ, а Мэри кротко улыбнулась и покачала своею прелестною головкою,—чиновникъ окончательно сбился съ панталыку и опустилъ глаза.

— Да вѣдь вамъ не трудно сдѣлать это?—спросила его Мэри.

— Не трудно-съ... точно... только, знаете ли, барышня, это какъ-то очень смѣшно выходитъ: по картамъ!..

— Ну, пожалуйста, ну, для меня, въ видѣ совершеннаго исключенія... Вѣдь вамъ это ничего не стоитъ, ничего?

— Конечно-съ...

— Ну, такъ слушайте: на Васильевскомъ Островѣ, гдѣто подлѣ лютеранскаго кладбища.

— На Смоленскомъ?—спросилъ чиновникъ.

— А тамъ развѣ есть такое?—спросила Мэри.—Я никогда тамъ не бывала!

— Есть, какъ же-съ!

Получивъ самую подробную инструкцію и выполнивъ ее съ точностью, чиновникъ нашелъ деньги. Одно только не удалось ему: схватить похитителя; но Мэри на этотъ предметъ ему указаній не давала.

И, вдругъ, эта-то красавица, эта чуть-ли не сказочная дѣвушка—умерла! Въ большихъ петербургскихъ салонахъ смерть эта, совершенно неожиданная, произвела большое впечатлѣніе. Вѣнковъ было заказано очень много, и такъ какъ на дворѣ стояло лѣто хорошее, теплое, то букеты были совсѣмъ не дороги.

Совершенно понятно, что именно по этой причинѣ рѣшился возложить свой букетъ на гробъ дѣвушки, между прочимъ, и Писéнко, вхожій въ домъ Балегако.

До того, чтобы сдѣлать заказъ, онъ побывалъ въ четырехъ семействахъ и въ каждомъ изъ нихъ, прощаясь, сообщалъ, что онъ ѣдетъ заказывать вѣнокъ на гробъ Мэри и что ему времени терять нельзя.

— Да я, батюшка, васъ и не задерживаю!—сказалъ ему очень почтенный отецъ семейства, которому Писéнко давнымъ-давно надоѣлъ и который знакомствомъ съ нимъ не дорожилъ вовсе.

— Ты можешь его и не задерживать,—отвѣтила хозяйка дома:—но мнѣ-то интересно знать кое-что объ этой пресловутой Мэри. Подождите, подождите еще немного, разскажите что-нибудь. Вѣдь вы у нихъ въ домѣ хорошо были приняты, хорошо знакомы?

— Признаюсь, меня иногда задерживали у нихъ въ домѣ!—отвѣтилъ Писéнко, воспользовавшись поддержкою хозяйки, чтобъ уколоть хозяина.

— Тьфу!—продѣлалъ затѣмъ хозяинъ и удалился.

— Онъ у меня всегда такой!—отвѣтила хозяйка мужу вслѣдъ.—Вотъ что̀: пріѣзжайте къ намъ завтра, послѣ похоронъ, обѣдать.

— Однако...

— Безъ «однако»! Пріѣзжайте, пріѣзжайте! не обращайте вниманія на мужа. Пріѣдете? Кое-что сообщите.

Хозяйка знала, что Писéнко знаетъ все и вся.

— Слушаю-съ!—отвѣтилъ Писéнко.

На завтра онъ былъ обезпеченъ обѣдомъ,—а это имѣло достаточную степень важности.

III.

Вѣнокъ, который Писéнко готовилъ на гробъ Мэри, былъ небезпричинный. На похороны имѣло появиться много народу и въ числѣ самыхъ почетныхъ людей, конечно, нѣкто сенаторъ М*, единственный въ мірѣ человѣкъ, интересовавшійся судьбами Писéнко, во вниманіе къ дружбѣ своей съ его покойнымъ отцомъ. Должна была появиться также и старушка Анна Богдановна Салачева, владѣтельница нѣсколькихъ домовъ; она нуждается въ управляющемъ, и сенаторъ уже говорилъ ей о Писéнко.

Во вниманіе къ сказанному, предстоявшія похороны могли имѣть для него большое значеніе, и недорогой вѣнокъ могъ принести прекрасные проценты: не сто, не двѣсти, а сотни на рубль. Въ пріѣздѣ на похороны сенатора М* Писéнко не сомнѣвался ни малѣйше; сомнѣніе брало его относительно старухи Салачевой. Для того, чтобы не было сомнѣнія, рѣшился онъ побывать у нея наканунѣ похоронъ и сообщить ей, что Мэри хоронятъ завтра въ Новодѣвичьемъ. Сдѣлавъ этотъ визитъ, Писéнко убѣдился, что Салачева о смерти Мэри давно уже знала, и что на похоронахъ она непремѣнно рѣшила быть.

— Вы знаете ли,—сказалъ Писе́нко старухѣ:—что вѣдь Мэри предсказала свою собственную смерть?

— Неужели?

— Да, да! Она осталась до конца вѣрною своимъ особенностямъ; въ ней, дѣйствительно, было что-то чудесное, совсѣмъ не заурядное! Вся ея судьба отдавала сказкою.

— Да, да, да!—подтвердила старуха.—Какъ хотите, но надо сознаться, что въ жизни очень много непостижимаго, тайнаго...

— И есть люди, особенно способные казаться или дѣйствительно быть посредниками между видимымъ и невидимымъ міромъ, какъ, напримѣръ, Мэри.

— Да, да, да!—подтвердила Салачева, потрясывая головою.

— Слѣдовательно, до завтра, многочтимая хозяйка?—проговорилъ Писе́нко, завершая свой визитъ, имѣвшій для него совершенно особенное значеніе.

— Буду, буду,—отвѣтила Салачева:—если только мигрень не хватитъ. А вѣдь вы добрый человѣкъ, добрый,—проговорила она, прощаясь съ Писе́нко.

— Да почему же это-съ?—спросилъ озадаченный Писе́нко.

— На похоронахъ я васъ часто встрѣчаю, часто! И ко мнѣ пріѣдете, когда время настанетъ.

— Что вы, что вы, Богъ съ вами!—отвѣтилъ Писе́нко, жарко прильнувъ къ старушечьей рукѣ, ему протянутой.

— Всѣ подъ Богомъ, всѣ!

— Вамъ еще много лѣтъ жить и здравствовать,—добавилъ Писе́нко:—и добрыхъ людей отъ злыхъ отличать. Этимъ качествомъ очень немногіе отличаются!

Отклеившись, наконецъ, отъ руки Салачевой, Писе́нко хотѣлъ-было двинуться въ дальнѣйшій путь, соображая: гдѣ бы ему съ какою-либо цѣлью побывать, какъ вдругъ Салачева разрѣшила ему всякое сомнѣніе.

— Да вы гдѣ сегодня обѣдаете?—неожиданно спросила она.

— Еще не знаю-съ, — быстро отвѣтилъ Писе́нко: — въ двухъ домахъ я долженъ бы быть, непремѣнно долженъ.

— Ну, если такъ, такъ обѣдайте въ третьемъ—у меня. Я обѣдаю, какъ вы знаете, въ шесть, а къ восьми поѣдемъ вмѣстѣ съ вами на панихиду къ Мэри. Согласны?

— Помилуйте, какъ же-съ!—пробормоталъ Писе́нко и, съ видомъ весьма занятого, дѣлового человѣка, быстро исчезъ.

IV.

Въ домѣ Балегако шли обычныя въ данномъ случаѣ приготовленія къ вечерней, послѣдней, панихидѣ, назначенной въ восемь часовъ; на парадной лѣстницѣ уже собрались пѣвчіе одного изъ гвардейскихъ полковъ въ галунныхъ кафтанахъ. Внимательный наблюдатель могъ бы замѣтить, по количеству церковныхъ сторожей и псаломщиковъ, что духовенства будетъ много; въ двухъ салфеткахъ, связанныхъ узлами, принесли двѣ митры.

Роскошный, въ два свѣта, залъ Балегако былъ неузнаваемъ. Семиаршинныя зеркала и богатыя картины были завѣшены черною матеріею, и унылый свѣтъ восковыхъ свѣчей, шедшій отъ гроба, ни мало не напоминалъ того блеска люстръ и бра, тоже завѣшенныхъ, отъ которыхъ, во время роскошныхъ и частыхъ баловъ, имѣвшихъ мѣсто въ этомъ залѣ, струился обычный ослѣпительный свѣтъ на десятки танцовавшихъ паръ; свѣтъ этотъ умножался тогда отраженіями въ зеркалахъ и въ алебастровыхъ, словно глазированныхъ, стѣнахъ залы. Экзотическія растенія, нерѣдко мѣнявшіяся и уставленныя по угламъ залы и въ нишахъ оконъ, всѣ сошли со своихъ мѣстъ и окружили невысокій катафалкъ, на которомъ, въ бѣломъ глазетовомъ гробѣ, вся въ бѣломъ, лежала Мэри.

Былъ восьмой часъ вечера на исходѣ и время панихиды приближалось. Много экипажей подкатывало къ бога-

тому дому, глядѣвшему своими тремя этажами съ весьма высокаго фундамента въ мутныя струи Фонтанки. Барки съ березовыми дровами, плотно причаленныя къ берегу, рѣзко противорѣчили бѣлыми узорами бересты съ чернымъ сукномъ подъѣзда. Солнце еще вовсе не думало спускаться, и барочные рабочіе, сошедшіеся сюда съ Тихвинки и Великой, глазѣли, поканчивая работу, на нарядныхъ кучеровъ и лакеевъ.

Еще за обѣдомъ, который Писéнко великодушно принялъ отъ Салачевой, выяснилось ему вполнѣ, что старуха была жестоко мнительна, вѣрила во всякія тринадцатыя числа и встрѣчи съ попами и не безъ страха пріѣхала на панихиду.

Когда лакей высадилъ Салачеву изъ коляски, вслѣдъ за нею вышелъ и Писéнко. Онъ вполнѣ сознательно не торопился сойти съ подножки и, вытянувшись на ней во весь свой ростъ, глазѣлъ свысока на людей, какъ будто отыскивая кого-то, какъ будто онъ только по разсѣянности не сходилъ съ подножки, ему совершенно, яко бы, привычной! Ему очень хотѣлось, чтобъ его видѣли сходящимъ съ коляски. На этотъ разъ онъ не ошибся: почти подлѣ самаго подъѣзда замѣтилъ онъ Колéнко, который, въ свою очередь, не могъ не замѣтить и его.

— Ахъ, здравствуйте, здравствуйте!—проговорилъ онъ, соскочивъ на тротуаръ и быстро слѣдуя за Салачевой, какъ будто былъ онъ ей очень нуженъ и безъ него дѣло не могло обойтись.

Несмотря, однако, на быстроту его движеній, Колéнко, которому очень хотѣлось, чтобы сосѣди въ толпѣ видѣли, что онъ здоровается съ колясочнымъ человѣкомъ, успѣлъ-таки схватить его за руку.

— Въ которомъ часу похороны?—быстро спросилъ онъ.

— Ей-Богу не знаю,—отвѣтилъ Писéнко:—кажется, выносъ въ десять... — И, вырвавшись изъ рукопожатій Колéнко, юркнулъ въ подъѣздъ.

Онъ засталъ Салачеву еще снимавшею съ плечъ какую-то черную накидку и помогъ ей. Онъ далъ ей руку, чтобы ввести по лѣстницѣ по черному сукну, ее устилавшему.

— А знаете ли что, Анна Богдановна,—проговорилъ онъ очень тихо и наклоняясь къ ней:—мнѣ почему-то кажется, что умершая Мэри, со всѣмъ ея сказочнымъ прошедшимъ и чудесами, своего рода Панночка у Гоголя: въ ней есть какъ будто немножко чертовщины. Она что-нибудь и мертвая продѣлаетъ!

— Что̀ вы? что̀ вы? Богъ съ вами, — отвѣтила Анна Богдановна, съ неожиданности и съ испуга остановившись посрединѣ лѣстницы.

Писе́нко былъ очень радъ этой остановкѣ, и какъ наклонилъ свою голову къ Салачевой, такъ и оставался стоять неподвижно.

«Пусть, молъ, смотрятъ, — думалось ему, — и видятъ, въ какихъ я хорошихъ отношеніяхъ со старухою».

Близилось восемь.

Войдя въ залъ, Салачева, высвободивъ свою руку отъ Писе́нко, подошла къ какимъ-то знакомымъ и стала шопотомъ говорить съ ними. Писе́нко подошелъ къ гробу и поклонился въ землю. Передъ самымъ тѣмъ, чтобы положить поклонъ, онъ замѣтилъ, что на ступени катафалка клали съ разныхъ сторонъ различные вѣнки.

«Ну, ужъ я своего вѣнка не положилъ бы, — думалъ онъ, склонившись къ землѣ ницъ и хлопая лбомъ въ коверъ, разостланный подъ катафалкомъ:—я это завтра сдѣлаю, повиднѣе какъ-нибудь... А и хорошій же коверъ подъ катафалкъ положенъ, мягкій такой... Вѣдь его весь свѣчами закапаютъ»...

Поднявшись съ земли и творя крестное знаменіе, онъ взглянулъ на покойницу.

Поразительно красива была она. Трепетный свѣтъ отъ

сотни свѣчей, сильно колыхавшихся благодаря движенію подлѣ нихъ многихъ подходившихъ къ гробу людей, игралъ на мертвенно-блѣдныхъ щекахъ и, казалось, пытался оживить, разомкнуть потускнѣвшія губы покойницы. Длинныя, темныя рѣсницы бросали подвижную тѣнь вокругъ впавшихъ глазъ покойницы и вовсе не хотѣли подражать безусловной неподвижности тонко очерченныхъ бровей. Ни одной морщинки не виднѣлось на бѣломраморномъ лбу; выраженіе лица было строго, но не мрачно, и ни малѣйшаго слѣда тѣхъ страданій, которыя обыкновенно предшествуютъ смерти отъ тяжкой болѣзни, не осталось на немъ. Смерть, придя, согнала морщины прочь съ лица этой покойницы и будто сказала имъ: подите, морщины, на другія лица, обезображивайте тѣ, а для этого лица довольно, надо вамъ и мѣру знать. И лицо Мэри чудесно успокоилось.

Невдалекѣ отъ нея, у изголовья, стоялъ отецъ Мэри, богатый маклеръ, своеобразный центръ пестраго, бо̀льшею частью очень хорошаго общества, собравшагося на панихиду по его дочери. Это лицо было тоже невозмутимо, потому что и съ него своевременно, давнымъ-давно исчезли всѣ выраженія чувствительности; потому что и съ него своевременно, еще при жизни, были отогнаны всѣ такія выраженія; потому что вѣчная выкладка процентовъ, паевъ, комиссій, всякіе pro и contra биржевой игры давно уже придали этому биржевому лицу, несомнѣнно когда-то очень красивому, ту безотвѣтственность къ жизни, которая отличаетъ всѣхъ покойниковъ. Къ нему многіе подходили, съ нимъ говорили, и онъ отвѣчалъ на все безъ запинки, какъ ни въ чемъ не бывало.

Писе́нко, только-что видѣвшій оба эти лица, Мэри и ея родителя, конечно, никакой параллели между ними не провелъ, но, быстро поклонившись родителю, прошелъ въ толпу.

«Теперь слишкомъ много вѣнковъ кладутъ, — подумалъ

онъ вторично.—Я положу свой завтра, на похоронахъ: это будетъ замѣтнѣе; да, да, завтра, при сенаторѣ и при Салачевой».

Неожиданно взятый кѣмъ-то подъ локоть, онъ обернулся и увидѣлъ подлѣ себя Колéнко.

— Скажите, пожалуйста, — проговорилъ тихонько Колéнко,—чтó этотъ Балегако: русскій подданный или нѣтъ?

— Право, не знаю,—отвѣтилъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ Писéнко.

— А другія дѣти у него есть?

— Тоже не знаю!.. Чтò же это, писать объ немъ будете?

— Да, немножко!..—Сказавъ это, Колéнко немедленно пробрался къ выходнымъ дверямъ и направился въ редакцію, для того, чтобъ описать панихиду, переименовать бывшихъ на ней, а затѣмъ успѣть поѣхать на Петербургскую сторону, на празднованіе полувѣкового юбилея какого-то учителя. Этотъ вечеръ приносилъ ему двѣ хорошія репортерскія замѣтки.

Въ назначенное время раздался зычный голосъ дьякона, и служеніе у гроба Мэри началось.

«А сенатора почему-то нѣтъ!—подумалъ Писéнко, разглядывая, насколько возможно, лица молившихся, ярко освѣщенныя свѣчами снизу, отъ подбородковъ.—Чтò если его и завтра не будетъ? Вѣдь это, пожалуй, выгоднѣе обойтись безъ вѣнка. Но вѣдь мѣсто управляющаго—дѣло важное, и вотъ, подите, судьба: Мэри должна была умереть, чтобы мнѣ попасть въ управляющіе!.. А красавица была эта Мэри, и богатая невѣста».

Онъ посмотрѣлъ въ лицо покойницы.

Или ему мерещится, или она открыла глаза? Писéнко не сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло, но оно очень скоро объяснилось, потому что устоять ему на мѣстѣ оказалось дѣйствительно невозможнымъ. Его тискали справа, тискали

слѣва, кругомъ раздались какіе-то возгласы... Покойница, несомнѣнно, оживала... Онъ ясно, ясно видѣлъ это; Мэри не только открыла глаза, не только подняла свою руку, но она даже сѣла въ гробу своемъ, причемъ живые цвѣты, окружавшіе ея голову, плечи, руки, грудь, посыпались въ стороны и попа̀дали пзъ гроба на ступени катафалка. Служеніе остановилось. Смятеніе воцарилось общее. Мэри, сидя въ гробу, озиралась. Раздвинулись длинныя рѣсницы чудесныхъ глазъ Мэри, и она, безмолвно и медленно, оглядывала собраніе. Старухѣ Салачевой показалось, что взглядъ этотъ остановился на ней особенно долго, и она упала въ обморокъ. Попа̀дали и другіе.

Первымъ отрезвился отъ внушительности и неожиданности впечатлѣнія самъ Балегако: онъ быстро взошелъ къ дочери по ступенямъ катафалка и поддержалъ ее. Это оказалось вполнѣ своевременнымъ, такъ какъ проснувшаяся отъ летаргіи дѣвушка была настолько слаба, что долго усидѣть въ гробу не могла; она опустилась на руки отца, и глубокій обморокъ мгновенно снизошелъ на нее.

Духовенство, которому ничего не оставалось больше дѣлать, не замедлило какъ-то незамѣтно стушеваться. Зато ко гробу подскочили доктора; ихъ оказалось очень много, несомнѣнно больше, чѣмъ слѣдовало. Пока многіе изъ толпы молчаливо и съ подобающею скромностью торопились уйти и не мѣшать тому, что̀ должно было быть сдѣлано въ этомъ исключительномъ случаѣ, другіе, напротивъ того, совались не въ свое дѣло самыми неумѣстными способами. Къ числу таковыхъ относился, конечно... Писе́нко. Онъ старательнѣе прочихъ бросился отставлять отъ гроба цвѣты, онъ добрался даже до самой Мэри и думалъ-было помочь вынуть ее изъ гроба, но неожиданно и рѣзко былъ остановленъ самимъ Балегако.

— Отойдите, пожалуйста, тутъ не ваше мѣсто!

Писéнко отскочилъ и одновременно съ этимъ у него, почему-то, возникла мысль о вѣнкѣ и всемъ томъ, что̀ было съ нимъ сопряжено, т. е. о цѣлой карьерѣ.

— Чортъ возьми, однако! Вѣдь все это неудачно. Очень нужно было ей вставать, покойницѣ! Лежала бы на мѣстѣ!

Подъ быстрое развитіе этой непріятной, но глубоко-честной мысли Писéнко затерялся въ толпѣ.

Надобно, какъ уже сказано, отдать полную справедливость, что большинство находившихся на панихидѣ оказалось отнюдь не болѣе Писéнко деликатнымъ. Зрѣлище являлось настолько новымъ, рѣдкимъ, неожиданнымъ, что протолкаться людямъ, несшимъ Мэри, вынутую изъ гроба и находившуюся все еще въ обморокѣ, оказывалось дѣломъ нелегкимъ: просто хоть позвать жандармовъ. Имѣлись тутъ на-лицо и такіе, которые хотѣли пробраться во внутренніе покои, вслѣдъ за несомою, но тутъ, какъ и всегда, высказалось въ толпѣ нѣсколько неодобрительныхъ голосовъ.

— Господа, потише!..

— Куда вы, куда?

— Какая татарщина!

— Нахальство!

Мало-по-малу большой траурный залъ опустѣлъ совершенно, и бѣлый глазетовый гробъ, съ полусброшеннымъ съ него, какъ одѣяло, покровомъ, раскинутыми и потоптанными цвѣтами, казался всѣмъ уходившимъ и безмолвно оглядывавшимся на него какою-то не то колыбелью, не то только-что оставленною спящимъ кроватью. Даже изголовье-подушка лежала въ гробу на боку, удивленная совершенно непривычнымъ для нея положеніемъ: ей назначено было на весь ея подземный вѣкъ лежать горизонтально, а тутъ ее взяли, подняли и поставили чуть не на ребро. Долгое время никто не догадывался погасить свѣчи, горѣвшія подлѣ гроба; свѣчи тоже были крайне удивлены

небывалою для нихъ службою: мы призваны освѣщать гробъ съ содержимымъ, а тутъ содержимое—пустота!

V.

На слѣдующее утро въ одной изъ самыхъ крупныхъ петербургскихъ газетъ появилось подробное, даже прочувствованное описаніе панихиды по Мэри. Въ описаніи имѣлись на-лицо и многія лица, и траурные костюмы, и убранство, и даже «уничтоженныя горемъ» черты лица г. Балегако и пр., и пр.

Дѣло въ томъ, что Колéнко, поторопившійся уѣхать съ панихиды на юбилей, напечаталъ о совершившемся съ самою чистою совѣстью и полною увѣренностью въ правдѣ. Когда въ другихъ газетахъ, одновременно съ этимъ, появились свѣдѣнія объ удивительномъ случаѣ пробужденія отъ летаргіи г-жи Б., и Колéнко самъ прочелъ это извѣстіе, первымъ дѣломъ его было почесать затылокъ и почти вслухъ проговорить:

— Ахъ, чортъ возьми, однако! Очень нужно было этой покойницѣ вставать!

Колéнко и Писéнко, какъ два яблочка одного и того же дерева, упали очень недалеко одинъ отъ другого: ощущеніе и выраженіе этихъ ощущеній въ обоихъ оказались тождественными, потому что оба сказали «чортъ возьми», руководимые однимъ и тѣмъ же чувствомъ.

Въ городѣ много и разнообразно говорили о пробужденіи Мэри; сама она, жившая послѣ этого случая довольно долго, не любила говорить о немъ, будто дала она кому-то какое-то обѣщаніе, произнесла страшный зарокъ. Не любилъ говорить о своей несчастной корреспонденціи и Колéнко; но этотъ чудесный репортерскій «орденъ» остался за нимъ навсегда.

ОБЛИКЪ.

Несомнѣнно, что Александръ Ивановичъ Телепневъ былъ человѣкомъ отвратительнымъ.

Но при этомъ прекрасная внѣшность, игривый умъ и большой талантъ: Александръ Ивановичъ, обладая замѣчательнымъ голосомъ, не коснулся нашихъ консерваторій, но, занявшись пѣніемъ въ Италіи въ теченіе трехъ лѣтъ, вернулся въ Россію и «поцѣловалъ», какъ говорятъ французы, сценическую дорогу.

У него былъ отличный баритонъ, а внѣшностью своею онъ отчасти напоминалъ, en beau, нашего Петрова-Сусанина и былъ въ этой роли, какъ и въ нѣсколькихъ другихъ, очень хорошъ.

Ничто и никогда въ жизни не привязывало къ себѣ этого человѣка, и если въ его весьма космополитической совѣсти существовалъ особенно темный уголокъ, такъ это тотъ именно уголокъ, въ которомъ, какъ въ архивѣ безъ каталога, складывались эпопеи отношеній его къ женщинамъ.

Уголокъ этотъ былъ богато снабженъ всѣми болѣе или

менѣе крупными событіями жизни Александра Ивановича. Сложенныя въ него или, лучше сказать, сваленныя въ кучу бытописанія его похожденій, будучи быстро забываемы одно вслѣдъ за другимъ, какъ и всѣ заброшенные уголки архивовъ, если не покрывались пылью и не были затянуты паутиною, такъ исключительно потому, что въ архивъ то и дѣло сваливались новые документы.

Хотя Телепневу минуло сорокъ лѣтъ, но снабженный превосходнымъ здоровьемъ и особенно счастливою организаціею, онъ находился въ полномъ блескѣ своихъ успѣховъ и пользовался ими во всю.

За послѣдніе два года онъ входилъ въ составъ оперной труппы одного изъ нашихъ лучшихъ губернскихъ городовъ. Чуть ли не столица, городъ этотъ былъ и есть настолько многолюденъ и богатъ, что давалъ и даетъ возможность содержать въ немъ двѣ превосходныхъ труппы—драматическую и оперную.

Черты лица Телепнева были извѣстны всему городу, благодаря множеству фотографій его, выставленныхъ во всѣхъ лучшихъ магазинахъ. Въ бранныхъ доспѣхахъ и въ гражданскихъ одѣяніяхъ, Александръ Ивановичъ былъ равно красивъ. Высокій лобъ, прекрасное очертаніе овала лица, темные, снабженные густыми рѣсницами глаза, высокій ростъ и гордая, какъ бы фельдмаршальская осанка прославлялись и почитались городскими дамами.

Дамами... это бы еще ничего; но, къ несчастію, молодыми и неопытными дѣвушками.

Снизошелъ Телепневъ какъ-то къ одной гувернанткѣ.

Отдать себя всю и за это не спросить ничего; полюбить пламенно и безпредѣльно, не спросивъ даже, любятъ ли; расцвѣсти для любви только разъ, единственный разъ, какъ

знаменитое алоэ оазисовъ Африки, или тотъ Мохамедъ изъ Iемена въ извѣстномъ стихотворенiи Гейне, который, полюбивъ, умиралъ,—это было удѣломъ гувернантки.

Отдать отъ всего своего пестраго бытiя только нѣкоторую долю страстности и то на короткое время; не любить вовсе и тяготиться отвѣтною любовью; находиться въ вѣчномъ цвѣтенiи какой-то самовозобновляющейся весны, полной не живыхъ цвѣтовъ и соловьиныхъ трелей, а удивительныхъ искусственныхъ цвѣтовъ, надушенныхъ наркотическими благовонiями, цвѣтовъ, бумажное безсмертiе которыхъ одухотворялось звуками чудеснѣйшихъ и благозвучнѣйшихъ, неизвѣстно гдѣ скрытыхъ музыкальныхъ ящиковъ, — это было удѣломъ Телепнева.

Случилось какъ-то такъ, что для завершенiя спектаклей передъ рождественскимъ постомъ давали въ театрѣ «Жизнь за Царя». Въ началѣ седьмого вечеромъ, кончая обѣдать въ лучшемъ и, дѣйствительно, хорошемъ ресторанѣ города, Телепневъ напомнилъ своему прiятелю Ѳивову, человѣку лѣтъ тридцати, прiятной наружности и сомнительныхъ средствъ существованiя, о заранѣе условленномъ ближайшемъ свиданiи.

— Ты зайдешь за мною къ концу третьяго дѣйствiя, и мы отправимся.

— Да прiѣдетъ ли она?

— Навѣрное.

Дѣло касалось гувернантки, имѣвшей глупость отдаться Телепневу. Онъ, послѣ весьма недолгаго времени, вздумалъ «передать» ее Ѳивову и назначилъ для первыхъ маневровъ въ этомъ направленiи вечеръ того представленiя, на которое онъ шелъ.

Два слова о Петрѣ Петровичѣ Ѳивовѣ. Это былъ своего рода мародеръ. Когда дѣйствующая армiя покорителя жен-

скаго сердца, воплощавшаяся, въ данномъ случаѣ, въ Телепневѣ, праздновала побѣду, добытую не безъ усилій, не безъ хитрыхъ стратегическихъ и тактическихъ пріемовъ, и шла далѣе, къ другой побѣдѣ. Ѳивовъ находился всегда въ тылу этого побѣднаго шествія и неоднократно подбиралъ оставшееся и, надобно сказать правду, не безъ успѣха, иногда довольно быстраго. Стоитъ вспомнить знаменитую сцену въ «Ричардѣ III», гдѣ подлѣ гроба короля Генриха его убійца Глостеръ признается въ любви королевѣ—женѣ убитаго, клянется ей въ любви тутъ же при гробѣ и дѣйствительно успѣваетъ, въ теченіе какихъ-нибудь четверти часа...

«Была ль когда такъ ведена любовь?
Была ль такъ женщина добыта?»—

иронически восклицаетъ, вслѣдъ удаляющейся леди Аннѣ, Глостеръ, только-что зарѣзавшій ея отца и ея мужа и добившійся любви въ четверть часа времени!

Конечно, Ѳивовъ не былъ Глостеромъ, но мародеромъ онъ былъ.

— Такъ, смотри же,—сказалъ ему, готовясь идти въ театръ, Телепневъ:—не опоздай; это будетъ часовъ около десяти съ половиною. Я привезу ее съ собой.

— Ладно.

— Помни, что у нея есть одна слабая сторона, которою можно прилучить ея сердечко.

— Любовь ея къ отцу?

— Да.

— Мы будемъ разговаривать о немъ; я стану дурачить эту любовь, непривѣтно отзовусь о немъ, а ты защити. Понимаешь?

— Еще бы!

— Затѣмъ я поссорюсь и уйду, а дальнѣйшее будетъ въ твоемъ умѣніи.

— Я постараюсь помирить васъ, неправда ли? Предложу свои услуги. Такъ ли?

— О, да, да! Ты понялъ, понялъ!

Пріятели разстались, и Телепневъ направился въ театръ; времени оставалось немного.

Въ роли Сусанина Телепневъ вызывалъ частыя и единодушныя рукоплесканія. Осанистая, чрезвычайно благообразная фигура его, игра хорошей школы, душевно звучавшій голосъ, мастерски обработанный и пускаемый въ ходъ съ замѣчательнымъ умѣніемъ и экономіею силы, многія музыкальныя фразы высокаго художественнаго достоинства и, наконецъ, одна изъ благороднѣйшихъ ролей,—роль костромского старца,—все это не могло не влiять на зрителей и слушателей. Несомнѣнно, что многіе изъ нихъ который уже разъ въ жизни находились подъ обаяніемъ музыки Глинки и передачи Телепневымъ главной роли, исполняемой имъ въ городѣ чуть ли не въ двадцать пятый разъ.

По окончаніи третьяго дѣйствія, Телепневъ направился, согласно условію съ Ѳивовымъ, для совершенія предположеннаго имъ дѣянія.

Много есть бѣдныхъ людей, изыскивающихъ разныя неблаговидныя средства для добычи денегъ, нерѣдко съ наилучшими цѣлями, напримѣръ, для поддержанія своей семьи. Имѣются, напримѣръ, въ большихъ городахъ квартиродержатели, отдающіе комнаты свои для разныхъ болѣе или менѣе незаконныхъ цѣлей; это не трактиръ, не меблированныя комнаты, это частныя квартиры съ нѣкоторыми особенностями меблированныхъ комнатъ. Въ этихъ квартирахъ не рѣдки два хода на улицу, или на улицы; меблировка ихъ часто очень комфортабельна, и въ нихъ имѣется прислуга, хорошо знающая свои обязанности. Находясь въ подобной комнатѣ, посѣтитель слышитъ нерѣдко изъ-за

стѣны дѣтскіе голоса; это именно тѣ дѣти, для которыхъ отецъ или мать пустились въ добываніе денегъ отдачею на часы комнаты въ «семейномъ домѣ». И дѣйствительно: семья эта — солидная, хорошая, оберегаемая и воспитываемая самою любящею родительскою властью, самымъ сердечнымъ вниманіемъ. Въ семьѣ этой (такъ думаютъ, по крайней мѣрѣ, отецъ и мать) дѣти никогда не узнаютъ тщательно скрываемаго ремесла; отецъ, одинъ отецъ беретъ на себя, на свою совѣсть совершаемое имъ, потому что не умирать же съ голоду бѣднымъ его дѣтямъ, не оставлять же безъ медицинской помощи давно больной, неизлѣчимо больной жены. Богъ разсудитъ впослѣдствіи, кто правъ, кто виноватъ въ данномъ случаѣ, но вѣрно то, что такія квартиры существуютъ, и въ одну изъ нихъ пошелъ Телепневъ. На ближайшемъ перекресткѣ ожидала его гувернантка, и они вошли въ таинственную квартиру вдвоемъ. Обстановка была хороша, почти роскошна. Лампа подъ большимъ краснымъ абажуромъ освѣщала комнату со стороны дивана. У другой стѣны стоялъ накрытый къ ужину столъ, и Ѳивовъ суетливо хлопоталъ вокругъ стола, уставленнаго хорошими закусками.

— Го-го-го-го!—воскликнулъ онъ, завидя вошедшихъ.— Что такъ рано?

— Своевременно!—отвѣтилъ Телепневъ и бросилъ на кресло опушенную снѣгомъ бобровую шапку.

— Здравствуйте, Анна Семеновна,—сказалъ Ѳивовъ, отставивъ коробку съ икрой, только-что имъ открытую, и подошелъ къ ручкѣ гувернантки.

Ручки цѣлуютъ обыкновенно у дамъ почтенныхъ, и у тѣхъ дамъ, которыя, подобно Аннѣ Семеновнѣ, въ данномъ случаѣ, никакъ не могутъ считаться почтенными, — это особенно нравится; Ѳивовъ зналъ эту особенность и не замедлилъ выполнить ее.

— Вы не въ духѣ сегодня,—проговорила гувернантка,

обращаясь къ Телепневу и довѣрчиво кладя ему обѣ руки на плечи.

— Будешь тутъ не въ духѣ,—отвѣтилъ онъ довольно рѣзко, снимая съ себя руки гувернантки, какъ обузу, тяготившую его:—твой отецъ, ветеранъ французской службы, мнѣ всю жизнь отравляетъ. Опять письмо получилъ.

Телепневъ завѣдомо лгалъ: никакого письма за послѣднее время онъ не получалъ. Отецъ гувернантки, жившій постоянно въ Парижѣ, прослышавъ какъ-то объ отношеніяхъ своей дочери, дѣйствительно писалъ ему раза два, причемъ сообщалъ Телепневу, что отнюдь не сомнѣвается въ его честныхъ намѣреніяхъ; но на этотъ разъ новаго письма не получалось.

Анна Семеновна молча отошла въ сторону къ зеркалу, тихонько вздохнула и начала оправлять свою прическу.

— А я, дѣйствительно, не знаю,—вмѣшался въ разговоръ Ѳивовъ, начавъ откупоривать бутылку бѣлаго бургонскаго:—зачѣмъ только существуютъ отцы на свѣтѣ?

— Зачѣмъ? — отвѣтилъ Телепневъ. — Конечно, чтобы дурить и вмѣшиваться не въ свое дѣло.

— Однако, ты не правъ, mon cher,—возразилъ Ѳивовъ своему пріятелю, щелкая пробкою.—Отвѣть-ка: кто тутъ болѣе при своемъ дѣлѣ—отецъ или мы съ тобою?

Анна Семеновна повернула голову отъ зеркала въ сторону къ Ѳивову и благодарно взглянула на него, не произнеся ни слова. Телепневъ въ это время вздернулъ плечами и, тоже не говоря ни слова, никого не приглашая къ столу, сѣлъ къ нему и принялся за устрицы.

— Садитесь, Анна Семеновна, садитесь,—быстро проговорилъ Ѳивовъ, придвинувъ стулъ и прося гувернантку сѣсть.

— Благодарю васъ,—отвѣтила она и сѣла.

— Устрицъ не угодно ли?—спросилъ Ѳивовъ.—Икорки?..

Вотъ превосходная вещь, случайно парадирующая у насъ сегодня въ закускѣ: это фритированные псковскіе снѣтки.

— Снѣтки?!—спросила Анна Семеновна, недоумѣвая, и наклонилась къ столу, чтобы посмотрѣть на предлагаемую закуску.

— Да, да, снѣтки,—отвѣтилъ Ѳивовъ.—У меня тамъ, во Псковѣ, братъ есть, военный; при случаѣ онъ посылаетъ; удивительная вещь! Ты пробовалъ, Александръ Ивановичъ?—неожиданно спросилъ онъ Телепнева, уничтожавшаго устрицы.

— Нѣтъ, mon cher,—отвѣтилъ Телепневъ,—да и пробовать не хочу; между снѣтками, вѣроятно, тоже много отцовъ есть, а я отцовъ пожирать избѣгаю—дѣтки заплачутъ.

Грубый, циничный отвѣтъ этотъ покоробилъ Анну Семеновну настолько, что она, только-что взявшись за ножикъ и вилку, бросила ихъ на свою тарелку и откинулась на спинку стула.

— Ты нахалъ!—быстро отвѣтилъ Телепневу Ѳивовъ и, поднявшись съ мѣста, упорно глядѣлъ на него.

— Садись, садись, mon cher!—отвѣтилъ Телепневъ, не поднимая на него глазъ своихъ и продолжая уничтожать устрицы.—Я сначала поѣмъ вдосталь, а потомъ, если хочешь, поговоримъ въ серьезную.

Ничего не отвѣтивъ, Ѳивовъ сѣлъ на свое мѣсто и, покачавъ головою, молча взглянулъ на Анну Семеновну: она была блѣдна какъ смерть и только слегка кивнула ему головою.

Недостойная сцена эта, которую, согласно условію, Телепневъ и Ѳивовъ начали разыгрывать такъ мастерски, имѣла свое продолженіе. Кончилось крупною перебранкою между обоими друзьями: Ѳивовъ мужественно стоялъ за отца Анны Семеновны и вызвался проводить ее домой.

Если бы бѣдная дѣвушка была хотя сколько-нибудь опытна

въ распознаваніи тѣхъ махинацій, одна изъ которыхъ происходила передъ нею и въ которой она была намѣченною жертвою, она, можетъ-быть, и замѣтила бы нѣкоторыя несообразности. Такъ, напримѣръ, она не могла бы не замѣтить, что оба соперника, обмѣниваясь выраженіями, вслѣдъ за которыми не могло быть мѣста ничему иному, какъ дуэли,—отлично уничтожали тѣ гастрономическія тонкости, которыя передъ ними стояли на столѣ, и не сбились ни въ порядкѣ слѣдованія яствъ, ни въ выборѣ подходящаго къ нимъ вина. Такъ могла бы она уловить нѣкоторые взгляды спорщиковъ, не всегда соотвѣтствовавшіе горячности ихъ выраженій.

На ужинахъ, подобныхъ тому, который имѣлъ мѣсто, обыкновенно никакой прислуги не полагается; она появляется до прибытія дамъ, для того, чтобы накрыть столъ и уставить его всѣмъ необходимымъ, а затѣмъ, послѣ окончанія ужина, — для того, чтобы убрать оставшееся, поставить на мѣста иногда опрокинутые стулья, подобрать съ полу салфетки и проч.

Такъ было это и теперь: въ первомъ часу ночи удалился Телепневъ.

— Спасибо вамъ, дорогой мой Петръ Петровичъ, за себя и за моего бѣднаго отца, — сказала Ѳивову гувернантка.

— Но вы должны простить моего друга,—возразилъ, низко кланяясь, глядя на женщину исподлобья и по-кошачьи улыбаясь, Ѳивовъ.

— Простить!?

— Да, забыть!

— Забыть?

— Да.

Ничего не отвѣтила ему Анна Семеновна и, сопрово-

ждаемая имъ, вышла на улицу. Кликнули извозчика и направились къ тому дому, въ которомъ служила гувернанткой Анна Семеновна.

Ея позднія отлучки очень не нравились, и на утро предстояла сцена. Сцена за ужиномъ была разыграна мастерски, но до виртуозности Ричарда III Ѳивовъ все-таки не дошелъ.

Если не дошелъ Ѳивовъ полностью до Ричарда III. то слѣдуетъ замѣтить, что не весь сполна Телепневъ присутствовалъ на ужинѣ: нѣкоторая доля его личности какъ бы отсутствовала, осталась въ театрѣ. Какъ было упомянуто, исполненіе имъ роли Сусанина было выше всякой похвалы. Слушатели находились подъ полнымъ его обаяніемъ.

Въ четвертомъ дѣйствіи «Жизни за Царя» Сусанинъ, какъ извѣстно, болѣе не появляется. Зрители находятся, однакоже, въ созерцаніи его невидимаго облика, сквозящаго полностью и въ пѣснѣ Вани, и въ плачѣ новобрачныхъ, и въ блескѣ царскаго шествія, и въ колокольномъ перезвонѣ Москвы. Обликъ отсутствующаго присущъ, дѣйствуетъ, видимъ, ощущаемъ.

Пѣвца не имѣлось уже въ театрѣ, но обликъ его продолжалъ свое дѣло: онъ будто сорвался съ человѣка, отдѣлился, сталъ самостоятельнымъ, независимымъ отъ бреннаго тѣла, его произведшаго, и хозяйничалъ въ театрѣ, внѣ и послѣ него.

Когда Телепневъ былъ еще въ театрѣ — рукоплесканія, бисированія и вызовы сыпались обильно, и торжествовавшій, готовившійся идти ужинать съ гувернанткою художникъ принималъ ихъ какъ нѣчто ему должное и вполнѣ привычное. И онъ былъ правъ, этотъ художникъ: исполняя роль, онъ, дѣйствительно, будилъ въ людяхъ хорошія чув-

ства, онъ отрезвлялъ ихъ; онъ, невѣдомо какъ, безсознательно для себя самого и для каждаго изъ зрителей, преображалъ театральный залъ въ какую-то психическую лабораторію, гдѣ, въ горнилѣ художественнаго творчества, сердца людей очищались, обновлялись, пріобрѣтали нѣкоторую не всегда привычную имъ чистоту и какъ бы блескъ и становились лучше. Это происходило въ каждомъ изъ зрителей разными путями, словно разными химическими соединеніями; работали въ сердцахъ людскихъ: воспоминанія и мечты, въ каждомъ по-своему, упреки совѣсти, чувства благодарности и самопожертвованія, никому и никогда не повѣданныя надежды и совершенно неспособные воплотиться въ правду порывы къ любви и добру...

И все это вызывалъ къ жизни счастливецъ-художникъ, и вотъ почему обликъ его даже послѣ ухода самого художника, вполнѣ по праву, являлся властителемъ думъ и сердецъ слушателей и зрителей и какъ бы въ качествѣ какого-то химическаго начала вызывалъ броженіе въ мысляхъ и чувствахъ людскихъ.

Дѣло науки будущаго разъяснить эти незримые и непостижимые для современнаго человѣка процессы броженія душевнаго, въ которыхъ вполнѣ невещественный, если хотите—духовный элементъ, какъ обликъ человѣка, который все-таки не что̀ иное, какъ созданіе фантазіи людей, видѣвшихъ оригиналъ, обусловливаетъ явленія вполнѣ ощутимыя, вѣсомыя, матеріальныя. Въ данномъ случаѣ — пѣвецъ, въ полной совокупности его внѣшности, его голоса, игры, при участіи и значеніи сюжета оперы и музыки, при видоизмѣненіяхъ декорацій и свѣтовыхъ эффектовъ, увлекалъ всѣхъ и каждаго, въ бо̀льшей или меньшей степени, къ чему-то болѣе свѣтлому, доброму, лучшему. Въ зрителяхъ происходило нѣчто подобное очищенію воздуха грозою, съ тою, однако, существенною разницею, что гроза

дѣйствуетъ быстро, мгновенно, а тутъ очищалась и успокаивалась душа людская во времени, не вдругъ, не вся сразу, а какъ бы провѣтриваніемъ между crescendo и pianissimo музыки, между регистрами баса, сопрано, тенора и альта.

А самъ Телепневъ, тотъ, чей обликъ, оставшись въ театрѣ, такъ благотворно хозяйничалъ въ сердцахъ людскихъ, самъ онъ что̀ дѣлалъ въ это время?

КТО ЛГАЛЪ?

I.

Анна Павловна Трилонова уѣхала за границу.

— На шесть мѣсяцевъ только,—отвѣчалъ всѣмъ спрашивавшимъ мужъ ея, Сергѣй Павловичъ, высокій брюнетъ, весьма недурной лицомъ, очень неглупый, служившій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Супружество господъ Трилоновыхъ было однимъ изъ самыхъ счастливыхъ, и счастье это лежало, главнымъ образомъ, въ воспитаніи обоихъ и въ характерахъ ихъ, на этомъ основаніи сложившихся и не допускавшихъ какихъ бы то ни было вспышекъ сердца, какъ дурныхъ, такъ и хорошихъ. Оба супруга были прекрасно подготовлены къ исполненію той роли, которая называется жизнью, были чрезвычайно любезны, сдержанны и не признавали халатности отношеній даже въ самыя тяжелыя минуты жизни, которыхъ никому не миновать.

Дайте только полную волю самому мелкому выраженію вашего горя или вашей радости, и онѣ легко перейдутъ границы; не давайте имъ воли, и вы лишите самыя рѣзкія минуты жизни значительной доли ихъ остроты, какъ въ блаженствѣ, такъ и въ горести.

Такими, по крайней мѣрѣ, казались или хотѣли казаться Трилоновы.

Анна Павловна часто ѣздила за границу, иногда одна, иногда съ мужемъ, и даже въ поѣздкахъ ихъ сказывалась та заурядность, которая, въ салонныхъ разговорахъ, отзывается вѣчнымъ повтореніемъ тѣхъ же самыхъ излюбленныхъ именъ городовъ и водъ.

По общественному положенію—изъ высшихъ слоевъ; по состоянію — люди болѣе чѣмъ обезпеченные; по медицинскому діагнозу — оба здоровые, прочные; по характеру — обходительные, любезные, отнюдь не щепетильные, они имѣли большой кругъ знакомыхъ и жили открыто. Ему было пятьдесятъ лѣтъ, ей — тридцать. Бракъ былъ бездѣтный, и это было имъ скучно.

— Не въ Швальбахъ ли жена поѣхала, къ Kinderquelle? — спрашивалъ, смѣясь, двоюродный братъ Сергѣя Павловича, одинъ изъ постоянныхъ директоровъ и членовъ правленія трехъ обществъ. Его звали Иваномъ Федоровичемъ; онъ былъ моложе Трилонова лѣтъ на десять и отличался характеромъ чрезвычайно веселымъ и откровеннымъ.

— А не дурно бы имѣть ребеночка,—отвѣчалъ Сергѣй Павловичъ:—у насъ не семья, не порядокъ.

— Странно! оба здоровы, прочны, чего бы, кажется?

— Не судьба.

— Когда писала жена въ послѣдній разъ?

— Вчера два письма получилъ.

Разговоръ этотъ происходилъ въ кабинетѣ Сергѣя Павловича. Братья простились и вышли оба въ прихожую. Иванъ, человѣкъ Сергѣя Павловича, ожидалъ.

— А, Иванъ, здорово, братъ, здорово; что̀ жена?—воскликнулъ Иванъ Федоровичъ, накидывая шинель.—Что̀ это у васъ за бездѣтный домъ такой,—продолжалъ онъ, надѣ-

вая калоши:—у барина съ барыней и у лакея съ кухаркою нѣтъ дѣтей, да и баста. Не въ штукатуркѣ ли у васъ тутъ причина какая? штукатурку бы отбить.

Лакей громко засмѣялся; Сергѣй Павловичъ покачалъ головою и улыбнулся, а Иванъ Федоровичъ быстро вскочилъ на лѣстницу и направился домой.

— Шутники-съ,—процѣдилъ Иванъ вслѣдъ уходившему.

II.

Анна Павловна вернулась изъ-за границы, и стали жить мужъ съ женою попрежнему чрезвычайно мирно.

Мѣсяцъ спустя, поздней осенью, по ея возвращеніи, разыгралась въ домѣ ихъ слѣдующая хорошенькая сценка.

Было часовъ 10 вечера. Хозяева сидѣли дома. Она—за арфою, такъ какъ прелестно играла на этомъ забытомъ, однообразномъ, но хорошемъ инструментѣ; онъ, лежа въ кабинетѣ, читалъ газеты.

На кухнѣ, отдѣленной черною лѣстницею, Иванъ чистилъ на утро третью пару барскихъ сапоговъ,—столько именно паръ мѣнялъ ежедневно Сергѣй Павловичъ. Кухарка кончала со стряпней, съ приготовленіемъ кое-чего на завтрашній день. Передъ нею на ситѣ лежали бѣленькія, лоснившіяся кнели къ супу; кнели, на этотъ разъ, сдѣлала она всѣ кругленькими, хвостатыми. И такъ онѣ были сдѣланы аккуратно, что любо было смотрѣть. Сама кухарка любовалась и, спуская по бѣлымъ, прочнымъ рукамъ отвернутые для работы рукава, слегка откинула голову, искоса, точь-въ-точь какъ это дѣлаютъ дамы, выбирая фасоны платьевъ или матерій, — созерцала. Одинъ изъ хвостиковъ оказался кривымъ, неполнымъ, нарушавшимъ единообразіе. Она тотчасъ замѣтила это и отбросила въ сторону неудавшуюся кнель.

Вдругъ раздался подлѣ самыхъ дверей звонокъ. Кухарка открыла двери и услыхала плачъ ребенка; она немедленно вернулась за свѣчей.

— Въ этакій холодъ, подумаешь, дѣтей по лѣстницѣ таскаютъ!—проговорила кухарка, поднося свѣчу.

Крикъ ребенка, вторя шарканью ивановыхъ щетокъ по сапогамъ, не унимался.

Кухарка глянула на лѣстницу и тотчасъ же попятилась.

— Иванъ, а Иванъ!—крикнула она.

— Что-о?

— Дитя подбросили! въ корзинкѣ! ей-Богу! смотри!

Иванъ вскочилъ съ мѣста и подбѣжалъ.

Дѣйствительно, подлѣ двери стояла корзина и въ ней, прочно закутанный, пищалъ ребенокъ. Внести корзину на кухню было дѣломъ одной минуты. Пока кухарка копошилась надъ ребенкомъ, Иванъ побѣжалъ къ господамъ.

Можете себѣ представить удивленіе Трилоновыхъ?

Барыня увѣдомлена была раньше, пошла къ барину. Много смѣялись и велѣли принести ребенка.

Когда корзина была представлена и помѣщена на столѣ въ столовой, первымъ заговорилъ Сергѣй Павловичъ.

— Мальчикъ?—спросилъ онъ.

— Не смотрѣли-съ,—отвѣтилъ, ухмыляясь, Иванъ.

— Такъ посмотрите же.

Кухарка принялась за освидѣтельствованіе, такъ какъ Анна Павловна считала бы это занятіе не подходящимъ. Оказалось, что подкидышъ женскаго пола, ребенокъ чрезвычайно прочный, здоровый.

Дитя, должно-быть, отойдя съ холода въ теплѣ комнаты, перестало кричать и, раскрывъ свои большіе, голубые глазенки, поводило ими.

— Нѣтъ ли какой бумаги при немъ, письма, что ли?

Ничего не оказалось.

— Что же, въ воспитательный его? — проговорилъ Сергѣй Павловичъ.

— Я то же думаю,—замѣтила Анна Павловна.

— Ну, ночь-то переждемъ, завтра свеземъ, — добавила кухарка.

Ухмылялся и молчалъ одинъ только Иванъ.

Сильный звонокъ въ прихожей нарушилъ молчаніе. Такъ сильно звонилъ только Иванъ Федоровичъ, и дѣйствительно это былъ онъ.

— Ребенокъ гдѣ? гдѣ ребенокъ?—проговорилъ онъ скороговоркою, входя въ столовую.

Ребенокъ былъ на-лицо.

— Какой ребенокъ? ты почемъ знаешь? — спросилъ его хозяинъ.

— Смотрите! читайте.

Онъ подалъ письмо.

Анна Павловна прочла его. Въ письмѣ сообщалось, что ровно въ десять часовъ вечера, въ кухнѣ брата его, будетъ подкинутъ ребенокъ, дѣвочка Ольга, что просятъ принять ребенка и, вѣря въ доброе рѣшеніе,—благодарятъ.

Переглянулись. Прочелъ письмо и Сергѣй Павловичъ.

— Ну-съ! Что же? Поздравляю!—заговорилъ Иванъ Федоровичъ,—вотъ и не бездѣтный домъ.

— Не вы ли это, cher cousin, пошутили?—проговорила Анна Павловна.

— Hein! comment? — почти вскрикнулъ Иванъ Федоровичъ.

Сергѣй Павловичъ искренно разсмѣялся. Участіе въ этомъ смѣхѣ приняли Иванъ и кухарка, сообразивъ, вѣроятно, о чемъ шла рѣчь.

— Однако, пока чтò,—замѣтила Трилонова,—дѣвочка съ голоду умретъ. Молока бы ей!

— Сахарной воды!—возразилъ Сергѣй Павловичъ.

— А вы это гдѣ о сахарной водѣ уроки брали, мой милый?—кокетливо замѣтила мужу Анна Павловна.

Опять общая улыбка.

Ребенокъ съ первыхъ же минутъ своего присутствія принесъ, слѣдовательно, съ собою множество неожиданныхъ улыбокъ, расшевелилъ, встряхнулъ прилично-скучное однообразіе, наполнявшееся звуками арфы и строками газетъ.

— А ты чай пилъ?—спросилъ брата Сергѣй Павловичъ, когда всѣ втроемъ направились въ другія комнаты.

О ребенкѣ никакого распоряженія не сдѣлали. Это, будто, само собою разумѣлось, что его унесутъ въ кухню, и его дѣйствительно унесли.

— Сходи-ка, Иванычъ, — говорила кухарка мужу,—къ Филимонихѣ. Она объявилась, что въ кормилицы идти хочетъ; такъ не прикормитъ ли, до утра, двухъ?

— Ладно.

И Иванычъ побѣжалъ во второй дворъ, въ третій этажъ, къ Филимонихѣ, и она согласилась.

Отнеся къ ней ребенка и уложивъ господъ спать, лакей съ кухаркою толковали далеко за полночь и съ общаго согласія порѣшили, если господа позволятъ, ребенка принять.

Богъ велѣлъ! Господа позволили.

III.

Чрезвычайно скоро растетъ молодое и старится старое.

Прошло пятнадцать лѣтъ. Дѣвочка-подкидышъ, принятая на кухню, начала мало-по-малу переходить на господскую половину.

Прежде всего полюбилась она Сергѣю Павловичу, потомъ Аннѣ Павловнѣ, а наконецъ, когда на двѣнадцатомъ году отъ роду она стала разливать чай, подносить сигарки, спички и пепельницы, сообщать свои наблюденія по пан-

сіону (одному изъ лучшихъ въ столицѣ), наблюденія, не лишенныя юмора, — полюбилась она и Ивану Федоровичу. Его она звала дядей, Анну Павловну—мамашей, а Трилонова—папочкой.

Дѣвочка Оля была дѣйствительно умницею, и прехорошенькою умницею, такъ что родные и знакомые нисколько не удивились, когда должнымъ порядкомъ была она усыновлена и стала de jure наслѣдницею Трилоновыхъ.

Все, все позволялось Олѣ, и она была маленькимъ деспотомъ барскаго дома, деспотомъ самымъ милымъ.

Дѣвушкѣ минуло шестнадцать лѣтъ; пришлось одѣть ей длинное платье и измѣнить прическу.

— Мама, — говорила она Аннѣ Павловнѣ: — сдѣлай ты мнѣ первое платье темно-пунцовое,—это твой любимый цвѣтъ; это такой красивый цвѣтъ.

— Ни за чтò! точно два кардинала войдемъ мы съ тобой въ залу, дѣлая визитъ; это будетъ смѣшно. Точно будто мы, для дешевизны, одинъ кусокъ матеріи на платье купили

— Ну, а причешусь я, какъ ты?

— И это будетъ некрасиво; въ мои годы идетъ, въ твои нѣтъ чесаться такимъ образомъ, и зачѣмъ повторяться.

Ни пунцоваго цвѣта, ни однообразной прически допущено не было.

Начались выѣзды, порханіе по вечерамъ, обѣдамъ, пикникамъ. Завертѣлись вечерними мошками женихи—невѣста была богатая. Оля дѣлала, чтò хотѣла съ ними: трунила, печалила, водила за носъ; все это ей очень нравилось, и всѣ особенности салонной женщины развертывались въ ней чрезвычайно быстро.

Тутъ совершенно некстати вмѣшалась смерть. Первымъ умеръ Сергѣй Павловичъ, а полгода спустя и Анна Павловна. Это очищеніе мѣста въ жизни совершается быстро. Иногда цѣлую семью точно помеломъ вымететъ.

Оля, къ тому времени Ольга Сергѣевна,—это отчество было дано ей по упрямому настоянію Ивана Федоровича,—переселилась къ нему, согласно желанію покойницы-матери, изъявленному ею при смерти; Иванъ Федоровичъ, года за два до того, тоже женился; онъ же былъ назначенъ опекуномъ. Оля быстро приноровилась къ порядкамъ своей новой семьи.

Наступило 11 іюля, Ольгинъ день.

Жили они на Каменномъ островѣ, въ большой дачѣ съ колоннами, куда и направились къ пяти часамъ пополудни многіе гости, званые на обѣдъ. Жена Ивана Федоровича и Оля одѣвались къ обѣду и еще не выходили. Иванъ Федоровичъ пошелъ позвать Олю. Онъ отворилъ дверь въ комнату дѣвушки.

Ему пришлось попятиться передъ воплощеніемъ своего собственнаго воспоминанія, передъ возникновеніемъ своихъ былыхъ хорошихъ дней. Въ пунцовомъ платьѣ, воспроизводя съ точностью изумительною прическу покойной Анны Павловны, стройная, красивая, вылитымъ портретомъ своей матери, какою была въ дѣйствительности покойная Анна Павловна, стояла она передъ нимъ, передъ дѣйствительнымъ фактическимъ отцомъ, улыбающаяся, сіяющая. Для довершенія обмана высилась сзади ея старая кухарка, та самая, что̀ жила у Трилоновыхъ и готовила въ завѣтный далекій вечеръ хвостатыя кнели.

Ивану Федоровичу нужно было много силы воли и сдержанности, чтобы совладать съ собою.

— Похожа я на мамашу? — спросила его Оля, весело улыбаясь.

— И какъ еще похожа,—отвѣтилъ Иванъ Федоровичъ:—какъ похожа! Иди, однако, тебя тамъ ждутъ.

Оля ушла. Иванъ Федоровичъ пошелъ за нею.

— Да, была, когда-то, моя покойная Анна Павловна

хорошо подготовлена къ исполненію той роли, которая называется жизнью, — думалъ Иванъ Федоровичъ. — Ничѣмъ не нарушила она приличія ея исполненія. Дурно ли это? Она никого не сдѣлала несчастнымъ потому только, что изумительно лгала; напротивъ того: этою ложью она сдѣлала столько счастливыхъ! Счастье отъ лжи!? Значитъ, хороши тѣ условія жизни, которыя поощряютъ ложь, потому что ложью получается счастье? Но счастье ли это? Несомнѣнно, что я счастливъ только ложью! А если Оля будетъ такая же и съ такимъ же ложно обусловленнымъ счастьемъ?..

Вернувшись въ столовую, Иванъ Федоровичъ странно взглянулъ на жену, потомъ на Олю и цѣлый вечеръ чувствовалъ себя во власти какихъ-то новыхъ, неизвѣстно откуда набѣжавшихъ мыслей, не имѣвшихъ и, можетъ-быть, не могущихъ имѣть разрѣшенія.

ИЗЪ ЧУЖОГО ДНЕВНИКА.

Ялта, 4 іюня 187* года.

Въ одну изъ моихъ поѣздокъ по Черному морю довелось мнѣ слышать и видѣть такую странную женщину, какой, конечно, не встрѣчу въ другой разъ. Я не сказалъ— русскую женщину, потому что личность, глубоко поразившая меня, хотя и говорила по-русски совершенно правильно и красиво, какъ можно говорить только на родномъ языкѣ. была представительницею тѣхъ этнографическихъ сомнительностей, которыми изобилуетъ югъ Россіи. Она была не то гречанка, не то грузинка, молдаванка, можетъ-быть, даже еврейка, одна изъ позднихъ представительницъ рода, произведшаго Рахиль, Агарь, Сарру и Ревекку.

Пароходъ русскаго общества,—имени котораго, т. е. парохода, не запомню,—везшій насъ изъ Одессы въ Севастополь и дальше, былъ, благодаря раннему времени года, почти пустъ. Особенно мало оказалось пассажировъ перваго класса, и маленькія каюты, обыкновенно разбираемыя нарасхватъ, оставались незанятыми. У нѣкоторыхъ, если не у всѣхъ, изъ этихъ каютъ дверей не было вовсе; ихъ замѣняли темныя занавѣски изъ какой-то нетяжелой шерстяной матеріи, свободно качавшіяся по вѣтру и рѣшительно не допускавшія возможности считать себя въ каютѣ скрытымъ отъ глазъ и слуха проходившихъ мимо людей.

Пароходъ вышелъ въ море часу въ четвертомъ послѣ полудня. Немедленно вслѣдъ за выходомъ изъ гавани, капитанъ, мой знакомый, позвалъ меня въ свою каюту на партію винта. Мы играли до полуночи.

— А что̀,—спросилъ меня капитанъ, расплачиваясь со мною,—видѣли вы, какую мы красавицу веземъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—я никого не примѣтилъ.

— Напрасно, сто̀итъ того.

-- Завтра увижу.

— Смотрите, не влюбитесь. Она одна, а одинокая женщина въ дорогѣ, знаете... того...

— Увидимъ, увидимъ,—отвѣтилъ я и, пожавъ капитану руку, отправился спать.

Почему это, думалось мнѣ, капитанъ сдѣлалъ сообщеніе о красавицѣ именно мнѣ?.. Я и не сообразилъ, что являлся единственнымъ на пароходѣ, благодаря недостатку пассажировъ, лицомъ, которому можно было сдѣлать это сообщеніе съ намекомъ, если не считать толстогубаго симферопольскаго муллы, да двухъ профессоровъ новороссійскаго университета, ѣхавшихъ въ Керчь изслѣдовать впервые разрытый курганъ; имѣлся на пароходѣ и еще одинъ пассажиръ перваго класса, но больной, который какъ пріѣхалъ, такъ и не выходилъ изъ каюты.

Ночь была превосходная. Море, надъ которымъ раскинулось темное, усѣянное звѣздами небо, дышало тѣмъ ровнымъ дыханіемъ, когда пологія и мѣрныя волны, не пѣнясь, не взламывая блестящей поверхности его, идутъ спокойными грядами и не заливаютъ полосъ, оставляемыхъ пароходомъ; пройденный нами путь обозначался далеко позади двумя темными полосами, будто сматывавшимися съ могучихъ колесъ парохода и расходившимися подъ острымъ угломъ въ безконечность.

Я сошелъ въ каюту, заранѣе указанную мнѣ капита-

номъ, и, не раздѣваясь, растянулся въ койкѣ: Блаженный сонъ не замедлилъ явиться ко мнѣ на зовъ и завѣсить отъ меня одинъ изъ многихъ нелюбопытныхъ и безцѣльныхъ дней моей скитальческой жизни,—завѣсить лучше и полнѣе, чѣмъ это дѣлала качавшаяся шерстяная занавѣска моей каюты относительно моей особы. Начиналось легкое волненіе, и я, засыпая, наблюдалъ, какъ то уширялись, то суживались просвѣты между занавѣскою и стойками, вдоль которыхъ она качалась.

Должно-быть, я проснулся очень рано: на палубѣ мыли лавки и ерзали по всѣмъ направленіямъ веревочными швабрами. Это совершалось надо мною, но и подлѣ меня было не совсѣмъ тихо: каюты черезъ двѣ отъ меня шелъ оживленный разговоръ.

— Забавный вы человѣкъ, Игнатъ Федоровичъ,—говорила женщина.

Я даже вздрогнулъ при этихъ словахъ и, Богъ вѣсть почему, сразу сообразилъ, понялъ и счелъ доказаннымъ, что это голосъ той красавицы, о которой говорилъ мнѣ капитанъ. Въ этомъ голосѣ слышались какія-то немного мужественныя ноты альтоваго діапазона, выступавшія еще рельефнѣе, благодаря мягкому тенору Игната Федоровича.

— Вы совсѣмъ лишній на этомъ пароходѣ,—говорилъ женскій голосъ.—Къ чему, зачѣмъ вы поѣхали?

— Какъ къ чему?—отвѣчалъ теноръ.

— Да вѣдь я васъ просила не слѣдовать за мною и, по правдѣ сказать, я подумала, что вы дѣйствительно порядочный человѣкъ: когда мы выѣхали изъ Одессы, я искала васъ между путешественниками и не замѣтила, но я ошиблась. И гдѣ же это вы: въ трюмѣ, въ машинѣ или съ багажомъ помѣстились при отъѣздѣ?

— Странная вы женщина, Натали! неужели же могъ я удержаться и не слѣдовать за вами? Неужели мало дока-

зательствъ имѣете вы тому, что я безъ васъ жить не могу... Слушайте: я все сдѣлаю, я на все готовъ. Я, я... брошу службу... продамъ имѣніе, поѣдемъ, куда хотите, хоть въ Австралію.

— Не хочу.

— И неужели же никакое воспоминаніе не шевелится въ васъ?.. и ни одна изъ былыхъ минутъ не вспоминается?

— Отчего же: вспоминаются, но ихъ довольно съ меня!.

-- Да вотъ хоть бы эта записка, посмотрите. Вѣдь всего три недѣли, какъ вы писали ее. Вы даже бумагу съ вензелемъ вашего мужа взяли. Ну, что̀, если бы она мужу въ руки попала? Возьмите ее!

— Ахъ, какой благородный порывъ; не заслуга ли ваша въ этомъ? Полноте! Я, разрывая наши отношенія, цѣлый корабль ко дну пускаю, а вы на немъ въ мышеловку мышонка поймали и этимъ потѣшаетесь, себѣ въ заслугу ставите. Берегите мое письмо, мнѣ его совсѣмъ не надо. Спрячьте бумагу съ вензелемъ. Вѣдь я не боюсь своихъ записокъ. Когда-нибудь она займетъ васъ, посмѣетесь, съ друзьями посмѣетесь.

— Но если бы въ самомъ дѣлѣ она была прочтена кѣмъ-нибудь?

— Ну, такъ что̀ же?

— Какъ такъ что̀ же?

Разговоръ становился очень любопытнымъ, несмотря на то, что я началъ слушать его отнюдь не съ самаго начала, отъ вступительныхъ словъ, а съ весьма сильнаго fortissimo. Было крайне назидательно узнать, куда онъ пойдетъ дальше.

Мелькнула, правда, у меня въ головѣ мысль, что подслушивать не годится, но мысль эта была тотчасъ же осилена другою, весьма вѣрною мыслью, что въ данномъ случаѣ вовсе и не разсчитываютъ на чужую скромность: если

своей скромности нѣтъ, такъ зачѣмъ же мнѣ-то, постороннему, думать о ней?..

Я продолжалъ слушать и притаился.

— Натали,—говорилъ мужчина,—подумайте, на чтò вы идете, чтò ждетъ васъ? вы играете съ огнемъ; ваше имя, ваше положеніе въ обществѣ—неужели все это ничего не стòитъ, ничего?..

— Игнатъ Федоровичъ начинаетъ говорить языкомъ прописей или нравственнаго богословія. Неужели вы не понимаете, что я уѣхала изъ Одессы, чтобъ отъ васъ отдѣлаться?.. Вы видите, слѣдовательно, что я берегу свое имя, а вы мнѣ мѣшаете это дѣлать.

— Вы любите кого-нибудь другого?

— Мнѣ кажется, что нѣтъ... а, впрочемъ, ей-Богу, не знаю! Можетъ-быть, я влюблена въ того господина,—говорила женщина,—чтò ѣдетъ съ нами, въ сѣромъ пиджакѣ, въ очкахъ и вѣчно куритъ отвратительную сигару.

Господинъ въ сѣромъ пиджакѣ, очкахъ и вѣчно курящій отвратительную сигару, былъ я. Я невольно посмотрѣлъ на свое платье, вспомнилъ о сигарѣ, но закурить ее боялся, разсчитывая, что спички мои, зажигавшіяся съ трескомъ, помѣшаютъ дальнѣйшему разговору. Но продолжать слушать разговоръ, такъ казалось мнѣ, получилъ я неотъемлемое право.

Я былъ даже нѣкоторымъ образомъ польщенъ, думалось мнѣ,—на меня обратили вниманіе.

Послѣ нѣкотораго молчанія, во время котораго господинъ, вѣроятно, покачивалъ головою или глядѣлъ на носки своихъ сапоговъ, онъ снова заговорилъ.

— Да,—сказалъ онъ,—много слышалъ я о васъ, Натали, много... молдаванки, да и вообще Одесса...

— Вы не слыхали и половины.

— Натали! и вы говорите это мнѣ въ глаза, мнѣ, любящему васъ до безумія.

— Вы для меня шутка, имѣвшая тоже свое время и мѣсто, а теперь...

— Но вѣдь и шутка значитъ же что-нибудь.

— Да, въ свое время.

— Но вѣдь мужчина же я, наконецъ?—проговорилъ теноръ, способный, такъ чудилось мнѣ по голосу, предпринять что-либо рѣшительное.

— Мужчина?!—возразила невѣдомая мнѣ собесѣдница:— вы мужчина?! вы?!..—и она захохотала. — Можетъ-быть, мужчины гдѣ-нибудь и есть на свѣтѣ,—проговорила она:— но только не у насъ, не въ Россіи! О, если бъ я могла найти мужчину!.. если бъ меня мужчины брали, а не я мужчинъ брала!.. если бы я встрѣтила характеръ, способный сломить мой капризъ... Я не знаю, что̀ было бы тогда, я не знаю... да и возможности этого я не предвижу.

— Странная мысль! Зачѣмъ же вамъ непремѣнно быть сломанною? Развѣ невозможно жить иначе, въ тишинѣ, довольствѣ, спокойствіи?

— Я умру тогда отъ зѣвоты. Вы на меня и теперь, утромъ, сонъ навѣваете. Послушайте, Игнатъ Федоровичъ, мы будемъ скоро въ Евпаторіи, а тамъ и Севастополь; сойдете съ парохода въ Севастополѣ вы—я поѣду дальше; хотите, я сойду—и тогда вы уѣзжайте. Я не желаю ѣхать съ вами.

— А я не могу разстаться. Вы и не подозрѣваете, какъ сильно...

— Но я и не хочу ничего подозрѣвать.

— Безъ васъ остаться, одному!.. я не разстанусь съ вами.

— Ни за что̀?

— Ни за что̀.

— Ну, такъ вотъ вамъ мое рѣшеніе,—отвѣтила женщина,—я высаживаюсь въ Севастополѣ.

— И я тоже сойду!

— Вотъ будетъ карикатура!

— Нѣтъ, не то,—быстро проговорилъ Игнатъ Федоровичъ, какъ бы спохватившись:—не то, что я тоже сойду, а вы не сойдете съ парохода!

— Я не сойду съ парохода?—отчеканила женщина каждое слово въ отдѣльности.

— Да! Не шутите, Натали! вѣдь я безъ васъ жить не могу, а вамъ умирать рано...

— Я сказала, что схожу въ Севастополѣ, Игнатъ Федоровичъ, такъ и сдѣлаю.

— Вы не сойдете!

— Сойду!

Прослушавъ все, что̀ было говорено, я находился въ крайне затруднительномъ положеніи. Я не могъ сомнѣваться въ томъ, что въ очень скоромъ времени тутъ можетъ совершиться какая-то уголовная исторія. Я бы солгалъ, сказавъ, что мнѣ было только любопытно знать, чѣмъ все это кончится, что мнѣ любопытно было взглянуть на обоихъ, на Натали и Игната Федоровича, которыхъ я въ глаза не видалъ и о которыхъ зналъ такъ много по ихъ собственнымъ словамъ,—нѣтъ, во мнѣ говорило не одно любопытство. Предупредить бы какъ-нибудь, помочь, отклонить хотѣлось. Но какъ, на какомъ основаніи, по какому праву, и что̀ предупредить? и съ чего я взялъ?

Я долженъ былъ сойти въ Евпаторіи и, слѣдовательно, того, чѣмъ исторія кончится, не увижу, не узнаю. Я думалъ даже, что она, можетъ-быть, не кончится ничѣмъ; но когда, уже въ виду Евпаторіи и ея безконечно плоскаго берега, я, проходя на палубу, чтобы справиться насчетъ вещей, заглянулъ, совершенно случайно, въ одну изъ каютъ, завѣшенныхъ, какъ и моя, полусквозною занавѣскою, то увидѣлъ пассажира, молодого человѣка, стоявшаго надъ

раскрытымъ чемоданомъ и державшаго въ рукахъ револьверъ. Какъ ни быстро мелькнула предо мною щель занавѣски, но впечатлѣніе на меня произведено было полное: это былъ, несомнѣнно, Игнатъ Федоровичъ, и я видѣлъ тотъ способъ, какимъ онъ думалъ помѣшать Натали сойти съ парохода въ Севастополѣ.

«Ну, теперь,—такъ думалось мнѣ,—я не смѣю болѣе молчать, я долженъ сказать... Но кому?.. ей? капитану? можетъ-быть, самому Игнату Федоровичу? Однако, какъ это все глупо, Боже мой, какъ глупо! И что̀ же я скажу, однако? Что видѣлъ револьверъ... да мало ли у кого есть револьверъ! Что я слышалъ утренній разговоръ... но вѣдь это — подслушиваніе... Да и во имя чего я вмѣшаюсь, дурака разыграю? нѣтъ, нѣтъ, не надо!..»

И едва только вышелъ я на палубу, какъ увидѣлъ и иллюстрацію къ тексту—ее: она только-что приказала что-то матросу. Капитанъ былъ въ это время на мостикѣ и, поздоровавшись со мною, сдѣлалъ мнѣ знакъ рукой, чтобы я обратилъ вниманіе на Натали. Она была дѣйствительно красавица. Черный зонтикъ, съ ярко-красною шелковою подкладкою, оттѣнялъ подъ собою одну изъ роскошнѣйшихъ представительницъ молдаво-валахской расы. Въ ослѣпительномъ блескѣ утренняго солнца, моря, облаковъ, на свѣтлыхъ тонахъ окраски недавно подновленнаго къ лѣтнимъ рейсамъ парохода, Натали поражала бархатною чернотою своихъ очертаній: чернымъ платьемъ, черными кружевами, черными очами подъ длинными рѣсницами, лицомъ удивительной молочной бѣлизны и блѣдно-розовыми губами. По всей внѣшности своей, она была безупречна, восхитительна, но въ ушахъ моихъ такъ и звучали рѣзкія слова ея:—«Я цѣлый корабль ко дну пускаю, а вы на немъ мышонка въ мышеловку поймали и этимъ потѣшаетесь, да еще себѣ въ заслугу ставите...» Да ужъ не ловлю ли мышонка и я?—

думалось мнѣ.—Въ концѣ концовъ, хорошо, что я уѣзжаю, и Богъ съ ними, съ обоими.

Тѣмъ временемъ пароходъ остановился. Такъ какъ пассажировъ, прибывшихъ на пароходъ съ берега, было немного, а высаживался, кажется, только я одинъ, да и грузовъ почти не имѣлось, то якоря не бросали. Нашъ пароходъ, выпуская паръ, слегка покачивался, окруженный лодочками, прибывшими изъ Евпаторіи. Не теряя времени, я подошелъ къ капитану проститься съ нимъ.

— Ну, чтò, хороша?—спросилъ онъ вполголоса.

— Прелестна!

— Она сходитъ съ вами вмѣстѣ въ Евпаторіи. Поздравляю!

— Какъ въ Евпаторіи?

— Да, да, только-что распорядилась. Вонъ ея вещи.

Совершенно невольно оглядѣлъ я палубу, мостикъ, рубку; подлѣ спущеннаго трапа суетились съ кладью матросы; на мостикѣ, опираясь на перила, глазѣли на съѣзжавшихъ мулла и оба профессора; подлѣ самаго сходня стояла Натали и почти рядомъ съ нею, сунувъ руку за бортъ сюртука, Игнатъ Федоровичъ.

Я и до сихъ поръ ясно помню странное, немного какъ бы глупое выраженіе его молодого, красиваго лица, и эту руку, сунутую за бортъ сюртука; но не менѣе ясно помню я и другую мысль, вполнѣ овладѣвшую тогда мною, а именно вопросъ: спускаться мнѣ въ лодку передъ Натали, или послѣ нея? И такъ дурно будетъ, и такъ не хорошо, въ случаѣ выстрѣла! но все-таки лучше спуститься впередъ... и, повинуясь этому послѣднему рѣшенію, я подошелъ къ трапу и сталъ на первую ступеньку. Такъ какъ зыбь была довольно сильна и подведенная къ трапу лодка то поднималась, то опускалась, по крайней мѣрѣ, на аршинъ, то сойти въ нее надо было осторожно, не иначе,

какъ уловивъ мгновеніе и, во всякомъ случаѣ, не разъ опуская глаза. Я такъ и сдѣлалъ.

Едва только почувствовалъ я себя на ногахъ въ лодкѣ, какъ раздался, почти надъ самымъ ухомъ моимъ, знакомый мнѣ голосъ альтоваго діапазона.

— Позвольте мнѣ вашу руку,—говорила Натали, обращаясь ко мнѣ, протягивая свою руку и держась другою за веревку трапа.

Я немедленно исполнилъ ея желаніе, и такъ какъ, повидимому, она гимнастическими упражненіями не занималась, подъема волны не разсчитала и, кромѣ того, вѣроятно, ботинки ея отличались тоненькими каблучками, то и рухнула она ко мнѣ на грудь всею своею тяжестью, причемъ покачнула и меня, и лодку.

«Вотъ такъ цѣль для выстрѣла!»—мелькнуло у меня въ головѣ, и я совершенно машинально взглянулъ на только-что оставленную мною палубу.

На томъ мѣстѣ, гдѣ высилась фигура Игната Федоровича, находился капитанъ, спустившійся съ мостика, чтобы проститься со мною еще разъ.

— Счастливаго вамъ пути! — говорилъ онъ не безъ ехидства.

Игнатъ Федоровичъ тѣмъ временемъ карабкался по крутой лѣстницѣ на мостикъ, и такъ какъ ему для этого нужны были обѣ руки, то онъ правой руки за пазухою не держалъ.

Никакого выстрѣла не послѣдовало, а Натали съ парохода дѣйствительно сошла, но только не въ Севастополѣ, а въ Евпаторіи.

Или Игнатъ Федоровичъ револьвера не зарядилъ, или раздумалъ?

Теперь мы оба, Натали и я, въ Ялтѣ, и нельзя сказать, чтобы съ нею было скучно.

ЧТО ЛЮДЯМЪ ИНОГДА КАЖЕТСЯ?

Большая была радость для мужа и жены, когда у нихъ родился первенецъ. Нѣжно-нѣжно поцѣловалъ отецъ похолодѣвшій лобъ роженицы. Все прошло и кончилось благополучно, но могло быть очень худо. Мужу миновало лѣтъ тридцать, ей двадцать два. По заработкамъ, средства позволяли имъ жить въ Галерной гавани, тамъ, гдѣ прежде всего даютъ себя чувствовать наводненія.

Жили они хорошо, дружно.

— У васъ не будетъ больше дѣтей,—сказалъ женѣ, Алѣ, акушеръ, когда она выздоровѣла послѣ очень-очень трудной горячки.

У Али, при этихъ словахъ, съ сердцемъ произошло что-то болѣзненное; какъ будто въ немъ что-то одно за другое заскочило, что-то передернулось. Когда акушеръ ушелъ,—мужа не было дома въ это время,—она, подойдя къ люлькѣ малютки, долго стояла надъ нею и точно потеряла сознаніе; оно свѣялось. Она стояла, глядѣла на дитя, что-то соображала... и не могла сообразить...

И вотъ, вся любовь, вся энергія жизни въ Алѣ обратилась на ея ребенка. Мальчикъ подросталъ удивительный, прелестный, свѣтлоголовый, съ голубыми очами, ласковый и чрезвычайно смѣтливый.

— Неужели же онъ у меня дѣйствительно единственный, послѣдній?—думала часто Аля, видя его глубоко спящимъ, съ пылавшими здоровьемъ щеками, ровнымъ дыханіемъ, откинутыми за головку ручками и тою безподобною улыбкою, которая сбѣгаетъ съ годами съ лица человѣческаго навсегда, какъ съ неподходящей, оскудѣвшей, испорченной почвы.

Но бывали у Али мысли и хуже этой.

— Неужели же, — думалось ей, — онъ можетъ умереть? Умереть! онъ—этотъ мальчикъ? Да, да, можетъ, конечно, можетъ...

И тогда впадала она въ то безотчетное состояніе какого-то тупоумія, какой-то идіотической несообразительности, которая сказалась впервые послѣ словъ акушера, когда она стояла надъ люлькою...

Но когда это летаргическое состояніе духа проходило, когда ласки ребенка обворожали ее, она становилась счастливою, даже веселою. Затѣмъ опять ужасная мысль, и опять летаргія, и все чаще, все продолжительнѣе.

А кругомъ то и дѣло, какъ нарочно, поднимались разные страхи: у сосѣдей справа—скарлатина; отдѣляла ихъ одна только легонькая, деревянная перегородка; сынишка проковырялъ даже дырочку въ обояхъ къ сосѣдямъ. Этажомъ выше объявилась оспа! Уѣхать бы куда-нибудь! Легко сказать! Невозможно! И все упорнѣе начинаетъ казаться Алѣ, что она непремѣнно потеряетъ своего ребенка; а любитъ она его безпредѣльно, все сильнѣе, все беззавѣтнѣе, а всякіе страхи точно нарочно показываютъ свои безобразныя хари, то въ томъ, то въ этомъ видѣ.

Сначала Аля очень часто плакала, потомъ она плакать перестала. Мужъ не замѣтилъ этого, не понялъ, какъ не понималъ и всего случившагося до сихъ поръ. А страхи только то и дѣлали, что возникали, роились, разнообрази-

лись; изъ-подъ ногъ выскакивали, въ окна лѣзли, съ дуновеніемъ вѣтра приносились. Аля не могла болѣе терпѣть этого. Прежде она плакала; теперь, почему-то, слезъ не хватало, а что-нибудь дѣлать нужно, непремѣнно нужно, потому что страхи одолѣваютъ, а она ребенка лишиться не хочетъ, она его изъ рукъ не выпуститъ, ни за что̀ не отдастъ, не выпуститъ...

Однажды представился ей случай къ непосредственному дѣйствію противъ одного изъ страховъ. Во дворъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, забѣжала бѣшеная собака. Дѣти, какъ нарочно, всѣ были во дворѣ въ эту пору. Мирные обитатели дома всполошились, но всѣ рѣшительно потеряли голову.

— Бѣшеная, бѣшеная!—слышалось отовсюду изъ раствоpенныхъ дверей и оконъ.

Ребятишки, испуганные общимъ гвалтомъ, безсознательно бросились въ стороны: кто на лѣстницу вскарабкался, кто въ окно, кто на дрова полѣзъ. Дворника, и вообще мужчинъ, какъ это часто бываетъ, на-лицо не оказалось. Сынишка Али былъ прытче, умнѣе прочихъ и раньше другихъ юркнулъ въ одну изъ растворенныхъ на лѣстницу горницъ нижняго этажа.

Собака, вбѣжавъ во дворъ, озадаченная всѣмъ, что̀ подлѣ нея происходило, остановилась на срединѣ. Это былъ роскошный, рослый датскій догъ желтой масти; онъ опустилъ могучую морду, и обильная, вязкая слюна отвисла до земли; хвостъ былъ поджатъ; мутные глаза, налитые кровью, пучились, глядѣли и не глядѣли...

Аля не замѣтила, какъ и куда спрятался ея сынокъ. Она видѣла передъ собою только давно желанное воплощеніе одного изъ страховъ, пугавшихъ ее,—воплощеніе, съ которымъ можно было потягаться, помѣряться! Это не то, что какія-нибудь таинственныя скарлатина или оспа, или какъ ихъ тамъ всѣхъ называютъ, неуловимыя, крадущіяся, под-

лыя болѣзни. Нѣтъ, это былъ воплощенный страхъ, на который можно было идти лицомъ къ лицу, грудь противъ груди, съ ножомъ, съ топоромъ...

Какъ была Аля въ своей комнатѣ за глаженьемъ бѣлья, въ пестрой юбкѣ и полуразвязавшейся рубашкѣ, простоволосая, неприбранная, выскочила она во дворъ съ утюгомъ въ рукѣ...

Во дворѣ она мгновенно остановилась. Точно ученая гимнастка, точно опытная воспитанница какого-нибудь ипподрома. Не спуская съ противника упорнаго взгляда, стала она, крадучись, тихонько подходить къ собакѣ, выглядывая, выжидая, соображая. Какая-то непривычная, кошачья гибкость сказывалась во всей фигурѣ Али; что-то хитрое, лисье, злое рисовалось на ея красивомъ, слегка покоробленномъ лицѣ...

Затѣмъ послышалось, какъ изъ раскрытыхъ оконъ и дверей быстро ахнули всѣ многочисленные зрители этой сцены: посрединѣ двора, противники, сразу кинувшись одинъ на другого, сбились въ какую-то неясную кучу и подняли пыль... Не прошло и двухъ мгновеній, какъ датскій догъ лежалъ мертвый у ногъ Али, съ головою, разбитою вдребезги. Удары утюга оказались страшными и такой невѣроятной силы, что буквально искрошили всю голову въ жидкіе клочья, въ кровавые куски.

Аля стояла надъ желтымъ мертвецомъ неподвижно. Подошли люди, благодарили, дивились, а она все не двигалась. Она медленно нагнулась, чтобы поцѣловать прибѣжавшаго къ ней сынишку, но рѣзкія мускульныя усилія не разрѣшили страшнаго нервнаго напряженія,—слезъ все-таки не было.

Людямъ казалось, что Аля убила бѣшеную собаку. Неправда! Она убила одинъ изъ страховъ, одолѣвавшихъ ее...

И вотъ потянулись обычные дни, а съ ними прежніе страхи.

Мѣсяца черезъ два, часу въ одиннадцатомъ яснаго, но вѣтреннаго августовскаго утра, Аля, съ корзиною въ рукѣ, пробиралась по мосткамъ небольшой тони, стоявшей у самаго устья Невы. Шла ловля лососокъ. Подошли именины мужа. Мелкую рыбу можно было купить на тонѣ дешевле. Сынишку отправила она гулять съ тремя другими дѣтьми сосѣдей, въ сопровожденіи старухи, ютившейся въ домѣ, благодаря, главнымъ образомъ, этимъ прогулкамъ ея съ дѣтьми. Тотъ ее накормитъ, этотъ старое платье подаритъ, и жила старуха, и дѣтей гулять водила.

Побывавъ у булочника, зеленщика, завернувъ къ одной знакомой позвать на именины, Аля пришла и на тоню. Нева, вздуваемая вѣтромъ съ моря, гудѣла темными гребнистыми волнами. На мосткахъ тони было чрезвычайно трудно держаться, и Аля то и дѣло схватывалась за шляпку. Подлѣ свай, на которыхъ покоились мостки, клокоталъ настоящій бурунъ.

Вдругъ—суета по толпѣ, стоявшей подлѣ домика рыбаковъ и главнаго ворота тони.

— Лови! держи! спасай!—раздавалось ей навстрѣчу.

Вихрь усиливался, бурунъ гудѣлъ, толпа суетилась; замелькали багры, веревки, люди бросились къ лодкѣ...

Ужасъ обуялъ сердце Али! Обледенѣло оно, когда она различила передъ собою двоихъ изъ тѣхъ четырехъ ребятишекъ, которые отправились гулять со старухою.

— Какъ? тутъ?—мелькнуло у нея въ мысляхъ.

И старуха тоже была видна. Неподвижная, отвернувшись лицомъ отъ взморья, подперши рукою локоть другой руки, она плакала, то и дѣло призывая имя Іисуса....

Какъ безумная пробѣжала Аля вдоль по мосткамъ, отдѣлявшимъ ее отъ тони, и остановилась на самомъ краю помоста...

— Сынъ мой! сынъ мой! — очерчивалось съ быстротою молніи въ затуманенномъ сознаніи Али.

Сѣрая пѣна, до дна подвижныхъ волнъ, мѣшала различать, чтò и какъ въ нихъ происходило. Вѣтеръ, ежеминутно крѣпчавшій, обрывалъ возгласы людей и разносилъ ихъ. Что-то бѣлое, небольшое, то вздымалось, то опускалось по разбушевавшейся хляби.

Окаменѣла Аля!

Видится ей какъ во снѣ, будто кто-то изъ стоящихъ подлѣ верхнее платье свое снялъ, ноги разулъ и бросился въ воду. Пѣна, волны, свистъ... Бѣлый предметъ то подкатывался, то отходилъ отъ свай тони... Плыветъ къ нему человѣкъ, борется.... приблизился... схватилъ... назадъ плыветъ... Вотъ мелькнула брошенная веревка, и онъ поймалъ ее... Притягиваютъ...

Съ ребенкомъ на рукахъ вскарабкался на помостъ отважный, весь мокрый пловецъ, совершившій подвигъ. Почтительно, безмолвно, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, раздалась толпа, открывая ему дорогу; дитя покоилось въ его рукахъ безъ сознанія, съ отвисшею головкою, личикомъ къ небу. Съ длинныхъ, свѣтлыхъ волосъ, съ концовъ рукъ и ногъ обильно сбѣгала вода.

Случилось такъ, что пловецъ направился прямо къ Алѣ Какъ стояла Аля, такъ и кинулась она ему въ ноги, стала обнимать колѣни и жарко цѣловать ихъ... и плакать!

— Хороша мать! Нечего сказать!—говорили въ толпѣ.— Дѣтей малыхъ въ такую пору да на тоню водитъ...

— Не мать она, не мать ему! — выхныкивала старуха, тоже приблизившаяся къ пловцу, держа за руки двухъ другихъ дѣтей, ей довѣренныхъ. —Ея-то сынишка, — говорила старуха,—дома остался, дома!

— Какъ такъ не мать?—раздалось одновременно съ разныхъ сторонъ.

Но Аля ничего не слыхала, ничего не различала, она плакала неудержимо, съ какимъ-то необъяснимымъ упоеніемъ! Давно позабытыя слезы, обильныя слезы являлись ей такими отрадными, такими добрыми, облегчающими... Въ помутившемся сознаніи Али совсѣмъ не ясно было — сынъ, или не сынъ передъ нею? Живъ, или не живъ ребенокъ? Вѣроятнѣе, что сынъ; двухъ другихъ дѣтей, гулявшихъ съ нимъ, она только-что видѣла, а онъ былъ тоже со старухою! Но до этого ей не было дѣла, это было ей какъ будто все равно; онъ спасенъ, спасенъ! И она рыдала, рыдала во всю и тѣмъ самымъ возвращалась къ правильному сознанію, подъ ревъ и свистъ налетавшаго съ моря вихря...

Но кому бы, въ самомъ дѣлѣ, изъ людей, при видѣ рыдавшей на колѣняхъ Али, пришла въ голову мысль усомниться въ томъ, что дитя, мало-по-малу приходившее въ себя, не ея ребенокъ? Кто бы подумалъ, что Аля, разбившая утюгомъ голову желтаго дога, видѣла передъ собою не собаку, а какой-то ненавистный призракъ, скарлатину, оспу! И многое, многое въ жизни только кажется людямъ. Счастливъ ли этотъ веселый, смѣющійся? Нужно ли почтить и утѣшить вотъ эту печаль и не расхохотаться ли надъ нею? Велико, обманно въ жизни людской слово: кажется...

КЛЮЧИКЪ.

Близится третій часъ ночи. Федоръ Федоровичъ, возвратившись изъ клуба, направился къ себѣ въ кабинетъ и, прочитавъ наскоро заголовки привезенныхъ вечеромъ изъ министерства курьеромъ бумагъ, лежавшихъ на столѣ, раздѣлся, сорвалъ со стѣнного календаря листокъ и, подойдя къ кіоту, сбросилъ спичкою со свѣтильни лампадки, горѣвшей передъ нимъ, грузный, малиновый, какъ каленый уголь, нагаръ. Сразу вспыхнули всѣ потемнѣвшіе лики иконъ кіота, и кабинетъ просвѣтлѣлъ.

Въ спальню жены своей, Анны Федоровны, вошелъ онъ въ халатѣ, вошелъ потихоньку. Тутъ тоже горѣла передъ образомъ лампадка, но горѣла свѣтло, ровно, и бѣлое пламя ея ни мало не колыхалось въ безусловно спокойномъ, немного прохладномъ воздухѣ. Особенно ярко освѣщала она бѣлый пеньюаръ Анны Федоровны, положенный на кушетку, и раскрытую книжку, лежавшую подлѣ нея на столикѣ и читанную передъ сномъ.

Прошло только два года послѣ свадьбы Федора и Анны. Дѣтей у нихъ не было и жилось имъ не бѣдно и не дурно. Но что̀ значитъ это недурно, послѣ двухъ лѣтъ брачной жизни, если живется иногда, хотя и очень рѣдкимъ счаст-

ливцамъ, недурно и послѣ двадцати лѣтъ? Сколько помогала этому молодость обоихъ — женѣ миновало восемнадцать лѣтъ, мужу двадцать девять—сказать трудно, такъ какъ зачастую молодость только мѣшаетъ сосредоточенію счастья подлѣ своего очага, въ своемъ домѣ; но вѣрно то, что подобнаго вопроса ни тотъ, ни другая себѣ не задавали. Это было очень не хорошо. Конечно, писать нравоучительныя прописи легко, переписывать ихъ еще легче. а сказать, что то или другое не хорошо—даже и совсѣмъ не трудно, но, тѣмъ не менѣе, нельзя не замѣтить, что именно у насъ, русскихъ, гораздо полнѣе, чѣмъ у другихъ, отсутствуетъ всякое возникновеніе, всякая постановка вопросовъ въ себѣ самомъ, о себѣ самомъ.

Не о тѣхъ вопросахъ, которые ставилъ себѣ по окончаніи дня знаменитый римскій императоръ, говорится тутъ, не о тѣхъ вопросахъ практической жизни, которые касаются службы, домашнихъ и общественныхъ отношеній, знакомствъ и прочихъ сутолокъ жизни, разсужденія о которыхъ при дѣтяхъ такъ ужасно вредны въ воспитательномъ отношеніи, вспоминается въ данномъ случаѣ; нѣтъ, вспоминаются другіе, гораздо болѣе вѣскіе. Вспоминаются тѣ изъ вопросовъ, которые, если они возникли въ глубинѣ душевной, никогда, ни въ какомъ случаѣ и никому, не только третьему, но и второму лицу, не повѣряются и обнаруженію не подлежатъ. Это вопросы внутренней, скрытой лабораторіи ума и сердца, незримые и неслышные, но чрезвычайно дѣятельные, которые копошатся въ людяхъ, смотрящихъ на жизнь иначе, чѣмъ на рядъ обѣдовъ и ужиновъ, на шествіе отъ крестинъ къ свадьбамъ и похоронамъ, на зимніе и лѣтніе сезоны, на награды и повышенія по службѣ. Это тѣ вопросы бытія сердца, въ которыхъ, если бы они возникали въ насъ въ достаточномъ количествѣ и качествѣ, мы могли бы уяснить себя себѣ,

становились устойчивѣе, прочнѣе и могли бы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже провидѣть будущее. Императоръ Титъ, вспоминая о томъ, совершилъ ли онъ доброе дѣло истекшимъ днемъ, былъ, какъ говорится, крѣпокъ заднимъ умомъ и касался одного только вида дѣяній и къ тому же уже совершившихся, рѣшенныхъ. Тѣ вопросы, о которыхъ вспоминается тутъ, принадлежатъ, главнымъ образомъ, только грядущему, они только еще предложены рѣшенію.

Своенравная судьба, въ данномъ случаѣ, поставила Федору Федоровичу вопросъ о направленіи своихъ отношеній къ очень молодой женѣ. Первые два года прошли чрезвычайно быстро и незамѣтно въ вѣяніи еще не успокоившагося пыла страсти, въ составленіи кружка знакомыхъ, въ пополненіи тѣхъ или другихъ недостатковъ въ хозяйствѣ, въ новизнѣ ощущеній, въ сознаніи того, что въ бракѣ что-то достигнуто, что-то рѣшено, что-то опредѣлилось и что бракъ самъ по себѣ уже гавань, въ которой можно бросить якорь или причалить къ берегу. Но промелькнуло время, дѣтей не было (хотя и дѣти не разрѣшеніе), знакомства окончательно сложились, хозяйство пополнилось всѣмъ необходимымъ, а жить, все-таки, предстояло. Мало-по-малу начала проявлять свои безобразныя примѣты скука, плодовитая создательница всякаго зла. Федоръ Федоровичъ сталъ ходить въ клубъ, Анна Федоровна принялась за чтеніе. Это обычное начало.

Наступило такое время жизни, въ которое, если бы Федоръ Федоровичъ относился къ числу людей, постигающихъ или хотя бы только замѣчающихъ вопросы, поставленные жизнью на очередь, если бы онъ былъ хотя сколько-нибудь внимателенъ къ внутреннему міру своего бытія, то, несомнѣнно, замѣтилъ бы эту скуку и озаботился пріисканіемъ того, чтò противъ нея дѣлать и какъ обойти. Но онъ, какъ и громадное большинство, скуку эту хотя и по-

чувствовалъ въ себѣ и въ женѣ, но никакого вопроса изъ этого не дѣлалъ, пошелъ въ клубъ и отдался теченію жизни: пусть, молъ, несетъ! А между тѣмъ, какъ легко было бы ему, какъ говорятъ французы, стать господиномъ своего положенія; стоило только быть чуть-чуть повнимательнѣе къ женѣ, снизойти, если угодно, до ея уровня; стать доступнѣе, снисходительнѣе къ ея почти дѣтскимъ воззрѣніямъ. Онъ этого не сдѣлалъ, потому что никакого вопроса въ немъ не родилось.

Войти въ спальню къ мужу и женѣ, да еще въ три часа пополуночи, не вызвавъ величайшаго переполоха, можно только при посредствѣ писателя или живописца.

Анна Федоровна глубоко спитъ. Лампадка свѣтится настолько ярко, что замѣтенъ даже румянецъ на совсѣмъ юныхъ щекахъ женщины, красное личико обрамлено подушкою, выпятившеюся по краямъ лица, подъ тяжестью головы. Она спитъ совершенно спокойно, и голубое шелковое одѣяло скромно покрываетъ ее всю, до самой шеи. Федоръ Федоровичъ хотя и торопится лечь въ кровать и заснуть, но, почему-то, совершенно безвольно подходитъ на цыпочкахъ къ книжкѣ, лежавшей открытою на столикѣ подлѣ жены; размѣръ книги бросился ему въ глаза; онъ, не далѣе какъ вчера, принесъ женѣ одинъ изъ романовъ Зола, а эта книга, по величинѣ, представляла нѣчто совсѣмъ другое.

Онъ наклонился къ столику и прочелъ: «Сказки для дѣтей»!

Сопоставленіе этого заглавія съ только-что мелькнувшимъ именемъ Зола, въ сознаніи человѣка, болѣе мыслящаго, чѣмъ Федоръ Федоровичъ, сразу открыло бы цѣлый міръ, цѣлую вереницу соображеній, цѣлую программу будущихъ отношеній къ женѣ... Но... ему такъ ужасно хотѣлось спать, а на утро предстояло прочесть кое-какія бу-

маги. Удивительный человѣкъ! дѣтская книга даже не удивила его; ни единаго соображенія не вызвало въ немъ то, что «Сказки для дѣтей» нравились женѣ болѣе, чѣмъ романъ Эмиля Зола.

Въ этой игрѣ случая судьба, при свѣтѣ лампадки, давала Федору Федоровичу ключикъ къ женину сердцу, какимъ оно являлось въ тѣ дни... Онъ не замѣтилъ ключика, и оно осталось для него запертымъ.

И сколько валяется передъ людьми въ жизни такихъ простыхъ, ясно видныхъ, подходящихъ къ извѣстному положенію, какъ къ замку, ключиковъ. Наступитъ время, станетъ человѣкъ подыскивать ключика и не подберетъ его.

Если слесарь начнетъ открывать замокъ и станутъ проволочные крючки въ его рукахъ визжать и взвизгивать, то это будетъ наглядною картинкою тѣхъ позднихъ подыскиваній ключей къ тому или другому вопросу жизни, которое имѣетъ мѣсто вездѣ и всегда, но зачастую вполнѣ безнадежно.

А какой простой ключикъ могъ своевременно открыть вовсе не хитростный замокъ сердца женщины, предпочитавшей «дѣтскія сказки»—роману Зола!

ЧУГУННЫЕ ФРУКТЫ.

Если вы, пріѣхавъ въ Павловскъ, направитесь сквозь чугунныя ворота по шоссе, ко дворцу и далѣе, то не можете не замѣтить при одномъ изъ входовъ въ паркъ двѣ чугунныя, плоскія вазы, наполненныя чугунными фруктами, стоящія на невысокихъ постаментахъ.

Исторійка о нихъ построена на одномъ изъ проявленій весенней любви.

Это было въ то время, когда Павловскій паркъ еще не совсѣмъ украсился; храмики и фермочки его были почти новы, и въ немъ не проявлялось того statu quo, который отличаетъ въ настоящее время всѣ наши лѣтнія резиденціи, имѣющія, въ этомъ отношеніи, большое сходство съ установившимися, неподвижными очертаніями дремлющихъ въ быломъ—Версали и Потсдама.

Чьи фантазіи участвовали въ украшеніи, работали, производили!? Всякія фантазіи натруживались въ изысканіи средствъ украшенія, включительно до фантазій садовниковъ, и римскіе императоры и греческіе боги занимали отведенныя имъ садовниками мѣста.

Какъ разъ противъ тѣхъ чугунныхъ фруктовъ, о которыхъ упомянуто, стояла во дни ѻны небольшая дача. На дачѣ жилъ лѣтомъ ея собственникъ и съ нимъ его жена. Зимою помѣщался въ ней сторожъ со своею женою.

Мужъ служилъ бы непремѣнно въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, если бы оно въ тѣ дни существовало. Онъ считалъ себя помологомъ и энтомологомъ, но министерство это тогда еще не родилось, хотя государственныя имущества на-лицо, конечно, имѣлись. Жена его была бы непремѣнно дамой-благотворительницей, если бы въ тѣ дни существовалъ этотъ типъ служенія обществу; но какъ не было министерства государственныхъ имуществъ, хотя были имущества, такъ не было и салонной благотворительности, хотя имѣлись бѣдные, сирые и голодные, и существовали вообще и благотворительность, и нищета.

Въ указанномъ какъ бы сходствѣ судьбы обоихъ, мужа и жены, Анны Павловны и Ефима Ивановича — это ихъ имена—сказывалась единственная, общая черта супруговъ, если не считать того, что оба были молоды, вѣчно ссорились и оба считали себя свободными.

Анна Павловна отличалась характеромъ чрезвычайно капризнымъ, фантастическимъ. За ней началъ ухаживать въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, молодой человѣкъ, маркизъ, одинъ изъ потомковъ французскихъ гугенотовъ, пріютившихся въ Россіи еще задолго до Отечественной войны. Маркизъ былъ находчивъ, пылокъ; необходимо замѣтить, что, по бабушкѣ своей, онъ сталъ православнымъ. Православный маркизъ давно уже устремлялся къ Аннѣ Павловнѣ. Однажды объяснился онъ ей въ любви самымъ несомнѣннымъ образомъ.

— Вы скучаете безъ любви! — отвѣтила ему она: — но вѣдь это все тотъ же припѣвъ старой пѣсни!

— Какъ—тотъ же? совсѣмъ нѣтъ! Я безъ васъ не могу, я...

— Всѣ вы не можете до поры до времени. Но всѣ вы, господа, такъ убійственно однообразны: первый взглядъ, второй взглядъ, первое слово, второе слово, первое свиданіе и, затѣмъ, наступитъ второе—уже скучное, уже то же самое...

— Но, Боже мой:—говорилъ маркизъ,—вѣдь и соловей поетъ все то же самое, и, можетъ-быть, даже тотъ же самый соловей и на той же вѣткѣ?

— Нѣтъ, право, скучно, скучно!

— Я слышалъ объ одной женщинѣ,—продолжалъ маркизъ,—которая, отыскивая разнообразія, выслушала, наконецъ, признаніе въ любви въ лодкѣ воздушнаго шара. Полетимъ! Хотите?

— Нѣтъ, это опасно и, къ тому же, зачѣмъ летѣть въ небо? можно и землей ограничиться...

Разговоръ этотъ происходилъ послѣ обѣда, на балконѣ. На столѣ передъ обоими собесѣдниками стояла хрустальная вазочка, наполненная фруктами. Оба они, отъ поры до времени, кушали эти фрукты.

— Вы меня такъ нервно настраиваете, — проговорилъ маркизъ:—что если бы я могъ сразу преобразить эти фрукты въ чугунные или каменные, я бы сдѣлалъ это непремѣнно для новизны. Ваши зубки въ такомъ случаѣ...

— Что зубки! пожалѣйте лучше желудокъ, — отвѣтила ему, смѣясь, собесѣдница.—Впрочемъ, чугунные фрукты—мысль недурная! Дайте мнѣ чугунныхъ фруктовъ, и тогда...

— И тогда?..

Цѣлый планъ дѣйствія сразу, мгновенно возникъ въ головѣ маркиза, и онъ тотчасъ же приступилъ къ его исполненію.

На слѣдующее же утро отправился онъ въ дворцовую контору и разспросилъ подъ рукою, кто и какъ занимается украшеніемъ парка, и что̀ думаютъ дѣлать ранѣе прочаго, и скоро ли это будетъ? Ему отвѣтили, что въ настоящую минуту обращено вниманіе на входы въ паркъ и предположено ихъ украсить. Есть предположенія каменныхъ и чугунныхъ украшеній...

— Кто же,—спросилъ маркизъ,—завѣдуетъ этимъ? кому поручено?

— Чтò именно?

— Да хоть бы чугунныя украшенія у входовъ?

— Литейщику.

— Гдѣ живетъ?

— Тамъ-то.

Отправился маркизъ къ литейщику.

— Поручены вамъ такія-то работы?

— Поручены.

— Чтò вы думаете поставить у такого-то входа?

— Пока не знаю. Придумаю.

— Хотите: мысль дамъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

Маркизъ сообщилъ свою идею о вазахъ съ чугунными фруктами; она была найдена литейщикомъ подходящею. Литейщикъ обѣщалъ воспользоваться ею и къ будущему году приготовить что нужно.

— У меня до васъ просьба,—прибавилъ маркизъ.

— Какая?

— Сдѣлайте это сейчасъ.

— Какъ сейчасъ: надо рисунокъ, модель, надо разрѣшеніе отъ кого слѣдуетъ!

— Я заплачу вамъ сверхъ того, чтò вы получите... У меня есть существенныя причины видѣть вазы съ чугунными фруктами готовыми еще въ нынѣшнемъ сезонѣ.

— Это невозможно.

— Однако!

Подумалъ литейщикъ и, сообразивъ, что особенной трудности въ изготовленіи чугунныхъ фруктовъ не будетъ, что совсѣмъ не лишнее получить, сверхъ ожиданной, добавочную сумму, изъявилъ свое согласіе. О цѣнѣ условились.

Прошло два слишкомъ мѣсяца.

Въ одно прекрасное, дѣйствительно прекрасное, осеннее утро Анна Павловна, въ пунцовомъ пеньюарѣ, вышла на балконъ своей дачи и, къ величайшему удивленію, бросивъ взглядъ на паркъ, увидѣла передъ собою двѣ новыя, до того не стоявшія, вазы. Какія-то работы по установкѣ чего-то шли уже на ея глазахъ недѣли три: рыли яму, клали фундаментъ. Въ этомъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ по всѣмъ угламъ парка производились работы, а о разговорѣ своемъ съ маркизомъ Анна Павловна давно позабыла... теперь она вспомнила его.

Вазы, озаренныя утреннимъ солнцемъ, произвели на Анну Павловну еще издали какое-то странное, почти пугающее впечатлѣніе.

— Въ нихъ, должно-быть, фрукты, чугунные фрукты,— думала она: — и въ такомъ случаѣ я въ долгу! Мнѣ маркизу платить нужно будетъ...

Раньше и быстрѣе обыкновеннаго смѣнила она пеньюаръ на платье и вышла гулять. Подойдя вплотную къ вазамъ, она остановилась: чугунные фрукты, обрызганные росою, мерцали въ лучахъ утренняго солнца тысячами лучей, а Анна Павловна глядѣла на нихъ съ какимъ-то смущеннымъ, ей не вполнѣ объяснимымъ чувствомъ. Сказка это или дѣйствительность? и что̀ тутъ дѣлать?.. Подождемъ— увидимъ...

Характернѣе всего то, что находчивый маркизъ изъ православныхъ не заплатилъ литейщику обѣщанной ему дополнительной суммы. Мастеръ приходилъ къ нему много разъ, но напрасно, и, наконецъ, бросилъ мысль о добавочномъ вознагражденіи. Должно-быть, маркизъ позабылъ.

А чугунные фрукты красуются попрежнему до сихъ поръ, окропляемые лѣтними дождями и росами и хранимые зимою подъ глубокимъ покровомъ снѣга.

ПОДСМОТРѢЛЪ.

Это случилось двадцать два года назадъ.

Былъ поздній іюльскій вечеръ. Темнѣло. Ночи были еще настолько прозрачны, что часу въ одиннадцатомъ можно было ясно различить шагахъ въ десяти лицо знакомаго человѣка.

Въ одной изъ боковыхъ аллей Каменнаго острова, только-что выйдя изъ воротъ сторожки большой дачи и робко озираясь, прощалась съ мужчиной высокая, хорошо одѣтая, несомнѣнно изящная женщина. Лицо свое она какъ-то очень ловко скрывала, боясь, чтобы кто не подсмотрѣлъ; лица на ней будто не было; но граціи скрыть она не могла, она сказывалась, благодаря полусвѣтлой ночи, въ каждомъ движеніи и многое говорила...

Не скрывала женщина лица своего только отъ человѣка, съ которымъ прощалась, не могла его скрыть и не хотѣла, потому что онъ искалъ поцѣлуя... Какъ не найти мѣста для поцѣлуя въ молодые годы на дорогомъ, миломъ лицѣ, теплою лѣтнею ночью, когда никто не видитъ? И поцѣлуй раздался, настолько явственный, что женщина испугалась. Точно преступленіе совершила она!

— Прощай, прощай же... не надо... — промолвила женщина.

— Когда же?

— Какъ условлено...

— А раньше?

— Нельзя...

— Но, можетъ-быть...

— Не проси... ты знаешь...

Въ это самое время будто громомъ какимъ поразили ее звуки лошадинаго топота. Домикъ сторожа стоялъ на углу двухъ аллей; если кто выѣзжалъ изъ боковой, поворачивая направо, то, до поворота, приближенія изъ-за кустовъ не было слышно, а послѣ поворота топотъ выносился, вырывался сразу.

На рысяхъ породистаго, красиваго коня промелькнулъ мимо обоихъ прощавшихся ѣздокъ. Онъ посмотрѣлъ на нихъ... узналъ... конечно, не поклонился и исчезъ. Онъ узналъ ростъ, грацію.

Сердце женщины мгновенно точно льдомъ обвело.

— Узнали, узнали...—думалось ей, когда она почти бѣгомъ пустилась къ сосѣднему каналу, къ лодкѣ. Дремавшій яличникъ проснулся, потому что женщина сильно расколыхала лодку, вскочивъ въ нее.

Мужчина пошелъ въ противоположную сторону по аллеѣ.

Ѣздокъ не былъ соглядатаемъ, но онъ дѣйствительно видѣлъ...

* * *

Прошло двадцать два года.

Не было въ живыхъ никого изъ тѣхъ, о комъ только-что упомянуто. Прежде всѣхъ умерла тихая, свѣтлая, лѣтняя ночь, въ которую совершилось разсказанное, и была она умерщвлена розовымъ утромъ, занявшимся надъ Невою, въ зоревыхъ огняхъ, безтрепетно, безучастно, точно ничего особеннаго за ночь не произошло. Черезъ день покончилось существованіе верховой лошади, загнанной ѣздокомъ; какъ бы обуянный видѣніемъ женщины, имъ узнанной, которую онъ часто встрѣчалъ недоступною, гордою, безупречною, отсчиталъ онъ безпощадною рысью весь путь отъ Камен-

наго острова до Знаменской церкви, подлѣ которой жилъ. Конь былъ взмыленъ еще до встрѣчи. Видѣніе женщины, обвѣвавшее мысли ѣздока, давало себя чувствовать усиленнымъ дѣйствіемъ коротенькихъ, но острыхъ шпоръ. Видѣніе туманило мысли—бока коня чувствовали его. Лошадь пала черезъ день.

Исчезъ домикъ привратника—онъ сгорѣлъ. Это произошло тоже лѣтомъ. Многіе любовались пожаромъ, двоившимся въ сосѣднемъ каналѣ; пожаръ отражался бѣгучимъ золотомъ и въ недалекой быстрой Невѣ. Въ домикѣ сторожа гостило временно благоденствіе. Уже три года подрядъ, до рокового поцѣлуя, встрѣчались въ немъ тѣ двое, что̀ поцѣловались. У сторожа была особая, чистая комната, подъ ихъ ключомъ. Эта комната видѣла много и горячей страсти, и дѣйствительной любви. Сторожу хорошо платили; онъ содержалъ свою семью и имѣлъ билетъ въ сохранной казнѣ. Послѣ описанной лѣтней ночи къ нему больше не ѣздили. Денегъ на семью не хватало, сторожъ запилъ; выпивши, случайно поджегъ онъ свой домикъ и постройка исчезла. На мѣстѣ сторожки зазеленѣли липки и расплодились въ травѣ подъ ними Иванъ-да-Марья и фіалки...

Не стало, наконецъ, ея, женщины; она своевременно постарѣла. Давно отошла, не порвалась, а сама собою прошла, какъ и слѣдовало, связь ея съ тѣмъ человѣкомъ, который говорилъ ей:

— А когда же? Нельзя ли раньше?..

Для этого человѣка обманула она своего мужа и имѣла отъ него ребенка, мальчика, котораго мужъ боготворилъ. Мужъ не зналъ: чей онъ—этотъ ребенокъ.

Глубока была тайна и счастлива любовь. Тайною дышала эта любовь. Ее подглядѣли, и она точно надломилась, завяла. Годы взяли свое, и женщина умерла. Умеръ мужъ. Умеръ любовникъ. Дольше всѣхъ жилъ ѣздокъ-соглядатай;

но, наконецъ, отошелъ и онъ. Казалось бы, чего проще? смерть помирила всѣхъ. Нѣтъ! Осталось жить одно только летучее слово...

* * *

По хрупкому снѣгу, декабрьскимъ, пасмурнымъ утромъ, недалеко отъ Мурина, въ оврагѣ рѣки, занесенной глубокими, пухлыми сугробами, копошились люди.

На самомъ краю оврага высилась фигура человѣка въ форменной фуражкѣ и пальто.

Человѣкъ этотъ махалъ рукою въ сторону двухъ троекъ, стоявшихъ поодаль. Не весело было у него на сердцѣ. Сухой туманъ, обволакивавшій вершины деревьевъ и дымившійся по нимъ, будто бы заползалъ къ нему въ сердце.

Чужимъ былъ этотъ человѣкъ тому дѣлу, которое совершилось, а холодный туманъ въ сердцѣ его все-таки осаждался.

Дуэль кончилась.

— Осторожнѣе, осторожнѣе!—раздавалось снизу.

Четыре человѣка несли пятаго. Сзади, поодаль, шелъ еще одинъ. По бѣлому снѣгу чрезвычайно четко обрисовывались всѣ ихъ очертанія. По мѣрѣ подъема изъ оврага по небольщой тропинкѣ, когда, сторонясь отъ деревьевъ, фигуры одна отъ другой отдѣлялись, можно было отличить повисшую голову и согнутыя ноги человѣка, котораго несли.

— Тише! осторожнѣе!

— Напрасно, господа! — отвѣтила сверху фигура въ пальто и фуражкѣ:—его не потревожите!

Тройки тѣмъ временемъ подтянулись. Ямщики, снявъ шапки, осѣнились крестами. Убитаго положили, усѣлись, поѣхали. На большой дорогѣ ожидала четырехмѣстная карета. Пересѣли, переложили тѣло. Одна тройка оказалась пустою; другая быстро понеслась впередъ, оставивъ за собою карету.

Въ тройкѣ этой сидѣлъ съ двумя другими тотъ, что̀ убилъ человѣка, юноша, какъ и убитый. Онъ молчалъ. За нимъ, какъ двадцать два года назадъ, за живымъ тогда всадникомъ, его отцомъ, и не павшею еще тогда лошадью, неслось видѣніе, и тоже обвѣвало собою, видѣніе того, что̀ только-что совершилось: выстрѣлъ, дымъ, кровь... Онъ, этотъ юноша, услыхалъ когда-то, гдѣ-то, что убитый имъ человѣкъ—незаконный сынъ... Судьба свела ихъ обоихъ подлѣ одной и той же дѣвушки. Онъ уязвилъ противника въ недобрый часъ тѣмъ, что̀ зналъ, потому что слыхалъ. Отъ кого? Это знали до него и другіе, и многіе, потому что когда-то отецъ его, давно умершій всадникъ, повѣдалъ кому-то, случайно, въ разговорѣ, мало ли чего не говорится?.. Другой сказалъ третьему, такъ узналъ и онъ, но только не отъ отца. Миновали годы... людей пережило воспоминаніе случайно оброненнаго слова, сложилась недобрая минута, и очень просто сложилась: сорвалось это слово, и появились мертвое тѣло, и томительный страшный день...

* * *

А свѣженькія липки, на мѣстѣ сгорѣвшей сторожки, выросли большими, стройными, красивыми, и обильно кустятся подъ ними по веснѣ Иванъ-да-Марья и фіалки. Въ законный срокъ залетаетъ въ липки соловей и поетъ лѣтнею ночью о любви и счастіи другимъ, вѣчно новымъ, волною набѣгающимъ людямъ.

Что̀ бы сто̀ило давно умершему ѣздоку повернуть коня не направо, а налѣво? и зачѣмъ такъ легки слова, такъ живучи они? Зачѣмъ?

А потому, что, не уничтожь пожаръ сторожки, не было бы мѣста вырасти красивымъ и стройнымъ липкамъ, куститься Иванъ-да-Марьѣ и фіалкамъ и изнывать надъ ними въ пѣснѣ налетающему весною соловью.

ПРИГЛЯДИТЕСЬ КЪ НЕЙ.

Какъ хороша она, какъ хороша эта женщина! Вы ее навѣрное видѣли.

Она свободна, она вдовѣетъ вотъ уже третій годъ, а вдовство—значительное подспорье красотѣ, если она есть. То, что̀ называлось ея мужемъ, было шестидесяти лѣтъ отъ роду и покоится на кладбищѣ Невскаго монастыря, и будетъ придавлено богатымъ бѣломраморнымъ памятникомъ.

Она, женщина эта, поѣхала выбирать памятникъ съ человѣкомъ, бывшимъ близкимъ къ ней еще при жизни мужа. Когда они вошли въ монументную мастерскую, пестрые мраморы, молящіеся ангелы и херувимы умильно глядѣли на вошедшихъ со всѣхъ сторонъ. Мраморы и камни были всѣхъ сортовъ, начиная отъ шокшинскаго гранита, изъ котораго сдѣлана гробница Наполеона I въ домѣ Инвалидовъ, отъ отливающихъ синью и зеленью лабрадоровъ, виднѣющихся въ Москвѣ въ храмѣ Спасителя, до настоящихъ каррарскихъ образцовъ, родственныхъ тѣмъ, изъ которыхъ создавалъ свои безсмертныя вещи Микель-Анджело.

Вошедшіе въ мастерскую говорили по-французски и продолжали какой-то неоконченный разговоръ. Хозяинъ, завидѣвъ у подъѣзда богатый фаэтонъ, въ шорахъ, доставив-

шій новыхъ заказчиковъ, поклонился, но молчалъ, выжидая указаній

— Вы заставляете меня, господинъ Аристотель,—проговорила женщина: — смѣяться подлѣ памятниковъ! Не хорошо.

— Это для того, чтобы памятникъ серьезнѣе вышелъ и скорѣе достигалъ цѣли.

— Какъ такъ?

— По теоріи воскресенія изъ мертвыхъ: смерть даетъ жизнь, слѣдовательно смѣхъ даетъ серьезное. Вѣдь на его могилу нельзя же смѣхотворнаго памятника поставить?

Проговоривъ это, господинъ, названный Аристотелемъ, желая вкусить награду своимъ игривымъ словамъ, зорко взглянулъ на собесѣдницу; она какъ-то странно мотнула головою, погрозила пальцемъ, на которомъ побрякивала, качаясь на цѣпочкѣ, небольшая лорнетка, вѣчно раскрытая, улыбнулась и обратилась съ вопросомъ къ хозяину.

Кличка Аристотель была дана Платону Ѳедоровичу Лопареву исключительно потому, что онъ назывался Платономъ. Никакихъ другихъ причинъ быть не могло, отъ самыхъ юныхъ лѣтъ его начиная. Философомъ онъ не былъ, хотя не былъ лишенъ нѣкоторыхъ порывовъ къ мудрствованію, иногда даже довольно сложному, тамъ, гдѣ дѣло касалось, напримѣръ, восполненія его ежегодныхъ, хроническихъ дефицитовъ. Платонъ Ѳедоровичъ относился къ чистокровнѣйшимъ представителямъ того особаго вида людей, которыхъ съ такою полностью и съ такою отчетливостью, какъ у насъ въ Россіи, не встрѣтите вы нигдѣ; людей, девизомъ которыхъ должны бы быть слова: «Не могу жить по средствамъ».

Начиная отъ батистовой тонкости того бѣлья, которое онъ носилъ, включительно до той женщины, которую любилъ и которою обладалъ, все въ немъ было не по сред-

ствамъ. Но зато, на тридцать третьемъ году отъ роду, могъ онъ сказать, положа руку на сердце, что умѣлъ и умѣетъ пользоваться жизнью. Маленькое состояніе его оказалось разстроеннымъ вдоль и поперекъ; зато чего-чего не видалъ, не испыталъ онъ? Довольно независимое служебное положеніе было обезпечено, связи имѣлись на-лицо, особенныхъ причинъ печалиться не существовало, и Платонъ Өедоровичъ жилъ весело. Входя къ монументному мастеру, сознательно переживалъ онъ пріятную минуту жизни: отсюда предстояло ѣхать завтракать въ одну изъ милютиныхъ лавокъ, въ хорошей компаніи, съ нею... а она—его!

— Такъ, вотъ, этотъ выберемъ?—проговорила Лидія Константиновна, подходя къ высокому бѣлому обелиску, стоявшему въ углу и высовывавшему изъ-за остальныхъ памятниковъ свою острую вершину.

— Только потому развѣ, что самый большой,—дополнилъ Платонъ Өедоровичъ, идя за нею.

— А какъ цѣна?

— Цѣна, какъ есть, безъ рѣшетки, семьсотъ рублей.

— А постановка?

— Триста съ рѣшеткою.

Лидія Константиновна ничего не отвѣтила и перешла къ другому памятнику, потомъ къ третьему.

Лидія Константиновна была стройнаго сложенія, высокаго роста и обладала удивительно роскошными, черными какъ смоль волосами. Сложена она была такъ замѣчательно хорошо, что если бы судьба не дала ей независимаго положенія въ обществѣ и она попала моделью къ художнику, то нѣкоторое обезпеченіе было бы непремѣннымъ слѣдствіемъ ея перваго позированія. Темные глаза смотрѣли тоже очень красиво и были обведены замѣчательно длинными рѣсницами, окружавшими ихъ тою мечтательною

полутѣнью, которую многія, очень многія, женщины наводятъ на свои очи путемъ обрисовки. Смѣялась она увлекательно, была весела, умна и смѣла до дерзости.

Самый богатый пансіонъ Петербурга далъ ей воспитаніе; самый любезный изъ мужей не замедлилъ возвратить ей своею смертью свободу и передать имущество тысячъ въ девяносто, что̀ не мѣшало Лидіи Константиновнѣ жить, по крайней мѣрѣ, тысячъ на двадцать въ годъ. Такъ какъ не было никакого основанія полагать, что она проживала свой капиталъ, то, слѣдовательно, существовали другія средства. Какія?—объяснить себѣ это, отчасти, не трудно, потому что финансы Платона Ѳедоровича клонились къ упадку, и тамъ и сямъ стали появляться векселя его. Онъ занималъ уже по пяти процентовъ въ мѣсяцъ. Своихъ неизвѣстныхъ благодѣтелей, деньгодателей, онъ не зналъ; ему приходилось имѣть дѣло съ агентами, съ третьими лицами, а настоящіе капиталисты, какъ это всегда дѣлается, предпочитали оставаться безымянными, довольствуясь четырьмя процентами въ мѣсяцъ, оставляя одинъ процентъ въ пользу агента.

Завтракъ, послѣ выбора монумента, оказался очень вкуснымъ и веселымъ. Собесѣдниковъ было пять человѣкъ.

— Нельзя ли, господа, завтра устроить подобный же завтракъ?—сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Лучше ужинъ!

— Здоровье представительницы прекраснаго пола, между нами находящейся!

— Лидія Константиновна, Лидія Константиновна, ура!

И бокалы звенѣли, и вино исчезало.

— Здоровье Аристотеля!—проговорила неожиданно Лидія Константиновна.

Аристотель, сидѣвшій насупившись, точно встряхнулся.

— Счастливецъ! кто за него тостъ предлагаетъ!—про-

говорилъ одинъ изъ наиболѣе скромныхъ претендентовъ на пышную Лидію Константиновну.

Выпили за его здоровье, и съ этимъ вмѣстѣ улетучилось одно изъ обычныхъ мгновеній жизни обезпеченныхъ, но пустыхъ людей: помѣсь гастрономическихъ вожделѣній, винныхъ паровъ подъ жгучими взглядами хорошенькой женщины, мыслей, не шедшихъ далѣе обстановки отдѣльнаго кабинета милютинской лавки, и... настоящей, дѣйствительной, искренней любви.

Платонъ Ѳедоровичъ любилъ не въ шутку, и величайшимъ мученіемъ этой любви было сознаніе, что любовь эта непрочна, что она, для этой женщины, только потому и любовь, что проходитъ, вѣчно проходитъ, никогда не есть, не будетъ и не можетъ быть...

Онъ рѣшился, однако, кончить съ этимъ положеніемъ, и кончить не далѣе, какъ завтра: онъ рѣшился сдѣлать Лидіи Константиновнѣ предложеніе.

На утро слѣдующаго дня Платонъ Ѳедоровичъ явился къ ней раньше обыкновеннаго, часу въ одиннадцатомъ. Онъ поднялся по лѣстницѣ къ дверямъ квартиры въ ту минуту, когда лакей, прибравъ комнату, нашелъ нужнымъ побесѣдовать съ поваромъ, такъ какъ посѣтитель вошелъ безъ звонка. О немъ, какъ это часто бывало, вовсе не доложили и онъ направился прямо въ будуаръ.

На этотъ разъ ему хотѣлось поговорить окончательно. Ему хотѣлось сказать, что онъ не можетъ болѣе выносить расточаемаго любимою имъ женщиною кокетства, что онъ измаялся, истомился; что если она отуманила его именно этимъ кокетствомъ, то теперь довольно, больше не надо его съ другими, что онъ, наконецъ, проситъ ея руки...

Каждая почти вещица въ квартирѣ, по которой онъ проходилъ, была ему знакома, была воспоминаніемъ, намекомъ, воплощеніемъ какой-нибудь минуты жизни за цѣлое пяти-

лѣтіе. Платонъ Ѳедоровичъ проходилъ по комнатѣ на этотъ разъ особенно грузно и многія изъ вещицъ побрякивали по сторонамъ, съ шифоньерокъ и столиковъ, благодаря особенной чувствительности половъ нашихъ новыхъ домовъ красивой архитектуры. Вещицы побрякивали и прежде, но теперь, казалось, шла кругомъ него цѣлая музыка стеклянныхъ, фарфоровыхъ, металлическихъ, какъ бы плачевныхъ голосочковъ.

Мелькнула одна комната, мелькнула другая; ковры темные, ковры свѣтлые; свѣтлѣе прочихъ глядѣлъ чуть ли не весь фарфоровый будуаръ.

Хозяйки въ будуарѣ не было. На рабочемъ столикѣ валялись разныя бездѣлушки и, между прочимъ, — что̀ бросилось пришедшему въ глаза,—нѣсколько векселей. Совершенно машинально подошелъ онъ къ нимъ и сталъ перебирать. Одинъ изъ нихъ былъ его вексель, и онъ бросился ему въ глаза скорѣе прочихъ, какъ старый знакомый.

Платонъ Ѳедоровичъ судорожно схватилъ его: вексель зашелестилъ въ рукахъ его тѣмъ рѣзкимъ, непріятнымъ шелестомъ, который составляетъ особенность вексельной бумаги. То лицо. которому выданъ былъ этотъ вексель, было знакомо Платону Ѳедоровичу, но тѣ два лица, что̀ надписали на немъ бланки, были ему совершенно невѣдомы.

Онъ схватилъ еще одинъ вексель, другой, третій... Попадались знакомыя подписи...

Нѣчто невѣроятное, сумасшедшее охватило душу его, мысли мѣшались, въ вискахъ стучала кровь, глаза видѣли неясно, сквозь туманъ...

— Ростовщица! ростовщица!—мелькало, нѣтъ, шипѣло въ его соображеніяхъ, и свѣтлорозовыя краски будуара становились красными, кровавыми...

Раньше чѣмъ оправился онъ отъ совершенно дикаго, тупого, невѣроятнаго впечатлѣнія, вошла хозяйка.

Во всей роскоши утренняго одѣянія, съ распущенными волосами, вся кружевная, свѣтлая, ароматная, едва только скользнула она въ дверь и увидѣла Платона Өедоровича съ векселемъ въ рукахъ, какъ лицо ея преобразилось: улыбка сбѣжала въ какую-то холодную, отталкивающую кривизну всего молодого лица. Хозяйка остановилась, не шелохнулась и ждала.

— Лидія! Лидія! — крикнулъ Платонъ Өедоровичъ, медленно сдѣлавъ къ ней шага два навстрѣчу, держа въ рукахъ вексель.

— Ну?—рѣзко отвѣтила она.

— Такъ ли это? такъ ли? — продолжалъ онъ съ той же рѣзкостью, обративъ къ ней вексель и дрожа всѣмъ тѣломъ.

Лидія ничего не отвѣчала... Какъ сумасшедшій бросился къ ней Платонъ Өедоровичъ, къ ней, къ неподвижной, къ удивленной, и въ разстояніи полушага, чуть не коснувшись роскошныхъ кружевъ ея пеньюара, словно отшатнулся, остановился, опомнился...

Лидія спокойно дернула висѣвшій подлѣ звонокъ.

— Подайте кофе!—сказала она немедленно вошедшему вслѣдъ за звонкомъ человѣку.

Платонъ Өедоровичъ, выходя навсегда изъ квартиры и ступая по коврамъ, не замѣтилъ, какъ жалобно, какъ плачевно раздавались фарфоровые и стеклянные голосочки дрожавшихъ по сторонамъ бездѣлушекъ.

А она? приглядитесь къ ней! вы можете видѣть ее и теперь: она не сочинена, она существуетъ, она — ростовщица!

ѲЕКЛУША.

I.

Въ нѣкоемъ селеніи, на берегу Ладожскаго озера, обиталъ рыбакъ, изъ наиболѣе зажиточныхъ рыбаковъ, имѣвшій, кромѣ хозяйки-Ѳеклуши, двухъ коровъ, двухъ лошадей и четырехъ ребятишекъ отъ первой жены; всѣхъ ногъ въ семьѣ и въ хозяйствѣ, считая и ноги хозяина, имѣлось на-лицо только двадцать семь, потому что одинъ изъ сыновей рыбака явился на свѣтъ одноногимъ. Всѣ эти люди и животныя жили вмѣстѣ. Ѳеклуша, небольшого роста, чуть-чуть горбатая, обладавшая пріятнымъ голоскомъ для праздничныхъ пѣсенъ, была характера мягкаго, сердца незлобиваго, всегда прилежная и ни съ кѣмъ никогда не спорила. Совершенную особенность Ѳеклуши составляли ея глаза: слегка косенькіе, они были такъ кротки, такъ нѣжны, что невольно и неудержимо влекли къ ней. Особенно сильна становилась эта притягательная сила, когда Ѳеклуша—что̀ случалось очень рѣдко—заговаривала быстрѣе, горячѣе обыкновеннаго; общее впечатлѣніе ея маленькой особы сказывалось тогда самымъ пріятнымъ образомъ, а если къ этому прибавить Ѳеклушину чистоплотность, — довольно рѣдкое явленіе на берегахъ Ладожскаго озера между мѣстными

рыбаками и рыбачками,—да молодые годы Өеклуши (она доживала свою двадцать пятую весну), то становится понятнымъ, почему молодые парни чаще, чѣмъ нужно, и дольше, чѣмъ можно было, останавливались передъ избою Өеклушина мужа. Онъ былъ гораздо старше Өеклуши—лѣтъ на двадцать.

Случилось, что однажды весною, неожиданно для всѣхъ, особенно для мѣстныхъ полицейскихъ властей, Өеклуша была найдена скоропостижно умершею. Началось слѣдствіе, которое обнаружило разрывъ сердца и больше ничего не открыло. Говорили въ народѣ кое-что о мужѣ; но неопровержимыхъ уликъ не имѣлось никакихъ, и дѣло предано забвенію. Өеклушу похоронили, надъ могилой ея поставленъ крестъ—и этимъ все кончилось. Зашумѣлъ надъ схороненною вѣтеръ, принесъ съ собою песокъ, полились дожди, спустилась зима и одѣла могилу Өеклуши бѣлымъ саваномъ.

Вотъ все, что̀ извѣстно было міру,—а на самомъ дѣлѣ исторія сложилась совершенно въ другомъ родѣ, потому что Өеклуша, хотя это совершенно невѣроятно, была потомкомъ одного изъ тѣхъ ветхозавѣтныхъ людей, которые строили вавилонскій столбъ. Когда Господь въ справедливомъ гнѣвѣ Своемъ разрушилъ дерзкое и нечестивое человѣческое предпріятіе, постройку вавилонскаго столба, то проклялъ всѣхъ участвовавшихъ въ постройкѣ, повелѣлъ имъ скитаться до скончанія вѣка и не имѣть входа ни въ адъ, ни въ рай, ни въ чистилище. Слово Бога не прошло даромъ: поумирали одинъ за другимъ строители, и безпокойныя души ихъ начали скитаться въ подлунной.

Одна изъ этихъ душъ, урожденная вавилонянка, принадлежала нѣкогда бородатому родичу тѣхъ знаменитыхъ, до-историческихъ халдейскихъ волхвовъ, которые почти присутствовали при потопѣ и писали на тѣхъ пергамен-

тахъ, кусочки которыхъ дошли до насъ въ твореніяхъ Верозія. Рожденная въ плодоносной Мессопотаміи, такъ красиво и ярко описанной Геродотомъ, огненная и жгучая по природѣ, какъ пески степей, окружавшихъ ея родину, подвижная и сильная, какъ вѣтеръ пустыни,—душа-вавилонянка, покинувъ бренное тѣло, стала скитаться по бѣлому свѣту. Незримая и неуловимая, побывала она вездѣ,—и вздумалось бѣдной проклятой душѣ, отъ безконечной грусти, несомнѣнно присущей безконечной свободѣ и ничегонедѣланію, создать себѣ какое-нибудь дѣло.

Это оказалось нелегко. Какимъ дѣломъ, по-истинѣ, могла заниматься безсмертная, безплотная душа? Стать участницею дѣйствительной жизни нашего міра и недѣйствительной жизни міра загробнаго—она не могла. Предвѣчный запретъ возбранялъ ей это. Но если бы и не такъ, то быть непосредственною участницею въ нашей жизни она все-таки не могла бы: что̀ понимала она, какою стороною своего исключительнаго существованія могла она породниться и принять участіе въ историческомъ бытіи земли, мѣнявшемся такъ безостановочно, начиная отъ одѣяній и обычаевъ, въ длинномъ и разнообразномъ теченіи нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ? Что̀ могло быть общаго между нею и бритыми сельджуками, завладѣвшими ея родиною? Что̀ общаго между маститымъ вавилоняниномъ-халдеемъ въ длинномъ таларѣ и однимъ изъ несомнѣнныхъ потомковъ его, раздушеннымъ и напудреннымъ дворяниномъ двора Людовика XIV, одѣтымъ въ куцый бархатный камзолъ? Что̀ общаго между нимъ и дѣятельностью русскаго мирового судьи на берегахъ Невы, между которыми одинъ, въ силу странныхъ случайностей, оказался тоже ея родственникомъ? Чтобы убѣдиться въ этомъ, сто̀итъ только вспомнить, что душѣ, для непосредственнаго участія въ жизни, не хватало простого знанія языковъ! Въ длинномъ, безконечномъ ходѣ столѣтій, на гла-

захъ души быстро нарождались новые языки и нарѣчія, создавались и умирали грамматики. Было для души такое время, когда старо-греческій языкъ являлся на землѣ великою новостью. Но что могла бы душа понять въ языкахъ и нарѣчіяхъ нынѣшнихъ германцевъ и бриттовъ? Какимъ способомъ могла бы она осилить жаргонъ гасконца или бердичевскаго еврея? Теперь, въ наши дни, конечно, работа эта оказалась бы легче и возможнѣе послѣ появленія сравнительныхъ грамматикъ и трудовъ Буслаева, Боппа, Макса Миллера и другихъ. Но именно теперь, какъ мы это увидимъ, душѣ нѣтъ болѣе никакого дѣла до европейскихъ языковъ и всякихъ сравнительныхъ грамматикъ.

Итакъ, какое же занятіе могла пріискать себѣ странствующая душа? Она, какъ существо разумное, создала себѣ занятіе, а именно: рѣшилась слѣдить за своими потомками. Слѣдить за чѣмъ-нибудь вполнѣ, хотя бы безучастно, безлично и безостановочно, но все-таки слѣдить— это нѣкоторымъ образомъ тоже настоящее дѣло. Кто не знаетъ, что можно слѣдить даже за клубомъ дыма, за собственною мыслью, сознавая, что слѣдишь за нею? Это, конечно, неблагодарныя занятія, не способныя, повидимому, удовлетворить самаго малотребовательнаго человѣка, но это все-таки занятія, которыми живутъ и дышатъ сотни, тысячи печальныхъ, больныхъ и заключенныхъ. Стòитъ вспомнить, какъ слѣдилъ Бониваръ изъ своей тюрьмы за полетомъ ласточки, за бѣготнею мыши; стòитъ вспомнить, какъ слѣдятъ арестанты въ Сибири за томительно-однообразнымъ уходомъ дней и приходомъ ночей. Тамъ, гдѣ судьба или случай лишаютъ человѣка его лучшихъ благъ— свободы двигаться и дѣйствовать, гдѣ внѣшняя жизнь становится для человѣка совсѣмъ чужою жизнью и не имѣетъ для него даже столько плоти, сколько имѣетъ отраженіе предмета въ зеркалѣ,—тамъ пробуждается въ груди со-

знающаго, еще не вполнѣ отупѣвшаго существа свой міръ, свое бытіе. Исключительно изъ своего «я» создаетъ оно обитателей, свои страны, свою природу. Доступнѣе того міра, отъ котораго оторвано существо, является этотъ міръ его мечты и сновидѣній. Воспоминанія питаютъ и живятъ эту легкую, кружевную вегетацію, воображеніе служитъ этому міру свѣтомъ и тепломъ, «слѣдить» становится творчествомъ,—и наша душа-вавилонянка принялась слѣдить.

Такъ, вернувшись однажды на берега Евфрата, на свою родину, послѣ очень долгаго скитанія, душа-вавилонянка съ трудомъ отыскала правнуковъ своихъ праправнуковъ. Она созерцала, какъ, сквозь долгіе вѣка и въ густыхъ толпахъ людскихъ, пробивался ея родъ отдѣльною, самостоятельною, но все-таки замѣтною струйкою; какъ мѣняла эта струя свои направленія, то вздуваясь неумѣренною плодовитостью и многоженствомъ степного патріарха, то исчезая почти совершенно, благодаря полнѣйшему аскетизму и монашескому воздержанію другихъ ея родичей. Удивительныя вещи могла бы разсказать душа о подвижности и запутанности всякихъ семейныхъ и родовыхъ отношеній, о томъ, кто и какъ является кажущимся или настоящимъ отцомъ или матерью, о томъ, какъ мало правды во всѣхъ расчетахъ жизни, и какое громадное значеніе имѣютъ въ жизни и исторіи случаи и мелочи. Въ этомъ отношеніи между душою-вавилонянкою и научными доказательствами англичанина Бокля выяснилась бы значительная связь.

Для образчика стòитъ упомянуть о томъ, какъ разнообразно было движеніе рода человѣческой души, напримѣръ, только въ географическомъ отношеніи. Мы не скажемъ даже ни слова о движеніи одной изъ главныхъ отраслей этого рода на востокъ съ береговъ Евфрата, о судьбахъ ея въ Индіи, Китаѣ, на Молуккскихъ островахъ, тамъ, гдѣ

летаютъ подъ жгучимъ солнцемъ аршинныя бабочки, гдѣ за верхушки пальмъ цѣпляются, проскользая по небу, метеоры. Мы ограничимся гораздо меньшимъ, а именно перечнемъ географическаго странствованія другой отрасли ея родичей на западъ, въ міръ христіанскій, къ Европѣ.

Занимая довольно видныя и очень доходныя мѣста въ царствахъ старо- и нововавилонскихъ, родъ нашей души удержался на этой высотѣ и ко времени знаменитаго персидскаго царя Кира. Только къ третьему вѣку до Христа, очень раннее и таинственное исканіе чего-то лучшаго въ жизни сокрушило этотъ родъ: члены его стали дружить съ жившими тогда во множествѣ въ персидской монархіи греками; они, якобы во имя спасенія своего отечества, Персіи, отъ тираніи своихъ родныхъ властителей, поклонились восходившей тогда греческой звѣздѣ Александра Македонскаго, за что̀ и принуждены были покинуть Персію и переселиться къ мудрымъ египетскимъ Птоломеямъ.

Перемѣна климата, грусть по родинѣ, а также и другія чисто-физіологическія причины повліяли на то, что въ Египтѣ родъ этотъ сильно захудалъ; и было такое время, что душа, слѣдя за нимъ, стала отчаиваться въ его продолженіи и въ возможности слѣдить. Сохраненію рода помогла, однако, судьба. Когда весь онъ сосредоточился въ одной особѣ, въ красивой, умной и очень здоровой женщинѣ, Египтомъ овладѣли римляне; падкіе до красивыхъ женщинъ—они взяли эту красавицу съ собою; поприще свое въ Римѣ начала эта женщина съ того, что подарила сразу двухъ сыновей взявшему ее съ собою воителю. Затѣмъ плодовитость оставила ее, но родъ все-таки сохранился. Сильный мужескими достоинствами и солдатскою доблестью, онъ продѣлалъ съ Римомъ всю исторію кесарей, и не трудно понять, почему и какъ пустилъ онъ впослѣдствіи свои отпрыски въ Галліи, Испаніи и Германіи. Испанскій от-

прыскъ зачахъ, галльскій зачахъ тоже, но германскій былъ живучъ и пошелъ въ ростъ.

Душа-родоначальница не уставала слѣдить за нимъ. Она привыкла къ жизни странницы, и эта жизнь нравилась ей. Но съ переходомъ въ Германію душѣ стало какъ-то неловко.

Все, что̀ знала она до сихъ поръ, все это не имѣло ничего общаго съ германскимъ міровоззрѣніемъ. Прежде всего пришлось душѣ заняться изученіемъ нѣмецкаго языка! Къ счастію, заведеніе, открытое Карломъ Великимъ въ Ахенѣ, помогло ей въ этомъ дѣлѣ; гнѣздясь подъ арками знаменитой «Schola Palatina», она вытверживала склоненія и спряженія новаго для нея говора и совершенно чуждыхъ формъ его, и кое-какъ научилась ему. Долгіе мрачные годы среднихъ вѣковъ жили родичи нашей души преимущественно подлѣ благодатнаго Рейна. Между ними народилось много мейстерзингеровъ и миннезингеровъ, одинъ замѣчательный бочаръ (тотъ, о которомъ писалъ Гофманъ), одинъ акробатъ и одинъ католическій епископъ, изображеніе котораго, въ шапкѣ съ ослиными ушами, имѣется въ Кёльнскомъ соборѣ.

Не совсѣмъ ловко пришлось душѣ въ началѣ XVI вѣка, ко времени реформаціи. Часть родичей ея стала протестантами, другая, бо̀льшая часть, осталась католиками. Слѣдить одновременно за тѣми и другими оказалось невозможно, надо было остаться въ одномъ изъ лагерей. Душа, какъ существо умное и наученное опытомъ, избрала лагерь протестантскій по двумъ причинамъ: во-первыхъ, она стояла всегда за развитіе и свободу; во-вторыхъ, одинъ изъ католическихъ ея потомковъ, послѣ измѣны Морица, курфюрста саксонскаго, неосторожно проклялъ своихъ родителей и проклялъ корень своего рода. Задѣтая за живое, душа распростилась съ католиками и всецѣло перешла на сторону проте-

стантовъ. Душа не знала, что этимъ самымъ она открывала себѣ дорогу въ Россію.

Находясь въ лагерѣ протестантовъ въ 30-ти-лѣтнюю войну, вавилонянка гостила при дворѣ прусскихъ властителей, тогда еще очень маленькихъ и ничтожныхъ; здѣсь участвовала она въ фантастическихъ предпріятіяхъ масоновъ и розенкрейцеровъ, присутствовала при вызываніи духовъ по требованію сумасшедшаго короля и ознакомилась очень коротко съ достопочтенною графинею Лихтенау; это случилось потому, что одинъ изъ ея потомковъ считался самымъ отъявленнымъ розенкрейцеромъ и другомъ шарлатана Вольнера. Изъ Пруссіи прямая дорога шла въ Россію, къ русскимъ масонамъ новиковскаго кружка. Послѣдній потомокъ души, сосланный у насъ, именнымъ указомъ, на жительство въ края не столь отдаленные, а именно къ берегамъ Ладожскаго озера, вызвалъ незаконнымъ образомъ на свѣтъ дѣда знакомой намъ Ѳеклуши,—и душа-вавилонянка поселилась на берегу русскаго Лемана.

II.

Русскій Леманъ! мало кто изъ жителей сосѣдней столицы ѣздилъ къ тебѣ на поклонъ, мало кому случилось видѣть тебя отъ одного берега до другого и посѣтить обитель Валаама съ ея тихими кельями и гранитными утесами; еще меньше такихъ, кому удавалось видѣть тебя въ бурю, когда сѣверный жгучій вѣтеръ, ничѣмъ не задерживаемый, налетитъ на твои глубокія, темныя воды и начинаетъ перебрасывать по нимъ потемнѣвшія отъ времени барки и лодки. А красивъ ты въ бурю, русскій Леманъ, особенно если смотрѣть на тебя изъ обители Валаама, съ гранитныхъ утесовъ и безъ всякой боязни!

Красоту эту давно замѣтила и Ѳеклуша.

Есть такія благодатныя натуры, что̀ далеко опережаютъ

нравственнымъ развитіемъ своимъ свое умственное развитіе. Прежде всего этотъ недостатокъ равновѣсія въ духовныхъ силахъ неизвѣстенъ имъ самимъ. Ни одно школьное знаніе, ни одна научная кличка не подскажутъ имъ, понятно для нихъ самихъ, о существованіи тѣхъ роскошныхъ задатковъ чувства и впечатлительности, которыми живутъ ихъ сердца; а между тѣмъ всѣ они есть въ нихъ, эти задатки, они присущи имъ.

Такъ было и съ Ѳеклушей. Она, напримѣръ, не имѣла даже понятія о томъ, что̀ такое женственность, и что есть такая идея, которая называется идеею женственности; тѣмъ не менѣе, она обладала такимъ обильнымъ количествомъ этого лучшаго украшенія слабой половины человѣческаго рода, что имъ можно бы было снабдить вдосталь цѣлый десятокъ нашихъ свѣтскихъ красавицъ. Ѳеклуша и не чуяла, напримѣръ, что существуетъ на свѣтѣ поэзія, идеалы,—а между тѣмъ вся жизнь ея мечты была глубоко-поэтична, и она стремилась, сама того не сознавая, къ идеальному,—и гдѣ же это: подлѣ грязнаго и грубаго мужа-чухны!

Подобно тому, какъ зародилось въ сердцѣ Ѳеклуши, непроизвольно и безъ ея участія, сознаніе женственности и чувство поэзіи, такъ точно было это и съ прочимъ богатствомъ ея сердца. Она жила самою полною жизнью своей маленькой души, она не подводила только этихъ явленій подъ разныя рубрики и таблицы, не сводила итоговъ, она не сознавала того, что эти явленія—явленія, и что тутъ нужны какіе-нибудь итоги. Это богатство внутренней жизни отнюдь не мѣшало ей быть работящею женою простого чухны, ходить въ лаптяхъ или босикомъ, доить коровъ и гонять ихъ предлинною сучковатою хворостиною.

Не трудно представить себѣ, что въ этой Ѳеклушѣ безсознательно, но совершенно естественно сложился мало-по-

малу такой характеръ, который не могъ нравиться ея мужу, пьяному чухнѣ. Не то чтобы она дурно работала, не то чтобы была непокорною, не то чтобы была сварливою, а какъ-то слишкомъ была она сама по себѣ! Ну, и доставалось же ей: и корова-то дурно подоена, и дѣти-то не присмотрѣны, безногому—одинокую ногу подшибли, и проч., и проч. Терпѣла Ѳеклуша—отмалчивалась и порою плакала, только не ревмя-ревѣла, чтобъ сосѣди слышали, а такъ, втихомолку, утретъ слезу—да будто ни въ чемъ не бывало.

Пуще всего не нравилось мужу то, что она была къ нему холодна. Прямыхъ доказательствъ невѣрности ея онъ не имѣлъ, и косвенныхъ тоже не имѣлъ, да ихъ не могло и быть: Ѳеклуша неоспоримо и свято была вѣрна ему; гдѣ ей было думать о невѣрности, когда она, какъ лошадь, работала?.. Синяки да царапины, наносимые мужемъ, то и дѣло проявлялись на ея маленькомъ и слабомъ тѣлѣ, и только замѣнялись одни другими. Нашлась добрая сосѣдка: «подай, говоритъ она ей, въ судъ»; нашелся ходатай, и подала Ѳеклуша жалобу на мужа своего въ судъ, что бьетъ онъ и истязуетъ ее.

А что̀ же въ это время думалось пращуру Ѳеклуши, душѣ-вавилонянкѣ? Что̀ ей думалось! Многое видѣла она и давно отвыкла чему-либо удивляться, но отвыкнуть грустить не могла. Жаль ей было видѣть своего потомка живущимъ въ великомъ горѣ и безпомощности. Какъ принимаетъ на себя мать, братъ или сестра вздохъ кончины умирающаго родного, когда вздохъ этотъ покидаетъ опадающую навсегда грудь, такъ смотрѣла на Ѳеклушу душа-вавилонянка, съ тою только разницею, что вся жизнь Ѳеклуши была для нея этимъ послѣднимъ вздохомъ.

И въ самомъ дѣлѣ: могучій, славный и многочисленный когда-то родъ, пережившій не одну тысячу лѣтъ, обошед-

шій землю, сосредоточился теперь въ этомъ скромномъ лучѣ догоравшаго дня, въ этой бѣдной, горбатой чухонкѣ. Никого-то она не обижала, ничего, косенькая, она не хотѣла, и слезамъ-то своимъ много мѣста не требовала—и вотъ ее-то, эту сирую и одинокую, бьютъ да бьютъ на глазахъ незримаго, но присутствующаго при этомъ праотца.

Много разъ передергивало душу-вавилонянку въ ея безсмертіи, но въ мірѣ матеріальномъ эти передергиванія не выражались ничѣмъ: ни бурею, ни молніею, ни звукомъ какимъ-нибудь. Пришло, правда, ей разъ на мысль опрокинуть лодку, на которой плылъ на рыбную ловлю мужъ Ѳеклуши; но желаніе это осталось, однако, неисполненнымъ; такія своевольства запрещены душамъ.

Послѣ поданія Ѳеклушею жалобы въ окружный судъ, душа стала нетерпѣливо ожидать дня рѣшенія; она понавѣдывалась то къ прокурору, то къ предсѣдателю, то къ защитнику; она проглядывала даже газеты: не поднимется ли гдѣ-нибудь голосъ въ защиту сироты? Голоса нигдѣ не поднимали, или — лучше — поднимали, часто поднимали, да только при этомъ и оставались. Нервно и безпокойно ожидала душа рѣшенія окружнаго суда. Послѣдняя ночь передъ засѣданіемъ была для нея невыносимою, но и она прошла. Прошло и засѣданіе. Въ судѣ рѣшили, и такъ это впослѣдствіи пропечатали, что: «такъ какъ мужъ и жена одно и то же, то и оскорбленій чести быть не можетъ».

Все терпѣла, все выносила душа-вавилонянка, но этого вытерпѣть не могла: сквознымъ вѣтромъ вынеслась она въ форточку суда, вылетѣла на Литейный, поднялась вверхъ по Невѣ и явилась къ своему обыкновенному мѣсту жительства, въ одну изъ развалинъ такъ-называемаго, несуществующаго, путевого царскаго дворца.

Случалось ли кому-либо переживать такія минуты, когда жить не хочется, а жить нужно? Непріятныя это минуты.

Онѣ стали, наконецъ, знакомы и душѣ-вавилонянкѣ. Вернулись домой и Ѳеклуша съ мужемъ, и пошли у нихъ обыкновенныя ихъ занятія и побои хуже прежняго.

III.

Наступилъ однажды тихій майскій вечеръ. Померкалъ, побагровѣлъ въ закатѣ берегъ озера, и только двѣ точки общей картины продолжали блестѣть особенно ярко: одна изъ нихъ, на небѣ, какая-то отсталая тучка на западѣ, вся красная, съ позолотою по краямъ, и другая на землѣ — корзина у Ѳеклушиной избы, съ положенною въ нее мелкой рыбицей, бѣлые животы которой виднѣлись издали и блестѣли кучею серебра.

Была еще и третья свѣтлая точка, но она оказывалась такою маленькою, такою маленькою въ сравненіи съ другими двумя, что ее и замѣтить было трудно. Эта свѣтлая точка—слеза, повисшая на щекѣ Ѳеклуши, слеза, въ которой еле замѣтною искоркою отражался весь багровый закатъ. Рыбица не отражалась въ этой слезѣ, потому что Ѳеклуша, сидя у порога, смотрѣла не на корзину, а на небо.

Она только-что кончила работу. Мужъ ушелъ въ кабакъ, дѣти спали, и потому-то вышла Ѳеклуша на порогъ дома, сѣла и загрустила.

Незримымъ спутникомъ ея, тихо расположившимся въ вѣтвяхъ и сучьяхъ сосѣдняго березняка, была душа пращура. Въ этихъ обоихъ существахъ совершались два, не очень различныхъ одно отъ другого, мышленія. Думали, по-своему, оба одно и то же. Ѳеклуша приходила къ заключенію: «не хочу я жить, зачѣмъ мнѣ жить?»—при этомъ она заплакала сильнѣе, чѣмъ прежде. Душа-вавилонянка, съ своей стороны, соображала: «не жилецъ ты, Ѳеклуша, на свѣтѣ, не въ такомъ бы видѣ погибнуть моему древнему вавилонскому роду—ну, да дѣлать нечего. Жаль только,

что силъ у меня нѣтъ задушить тебя! и прикоснуться-то я не могу къ тебѣ, а то бы задушила, изъ любви къ тебѣ задушила, и вырвала бы тебя изъ этой проклятой жизни, отъ этихъ злыхъ людей, тебя, бѣдную, слабую, безпомощную..!»

Вдругъ душа затрепетала. Вдоль по узкой дорогѣ, извивавшейся между булыжниками и кочками побережья и мѣстами исчезавшей совсѣмъ въ желтомъ пескѣ, шелъ мужъ Ѳеклуши. Онъ былъ пьянъ и веселъ, и пѣлъ пѣсню, и обнималъ, идя по дорогѣ, покачиваясь со стороны на сторону, какую-то молодую, но некрасивую женщину. И женщина была тоже весела и громко смѣялась. Ѳеклуша тотчасъ узнала въ ней двоюродную сестру своего мужа—и холодно, жалобно стало у нея на сердцѣ, и число звѣздъ на небѣ, въ ея глазахъ, удесятерилось...

— О! если бы я могла только задушить тебя, моя бѣдная, бѣдная Ѳеклуша,—думала душа, быстро проскользнувъ къ ней изъ березняка и наклонившись надъ самою головою; она повѣяла свѣжимъ вѣтромъ вдоль ея всклокоченныхъ, распущенныхъ волосъ.—Но нѣтъ у меня силъ на это. Запретъ ненарушаемъ. Этого и испытывать нельзя!

Молчаливо, невыразимо-тяжко было отчаяніе этой незримой собесѣдницы Ѳеклуши, и бурныя, нехорошія мысли заклубились въ ея безтѣлесной головѣ.

— А что̀, если бы, — думала душа: — удалось мнѣ навѣять какъ-нибудь на мужа мысль убить жену свою? Минута удобна. Онъ чувствуетъ подлѣ себя другую, новую женщину! И это будетъ не физическимъ вмѣшательствомъ моимъ въ жизнь, запрещеннымъ мнѣ; это будетъ даже и не мое вовсе дѣло, это онъ сдѣлаетъ, не я...

Пѣсня тѣмъ временемъ все приближалась; вотъ стало слышно, какъ хрустятъ подъ ногами подходившихъ сухіе сучья, попадавшіеся имъ въ пути, слышался шопотъ въ

перерывахъ пѣсней... Они остановились невдалекѣ отъ избы, и пѣсня замолкла.

Взглянула душа на Ѳеклушу.

Бѣдная чухонка страшно поблѣднѣла и какъ-то сразу осунулась. Пальцы рукъ ея, пропущенные въ волоса, были согнуты судорожно и выступали изъ волосъ острыми углами сгибовъ своихъ.

— Да, да,—думалось душѣ:—я приговариваю тебя къ смерти отъ руки мужа, если это удастся мнѣ! Я приговариваю тебя во имя святой любви къ тебѣ, моя дорогая! Они теперь замолчали, эти двое, что̀ остановились въ темнотѣ, въ десяти шагахъ отъ тебя. Я знаю, что̀ теперь въ тебѣ происходитъ, Ѳеклуша, знаю. Но это продолжаться не должно, и этого не будетъ, дай мнѣ только часъ времени; мужъ уснетъ, и я нашепчу ему приговоръ тебѣ, и я поднесу ему, въ добрый часъ, и топоръ, и веревку; не все ли равно, какъ онъ убьетъ тебя? А до тѣхъ поръ молись, моя бѣдная, молись, моя сирая! ты молишься, я чувствую присутствіе твоей теплой, просящей молитвы...

И склонилась душа-вавилонянка ближе къ Ѳеклушѣ, и обвила она ее своими мягкими, неслышными объятіями, и сжала она ее, сжала всею силою своей древней, безсмертной, сосредоточенной любви...

Ѳеклуша затрепетала въ объятіяхъ этого безплотнаго поцѣлуя, опустилась со скамьи на землю и только слегка вздрогнула...

Говорятъ, будто у хорошихъ людей глаза при смерти закрываются сами собою.

У Ѳеклуши закрылись они глубоко и спокойно.

— Что̀ это?—проговорила душа, не безъ усилія освободившись отъ Ѳеклуши и выпрямившись во весь ростъ въ сторонѣ, надъ нею.

Она не могла сообразить случившагося. Она была такъ

твердо увѣрена, что между міромъ духовнымъ и между міромъ физическимъ не можетъ быть прямого общенія; запретъ, положенный Богомъ, былъ такъ ясенъ, и въ силѣ его убѣждалась она такъ часто.

— Ѳеклуша, что̀ съ тобою?—промолвила душа.

Блѣдная и неподвижная лежала передъ нею Ѳеклуша на пескѣ. На небѣ горѣли всѣ большія и малыя звѣзды, и многія изъ нихъ забѣжали въ вѣтви сосѣдняго березняка и какъ бы нависли на нихъ. Свѣжимъ вѣтромъ тянуло съ полуночи, собаки лаяли въ сторонѣ, а въ десяти шагахъ отъ избы упорно молчали.

Холодомъ и ужасомъ вошло въ пораженную неожиданностью душу сознаніе смерти захудалаго отпрыска ея рода. Во мгновеніе ока взвилась она высоко надъ землею съ тѣмъ, чтобы броситься оттуда на финляндскія скалы, думая, что и этотъ запретъ Бога только кажущійся, что ей можно будетъ убиться! Но безвыходное безсмертіе сказалось, какъ и всегда. Много разъ повторила душа свой опытъ, желая разбиться: съ быстротою и силою невообразимою металась она по необъятной шири свѣтлой ночи: рѣзко и порывисто стремилась, сквозь сонный воздухъ и слоившійся туманъ, низринуться на скалы. Все это было напрасно: легче пуха опускалась она на острые камни, не придавливая самыхъ нѣжныхъ травинокъ и даже не сбрасывая съ нихъ на землю дремавшихъ капель росы.

Царственная лѣтняя ночь горѣла надъ озеромъ спокойно, и все шло въ строгомъ и невозмутимомъ порядкѣ, тогда какъ чувство, возбужденное въ душѣ, не имѣло границъ неистовства и отчаянія.

* * *

Въ урочный часъ, въ присутствіи всякихъ властей, тѣло скоропостижно умершей было вскрыто, — и врачи опредѣ-

лили единогласно, что смерть послѣдовала отъ разрыва сердца.

Нельзя, однако, не припомнить одной изъ древне-языческихъ, мѣстныхъ, карельскихъ легендъ о странствованіяхъ по землѣ Великаго Духа. Иногда, говоритъ легенда, Великій Духъ, самъ, своею особою, во всемъ своемъ необъятномъ величіи, шествуетъ и обходитъ дорогую ему землю. Это случается въ тѣ сіяющія чудныя ночи, когда, неизвѣстно откуда, льются потоки кроткаго благотворнаго свѣта, и подлунная спитъ съ довѣрчивостью и невинностью ребенка. Если Великому Духу приходится стать лицомъ къ лицу съ какимъ-нибудь злымъ дѣломъ, самое присутствіе его допускаетъ нарушеніе предвѣчныхъ законовъ, естественное мѣшается съ неестественнымъ, смерть и жизнь мутятся и сплетаются одна съ другою, невѣроятное совершается во-очію, и черныя, злыя совѣсти порочныхъ людей предвкушаютъ, въ эти минуты незамѣчаемыхъ ими встрѣчъ съ Великимъ Духомъ, первыя содроганія уготованныхъ имъ невѣдомыхъ страданій и невыносимыхъ скорбей! Не тѣмъ ли объяснить себѣ странное совпаденіе усилій безтѣлесной души—обнять Ѳеклушу, съ простымъ и вполнѣ законнымъ явленіемъ смерти ея, послѣдовавшей отъ разрыва сердца или паралича?

Чтò касается до души-вавилонянки, то она, немедленно послѣ похоронъ, унеслась на свою далекую, горячую родину. Начала ли она разыскивать потомковъ восточной вѣтви своего рода, о которомъ упомянуто было раньше? Едва ли...

„НЫНѢ ОТПУЩАЕШИ...“

(Народное преданіе).

Простившись съ любезною женою своею, молодой священникъ, отецъ Петръ, только-что назначенный на мѣсто недавно умершаго отца Тимоѳея, вышелъ изъ небольшого своего домика, немного чѣмъ отличавшагося отъ сосѣднихъ хатъ, для совершенія литургіи и направился въ церковь, стоявшую шагахъ во ста насупротивъ его.

— Я,—говорила ему молодая попадья, закрывая за нимъ двери,—какъ управлюсь—сейчасъ приду.

— Ладно, ладно!—отвѣтилъ священникъ, не оглядываясь и торопясь къ церкви, съ небольшой колоколенки которой начался благовѣстъ.

День былъ воскресный и, благодаря теплому весеннему времени,—стоялъ май мѣсяцъ,—народу къ церкви пришло много. Главною причиною многолюдія было то, что обѣдню долженъ былъ служить въ первый разъ новый священникъ. Перемѣна батюшки для села далеко кругомъ, на десятки верстъ, составляетъ цѣлое событіе, потому что тутъ задѣвается въ мѣстныхъ людяхъ не одно только любопытство: батюшка на селѣ—представитель церкви, крестящій, вѣнчающій и хоронящій, значитъ очень много вездѣ

и всегда, и для всего прихода важно, каковъ онъ самъ по себѣ?

Только вчера прибылъ въ людное село молодой священникъ; свѣжее, румяное лицо его, густые, свѣтлые волосы, добрый взглядъ и благорасположеніе во всей его особѣ вызвали въ прихожанахъ, немедленно вслѣдъ за его прибытіемъ, пріятные для него толки, въ особенности по сравненію съ умершимъ отцомъ Тимоѳеемъ. Противоположность между обоими священниками была самая полная.

Умершій отецъ Тимоѳей какъ нельзя болѣе напоминалъ своимъ высокимъ ростомъ, своею худобою, своими морщинами и не особенно густою бородкою тѣ лики нѣкоторыхъ пророковъ и отцовъ церкви, которые живописуются на иконахъ. Въ одномъ только разнился онъ отъ нихъ совершенно: въ выраженіи лица и, въ особенности, сѣренькихъ острыхъ глазъ. Отецъ Тимоѳей рѣшительно никогда не смотрѣлъ ими кротко, любовно. Даже въ самыя умилительныя минуты пѣснопѣній, даже въ сіяніи пасхальнаго утра— и тогда лицо отца Тимоѳея оставалось суровымъ, лишеннымъ свѣта улыбки. Когда на исповѣдяхъ онъ совершалъ отпущеніе грѣховъ, слова молитвы вовсе не согласовались съ его голосомъ; не извѣстно почему, но отецъ Тимоѳей никогда и никому въ глаза прямо не глядѣлъ.

Къ началу обѣдни, служить которую отправился отецъ Петръ, вокругъ ограды церковной стояли вплотную—однѣ подлѣ другихъ—телѣги, парныя и одиночки, пріѣхавшихъ крестьянъ; лошадямъ задали они кормъ, а сами пошли въ церковь. Не всѣ могли помѣститься въ ней, многимъ пришлось стоять на паперти.

Прибравъ въ дому, что̀ нужно, молодая попадья уже готовилась идти въ церковь, какъ вдругъ замѣтила, что къ крыльцу ея дома подъѣхала парная запряжка и изъ нея вышла родная сестра ея, многимъ ея старшая, тоже попадья

одного изъ не очень дальнихъ селъ; зная день прибытія своей младшей сестры, она поторопилась пріѣхать и привезла съ собою двухъ своихъ парнишекъ-сыновей, а также и хлѣбъ-соль на новоселье. Сестры давно не видѣлись, радости было много, пошли разговоры, время прошло незамѣтно, и обѣдня близилась къ концу.

Отецъ Петръ служилъ хорошо, внятно; голосъ его раздавался, чистый, не такой беззвучный, какъ у покойнаго отца Тимоѳея, и прихожане остались довольны. Доволенъ былъ и священникъ тою тишиною, которая царствовала въ храмѣ. Наступала минута торжественная: священникъ закрылъ Царскія врата, и псаломщикъ запѣлъ причастный стихъ.

Вдругъ, въ полномъ свѣтѣ яснаго утренняго солнца, привидѣлось молящемуся священнику какое-то темное обличье человѣка за алтаремъ.

— Кто?.. Откуда вошелъ?.. Зачѣмъ?! — мелькнуло въ мысляхъ отца Петра. Молитва его прервалась... Поднятыя на молитву руки опустились...

Между тѣмъ, призракъ становился все яснѣе и яснѣе; сквозь солнечные лучи, скользившіе изъ окна яркими снопами по голубому дыму ладона, отецъ Петръ ясно отличилъ на призракѣ священническое одѣяніе, а на рукахъ— кандалы. Сквозь покровы какъ бы видѣлись кости человѣка, и синебагровымъ пятномъ обозначалось оплывшее сердце... Подъ тяжестью кандаловъ руки призрака были опущены; изможженное, желтое, худое лицо было изрыто глубокими морщинами, а неспокойные глаза то и дѣло переходили съ отца Петра на ближайшій къ иконостасу уголъ алтаря, въ которомъ стоялъ какой-то не то ящикъ, не то сундукъ.

Отецъ Петръ, безсознательно пріостановившій свою молитву, началъ-было собираться съ мыслями, и сердце его стало биться спокойнѣе, не взирая на присутствіе призрака,

какъ вдругъ видѣніе медленно двинулось къ нему, подняло руки, потрясло цѣпями и начало приближаться. Захолонуло въ сердцѣ отца Петра, затуманилось у него въ глазахъ, а длинныя складки одѣянія приближавшагося призрака шевелились... Но когда уже приблизившееся видѣніе схватилось правою рукою за свое синебагровое сердце и какъ будто силилось сказать что-то отцу Петру,—не вынесъ этого молодой священникъ и грохнулся мертвымъ предъ алтаремъ...

Вотъ уже пропѣтъ псаломщикомъ причастный стихъ, а врата не открываются. Паства ждетъ... Поднимается шопотъ, говоръ, ропотъ... И церковный староста рѣшается, наконецъ, по настоянію прихожанъ, войти въ алтарь... Вошелъ и—видитъ предъ собою неожиданно умершаго священника... Лицо покойнаго было искажено судорогою и ротъ полуоткрытъ.

Повалила испуганная толпа изъ церкви, и ничего не могла понять изъ отвѣтовъ уходившихъ молодая попадья, только-что подошедшая къ паперти церковной со своею сестрою. Только и слышалось имъ:

— Умеръ!.. Вдругъ!.. Кара небесная... Грѣхъ на насъ тяжелый... Спаси насъ, Господи!.. Бѣдный...

Когда, наконецъ, толпа, стремившаяся изъ церкви, порѣдѣла и попадья могла протискаться, она кинулась впередъ и хотѣла-было вбѣжать въ самый алтарь, но староста церковный и другіе люди не пустили ее.

Прошелъ съ небольшимъ мѣсяцъ послѣ только-что разсказаннаго, какъ назначенъ былъ новый священникъ, тоже молодой, и съ нимъ совершилось совершенно то же самое: передъ причастіемъ онъ упалъ мертвымъ, между закрытыхъ дверей Царскихъ и престоломъ...

Тогда дѣло стало важнымъ, общеизвѣстнымъ, дошло до властей, до архіерея, и никто рѣшительно не хотѣлъ идти священствовать въ осиротѣлую церковь.

Не извѣстно, что̀ случилось бы, если бы не старенькій инокъ Димитрій, скромный по духу и крѣпкій въ молитвѣ; онъ, въ недальней отъ осиротѣвшей церкви обители своей, услыхалъ о совершившемся и рѣшилъ принести себя, на закатѣ дней своихъ, въ жертву.

— Если никто не пойдетъ, такъ я пошелъ бы,—сказалъ онъ:—если бы былъ рукоположенъ во священники и могъ вознести безкровную жертву предъ престоломъ Божіимъ, вознести ее хоть единожды, а тамъ—и помереть.

Доложили объ этомъ архіерею; подивился иноку владыко, велѣлъ позвать его, благословилъ, рукоположилъ и поставилъ священникомъ въ осиротѣлую церковь.

Молоды были и цвѣли здоровьемъ и свѣжестью два послѣднихъ священника, такъ страшно и безвинно умершихъ въ церкви во искупленіе какого-то никому невѣдомаго грѣха; старъ и безпомощенъ явился къ алтарю Господню бывшій инокъ, а нынѣ—отецъ Димитрій.

Въ давно не открывавшуюся церковь, въ ожиданіи перваго служенія обѣдни вновь поставленнымъ старичкомъ-священникомъ, повалило множество народа, даже изъ дальнихъ деревень. На этотъ разъ стояла на дворѣ снѣжная, суровая зима; выдался воскресный день ясный, морозный. Прибыли не только сельчане, но люди изъ ближняго города и даже изъ губернскаго.

— Что̀-то будетъ? Что̀-то будетъ?—слышалось въ толпѣ, и ожиданіе чего-то несомнѣнно страшнаго, удручающаго, окаменяющаго чуялось въ каждомъ сердцѣ.

Началась обѣдня. Вотъ уже пресуществились Св. Дары, пропѣто «Отче нашъ», Царскія двери закрыты и завѣса задернута.

Страшная близилась минута для отца Димитрія; старческое сердце его не оставалось безотвѣтнымъ общему боязливому настроенію, но слова молитвы и чинъ церковный,

въ ихъ вѣковѣчномъ и неизмѣняемомъ значеніи, поддерживали его.

«Господи!—думалось іерею:—если нужна Тебѣ жизнь моя—возьми ее, Отче, но дай мнѣ совершить на долгомъ вѣку моемъ хотя бы единую, первую и послѣднюю, литургію, дабы вознести мнѣ безкровную жертву и сказать, какъ было сказано: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ, яко видѣста очи мои спасеніе Твое!»

Шелохнулось что-то въ сторонѣ отъ престола, какъ бы цѣпи звякнули... Испуганно повернулъ отецъ Димитрій свою голову въ сторону звука цѣпи и вздрогнулъ всѣмъ старческимъ тѣломъ своимъ...

Въ такомъ же точно, какъ и онъ, облаченіи, въ углу, между стѣною храма и иконостасомъ, на окованномъ жестью сундукѣ, сидѣлъ, не отъ міра сего, священникъ. Опущена была долу его голова и висѣли по бокамъ руки, отягощенныя цѣпями; осунулось и мертвенно блѣдное, морщинистое лицо его; узенькая бородка упиралась въ грудь, и сѣдые волосы на головѣ были растрепаны.

Не переставалъ дрожать отецъ Димитрій. На клиросѣ пропѣтъ причастенъ, и слова церковнаго служенія какъ бы сами собою связаны испуганнымъ священникомъ.

Время отдернуть завѣсу и отворить Царскія двери.

Недвиженъ, безмолвствуетъ іерей; и видитъ онъ, что страшный призракъ поднимается со своего сидѣнья, отходитъ въ сторону, взглядываетъ одинъ только разъ на священника своимъ тяжелымъ, умоляющимъ взоромъ, показываетъ руками на сундукъ, на которомъ только-что сидѣлъ, и... исчезаетъ.

Нашоптывая молитву, подошелъ отецъ Димитрій къ завѣсѣ церковной и дрожащими руками отдернулъ ее... Живые и безсчетные возгласы паствы немедленно раздались

по всему храму, точно будто со звяканіемъ колецъ отдернутой завѣсы спало съ душъ людскихъ что-то неописуемо тяжкое, какое-то необъяснимое навожденіе. Отверзлись врата Царскія, и еще не оправившійся отъ страха старецъ-іерей возгласилъ дрожащимъ голосомъ: «Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите...»

Когда окончилась обѣдня, паства приняла благословеніе и начала расходиться; радостью были преисполнены сердца молящихся, и на всѣхъ устахъ слышалось имя новаго старца-іерея.

Первымъ дѣломъ отца Димитрія, послѣ ухода людей изъ церкви, было обратиться къ старостѣ церковному и открыть сундукъ. Онъ оказался набитымъ сверху до низу поминальными грамотками, которыя покойный отецъ Тимоѳей, за недосугомъ или почему-либо другому, откладывалъ въ ящикъ, а заказываемыхъ панихидъ почти не служилъ; грамотки, за смертью его, остались непрочитанными, т. е. взывавшими къ прочтенію, и отецъ Димитрій больше мѣсяца совершалъ панихиды и отчитывалъ грамотки. Послѣ этого, онъ отслужилъ заупокойную литургію по душѣ своего грѣшнаго предшественника и долгое, очень долгое время священствовалъ въ своей церкви.

Но пришло и отцу Димитрію время отойти въ вѣчность. Медленно приближалась смерть его. Молва о болѣзни старца разнеслась по всей округѣ и дошла до настоятеля того монастыря, изъ котораго прибылъ въ деревню инокъ Димитрій. Настоятель самъ пріѣхалъ къ болящему и совершилъ елеосвященіе.

Умиравшій на девятидесятомъ году отъ роду старецъ былъ въ полной памяти и настоятель разспрашивалъ его о подробностяхъ всего совершившагося во время служенія первой литургіи. Выслушавъ разсказъ, онъ спросилъ:

— А послѣ того, отче Димитрій, ты никогда больше не видѣлъ призрака?

— Видѣлъ нѣсколько разъ!—отвѣтилъ старецъ.—И еще даже недавно. Предсталъ онъ мнѣ во снѣ... Не было на немъ печати отверженія... Ризы его были свѣтлы... О цѣпяхъ, звяканье которыхъ я слышалъ, не оставалось и помину... И почувствовалъ я тогда же, чтò это значитъ, что и мнѣ пришелъ конецъ, и увидѣлъ я тогда же — ну, вотъ точно какъ теперь тебя вижу, отче настоятель, — такъ же и Богородицу Присно-Дѣву... «Нынѣ отпущаеши раба Твоего...» — изрекъ мнѣ призракъ, изрекъ ему вслѣдъ то же и я.

Замолчалъ на этомъ словѣ отецъ Димитрій и отошелъ въ лучшій міръ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія... Настоятель, не догадывавшійся объ этой тихой кончинѣ, долго еще прислушивался; но усопшій больше не говорилъ...

Четыре могилы священниковъ видны теперь, одна подлѣ другой, за оградою церковною: первая—отца Тимоѳея, вторая—Петра, четвертая—отца Димитрія, а имени третьяго почему-то въ народномъ преданіи о наказанномъ священникѣ не сохранилось. Такія несправедливости часто бываютъ на свѣтѣ, и только у Господа Бога всѣ равны и всѣ имена на перечетѣ...

НАСЛѢДНИЦА.

(Преданіе).

Село Прирѣчье раскинулось широко надъ рѣкою; рѣка была по веснѣ многоводною, но характера очень кроткаго и если отрывала иногда куски береговъ, то тутъ же, подлѣ, и складывала ихъ. По берегамъ ея росло много камышей и о самой рѣкѣ ходило въ народѣ много преданій. Почему именно эту рѣку Поволжья излюбило народное преданіе—неизвѣстно. Можетъ-быть, для того, чтобы гнѣздиться преданіямъ, въ томъ или другомъ мѣстѣ, нужны какія-либо особенныя условія, точно тому или другому виду полевыхъ цвѣтовъ. Ѣдешь, напримѣръ, дорогою по пологимъ холмамъ, смотришь, вправо отъ тебя по холму звѣробой растетъ, растетъ онъ вплотную, стебель къ стеблю, а какъ пойдетъ въ цвѣтъ—зажелтитъ все мѣсто, такъ что глазамъ больно. Проѣдешь съ версту, нѣтъ тебѣ и помина о звѣробоѣ, зато пестритъ вокругъ, насколько глазъ видитъ, полевая Иванъ-да-Марья; маленькая она, приземистая, въ пучокъ не собрать, а все-таки мѣсто въ лиловое окрашено.

То же и съ преданіями, и со сказками. Казалось бы, вотъ красивое мѣсто — и шумящій ручей, и озеро, и роскошная зелень деревьевъ, и развалина какая-то къ ручью

съ холма сползла воды напиться, а нѣтъ тебѣ объ этомъ мѣстѣ никакого разсказа, мертвое мѣсто, только ученымъ копателямъ земли и рыться. Взглянешь на другое—на него, казалось бы, и смотрѣть нечего, потому что такое оно заурядное и ничѣмъ не беретъ, а между тѣмъ преданіе, пѣсня и сказка такъ къ этому мѣсту и льнутъ, одна за другую цѣпляются и, какъ летучія мыши подъ старою крышею, нависаютъ.

Такъ было и съ прирѣченской рѣкой. Много и другихъ рѣчекъ по приволжскому краю течетъ, но нѣтъ о многихъ изъ нихъ сказокъ. Казалось бы: тѣ же люди живутъ, тѣ же татарскіе погромы въ свое время проносились, то же царство Московское, а нѣтъ тебѣ сказовъ, никакихъ сказовъ нѣтъ.

Чтò о мѣстѣ, то и о времени... Рождество, Святая и Ивановъ день—вотъ тѣ дни въ году, которымъ на преданія и на сказки посчастливилось. Въ бѣломъ одѣяніи льдовъ и снѣговъ, или въ нѣжныхъ, радужныхъ, подвижныхъ, легкихъ покровахъ златотканной весны, или въ установившихся въ полной ясности и сравнительной неподвижности очертаніяхъ жаркаго лѣта зарождаются сказанія и пѣсни народныя.

Селу Прирѣчью въ этомъ отношеніи везло, и были у него сказки и преданія на всякое время года.

Дѣло происходило лѣтъ за триста до насъ. Близилась Святая...

— Куда идешь, старуха?—спросилъ сидѣвшій у большой дороги, на каменьяхъ, сложенныхъ въ кучу, старый человѣкъ военнаго покроя, должно-быть изъ сторожевого полка, шедшую мимо него пожилую бабу.

— До Прирѣчья, служба!—отвѣтила странница, остано-

вившись передъ нимъ; она оперлась обѣими руками на длинную палку, поднявъ руки до высоты подбородка.

— А отколѣ ты? — спросилъ военный человѣкъ.

— А я недѣлю Православія, родной, въ Троицкой обители молилась и причастія сподобилась, а нонѣ, на Страстную седмицу, въ порѣченскую, въ свою, церковь пробираюсь.

— А ты изъ тамошнихъ, что ли, тетка?

— Изъ тамошнихъ, я кузнеца Макарова дочь. Знаете?

— Макарова дочь!—быстро проговорилъ военный человѣкъ, съ нѣкоторымъ усиліемъ поднимаясь съ камней.— Макарова ты дочка! Да ужъ не Марѳа ли ты бездольная, сестрица моя родная?

Онъ подошелъ къ бабѣ и наклонился къ лицу, чтобы разглядѣть.

— Это я и есть самая, Марѳа странница бездольная, точно,—отвѣтила баба.—Ужъ не Кириллъ ли ты, братецъ мой, волею Божьею заявился?

— Онъ и есть! Ну, здорово, сестра, здорово! Вотъ гдѣ свидѣлись, подумаешь!—Кирилла покоробило.

— На все воля Божья, на все!—отвѣтила Марѳа и стала быстро и учащенно креститься.

— Ну, отдохнемъ, а потомъ и потянемся вмѣстѣ,—проговорилъ Кириллъ, повернувшись опять къ грудѣ камней и сѣвъ на нее.—Чай, годовъ сорокъ не видѣлись, будетъ о чемъ покалякать, будетъ! Да ты что̀ же это, плохо видишь, что ли?—спросилъ Кириллъ, замѣтивъ, что сестра направлялась къ камнямъ недостаточно увѣренно и постукивая палкою.

— Бѣльмы, бѣльмы, братецъ, на глазахъ, видѣть мѣшаютъ.

— Ой ли? А давно они у тебя?

— Да, вотъ, почитай десятый годокъ, помилуй Господи, какъ зраки затягиваютъ.

Братъ и сестра усѣлись и, развязавъ каждый свою котомку, принялись закусывать хлѣба да соли; у Кирилла оказалась фляга съ водкой, но сестра отъ приглашенія брата отпить отказалась.

Начались разспросы: что̀, да какъ за сорокъ лѣтъ случилось. Было о чемъ потолковать. Выпилъ Кириллъ лишнее и сталъ надъ сестрою подтрунивать.

— А ты бы, Мароа, если тебя ужъ такъ къ монахамъ да къ ладону тянетъ, и всѣ ты обители наши исходила, въ которой-нибудь изъ нихъ и пустила бы корни. Чего домой возвращаться. Лучше бы было.

Кириллъ сказалъ это не спроста: онъ зналъ, что Мароа была его единственною сонаслѣдницею. За сорокъ лѣтъ привыкъ онъ считать себя полнымъ хозяиномъ, а тутъ вдругъ... Да и скупъ былъ Кириллъ, и сутяжничалъ.

— Нѣтъ, братецъ, мнѣ Господь странствовать велитъ,— отвѣтила сестра:—ну, я и странствую.

— Да какъ же это велитъ? Съ ангеломъ, что ли, наказалъ какимъ?

— Видѣніе мнѣ, братецъ, было!

— Видѣніе! Ну, ужъ я этихъ видѣній больно не люблю и самъ ихъ никогда не видывалъ... Нѣтъ, нѣтъ, видѣлъ... Разъ видѣлъ, на стражѣ у порохового зелья стоялъ, ну, такъ это, знаешь ли, къ полуночи было, выпилъ я, ну, вотъ, какъ теперь...

И Кириллъ въ который уже разъ къ флягѣ своей приложился и даже забылъ, что̀ именно хотѣлось разсказать. Изъ бесѣды съ нимъ, постоянно прерывавшейся въ силу того, что мысли Кирилла то и дѣло путались, узнала она, однако, что отцовская осѣдлость въ Прирѣчьѣ существуетъ, что Кириллъ живетъ въ ней, что онъ въ ближній городъ

съ какою-то челобитною ходилъ и теперь домой возвращается, что онъ подъ Казанью въ войскѣ былъ, что онъ въ церкви на клиросѣ поетъ, что онъ никому своей земли не отдастъ и т. д.

— Ужъ я ихъ къ отвѣту притяну, непремѣнно притяну!—говорилъ онъ, объясняя причину своего послѣдняго путешествія съ челобитною.—Они меня сутягою и ябедникомъ зовутъ, ну, такъ я имъ этого не прощу и ни за что̀ не прощу!—говорилъ Кириллъ. — Я къ самому царю на Москву пойду, въ тюрьму, въ пытку пойду, а ужъ не прощу... Вотъ ты мнѣ, положимъ, сестра! а чортъ ли мнѣ въ томъ, что ты сестра, а если что̀ до моего имущества, до земли, такъ оно мое и есть и никому его не отдамъ... И тебѣ я ничего не дамъ... и не думай...

— Да я, Кириллушка, никакого имущества и не требую; уголокъ развѣ какой въ клѣтушкѣ, переночевать разъ-два, да и въ дороженьку.

— То-то въ дороженьку! Знаемъ мы васъ, Божьихъ людей! Съ заднихъ крылецъ ходите... Да, вотъ, хоть бы и ты теперь, напримѣръ, зачѣмъ въ Приrѣчьѣ идешь? тягаться, что ли, со мною будешь? Пристанище тебѣ, да кормъ давай.

— Помилуй, братецъ, гдѣ мнѣ тягаться и на что̀ мнѣ,— отвѣтила робко странница.

— То-то!—проговорилъ, грозя кулакомъ, разсвирѣпѣвшій почему-то Кириллъ:—ты у меня смотри!

— Я больше о душѣ своей, чѣмъ о мірскихъ благахъ и стяжаніи думаю, братецъ... Да и ты бы вотъ о душѣ своей тоже подумалъ: въ гробъ ничего съ собою не возьмешь, а Господь Богъ, что̀ ни часъ, позвать къ Себѣ можетъ.

— А ты чего это о чужомъ гробѣ, дура, заговорила, а, отчего?

— Я это больше по простотѣ душевной, братецъ, по простотѣ!

— Ну, ужъ мнѣ ваша простота, знаемъ мы ее... Было это подъ Казанью, значитъ... Татары, это, какъ саранча какая... А царь Иванъ Васильевичъ, Божьею милостью, значитъ, велѣлъ намъ съ вечера, значитъ... Хорошее дѣло было, хорошее... А что если тебѣ насчетъ осѣдлости у меня, такъ ты и не думай, слышишь, и не думай...

Солнце въ это время стояло на самомъ полднѣ; до Приречья оставалось верстъ десять, и путники, вставъ съ камней, направились къ нему. Подъ вечеръ съ высокаго холма можно было видѣть церковь сельскую. Марѳа хотя и не видала ея сквозь бѣльмы, но стала на колѣни и, учащенно крестясь, начала класть земные поклоны. Сорокъ лѣтъ не была она тутъ! Холмъ, на которомъ она находилась, былъ съ дѣтства знакомъ ей, и она знала, что отсюда церковь должна быть видна. Крестилась она въ свое время и на валаамскіе кресты церковные, и на тихвинскіе, и на бѣлозерскую обитель, какъ же было ей не креститься и на свою родную церковь?

Остановился надъ сестрою Кириллъ и посмотрѣлъ на нее.

— А только насчетъ осѣдлости,—сказалъ онъ ей ни съ того ни съ сего,—ты и не думай...

Поднявъ голову отъ земли, Марѳа умиленно взглянула на брата; въ глазахъ ея свѣтились крупныя слезы.

— Ну, ну, идемъ, что ли?—проговорилъ Кириллъ.

На завтра наступалъ Великій четвергъ. Звонъ колокола къ вечернѣ, знакомый Марѳѣ съ дѣтства, встрѣтилъ ея приближеніе, и то, чего не видѣли глаза, то подсказалъ ей съ удивительною ясностью слухъ, быстро развивающійся при ущербѣ зрѣнія.

Ближайшею къ путникамъ была церковь: она стояла на краю села, на восточной сторонѣ его. Почему это такъ

случилось—неизвѣстно, но церковь стояла особнякомъ, и вокругъ нея виднѣлось кладбище.

Ночь на Свѣтлое Воскресеніе наступила теплая, ясная, но довольно вѣтряная. Прирѣченская церковь, расположенная надъ рѣкою съ краю села, уже съ котораго времени не могла вмѣстить всѣхъ желавшихъ молиться. Очень древняя, деревянная, крытая чешуйками, снабженная очень немногими малыми слюдяными окнами, днемъ внутри была она очень темна. Темнотѣ этой много способствовали безчисленныя иконы, расположенныя вдоль стѣнъ длинными рядами, потемнѣвшія отъ времени, съ темными ликами, посильныя приношенія людей—слѣды радостей и скорбей людскихъ. Теперь, передъ великою заутренею, отъ невеликой и бѣдной Плащаницы, стоявшей посрединѣ церкви и окруженной множествомъ свѣчей, исходилъ такой обильный свѣтъ, что обычная тьма церковная попряталась куда могла: въ щели между иконами, за крайнія поперечныя балки потолка и подъ ноги къ собиравшимся въ храмъ православнымъ. Такъ какъ церковь была очень, очень старая, то куполокъ, высившійся надъ нею снаружи, изнутри церкви виденъ не былъ,—такъ строили въ тѣ дни,—и вся она покрывалась низкимъ потолкомъ, настолько низкимъ, что онъ могъ, казалось, нагрѣться отъ свѣчей, окружавшихъ Плащаницу.

Но если тьма попряталась въ щели, то это именно послужило причиною тому, что древніе темные лики безчисленныхъ святыхъ на иконахъ словно ожили, просвѣтлѣли. Гдѣ только была на нихъ позолота, въ надписи или въ одѣяніи лика, на доскѣ или на окладѣ, на оглавіяхъ или на цатахъ, вездѣ радостно проступила она навстрѣчу непривычнымъ лучамъ свѣта и заиграла во всю.

Вокругъ церкви, снаружи, шелъ деревянный, на колон-

кахъ, обходъ, галлерея, какъ бы удлиненная паперть церковная, распространявшаяся вправо и влѣво отъ входныхъ дверей и обнявшая весь храмъ. Такіе обходы на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ русскомъ были не рѣдкостны: церковки строились малыя, народу приходило молиться много, частыя непогоды требовали укрытія, а по дальности прибытія молельщиковъ, можетъ-быть, и мѣста для отдохновенія и даже ночлега, и такою именно и являлась галлерея. На этотъ разъ и она была биткомъ набита.

Но не хватало даже и ея, и людямъ пришлось воспользоваться находившимся подлѣ церкви кладбищемъ и его колодами подъ крестами, обозначавшими мѣста успокоенія безыменныхъ покойничковъ, для того, чтобы размѣститься. Какъ на галлереѣ, такъ и по кладбищу, на колодахъ, виднѣлись принесенные въ храмъ для освященія пасхи, яйца, куличи, и надъ ними теплились свѣчи. Трудно было поддерживать огонь этихъ свѣчей, потому что ихъ то и дѣло крѣпчавшимъ вѣтромъ задувало; особенно тщательно наблюдали за его поддержаніемъ ребятишки, устраивавшія свѣчнымъ огонькамъ всевозможныя защиты—руками, щепою—и старательно возобновляя огни на свѣчахъ, задутые вѣтромъ. По рѣкѣ шла мелкая, но сильная зыбь, и отраженія звѣздъ небесныхъ дробились въ ней и играли.

Вокругъ кладбища кольцомъ расположились разнородныя упряжки — телѣги, брички, карафажки, доставившія къ церкви молельщиковъ; виднѣлись тройки, пары, одиночки. Лошадямъ, привязаннымъ къ колесамъ, оглоблямъ, къ изгороди, задали корму и оставили ихъ однѣхъ. Лошади и повозки стояли вокругъ кладбища плотнымъ кольцомъ.

Наконецъ, Плащаница возложена на алтарь... ударилъ колоколъ.

Дрогнули люди въ церкви, на галлереѣ, на кладбищѣ, и не одна сотня крестныхъ знаменій замелькала по грудямъ

людскимъ. Стали готовиться къ крестному ходу—къ исканію воскресшаго Христа.

Старенькій-старенькій священникъ—дьякона не имѣлось—надѣлъ новую крашенинную ризу; старшіе на селѣ люди разобрали хоругви, фонарь, иконы, крестъ и стали устанавливаться въ церкви отъ алтаря къ выходу; это было не легко, потому что есть все-таки извѣстная граница тому — насколько толпа людская можетъ сжаться и можетъ быть сжата; послѣ нѣкотораго предѣла непремѣнно начнутся въ ней клики, возгласы, а нѣтъ, такъ и похуже что̀. Такъ было это и здѣсь. Пока вдоль церкви устанавливались для крестнаго хода одиночки, имъ еще можно было найти мѣсто, но когда съ клироса сошелъ хоръ доброхотныхъ пѣвчихъ, довольно-таки многочисленный, найти ему мѣсто оказалось затруднительно. Въ числѣ пѣвчихъ виднѣлся и Кириллъ. Кое-какъ заняли они, однако, всѣ свои мѣста, и крестный ходъ тронулся. Плечистый дѣтина Кириллъ взялъ на себя очищать пѣвчимъ мѣсто.

— Сторонись, сторонись,—приговаривалъ онъ отъ поры до времени, работая, гдѣ нужно, плечами.

Пока было возможно, крестный ходъ медленно подвигался, но въ дверяхъ идти ему стало невозможно.

— Ой! ой!—раздавалось по сторонамъ.

— Выпустите, отцы родные!

— Дѣточку, дѣточку не задавите!

— Помилуй, Господи, задавятъ!

Хоругвеносцы въ это время успѣли уже выйти на паперть и съ трудомъ удерживали древки, потому что вѣтеръ скрѣпчалъ значительно, пронесли и фонарь, но пѣвчимъ и священнику рѣшительно не было хода, и какъ ни старался Кириллъ, но ничего сдѣлать не могъ. Не довольствуясь плечами своими тамъ, гдѣ ими не могъ онъ ничего сдѣлать, думалъ онъ помочь словами, иногда очень крѣпкими.

Сестра его Мареа, стоявшая позади церкви, у самаго выхода, придавленная напоромъ толпы къ косяку двери, вызвала почему-то особенно сильно его негодованіе.

— Ну тебя! Нашла гдѣ людямъ на дорогѣ стать!—рѣзко проговорилъ онъ и, вовсе не стѣсняясь, надавилъ людей въ ея сторону.

— Ой, ой, милостивцы!—вскрикнула Мареа.

Старикъ - священникъ, находившійся близко къ ней, вздрогнулъ и посмотрѣлъ въ ея сторону: лицо Мареы было ему совершенно незнакомо, но голосъ... голосъ... онъ его гдѣ-то слышалъ!

Наконецъ, послѣ долгой остановки и только при прямомъ увѣщаніи старичка-священника, удалось ему выйти на воздухъ, и скоро пронеслось по полуночи, при возвращеніи въ церковь, пѣніе великаго стиха: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ»...

Возвратилось шествіе. Плащаница возложена на алтарь, кончилась утреня и началась литургія.

Не первый десятокъ лѣтъ служилъ старичокъ - священникъ эту свѣтлую литургію, именно въ этомъ селѣ. Набожный, кроткій и рачительный, онъ, священнодѣйствуя, забывалъ все и вся, кромѣ послѣдованія. На этотъ разъ старикъ былъ необычайно взволнованъ. Ему былъ когда-то, въ ранней юности, нѣкій сонъ.

«Помни минуту освященія даровъ и будь милостивцемъ!» — сказалъ ему какой-то неизвѣстный ему голосъ.

Этотъ именно голосъ и это именно слово «милостивецъ» услыхалъ онъ вдругъ сегодня неожиданно, негаданно отъ какой-то неизвѣстной женщины! И такъ взволновали его эти слова, что онъ, чего съ нимъ никогда не бывало, заглянулъ раза два въ требникъ, какъ бы потерявъ чинъ послѣдованія. Но молился онъ горячо, и билось его старческое сердце необычайно сильно.

Русская служба церковная въ ночь на Свѣтлый праздникъ—это торжество свѣтлой молитвы, это удивительный порывъ величайшаго подъема духа человѣческаго на безмѣрномъ протяженіи отъ смерти къ безсмертію! Какія блестящія жизнью слѣдуютъ одни за другими пѣснопѣнія: «Воскресенія день»... «Ангелъ вопіяше»... «Свѣтися, свѣтися»... и поверхъ всего, словно перебивая всякому другому пѣснопѣнію дорогу, слышится безконечно частое повтореніе «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ...» Храмъ сіяетъ свѣчами, а съ колокольни, со звонницы, то и дѣло ударяютъ «во вся кампаны и клеплютъ довольно трезвоны», а иногда гудятъ, гдѣ они есть, конечно, «великое било и великій кампанъ»...

На этотъ разъ литургія идетъ своимъ законнымъ, отъ вѣка установленнымъ, порядкомъ; кажется, будто и старческій голосъ священника посвѣжѣлъ, и лучше поютъ доморощенные пѣвчіе.

Вотъ приблизилась минута освященія даровъ.

Въ храмѣ великій свѣтъ... Полнѣйшая въ немъ тишина между возглашеніями священнодѣйствующаго и пѣніемъ клира.

Вдругъ въ открытую настежь дверь церковную донесся въ сотняхъ повтореній страшнѣйшій кличъ:

— Пожаръ!

Дрогнула и всколыхнулась толпа. Исчезло мгновенно молитвенное настроеніе, уступивъ мѣсто страшному дыханію дѣйствительной жизни, во всей его суровости и неумолимости! Кинулись къ выходу всѣ сразу—кто какъ могъ и умѣлъ, раздались клики, стоны; сумятица не подлежитъ описанію—такъ быстра, такъ неожиданна была она, и вскорѣ опустѣла вся церковь, вся рѣшительно, и въ ней виднѣлась въ самомъ заднемъ уголку церкви одна только, сбитая съ ногъ, Мароа. Услыхалъ страшное, зловѣщее слово

и священникъ, но не дрогнулъ онъ подобно другимъ и продолжалъ священнодѣйствовать. Сбѣжалъ клиръ, сбѣжалъ пономарь.

Сразу посвѣжѣло и потемнѣло въ церкви. Да и какъ было не опустѣть ей, не потемнѣть, когда по домамъ въ селѣ малыя дѣти оставались и безпомощные дѣды и бабушки, когда и скарбъ домашній, и лошади, и коровы сгорѣть могли.

Пожаръ занялся на западной, противоположной сторонѣ села, съ того именно края, откуда дулъ вѣтеръ; яркое пламя, имъ питаемое, возрастало ежеминутно. Особенно велика, неописуема была сумятица вокругъ церкви, по кладбищу, и тамъ, гдѣ стояли телѣги и лошади: разобраться второпяхъ было невозможно. Безконечно далекою отъ недавняго молитвеннаго настроенія была та суетливая страстность, тѣ порывы самосохраненія, которые пробудились въ толпѣ людской немедленно и во всей силѣ. Плачъ бабъ и ребятишекъ стоялъ вокругъ церкви и разносился по селу; люди бѣжали по направленію къ клокотавшему огню, освѣщаемые съ одной стороны зловѣщими красками пожара, а съ другой—первыми проблесками занимавшейся въ небѣ зари. Особенно много способствовали сумятицѣ лошади, оторвавшіяся отъ привязей подлѣ церкви: нѣкоторыя изъ нихъ носились, какъ одурѣлыя, по площади и улицѣ, сшибали людей, бились и расшибались сами объ изгороди и дома.

Пожаръ направлялся прямо на церковь, и огненные пепелъ и искры сыпались къ ней.

Священникъ продолжалъ, однако, служить. Какая-то особая, непоборимая сила удерживала его на мѣстѣ и влекла къ священнодѣйствію. Близилось пресуществленіе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христа, только-что воскресшаго.

— Помни минуту пресуществленія даровъ...—мелькаетъ по мыслямъ священника, продолжающаго молитвословіе...

И этотъ знакомый голосъ, только-что ему слышавшійся... и этотъ пожаръ въ селѣ...

Вдругъ сдается ему, что на клиросѣ отвѣчаютъ ему хоромъ, и какимъ хоромъ! никогда, никогда, за долгую жизнь свою, не слыхалъ священникъ такого сладкогласнаго небеснаго пѣнія. А между тѣмъ, закрывая Царскія двери, видѣлъ онъ, насколько опустѣла церковь и сбѣжали клирники. А теперь! Кто же это поетъ!?

Обуянный святымъ трепетомъ, отдергиваетъ онъ въ должный срокъ завѣсу, растворяетъ Царскія врата и выходитъ на солею съ чашею.

И видитъ онъ, что церковь полнымъ-полна другихъ молящихся. Видны ему за ними недалекіе отъ церкви безсчетные пламенные языки пожарища, наклоняющіеся по направленію къ ней и словно наступающіе на нее, какъ нѣкое адово войско. А въ самомъ храмѣ царитъ тихій свѣтъ занимающагося утра, полевой свѣжести и лазури. Молящихся очень много, но только лицъ ихъ священникъ разглядѣть не можетъ; они какіе-то безликіе, слишкомъ много въ нихъ сіянія.

— Со страхомъ Божіимъ...—возглашаетъ священникъ... Видитъ онъ, какъ, въ порядкѣ необычайномъ, совсѣмъ не такъ, какъ было при крестномъ ходѣ, направляются причастники на сладостный призывъ его. Прочитаны имъ молитвы причастныя, и началось принятіе святыхъ таинъ.

— Христосъ воскресе!—раздалось со стороны клироса.

Взглянулъ священникъ въ его сторону, и видитъ людей свѣтлыхъ, въ одеждахъ сіяющихъ, но лицъ ихъ тоже разглядѣть не можетъ; это именно они и поютъ...

Приступили причастники къ чашѣ, и священникъ причащаетъ ихъ. Только здѣсь, подлѣ чаши, яснѣютъ въ старческихъ глазахъ его лица приближающихся; всѣ они ему

какъ будто знакомы, эти лица. Приступаетъ первою благообразная старица и называетъ свое имя «Агаѳоклея».

Дрогнули руки старца-священника. Это подошла къ нему его мать, которой лишился онъ болѣе семидесяти лѣтъ назадъ, будучи еще малымъ дитятею. Онъ, только послѣ произношенія ею имени, узналъ ее. Она причастилась и отошла.

Слѣдовали другіе, и еще, и еще, и много старыхъ забытыхъ людей подходили къ чашѣ, называли свои имена и, принявъ причастіе, чинно отходили. А съ клироса доносилось въ это время чудесное пѣніе, а пожаръ близился и крикамъ съ улицы не было конца.

Вотъ кончается причащеніе, и послѣднею подходитъ та именно женщина—Марѳа, голосъ которой такъ неожиданно поразилъ священника при началѣ крестнаго хода. Она назвала свое имя и тоже причастилась; она, такъ показалось священнику, была единственнымъ живымъ человѣкомъ, оставшимся въ церкви. Но онъ ошибся: Марѳа тоже не существовала больше, потому что въ безумной сумятицѣ, вызванной пожаромъ, ее задавили у самаго выхода изъ церкви, тамъ, гдѣ она стояла. Если бы не благоуханіе душевное, обуявшее священника при видѣ всего того, что̀ передъ нимъ совершилось, то онъ могъ бы, конечно, замѣтить и разглядѣть, сквозь голубыя, сквозныя очертанія существъ, которыя только-что подходили къ причастію и наполняли церковь своею безплотностью, мертвое тѣло искалѣченной странницы, лежавшее у входа на полу и притоптанное къ стѣнѣ... Но онъ его не замѣтилъ, а видѣлъ и причастилъ усопшую, оставившую тѣло свое за собой.

Слѣдовали благодарственныя о причащеніи эктенія и молитвы, слѣдовалъ отпускъ, и потянулись прикладываться къ кресту всѣ наполнявшіе церковь, и всякій, подошедшій

и поцѣловавшій крестъ, не отходилъ отъ него, а какъ бы исчезалъ, расплывался въ воздухѣ.

Мало-по-малу опустѣлъ домъ молитвы: остались въ ней только живой священникъ, а на полу, у выхода, бездыханное тѣло Маѳы.

Неописуемая мощь духа сказалась въ старческомъ тѣлѣ священника. Могъ бы онъ теперь, казалось, бѣжать изъ церкви, въ которой, вмѣсто благоуханія небеснаго, слышался рѣзкій запахъ гари, а вмѣсто сладкозвучнаго ангельскаго пѣнія доносились съ улицы отчаянные, неистовые клики и возгласы боровшихся съ огнемъ людей. Но только разоблачившись въ алтарѣ и приведя все въ порядокъ, вышелъ іерей на паперть церковную.

Страшенъ былъ видъ того, что̀ предъ нимъ предстало: вмѣсто люднаго села, торчали однѣ только дымившіяся развалины и между нихъ высились столбами остовы дымовыхъ трубъ. По кладбищу валялись разбросанные пасхи, куличи, яйца, свѣчи.

Дойдя до церковной площади, пожаръ неожиданно остановился, потому что вѣтеръ мгновенно стихъ. Дыма, огня, суеты и отчаянныхъ криковъ людскихъ стояло въ воздухѣ еще много, но пожаръ дальше не шелъ. Пламенные языки его, еще такъ недавно наклонявшіеся къ церкви со стороны вѣтра и пожиравшіе съ земли все живое, поднимались теперь кверху неподвижными столбами, поднимались въ небо, туда, гдѣ имъ нечего было пожирать...

Лицомъ къ лицу съ совершившимся ужасомъ и чудомъ, освѣщаемый огнями тихой зари небесной, долго стоялъ іерей на паперти церковной и молился.

«Не исходъ ли силъ небесныхъ изъ храма,—думалось ему,—остановилъ тишиною своею нашествіе бури огненной?!»...

Много оказалось на выгорѣвшемъ до тла селѣ покойниковъ; сгорѣли и пономарь, и Кириллъ, спасая свое имущество. Послѣ Кирилла единственною наслѣдницею была бы Мареа, но ей Богъ судилъ другой, лучшій путь и другое, болѣе прочное, наслѣдство.

Память о сослуженіи въ храмѣ небесныхъ силъ живетъ и понынѣ въ преданіи народномъ. Существуетъ и село Прирѣчье, только оно отнесено дальше въ сторону. Въ срединѣ его высится новая каменная церковь, а старая сгинула безслѣдно, и только колода, съ крестомъ на ней, означаетъ на кладбище то мѣсто, гдѣ стоялъ прежній алтарь и гдѣ силы небесныя сослужили старику-іерею...

ВОСПОМИНАНІЕ.

Два Петра Петровича Анастасьевы, отецъ и сынъ, счастливо проживали въ Петербургѣ лѣтъ сорокъ тому назадъ. Это было севастопольское время, время перемѣны царствованія, когда еще и рѣчи не заводили въ высшихъ правительственныхъ кругахъ объ освобожденіи крестьянъ. Съ новымъ царствованіемъ, мало-по-малу, повсюду быстро начались всякія преобразованія. Началось съ формальнаго, съ поверхностнаго: генераламъ даны красные брюки и пѣтушиныя перья, а гвардія одѣла, вмѣсто мундировъ съ красными бортами на фалдахъ, мундирные полукафтаны, и каски съ султанами замѣнены французскими кепи. Тогда же поднялись на государственномъ гербѣ, гдѣ бы онъ ни значился, крылья орловъ, до того времени опущенныя: онѣ какъ будто встрепенулись, захорохорились.

Такъ какъ всѣ преобразованія въ мірѣ, отъ какихъ бы временъ ни считать, никогда и нигдѣ не касались, или касались очень слабо, тѣхъ могучихъ основъ человѣческой жизни, которыя положены въ сердца людскія на свои мѣста самимъ Богомъ; такъ какъ чувства людскія—ѓоре, радости, надежды, отчаянія, привязанности, любовь и ненависть, несмотря на измѣнявшуюся во времени обстановку жизни, на мѣсто и поводъ ихъ проявленія,—будь то древняя Ас-

сирія, или революціонные дни Филиппа-Равенство, — никогда, никогда, въ существѣ своемъ не измѣнялись, то и въ обоихъ Петрахъ Петровичахъ сказывались они вполнѣ обычнымъ, принятымъ отъ вѣка порядкомъ. Имя Петръ было въ ихъ семьѣ именемъ обычнымъ, всегдашнимъ, преемственнымъ, насиженнымъ; у многихъ—такой обычай, установившійся и почтенный.

Петръ Петровичъ номеръ первый, дѣдушка, сынъ бригадира, не могъ достаточно нарадоваться на семейное житье-бытье своего сына. Прелестная жена послѣдняго, сноха Анна, и двое маленькихъ ребятъ, мальчикъ и дѣвочка, Петя и Соня, составляли, вмѣстѣ взятые, такой букетъ людскихъ существованій, какого поискать.

— Хе-хе-хе! Да, ты, братъ, совсѣмъ въ дѣдушку, — говаривалъ старикъ, взявъ внука своего, тоже Петю, номеръ третій, на колѣна:—гусаромъ хочешь быть?

— Нѣтъ, дѣдушка, кирасиромъ! я турку убью и француза поджарю.

— Ой!

— А англичанина въ море опущу, вотъ что̀!

— А если они втроемъ тебя одолѣютъ?

— Кусать ихъ начну; за Ѳедей пошлю, если плохо будетъ, и ужъ тогда имъ у насъ не сдобровать!

Ѳедя, сынъ сосѣда, былъ однолѣткомъ Пети и великимъ забіякой.

Сестрица Соня, которой отъ мальчишекъ часто доставалось, являлась писанымъ портретомъ своей матери. Необычно кроткая, добрая, правдивая, она отличалась и замѣчательною красотою: бѣлокурая головка, темно-синія очи, большія, свѣтлыя, въ рамкѣ длинныхъ, почти черныхъ, рѣсницъ.

— Ну, а ты, Сонюша, — говорилъ дѣдушка: — что̀ съ туркой и англичаниномъ сдѣлаешь?

— Раненыхъ лѣчить буду.

— Вотъ еще чего!— воскликнулъ Петя: — я тебя за это, знаешь...

— А я тогда маму позову!

— Трусишка! Вотъ что!—отвѣчалъ ей братъ.

— Не хорошо такъ говорить, Петя,—замѣчалъ дѣдушка.

Подходила мать, цѣловала свою дорогую дочку, Петѣ дѣлала выговоръ, объясняя, почему именно дѣлала его, и Петя, стиснувъ губки, въ концѣ концовъ подбѣгалъ къ матери и крѣпко-крѣпко обнималъ ее.

Жили Анастасьевы всѣ вмѣстѣ подлѣ Владимірской церкви. Квартира помѣщалась во дворѣ, въ четвертомъ этажѣ, и изъ оконъ ея виднѣлись внутренніе распорядки нѣсколькихъ дворовъ, лѣсного склада, извозчичьяго двора, а поверхъ крыши высились купола и колокольня.

Въ тѣ дни купола Владимірской церкви еще не блистали такою яркою позолотою, какъ теперь, но стройныя линіи ихъ—память талантливаго архитектора-строителя—очерчивались въ глубинѣ небесъ легко и красиво. Иногда эта глубина небесъ не замѣчалась вовсе, потому что густой туманъ по осени или дождливая мгла въ срединѣ лѣта одѣвали вершины куполовъ какъ бы сѣрымъ колеблющимся покрываломъ, и купола словно плыли въ туманѣ, только изрѣдка продвигая свои православные кресты—что твои горныя выси!

Эта картинка была довольно грустна. Но зато когда, въ ясный часъ заката вечерняго, лѣтомъ или зимою, все равно, купола зарумянивались розовымъ свѣтомъ и на недолгое время казались самосвѣтящимися, какъ бы налитыми алою кровью, а многочисленные столбики, окружающіе колокольню, вырастали рядами одни надъ другими, суживались кверху, какъ длинные, невѣроятно длинные опалы, а кресты на маковкахъ брызгали искрами и мелкими сіяніями, — эта плывшая по небу или, лучше, вступившая съ небомъ въ

общеніе громада храма поднимала за собою и душу, и чувство человѣка, созерцавшаго ее.

Чаще другихъ смотрѣлъ на маковки и купола церковные Петръ Петровичъ номеръ второй, отецъ Пети. Его рабочій столъ стоялъ у самаго окна и, сидя за работою, неоднократно взглядывалъ Петръ Петровичъ на нихъ и любовался. Отъ поры до времени дѣлали это всѣ домашніе; дѣти глядѣли преимущественно тогда, когда птицы, цѣлыми стаями, кружились подлѣ куполовъ и, садясь вплотную одна подлѣ другой, вдоль поясовъ и кронштейновъ, обращали эти пояса изъ бѣлыхъ въ черные. Звонъ церковный слышался въ квартирѣ такъ, сильно, такъ густо, что иногда, въ отвѣтъ большому колоколу, дрожали оконныя стекла.

Надо было имѣть привычку, чтобы не просыпàться къ самому раннему звону, далеко опережавшему зимою появленіе дневного свѣта. Вся семья привыкла къ этому звону и не просыпàлась.

— Дорогая Аня! Хорошо намъ съ тобою!—говорилъ нерѣдко Петръ Петровичъ номеръ второй: — такъ хорошо, что страшно становится за возможность разрушенія.

— Тебѣ запрещено разъ навсегда,—отвѣчала ему жена,—говорить такимъ образомъ! Бога гнѣвишь!

— Да что́ же дѣлать, если такія мысли набѣгаютъ сами собою? Особенно дурно то, что счастье, когда оно продолжается, неминуемо разрушаетъ само себя.

— Почему же?

— Да вотъ, напримѣръ, дѣти! Вѣдь это наше счастье, если они растутъ, развиваются, но зато они становятся большими, будутъ скоро не дѣтьми. Положимъ, что тогда опять свое счастье настанетъ, счастье другого покроя, но вѣдь тогда сегодняшняго покроя счастья не будетъ больше! Вотъ хоть бы и дѣдушка...

— Да, да, дѣдушка начинаетъ безпокоить меня! — го-

ворила Аня. — Въ особенности кашель его такой нехорошій.

— Онъ самъ какъ будто чувствуетъ что-то недоброе,— отвѣтилъ Петръ Петровичъ и наклонился къ женѣ, чтобы сказать ей нѣчто новое, сказать такъ, чтобы никто не слыхалъ. Онъ оглядѣлся: въ комнатѣ никого не было, а веселый смѣхъ дѣтей и громкое постукиваніе барабана неслись изъ дѣтской, изъ-за двухъ дверей.—Знаешь ли что̀,—продолжалъ Петръ Петровичъ:—папаша пишетъ свое завѣщаніе.

— Зачѣмъ?—почти вскрикнула Аня.

— Если я не ошибаюсь, то не дальше какъ сегодня или завтра, вообще на-дняхъ, придутъ къ нему гости.

— Кто такіе?

— Свидѣтели.

— Какіе свидѣтели?

— Чтобы подписаться подъ завѣщаніемъ. Онъ отправилъ вчера письма къ обоимъ Галкинымъ и къ Степану Павловичу. Это ближайшіе къ нему люди, а такіе именно и подписываютъ завѣщанія.

— Не говори мнѣ объ этомъ, не говори...

— Однако, это все-таки такъ.

Раздался звонокъ.

Почти одновременно вошли въ комнату, изъ двухъ противоположныхъ дверей: изъ кабинета сѣдоволосый дѣдушка, а изъ прихожей только-что названный Степанъ Павловичъ; вслѣдъ за ними, съ крикомъ и гикомъ, внеслись дѣти — Петя, рьяно постукивая въ барабанъ, а по пятамъ его дѣвочка, упорно дуя въ маленькую, увѣшанную красными кистями, трубу.

Степанъ Павловичъ — свидѣтель — вошелъ въ комнату, такъ казалось Анѣ, какъ бы воплощенное, неотвратимое предзнаменованіе.

Было ровно четыре часа пополудни. Ударилъ первый

колоколъ къ вечернѣ, и тяжкій, мѣрный звукъ его наводнилъ комнату и точно повисъ въ воздухѣ. Разныя-разныя ощущенія вызвалъ этотъ, одинъ и тотъ же звукъ во всѣхъ присутствовавшихъ, неожиданно и вдругъ собравшихся въ небольшомъ кабинетѣ. Аня только протянула руку вошедшему изъ передней Степану Павловичу и быстро вышла изъ комнаты: слезы подступили ей къ горлу.

Вслѣдъ за матерью, какъ ни въ чемъ не бывало, убѣжали дѣти: дѣвочка дула въ трубу, а мальчикъ, для разнообразія, слѣдовалъ за сестрой и мамой, прыгая на одной ногѣ, причемъ барабанъ неистово болтался.

— Упадешь, Петенька! упадешь, голубчикъ, не надо на одной ножкѣ,—говорила ему вслѣдъ пожилая, съ платкомъ на головѣ, няня.

* * *

Прошло много лѣтъ.

На дворѣ стояла весна, роскошная, вполнѣ удачная, и была она на исходѣ. Отцвѣли одуванчики; перестали продавать на улицахъ Петербурга букеты ландышей и фіалокъ; кончилось въ значительной степени караванное странствованіе на дачи, и множество квартиръ въ городѣ, въ особенности изъ мелкихъ, опустѣло.

Въ небольшую квартиру маленькаго чиновника, многосемейнаго, служившаго въ духовномъ вѣдомствѣ, въ которомъ, какъ извѣстно, оклады гораздо меньше, чѣмъ въ остальныхъ, часовъ въ восемь утра неожиданно появился старшій дворникъ дома, ярославскій мужикъ, окладистый, трезвый, хорошій.

— Скажи барину, что намъ его видѣть нужно,—сказалъ онъ кухаркѣ, отскребывавшей оставшіяся со вчерашняго дня немытыми кастрюли.—Всталъ баринъ?

— Встали; кофе пьютъ.

Кухарка не замедлила отправиться къ барину и, вернувшись, позвала дворника къ нему.

— Здравствуй, братъ, Купріянъ! Что̀ скажешь?

— Денежки вамъ предлагаютъ.

— Какія денежки?—спросилъ удивленный чиновникъ.

Подошла жена; обступили дворника ребятишки.

— Да вотъ,— продолжалъ Купріянъ,— отступного вамъ предлагаютъ, если квартиру сдадите.

— Отступного? теперь? лѣтомъ? — спросилъ удивленный чиновникъ.

— Точно такъ-съ, чудакъ какой-то, старичокъ!

— Да гдѣ же онъ?—быстро проговорила жена.

— Вчера заходилъ, поручилъ спросить — не угодно ли? Обѣщалъ сегодня за отвѣтомъ зайти.

— А сколько предлагаютъ?—спросила чиновница.

— Половину цѣны по мартъ мѣсяцъ, т. е. до конца условія.

— То-есть, это выходитъ двѣсти рублей?

— Точно такъ-съ.

Чиновникъ съ чиновницей переглянулись. Они на праздники изъ раздѣльныхъ денегъ въ канцеляріи всего семьдесятъ рублей получали. Двѣсти рублей, сумма огромная, вдругъ сваливалась съ неба.

— Что̀ это такое?—спросилъ чиновникъ жену свою, видимо недоумѣвая.

Жена только пожала плечами.

— Если-съ,— проговорилъ дворникъ, — вамъ угодно будетъ, такъ они тоже-съ...

— Что́ еще?

— Согласны и на переѣздъ пятьдесятъ рублей дать.

Чиновникъ, до того сидѣвшій въ старомъ лохматомъ креслѣ, даже поднялся съ мѣста.

— Да вѣдь это какъ разъ на билетъ съ выигрышами хватитъ!—воскликнулъ онъ и даже хлопнулъ дворника по плечу.

— А когда же очистить квартиру надо? — спросила чиновница.

— Чѣмъ скорѣе—тѣмъ лучше-съ, для васъ же прибыльнѣе.

— Ну, что же? — проговорилъ чиновникъ, глядя на жену.—Соглашаешься?

— И думать нечего!

Ровно недѣлю спустя квартира была очищена, и въ ней принялись рабочіе за работы: маляры красили, столяры правили полъ, двери и окна; въ углу, подлѣ печки, поставлены, до оклейки, связки обоевъ. Прошла недѣля, и въ обновленную квартиру стали привозить мебель — довольно богатую, многочисленную, совершенно новую, бронзу, картины. Дворникъ, исполнявшій въ домѣ свою обязанность болѣе двадцати лѣтъ, никогда не видалъ, чтобы въ квартиру, расположенную во дворѣ, да еще въ четвертомъ этажѣ, вносили такія цѣнныя вещи.

Въ одну изъ субботъ, около полудня, окончательно въѣхалъ новый жилецъ; онъ во время работъ въ квартирѣ навѣдывался ежедневно, но видъ свой, свидѣтельство объ отставкѣ, принесъ дворнику только въ день окончательнаго переѣзда. Въ бумагѣ значилось «Петръ Петровичъ Анастасьевъ». Который?

Это былъ дѣйствительно Петръ Петровичъ, когда-то номеръ второй, мужъ Ани, но теперь, въ настоящее время, единственный на свѣтѣ Петръ Петровичъ. Жизнь за тридцать слишкомъ лѣтъ обвѣяла, очистила кругомъ него всѣхъ и вся такъ рачительно, что онъ, какъ березка среди ровной долины, остался стоять одинъ-одинехонекъ, открытый всѣмъ вѣтрамъ. Первымъ умеръ, чего никакъ нельзя было ожидать, сынъ его, Петя, мальчикомъ лѣтъ двѣнадцати; въ томъ же году скончался старикъ-дѣдушка, написавшій завѣщаніе; года за четыре до переѣзда въ только-что обновленную квартиру умерла его жена — Аня; эти трое похо-

ронены на Смоленскомъ. Дочь его, Соня, умерла ровно годъ тому назадъ за границею, въ Парижѣ, въ домѣ душевнобольныхъ; заболѣла она давно, а умерла на третій годъ своего вдовства. Чего-чего ни дѣлалъ осиротѣвшій отъ всей родни своей печальный отецъ, чтобы спасти дочь, этотъ послѣдній отпрыскъ когда-то цвѣтущей и счастливой семьи, но ничто не помогло. Похоронивъ бывшую когда-то маленькою, бѣлокурою, съ черными рѣсницами Соню въ Парижѣ, Петръ Петровичъ скитался въ теченіе цѣлаго года за границею, мыкался, побывалъ даже въ Америкѣ, но, наконецъ, вернулся въ Петербургъ.

Его влекло сюда что-то необъятно-сильное, умиротворяющее, оставшееся въ общемъ крушеніи жизни несокрушимымъ, единое живое, ощутимое; его влекло—воспоминаніе...

Никогда бы не повѣрилъ онъ, если бы ему сказали въ былые, счастливые годы, когда жизнь глядѣла на него добрыми очами и онъ пилъ изъ полной чаши радости, никогда не повѣрилъ бы онъ, что воспоминаніе — дѣйствительно нѣчто ощутимое, вѣсомое, почти тѣлесное; что подлѣ воспоминанія, или, лучше сказать,—въ немъ, можно даже, такъ сказать, поселиться, если не обнять его, то быть обнятымъ имъ. Но теперь, когда все ушло, все, когда осилили годы, такъ что начинать что-либо снова было бы и невозможно, и смѣшно, теперь, отыскивая къ чему прислониться, куда пріютиться, убѣдился онъ въ томъ, что, въ концѣ концовъ, единымъ прочнымъ и вѣчнымъ, до вѣчности, конечно, остается воспоминаніе. Поселиться въ той же квартирѣ, въ которой онъ нѣкогда жилъ, значило для него нѣкоторымъ образомъ дать безплотному воспоминанію вещественный обликъ, воплотить его, имѣть подлѣ себя хотя что нибудь, кромѣ страшной пустоты. Отсюда отступное, данное имъ семьѣ чиновника, и невольное воспособленіе хотя бы и временному счастью этихъ ему вполнѣ неиз-

вѣстныхъ, чужихъ людей. Отрождаются нерѣдко слезы людскія чужою радостью — это даже часто такъ бываетъ, и хорошо, что такъ бываетъ, чтобы хоть гдѣ-нибудь, почему-нибудь радовались.

Петръ Петровичъ, какъ сказано, въѣхалъ въ квартиру, совершенно устроенную; все и вся привела ему въ порядокъ прислуга, но нѣкоторыя вещи сталъ онъ разставлять самъ.

Прежде всего вынулъ онъ изъ особаго сундука портреты своихъ умершихъ. Милые лики! Хорошіе лики! Сколько ихъ! Какою благоухающею тишиною безтрепетности и законченности глядите вы! Сколько въ васъ своеобразнаго бытія, милые, милые лики! Повѣсилъ онъ на стѣну и Петинъ барабанъ.

Петръ Петровичъ, разставивъ портреты, подошелъ къ окну, тихонько отворилъ его и сѣлъ на подоконникъ... смотритъ... Та же церковь, тѣ же купола глянули ему въ глаза, но только расцвѣли они яркимъ золотомъ, принарядились такъ, что глядѣть на нихъ больно. Вились подлѣ колокольни, по широкимъ кругамъ, птицы и разсаживались по карнизамъ. Не потомство ли прежнихъ? Нѣкоторыхъ изъ пустыхъ дворовъ недоставало: вмѣсто нихъ поднимались каменныя постройки и загораживали одна другую; но лазурь небесная, такъ же какъ и птицы, не измѣнилась.

Въ это время медленно ударилъ колоколъ. Часъ вечерни. Дрогнули стекла въ окнахъ знакомымъ Петру Петровичу дрожаніемъ, и густой, почтенный, медленный звукъ какъ бы повисъ въ воздухѣ... онъ, подобно многому, очень многому, не ушелъ въ прошедшее и не пропалъ.

ВОСКРЕСШІЕ.

Заутреня и обѣдня только-что отошли. Маня, восемнадцатилѣтняя Маня, безумно любившая своего жениха, выбравшись втихомолку изъ дома, накинувъ наскоро пальто, почти бѣжала по улицѣ въ недалекую церковь, освѣщаемая пламенемъ зоревыхъ огней. За нею, по ея приказанію, слѣдовала и едва поспѣвала горничная.

Вѣчно перемѣщающаяся по календарю Пасха начиналась въ тотъ годъ въ первыхъ числахъ апрѣля. Календарь сообщалъ, что солнце восходитъ въ четыре часа сорокъ восемь минутъ, но къ этому времени улицы Петербурга тянулись уже залитыя полнымъ сіяніемъ, потому что съ востока давно наплывало такъ необъятно много золотисто-краснаго свѣта, что эта пасхальная зоря свѣтилась сама по себѣ настоящимъ днемъ.

На улицахъ водворились тѣ удивительныя тишина и пустота, которыя поражаютъ быстротою своего водворенія. Только-что въ ночи суетился на ногахъ весь городъ, а часа черезъ четыре онъ снова будетъ весь на ногахъ; но въ эти часы все городское населеніе будто сразу сократилось, исчезло. На опустѣвшихъ мостовыхъ, гораздо замѣтнѣе, чѣмъ днемъ, гуляли, воркуя, голуби и прыгали, чи-

рикая, воробушки. Главное населеніе улицы въ эти короткіе часы—извозчики, и тѣ попрятались за недостаткомъ сѣдоковъ и прикармливали лошадей, готовясь къ большой ѣздѣ.

И встрѣчныхъ не было. Маня бѣжала быстро. Румяными барашками, будто волнистымъ руномъ съ краснымъ отливомъ шелка, покрылось голубое небо. Агнецъ пасхальный и барашки облаковъ въ зоревыхъ огняхъ смѣшивались въ мысляхъ Мани, едва освѣжаемыхъ утреннимъ холодкомъ. Холодокъ этотъ чувствовала она совершенно ясно, слегка дрожала, но двигалась она въ этомъ холодкѣ, увлекаемая потокомъ недавняго, страшнаго сна. Сонъ подгонялъ ее.

Ей, не пошедшей къ заутрени вслѣдствіе нездоровья матери, снилось нѣчто совсѣмъ необычайное. Она очутилась вдругъ, гдѣ-то, какъ-то, въ безплотномъ обществѣ воскресшихъ людей, и такъ какъ сны не придерживаются никакой логики, то всѣ эти воскресшіе, многихъ изъ которыхъ она знавала, а нѣкоторые были ей очень близки и дороги, и умерли въ разное время, окружали ее точно такими, какими были въ жизни, не измѣнивъ ни одѣяній, ни голоса, ни движеній. Разница между ними и живыми состояла только въ томъ, что они воскресли.

Общество большое, пестрое, пріятное...

Авдотья-няня! старенькая, сутуловатая, въ платочкѣ на головѣ, обвязанномъ такъ, что сѣденькихъ волосъ почти не видно; съ вѣчной сказочкой на устахъ и пряниками и ключами въ карманахъ. Няня! голубушка, милая! воскресла?

Отецъ! Маня долго говорила съ нимъ, да, да, говорила, поцѣловала; онъ обнялъ, благословилъ. Онъ почему-то въ халатѣ, въ своемъ синемъ халатѣ изъ тармаламы; Маня очень хорошо помнитъ, какъ, бывало, каждый день утромъ, когда они, дѣти, вставъ спозаранокъ, отправлялись играть въ залу, отецъ, выйдя изъ спальни, приходилъ къ нимъ

именно въ этомъ одѣяніи, съ длинной трубкой въ зубахъ, и синій дымокъ табака вертѣлся и вился по воздуху вслѣдъ за высокою, плотною фигурою проходившаго.

Онъ положилъ одну изъ своихъ рукъ Манѣ на голову, на лобъ: рука оказалась теплою; отецъ какъ бы хотѣлъ отклонить голову дочери назадъ, въ родѣ того, какъ дѣлаетъ докторъ, чтобы точнѣе взглянуть въ глаза.

— Какъ ты выросла, похорошѣла, и какъ я радъ тебя видѣть!—говоритъ онъ ей.—Чтò мамаша?

— Мамаша спитъ, она нездорова; мы къ заутрени не пошли.

— Напрасно вы не пошли, не хорошо.

— Прости, папочка, я знаю, что не хорошо.

— Ты видишь, какъ тутъ пріятно, весело; ты увидишь еще больше.

Вслѣдъ за этими словами отецъ куда-то скрылся, пропалъ! Идутъ другіе, новые; толпятся, здороваются; всѣ очень рады.

Вадхинъ! одинъ изъ товарищей и друзей отца; всю жизнь писалъ, думалъ быть литераторомъ, такъ и умеръ, думая имъ быть. Онъ въ вицмундирѣ, чиновникъ, съ крестикомъ въ петличкѣ; на лбу — чубъ, на вискахъ волоса двумя «эсами»; добрый, улыбающійся.

Старый генералъ-адъютантъ! какъ его фамилія? Клейнмихель? — нѣтъ; Лидерсъ? — нѣтъ; онъ тоже другъ дѣтства отца... такой сѣдой!

Савельичъ-Рябухинъ! старый унтеръ-офицеръ, вѣчно сидѣвшій въ прихожей и занимавшійся только однимъ: чинкою карандашей и гусиныхъ перьевъ — стальныя перья запрещались. Сколько, бывало, ихъ нужно чинить! а какъ онъ чинилъ—куда машинки! у всѣхъ его карандашей носики остренькіе, хоть уколоться, и никогда не могла Маня очинить карандаша точно такъ же, сколько ни старалась. Во

внѣшности Савельича замѣчалось нѣчто очень оригинальное: онъ былъ такъ худъ, что щекъ у него какъ бы не имѣлось, а вмѣсто нихъ темнѣли, начинавшіяся подлѣ носа, два продолговатыхъ углубленія, двѣ могучія морщины.

Подлѣ Савельича, только-что очинившаго пачку карандашей, стоятъ лицомъ къ нему, положивъ ручки за спину и поднявъ глаза, покойные маленькіе братцы и сестрицы: Викторъ, Женя, Саша; послѣдній умеръ въ страшномъ дифтеритѣ, и Маня его послѣ смерти не видала.

— Ужо: — говоритъ имъ громко Савельичъ: — я, вотъ, сестрицѣ скажу, что на васъ карандашей не начинишься; вонъ они идутъ, сестрица!

И Маня дѣйствительно подходитъ и видитъ въ рукахъ Савельича цѣлую пачку очиненныхъ карандашей. Она крѣпко-крѣпко цѣлуетъ ребятишекъ, всѣхъ по очереди, а у Савельича слезы на глазахъ, и всѣ кругомъ смотрятъ, толпятся, рады, привѣтствуютъ.

Маня замѣчаетъ, что воскресшихъ становится все больше и больше. Проходитъ кто-то, должно-быть, бабушка; Маня ея никогда не видала, и почему это бабушка, а не кто иной— не извѣстно. Мелькаютъ какія-то, ей хотя и знакомыя лица, гдѣ-то видѣнныя, но она ихъ не помнитъ, такъ ихъ много, такъ задвигаются они одни другими, шествуя вокругъ и около, кланяясь, прикасаясь, повертываясь, обступая живымъ кольцомъ. Плавно, мѣрно, имъ въ ладъ двигается и сама Маня...

«Но отчего же,—подумалось вдругъ Манѣ,—нѣтъ тебя здѣсь, въ числѣ воскресшихъ, тебя, мой дорогой, милый, возлюбленный женихъ...—Промелькнуло имя этого человѣка.— Развѣ спросить отца? но отецъ при жизни не зналъ его и имени не слыхалъ... да и зачѣмъ быть здѣсь ему, этому человѣку, вѣдь онъ не умиралъ, живёхонекъ, любитъ меня?..»

Безпокойный сонъ Мани дѣйствительно совсѣмъ сбился съ толка. Почему, въ самомъ дѣлѣ, въ числѣ воскресшихъ слѣдовало находиться ему, этому горячо любимому человѣку; ему, молодому, который и не думалъ умирать? Тѣмъ не менѣе, его нѣтъ, нѣтъ! Маня начинаетъ двигаться быстрѣе, ищетъ, стремится, жаждетъ увидѣть. Воскресшіе раздаются передъ нею, сочувственно уступаютъ дорогу, чтобы не мѣшать искать. Она движется между ними все быстрѣе и быстрѣе; она уже не ходитъ, а бѣгаетъ, мчится, несется. Страхъ захватываетъ ея дыханіе, страхъ холодитъ ей сердце; страхъ этотъ необъятенъ, удушливъ, потому что Маня сознаетъ, что здѣсь перерѣшенія быть не можетъ, что судъ конченъ, приговоръ произнесенъ, и кого нѣтъ на-лицо, тотъ сгинулъ навсегда и тому нѣтъ спасенія.

«Да какъ же можно было не вѣрить въ Воскресеніе Христово?—мелькаетъ по мысли прослезившейся Мани;—а ты дѣйствительно не вѣрилъ, не вѣрилъ! и тебя нѣтъ здѣсь, и не будетъ никогда больше, никогда... О! во имя любви безконечной, милый мой, дорогой мой, повѣрь въ Воскресеніе, сдѣлай усиліе надъ собою, повѣрь... смотри: вѣдь это все воскресшіе... или ты не видишь, не чувствуешь ихъ? но—повѣрить теперь поздно! все кончилось, все! его нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ»...

И Маня стремится въ отчаянныхъ поискахъ между разступающимися передъ нею воскресшими, и они всѣ глубоко соболѣзнуютъ ей.

— Бѣдняжечка!

— Горемычная!

— Къ счастью, что она идетъ, куда нужно, на свѣтъ, на сіяніе, тамъ она сейчасъ Бога увидитъ...

— Христосъ воскресъ! Свѣтися, свѣтися...—слышится ей отовсюду.

И дѣйствительно: навстрѣчу уносившейся впередъ Манп, искавшей любимаго ею человѣка, лились потоки какого-то неописуемаго свѣта, раздавался удивительный хоральный звонъ...

Это былъ послѣдній перезвонъ замолкавшихъ послѣ ранней обѣдни колоколовъ церковныхъ; онъ-то и разбудилъ ее. Маня проснулась, но долго не могла придти въ себя. Въ комнатѣ было совершенно свѣтло. Рѣшеніе, принятое ею—идти немедленно въ церковь,—исполнено возможно скоро, и она быстро бѣжала по улицѣ. Горничная, которой сказано слѣдовать за нею, удивленная и тоже не вполнѣ прибранная, какъ и Маня, едва поспѣвала. Не менѣе, чѣмъ горничная, былъ удивленъ разбуженный, чтобы отворить двери, лакей, которому приказано, на случай если проснется мать, сказать ей, что барышня въ церковь пошли и скоро вернутся.

Хорошо безмолвіе нашей церкви, залитой свѣтомъ яснаго пасхальнаго утра. Церковь безусловно пуста, и алтарь открытъ настежь. Тысячи людей были тутъ недавно, вспомнили Воскресеніе, и ушли отсюда во-свояси съ миромъ. Безмолвно поигрываютъ на ризахъ и каменьяхъ иконъ золотые лучи только-что взошедшаго солнца; они пронизываютъ голубоватую глубь храма, полную слѣдовъ кадильнаго дыма, и начинаютъ мѣрно обходить помостъ церковный.

Когда горничная, сопровождавшая Маню, вошла въ церковь, нѣсколько позднѣе ея, она увидала дѣвушку уже стоящею на колѣняхъ передъ самымъ алтаремъ, упавшею лицомъ ницъ къ помосту. Въ Манѣ совершалось однó изъ тѣхъ горячихъ, чудодѣйственныхъ стремленій робкой души человѣческой надъ нéобъятною бездною ничтожества, которыя очень рѣдко тревожатъ таинственные пути общенія людей съ Богомъ, пути молитвъ. Маня душою, всею душою, безъ словъ, молилась о томъ: да минуетъ ее чаша вѣчной

разлуки съ любимымъ человѣкомъ, да повѣритъ онъ въ безсмертіе, какъ она вѣритъ, какъ она убѣдилась.

— Онъ будетъ спасенъ, будетъ! — проговорила Маня совершенно явственно, вставая съ колѣней и какъ бы отвѣчая на обращенный къ ней подошедшею горничною вопросъ.

— Да что̀ это съ вами, барышня?

— Христосъ воскресъ!

— Воистину воскресъ!

И дѣвушки троекратно поцѣловались.

СЛУЧАЙ

Чахоточная барышня, Евгенія М*, окруженная семьею своею, глубоко опечаленною почти несомнѣнно дурнымъ исходомъ болѣзни, находилась года три назадъ на водахъ въ Соденѣ. Были тамъ и другіе русскіе. По вечерамъ, когда играла музыка и людская толпа наводняла тѣнистыя аллеи стараго, хорошо содержимаго парка, солнце, склоняясь за ближнія горы, словно подглядывало подъ густую сѣнь столѣтней листвы,—что̀ такъ красиво и такъ быстролетно. Солнце выдавало, съ особенною наглядностью, грустное, молчаливое присутствіе смерти на лицахъ многихъ больныхъ, бо̀льшею частью молодыхъ, и неуклонное, тихое вѣяніе смерти обозначалось яркими чахоточными румянцами. Раскаты музыки, пестрота одѣяній, порою веселый говоръ нисколько не ослабляли этого тлетворнаго вѣянія, шедшаго между листьевъ и стволовъ парка, отъ синѣвшихъ издали возвышенностей, шедшаго, Богъ вѣсть почему, именно здѣсь, къ этимъ безвременнымъ жертвамъ, къ этимъ обреченнымъ, во исполненіе какого-то свирѣпаго, неумолимаго закона, во имя какихъ-то непостижимыхъ, обидныхъ необходимостей.

Подлѣ одного изъ круглыхъ столиковъ сидѣла большая

семья Евгеніи; дамы работали, мужчины курили, подходили знакомые, и въ числѣ ихъ Петръ Петровичъ Шоновъ, одинъ изъ немногихъ юныхъ соотечественниковъ нашихъ, отличавшихся тѣмъ, что онъ исходилъ пѣшкомъ всѣ красивѣйшія мѣста Швейцаріи, Тироля и Германіи. Здѣсь, въ Соденѣ, встрѣтилъ онъ много знакомыхъ, и вмѣсто того, чтобы остаться одинъ день для отдыха, просидѣлъ цѣлую недѣлю. Евгенію зналъ онъ по Петербургу, и съ первой минуты встрѣчи съ больною дѣвушкою, еще на берегахъ Невы, въ него вошли совершенно единовременно два чувства: дѣвушка несомнѣнно нравилась ему, но жениться на ней было бы совершеннымъ безуміемъ, да и родные ея едва ли дали бы согласіе. Дѣвушкѣ молодой человѣкъ тоже нравился.

Разговоръ за столикомъ шелъ на разныя темы; заговорили, между прочимъ, о значеніи визитовъ вообще. Евгенія и Петръ Петровичъ оказались разныхъ мнѣній.

— Я,—говорила Евгенія,—лично отъ себя визитовъ еще не дѣлала, всегда съ maman, но не разъ убѣждалась въ томъ, насколько они полезны; только благодаря визитамъ имѣется возможность видѣть рѣдко того, кого не хочется видѣть часто.

— Можно совсѣмъ не видѣть,—возразилъ Петръ Петровичъ.

— Конечно, можно, но тогда это—ссора, которая по тысячѣ причинъ можетъ быть непріятна другимъ людямъ, роднымъ и знакомымъ.

Мнѣніе Евгеніи поддержало большинство сидѣвшихъ за столикомъ. Вслѣдъ за этимъ разговоръ, сдѣлавъ, какъ это бываетъ часто, нѣсколько совершенно безтолковыхъ и не имѣющихъ значенія скачковъ, сосредоточился на воспоминаніяхъ о зимнемъ сезонѣ въ Петербургѣ; заговорили о

празднике Рождества; и тутъ опять мнѣнія дѣвушки и молодого человѣка разошлись совершенно.

— Да развѣ, — говорила Евгенія, — вамъ не нравится елка, со всѣмъ тѣмъ, что̀ ей предшествуетъ и какъ она сама проходитъ; я не знаю, какъ другіе, но радость маленькихъ, да и большихъ дѣтей подлѣ елки бываетъ обыкновенно совершенно неподдѣльна, и я такъ люблю ее.

Дѣвушка очень любила дѣтей; потому ли, что чувствовала и сознавала, что радости имѣть своихъ дѣтей ей не вѣдать, но только любила она ихъ особенно сильно.

— Радость эта,—возразилъ Петръ Петровичъ,—вся состоитъ въ подаркахъ.

— А если бы и такъ?

— Но это развиваетъ дурныя наклонности: зависть, жадность, стремленіе къ задабриванію, лесть, заискиванія.

— Значитъ, всѣми этими качествами вы непремѣнно обладаете, Петръ Петровичъ,—быстро и даже вспыхнувъ отвѣтила Евгенія: — вѣдь были же у васъ въ свое время елки; ихъ зажигали для васъ, и онѣ участвовали въ вашемъ образованіи...

Петръ Петровичъ вспыхнулъ; онъ не нашелся даже, что̀ ему отвѣтить,—такъ быстро налетѣло на него возраженіе Евгеніи; вѣроятно, онъ отвѣтилъ бы что-нибудь, но тутъ помѣшало общество, сидѣвшее вокругъ столика, смѣхомъ своимъ, вполнѣ сочувственнымъ словамъ дѣвушки; это окончательно сбило его съ толку.

— Вы, надѣюсь, не сердитесь на меня, — проговорила Евгенія, замѣтивъ его замѣшательство и протянувъ ему руку.

Петръ Петровичъ былъ сбитъ этимъ окончательно. Онъ слышалъ какъ сквозь сонъ, что кругомъ него попрежнему играетъ музыка, видѣлъ, что подлѣ очень большое общество, что солнце садится за горами, погружаясь въ яркій

пурпуръ, что надъ круглымъ столикомъ темнѣетъ листва столѣтнихъ деревьевъ и сквозь нее проглядываетъ зеленовато-хрустальное небо,—но отвѣтить не могъ онъ ничего. Онъ слегка пожалъ поданную ему Евгеніею руку и поклонился; рука дѣвушки была горячая и влажная, и тонкіе пальцы ея такъ безконечно-нѣжны и хрупки, что передъ Петромъ Петровичемъ сразу, во всеоружіи, въ полной ясности и непосредственности, возникла временно забытая мысль о томъ, что онъ говорилъ съ больною,—и съ какою больною! Эта полность, цѣльность, эта мгновенность возникновенія тяжелой мысли о возможности близкой смерти, во всемъ ея угнетающемъ значеніи, совершенно поглотила и удручила его. Если бы всѣ трагическіе мотивы какой-нибудь хорошей оперы, если бы всѣ потрясающія сцены какого-нибудь высоко-художественнаго романа или драмы могли сразу, вдругъ, воздѣйствовать на слушателя и зрителя такъ, какъ они дѣйствуютъ въ одиночку и во времени; если бы представилась какая-нибудь физическая возможность достигнуть этого невѣроятнаго единовременнаго воздѣйствія, не преображая гармоніи и смысла каждаго изъ отдѣльныхъ мотивовъ въ неистовую разноголосицу полнѣйшихъ противорѣчій; если бы удалось, наконецъ, достигнуть этого наперекоръ всякой физіологіи и патологіи человѣка,—то тогда зритель, или слушатель, испыталъ бы нѣчто подобное тому, что испыталъ Петръ Петровичъ при пожатіи молодой, влажной, горячей руки дѣвушки, нравившейся ему и обреченной на смерть. Все, все рѣшительно, что̀ было кругомъ: паркъ, музыка, люди, золото заката и темень листвы—словно отступили куда-то вдаль, въ ничто, попятились передъ мощнымъ возникновеніемъ мысли о смерти, вышедшей откуда-то, какъ бы изъ зеленоватыхъ небесъ, и воплотившейся въ пожатіи руки...

Въ Соденѣ, во вниманіе къ больнымъ, ложатся спать

рано: городокъ засыпаетъ вполнѣ, словно задвинувшись своими древними дубами, кленами и липами, какъ закрываются очи отяжелѣвшими вѣками; и только поблескиваютъ въ улицахъ горящіе, Богъ знаетъ для кого, газовые рожки, помогая классическимъ для Германіи ночнымъ сторожамъ изучать свои длинныя, неуклюжія, медленно двигающіяся тѣни.

Прошло лѣто, за нимъ — осень, и наступила зима. Все общество, сидѣвшее въ Соденѣ за столикомъ, очутилось въ Петербургѣ. Не было только одной Евгеніи: она сильно простудилась въ октябрѣ, и въ концѣ ноября ея не существовало. Нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что печаль о безвременной смерти дѣвушки повліяла на Петра Пётровича и, ко времени наступленія рождественскихъ праздниковъ, онъ находился еще подъ нѣкоторымъ ея впечатлѣніемъ.

Въ сочельникъ утромъ, 24 декабря, приходитъ къ нему братъ его Осипъ Петровичъ, человѣкъ женатый, счастливый отецъ пяти ребятишекъ, и зоветъ къ себѣ на елку.

— Не приду, подарки пришлю,—отвѣтилъ онъ, протянувъ брату руку и не вставая со стула, стоявшаго подлѣ письменнаго стола.

— Да вѣдь женѣ и мнѣ не въ подаркахъ, а въ томъ, чтобы дядюшка былъ на-лицо!

— Всѣ дядюшки въ полномъ комплектѣ,—много будетъ. Что̀ это у тебя въ рукахъ?..—спросилъ Петръ Петровичъ брата, замѣтивъ какую-то фотографическую карточку — cabinet-portrait.

— На лѣстницѣ у тебя поднялъ; но такъ какъ швейцара у васъ нѣтъ,—вы еще не доразвились до этого,—то и не знаю, какъ поступить, кому отдать. Хорошенькая!

Петръ Петровичъ взялъ карточку въ руки и откинулъ тонкую бумажку, прикрывавшую овалъ портрета.

— Она!.. Евгенія!..

Быстро поднялся онъ съ мѣста и прикрылъ карточку бумажкою, только-что откинутою имъ.

— Чтò? знакомая? обронила!—проговорилъ, улыбаясь и подтрунивая, Осипъ Петровичъ, поставивъ шляпу на столъ и готовясь закурить папироску.

Первымъ побужденіемъ Петра Петровича было броситься на брата, будто онъ глубоко, смертельно оскорбилъ его, но это побужденіе было осилено въ самую минуту его зарожденія, какъ безусловно нелѣпое. Онъ снова приблизилъ къ лицу карточку, снова откинулъ съ нея бумажку и молча глядѣлъ на знакомыя, милыя черты лица; кажется, даже платье было то же самое, только сѣрые тоны фотографіи не передавали румянца щекъ и удивительной лазурности очей покойной Евгеніи.

— Нѣтъ, вскочилъ-то ты зачѣмъ? Кто она? — спросилъ Осипъ Петровичъ, садясь на диванъ и чиркая по спичечницѣ спичкою.

— Ради Бога...—пробормоталъ Петръ Петровичъ,—она—покойница! молчи!

Взволнованность брата сказалась слишкомъ ясно, слишкомъ сильно, чтобы не остановить дальнѣйшихъ разспросовъ со стороны Осипа Петровича. Онъ только смотрѣлъ на него, объятый великимъ, но скрытымъ, во вниманіе къ совершившемуся, любопытствомъ. Да и напрасно сталъ бы онъ разспрашивать.

«Визитъ... подарокъ... елка... Да, да! мы обо всемъ этомъ говорили съ нею тогда въ Соденѣ... случай, конечно... однако, какой удивительный случай!.. Кто-нибудь обронилъ... и отчего же на моей лѣстницѣ?..»

И чудилось Петру Петровичу, неподвижно смотрѣвшему

на карточку, что подлѣ него, подлѣ стола, близехонько, высится она, вся прозрачная, по минованіи смерти, своею безплотностью, еще сіяющая тою восхитительною улыбкою, которая была ей свойственна и которую она такъ безвременно унесла съ собою. Ему вспомнилось съ невѣроятною ясностью прикосновеніе горячей, влажной руки подъ темною листвою деревьевъ, при боковыхъ лучахъ заходившаго солнца; ему чудилась музыка, люди... солнечный закатъ наводнилъ лучами своими комнату.

«Тамъ, тогда,—думалось ему,—я почувствовалъ ясно приближеніе, вѣяніе смерти; тутъ, сегодня, свидѣтельствуется какъ будто бы какая-то жизнь! Откуда это? Тамъ—непосредственное прикосновеніе руки, но вѣдь и тутъ — тоже прикосновеніе, какъ взглядомъ моимъ, такъ и рукою, къ чему-то непосредственно ей принадлежавшему... нѣтъ, принадлежащему ей облику...»

Петръ Петровичъ провелъ одною рукою по лбу, а въ другой продолжалъ держать карточку. Визитъ... подарокъ... елка... Онъ обвелъ глазами по комнатѣ; на диванѣ сидѣлъ братъ и заботливо глядѣлъ на него, не прерывая молчанія.

Все это случай, несомнѣнно, случай, — но хорошо, что Петръ Петровичъ не заглянулъ въ лежавшій на столѣ календарь: 24-го декабря—день, въ который сказанное случилось,—день празднованія преподобной мученицы Евгеніи.

ЗАВЯНЕТЪ ЛИ?

Они только-что повѣнчались. Священникъ передъ налоемъ спросилъ, не обѣщалъ ли Сергѣй своей руки и своего сердца кому-либо другому; спросилъ онъ объ этомъ также Зинаиду; оба отвѣтили громко—нѣтъ. И это была правда, потому что любовь была взаимная. Народу на свадьбу собралось много, такъ много, что могущественнѣйшее событіе въ жизни двухъ людей совершилось какъ бы подъ шумокъ, вскользь. Всѣ права обоихъ, личныя, наслѣдственныя, имущественныя, преобразились сразу, при совершеніи третьяго обхода вокругъ налоя и, если подумать, что каждое изъ правъ способно возбудить многолѣтніе процессы, что тутъ всякихъ правъ преобразовано, въ одно мгновеніе, видимо-невидимо, то трудно даже объяснить себѣ то огромное множество беззаботныхъ улыбокъ, тѣ веселыя поздравленія, которыя мелькнули по церкви вслѣдъ за совершеніемъ брака.

Молодые поцѣловались, при всѣхъ поцѣловались; шафера уложили свѣчи въ картонку; малютка-мальчикъ, свѣчникъ, понесъ впереди обвѣнчавшихся образъ; они сѣли въ карету и уѣхали...

Наступило утро слѣдующаго дня. Розовое, блестящее

утро жизни двухъ существъ, короткое время совершенно новыхъ разговоровъ, время значительныхъ, вершительныхъ откровеній бытія, въ особенности для молодой, для Зинаиды, голубые глазки которой поражали своимъ блескомъ смотрѣвшаго на нихъ безусловно счастливаго мужа.

Но жизнь полна неожиданностей, и на первыхъ же шагахъ этой молодой брачной жизни готовила имъ нѣчто совершенно особенное.

Май мѣсяцъ только-что начался, и молодые, прямо изъ церкви, переѣхали на небольшую, но хорошенькую собственную дачу въ Озеркахъ. Озерки тогда только-что возникали. Маленькая оранжерея, служившая однимъ изъ лучшихъ украшеній дачи и бывшая, такъ сказать, одухотворителемъ всѣхъ оконъ дачи и довольно широкаго ея балкона, потому что изъ нея то и дѣло шли новые цвѣты, была посѣщена молодыми вслѣдъ за утреннимъ кофе.

Оранжерея своими пестрыми цвѣтами, топорщившимися отовсюду, окружала молодыхъ роскошнымъ громаднымъ букетомъ, въ которомъ оба они двигались, отъ цвѣтка къ цвѣтку, отъ лепестка къ лепестку, словно веселые жучки или бабочки.

Особенно пышно глядѣли азаліи, листьевъ которыхъ почти не замѣчалось подъ плотною наволокою пунцовыхъ, лиловыхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ; ярко проглядывали между нихъ, съ узенькихъ полокъ, звѣздочки цинерарій, причемъ особенною силою цвѣта, особенною бархатностью взгляда отличались темно-лиловые: бѣлыя сердцевины этихъ цвѣтовъ казались глазами, и ихъ было много, и всѣ онѣ смотрѣли и были, на этотъ разъ, добрыя, ласковыя; съ какою-то нѣмецкою сантиментальностью, сквозясь на свѣтъ своими блѣдными лепестками, будто безсчетное множество Гретхенъ, виднѣлись живыя подушки ландышей, въ большой самоувѣренности глядѣли съ высокихъ стеблей королевскія

розы, не то Клеопатры, не то Лавальеръ или Монтеспанъ цвѣточнаго міра; гіацинтовъ всѣхъ оттѣнковъ оказывалось столько, что свѣжій воздухъ нагрѣваемой солнцемъ оранжереи тяготилъ грудь людскую: приходилось дышать однимъ только благоуханіемъ.

— Знаешь что̀, Serge, — проговорила молодая: — намъ съ тобою теперь такъ хорошо, такъ хорошо, что мнѣ бы хотѣлось оставить какую-нибудь память объ этой минутѣ.

— А что̀ же? Это недурная мысль; но что̀ же сдѣлать?

— Я уже знаю что̀! только скажи мнѣ впередъ: мнителенъ ты или нѣтъ?

— Я?

— Да, мнителенъ ли? вѣришь ли въ предзнаменованія?

— Напримѣръ, въ число тринадцать или въ разбитую за обѣдомъ рюмку?

— Нѣтъ, вообще въ предзнаменованія...

— Но отчего этотъ странный вопросъ, Зина?—отвѣтилъ ей мужъ, не совсѣмъ довольный темнымъ вопросомъ, возникшимъ такъ неожиданно въ благоухающемъ букетѣ оранжереи, залитой свѣтомъ майскаго солнца, и въ первое утро брачнаго дня.

Нѣтъ на свѣтѣ мужчины, который, будучи поставленъ женщиною на подобное испытаніе, не отвѣтилъ бы въ смыслѣ нѣкоторой молодцоватости, въ особенности въ данномъ случаѣ, гдѣ каждое начальное слово брачныхъ отношеній могло служить направляющею для будущихъ дней. Отвѣтъ мужа былъ несомнѣненъ: нѣтъ! но это нисколько не доказывало его правды. Мнительность—одинъ изъ побѣговъ счастья, потому что кто же не желаетъ сохранить своего счастья, кто же не становится порою лицомъ къ лицу съ вопросомъ—прочно ли оно? А за этимъ вопросомъ, само собою, возникаетъ другой: кто или что̀ можетъ нарушить счастье, и если фактическихъ основаній нѣтъ, то

являются другія, сочиненныя, дѣланныя, предугадываемыя, предчувствуемыя, а это уже мнительность,—одно изъ нелѣпѣйшихъ, но естественнѣйшихъ чувствъ.

— Никогда я мнительнымъ не былъ и не буду, Зина,— отвѣтилъ Serge.—Ну, что̀ же ты хочешь сдѣлать?

— Какъ что̀? возьмемъ который-нибудь изъ отпрысковъ, посадимъ его и посмотримъ, хорошо ли онъ пойдетъ.

— Возьмемъ. Надѣюсь, — добавилъ онъ не безъ ехидства,—что мы не возьмемъ однолѣтняго растенія?

— Понятно, что нѣтъ, но какое?

— Я думаю, что надо, на всякій случай, взять что-нибудь попрочнѣе, менѣе балованное, что-нибудь такое, что̀, при увѣренности въ хорошемъ уходѣ за растеньицемъ, обезпечено, почти навѣрное, въ жизни.

— Да, да! напримѣръ, филодендронъ?

— Или алоэ?

— Ципрусъ!—замѣтила Зина.

— Болотный ципрусъ!—не изящно.

— Развѣ взять простую драцену? вотъ хорошенькіе молоднячки,—проговорила Зина, оглядывая одинъ изъ горшковъ, въ которомъ отъ низу, отъ корней, цѣлымъ букетомъ шли прочные, сочные отпрыски.

— А что̀ дольше живетъ,—спросилъ Serge,—драцена или померанецъ?

— Померанецъ,—отвѣтила быстро Зина.—А ты бы, во вниманіе къ долговѣчности, предпочелъ баобабъ? Не правда ли?—сказала она и весело засмѣялась, выставивъ къ свѣту свои жемчужные зубы.

— Да ужъ если, моя дорогая, — отвѣтилъ Serge,—мы поручили растенію изображать живучесть нашей любви, такъ лучше брать самое прочное и самое долголѣтнее. Жаль, что нѣтъ баобаба.

Остановились на хорошенькомъ отпрыскѣ померанца.

Миніатюрное деревцо выкопано изъ горшка, отъ корня большого померанца, пересажено собственноручно обоими молодыми въ особый горшокъ, подлѣ него воткнута подвернувшаяся подъ руки палочка, растеньице привязано къ ней, полито, приставлено на первое время, какъ и слѣдовало, въ полутѣнь и поручено особенному наблюденію садовника.

Солнце горѣло ярко, оранжерея благоухала, и молодые были счастливы.

Завянетъ или не завянетъ?—вотъ вопросъ, занимавшій молодыхъ и, въ концѣ концовъ, не совсѣмъ пріятно налегшій имъ на сердце.

Прошло около недѣли, и растеньице начало вянуть. Болѣзненность его, такъ какъ померанцы вообще прочны, сказалась не скоро, но зато рѣшительно. Нижніе листики, повидимому, совсѣмъ здоровые, отваливались одинъ за другимъ, и скоро только на самой верхушкѣ оставалась замѣтна нѣкоторая жизнь и виднѣлась яркая зелень.

Въ виду надвигавшейся смерти померанца, всѣ оранжерейно-медицинскія средства были пущены въ ходъ: опрыскивали, обливали теплою, навозною водою, нарочно купили гуано и обложили имъ землю, но ничто не помогало. По мѣрѣ того, какъ погасало растеньице, молодая чета переживала его судьбы не безучастно и становилась молчалива.

— Жаль, жаль!—говорилъ Serge:—и какъ мнѣ не хотѣлось этого опыта съ предзнаменованіемъ; я, положимъ, не противился тебѣ, Зиночка, но я не сочувствовалъ ему съ самаго начала.

— Отчего же ты не запретилъ?

— На второй-то день послѣ свадьбы?

— А хоть бы и на второй, если я предлагала глупость.

— Да развѣ это было возможно?

— Должно, а не только возможно! Я на тебя сердита.

И, говоря это, Зиночка, въ той же оранжереѣ и въ такое же точно яркое утро, какъ и въ первый разъ, нагнувшись надъ захудалымъ померанцемъ, повертывала горшокъ въ рукахъ. Прикоснулась она своими розовыми пальчиками къ подсыхавшей вершинкѣ помертвѣлаго растеньица, и послѣдніе листики, бывшіе еще такъ недавно зелеными, словно сгорѣвшіе, сразу осыпались и упали на землю. Въ отвѣтъ на это проступили на глаза Зиночки двѣ брильянтовыя слезки, побѣжали имъ вслѣдъ другія двѣ, и еще, и еще...

Мужъ стоялъ подлѣ задумчивый, будто въ самомъ дѣлѣ со смертью померанца случилось что-то важное, необычайное, грустное; будто, дѣйствительно, опустилась надъ молодою жизнью супруговъ чья-то тяжелая рука и какая-то невидимая, непривѣтная сила обозначилась близко, совсѣмъ подлѣ, и дохнула на нихъ. Надъ обоими проносилась одна изъ тѣхъ нерадостныхъ минутъ, которыя зачастую устраиваютъ себѣ люди сами, безъ достаточнаго основанія и вовсе не предвидя послѣдствій.

Сквозь слезы, застилавшія глаза, смотрѣла молодая женщина на умершее растеніе и медленно поворачивала его, продолжая отыскивать самомалѣйшіе признаки жизни. Ихъ не было, однако, этихъ признаковъ, не было...

Вдругъ Зина вскрикнула и, повернувшись къ мужу, обняла его одною рукою, продолжая держать другую подлѣ цвѣтка. Serge даже вздрогнулъ.

— Что̀ такое?

— Serge! Serge! смотри,—говорила Зина:—смотри!

Хотя растеньице несомнѣнно умерло, но рядомъ съ нимъ, изъ той скромной палочки, которая была воткнута

подлѣ, топорщились очень замѣтныя цѣлыхъ четыре почки. Только теперь объяснилось, что палочка была — ивовая; воспользовавшись оранжерейною теплотою, опрыскиваніями, гуано и навозною водою, которыя назначались погибшему померанцу, палочка не захотѣла оставаться палочкою и стала живымъ растеніемъ. Быстро, самоувѣренно и весело возникала она къ жизни, опоясываясь изумрудными листиками; скоро обозначились и вѣточки, и такъ какъ ивѣ не пригодны оранжереи, то ее не замедлили пересадить въ садъ.

Прошло двадцать лѣтъ. Теперь это большая, красивая ива, одна изъ лучшихъ въ Озеркахъ. Молодые супруги, ее посадившіе, значительно постарѣли, но подлѣ нихъ ютится большая семья, они часто смотрятъ на своихъ играющихъ дѣтокъ, и какъ только заходитъ разговоръ о всякихъ мнительностяхъ и предзнаменованіяхъ, оба, въ одинъ голосъ, говорятъ о томъ, что, хотя, положимъ, это пустяки, но шутить съ этими пустяками все-таки не годится.

А ива, ими случайно насажденная, дѣйствительно очень красива: не будь зловредной мнительности и смерти померанца—не было бы и ея

АРХЕОЛОГЪ.

Археологи—люди очень странные: они находятъ, будто лучше изучать мертвое, чѣмъ живое; они предпочитаютъ рухлядь, плѣсень, ржавчину—яркому румянцу жизни. Можетъ-быть, въ этомъ сказывается очень гастрономическая тонкость вкуса. У насъ мало археологовъ; большинство предпочитаетъ служить впослѣдствіи предметомъ изученія для людей съ хорошимъ гастрономическимъ вкусомъ и пользуется только румянцемъ жизни.

Надъ Кіевомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ проносилось чудесное лѣто, и въ душистыхъ садахъ Поднѣпровья созрѣвали тѣ сочные фрукты, изъ которыхъ Балабуха наготовилъ свои варенья и разослалъ ихъ по далекой Россіи. Эти кіевскія варенья, какъ и все на свѣтѣ, имѣютъ свою исторію; они, сказать къ слову, ведутъ свое начало отъ 1787 года, когда Екатерина II, шествуя въ полуденную Россію, гостила долгое время въ Кіевѣ, посѣщала святыню, творила судъ, а по вечерамъ на «куртикахъ» или, какъ говорятъ иногда, куртагахъ, играла въ ламушъ или лото. Въ числѣ многихъ метрдотелей и кондитеровъ находился нѣкто Бальи—швейцарецъ; гуляя по Кіеву въ распутицу, сломалъ онъ себѣ ногу, не могъ продолжать съ императри-

цею дальнѣйшаго пути, остался въ Кіевѣ на излѣченьи и создалъ производство кіевскаго варенья.

Въ то лѣто, о которомъ идетъ рѣчь, фрукты Поднѣпровья созрѣвали особенно успѣшно и какъ бы подтверждали странное замѣчаніе автора книги, современной путешествію Екатерины II, будто почти на всѣхъ восточныхъ языкахъ слово «Кіевъ» означаетъ «мѣсто для наслажденій». Восхитительныя лунныя ночи облекали окрестности лавры своимъ фосфористымъ свѣтомъ и обманываемому глазу рѣшительно нельзя было отличить, кто кого побѣждаетъ въ безмолвной битвѣ: золото ли маковокъ, нанесенное на нихъ рукою человѣка, или серебро неба, обильно расточаемое неописуемо-яркимъ мѣсяцемъ. Такъ или иначе, но полуночнаго свѣта было вволю.

Въ одну изъ такихъ ослѣпительно-свѣтлыхъ ночей юноша, студентъ-археологъ, посвятившій себя изученію русскихъ древностей, прослушалъ очень непріятный для него отвѣтъ дѣвушки, которую любилъ.

— Я безъ васъ жить не могу!—сказалъ онъ ей.

— А я, — отвѣтила дѣвушка, — за бѣднаго человѣка замужъ не пойду.

— Но я буду трудиться, я разбогатѣю...

— Археологіей?!

— О! не брезгайте мною! Никто не полюбитъ васъ, какъ я люблю!

— Вы думаете?

Давно уже видѣлъ археологъ, какъ становилась дѣвушка все ближе и ближе другому человѣку; по сердцу его, истомленному любовью, давно уже безжалостно хозяйничала ревность, и послѣднія слова дѣвушки, совершенно безличныя, безыменныя, мгновенно воплотились для него въ очень опредѣленный обликъ знакомаго ему человѣка, нравившагося ей.

Послѣдній разговоръ ихъ имѣлъ мѣсто около полуночи.

Когда погасла ненавистно-свѣтлая лунная ночь и жаркій день, тяготы непомѣрной, выжигалъ самыя узкія котловинки и щели кіевскихъ горъ; когда въ самыя пещеры, къ святымъ угодникамъ, сквозь небольшія отдушины, сталъ проникать горячій воздухъ жизни, археологъ, не сомкнувшій глазъ, направился вдоль берега Днѣпра по направленію къ Выдыбайскому монастырю. Взявъ на одной изъ небольшихъ пристаней лодку «для катанья», онъ отъѣхалъ отъ берега и, недолго думая, кинулся въ воду на самой стремнинѣ. Это случилось немного ниже монастыря.

Замѣтили ли люди, какъ, въ необъятности свѣтовой картины дня, въ блескѣ полудня, ослѣплявшемъ глаза, черная точка, которую изображалъ изъ себя археологъ, юркнула въ воду и исчезла; замѣтили ли они, какъ опустѣвшая лодчонка-скорлупка, послѣ скачка археолога, будто обезумѣвъ и лишившись смысла, закачалась, завертѣлась по уносившей ее стремнинѣ и, растерявъ весла, понеслась одна-одинёхонька; какъ, наконецъ, одна изъ чаекъ, готовившаяся схватить изъ воды рыбку, чуть не тронувъ ея клювомъ, быстро шарахнулась въ сторону, испугавшись чего-то темнаго, уплывавшаго подлѣ рыбки, а именно археолога?

Волны днѣпровскія, старыя, умныя волны, подчиняясь неуклоннымъ законамъ, приняли его въ свои объятія, подхватили, понесли и завертѣли, какъ и лодку. Въ отуманенномъ и потревоженномъ сознаніи археолога замелькали и запрыгали, сбиваясь въ одно путанное цѣлое, и зеленѣвшія горы побережья, и удалявшійся отъ него Выдыбайскій монастырь, отблески волнъ, и пузыри, образовавшіеся вокругъ кинувшагося въ воду въ минуту паденія, и золотыя маковки церквей, и желѣзнодорожный мостъ. Археологъ опускался ко дну. Промелькнула мимо него какая-то снасть,

протянутая подъ водою, подлѣ которой его проносило; непомѣрно огромнымъ бѣлымъ чудовищемъ показалась ему чайка, едва не тронувшая его клювомъ и быстро отлетѣвшая въ сторону.

Слышалъ археологъ какое-то обильное шипѣніе, воркотню и клокотаніе струй. Пучина несла быстро. Пузырей больше не было; не было видно и маковокъ монастырскихъ, а разстилалась вокругъ уносимаго, опускавшагося на дно какая-то золотистая гладь, великая, сплошная громада желтоватыхъ водъ, насыщенная матовымъ свѣтомъ полуденнаго солнца, безъ обозначенія отдѣльныхъ лучей. Холодѣвшее сознаніе человѣка, становившагося утопленникомъ, различало впечатлѣнія какихъ-то толчковъ, вздрагиваній, подхватываній, гула. Затѣмъ, совершенно неожиданно, послѣдовала остановка: археолога больше не уносило, такъ какъ онъ зацѣпился за что-то.

Онъ открылъ глаза. Мимо него, обнимая его собою всецѣло, катились и мчались необозримыя стремнины днѣпровскія, слышался глухой грохотъ и раздавались многіе, большіе и маленькіе, голосочки, а подлѣ, совсѣмъ близко, виднѣлись мшистыя, дрожавшія очертанія какого-то огромнаго лица.

«Перунъ!..—проскользнуло въ холодѣвшей мысли археолога; — назадъ! въ жизнь! вотъ оно желанное счастье, богатство, любовь...»

Древнеславянскій богъ находился дѣйствительно подлѣ него. Обративъ къ археологу свои крупныя, рѣзкія черты, онъ, наклонившись, какъ бы глядѣлъ на него своими неподвижными очами и привѣтствовалъ прибытіе. Мелкая поросль изумрудно-зеленыхъ нитчанокъ и волосянокъ одѣвала бога плотною бархатною мантіею; мантія непрестанно шевелилась, мерцала, будто дышала въ матовомъ блескѣ доходившихъ до дна полуденныхъ лучей.

Но вернуться въ жизнь, назадъ было уже невозможно. Струи неслись вокругъ, рокотали, ворковали, пѣли, гудѣли; перуново очертаніе нависало такъ близко, хоть рукою взять; но рука не двигалась. Неподвижно глядѣлъ Перунъ на археолога, только слегка шевелилось его зеленое бархатное одѣяніе и блистали глаза; старый богъ какъ бы улыбался, и теченіе умножало, дробило эту улыбку и, забравъ ее съ собою, уносило прочь.

Жизнь... смерть... она... богатство... безуміе... насмѣшка...— и все это рядомъ...

Мертвый обликъ мертваго бога застывалъ въ только-что бывшихъ живыми человѣческихъ глазахъ. Струи днѣпровскія продолжали рокотать, но археологъ не слышалъ ихъ больше.

* * *

Очень немного времени спустя, яснымъ іюльскимъ вечеромъ, надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ покоился Перунъ и подлѣ него остатки археолога, проходила лодка. Веселое общество сидѣло въ ней, и четверо гребцовъ, въ матросскихъ рубахахъ, съ синими отложными воротниками, дружно работали веслами; край персидскаго ковра, положеннаго на сидѣнья, полоскался въ водѣ. Въ лодкѣ находились: та дѣвушка, чтò хотѣла выйти за богатаго, и тотъ господинъ, обликъ котораго еще такъ недавно возникъ передъ археологомъ лунною ночью изъ безличныхъ и безыменныхъ словъ дѣвушки. На лодкѣ шло одновременно нѣсколько разговоровъ:

— Я ужасно люблю оперу вообще,—говорила дѣвушка:— и есть такія сцены, которыя дѣйствуютъ на меня всегда особенно сильно.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, послѣдняя сцена въ «Аидѣ», когда на сценѣ, внизу, въ темномъ подземельи, умираютъ двое лю-

бящихся, заживо схороненныхъ, а наверху, въ храмѣ, блестящемъ всею роскошью египетской обстановки, въ полномъ свѣтѣ дня, приходитъ плакать любящая схороненнаго мужчину женщина.

— Да, эта сцена дѣйствительно очень эффектна и исторически или, сказать правильнѣе, египетски—возможна.

— Сколько въ ней чувства!

— Не помните ли вы мотива той аріи, которая поется надъ могилою?

— Да, въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ, этотъ мотивъ?

И дѣвушка спѣла основную музыкальную фразу.

Лодка шла, тихонько покачиваясь, и край персидскаго ковра волочился въ желтоватой стремнинѣ днѣпровской надъ покончившимъ съ собою археологомъ.

ФАУСТЪ ВЪ НОВОМЪ ПЕРЕСКАЗѢ.

Красавица Гретхенъ выходила изъ церкви.

Былъ ясный лѣтній день.

На площади, передъ древнимъ порталомъ церкви, сновало множество пестраго народа, такъ какъ день былъ праздничный; выходившимъ изъ церкви и спускавшимся съ ея ступенекъ толпа давала мѣсто, и двигавшіеся богомольцы замѣчались чуть ли не до половины площади, потому что они двигались струею, а толпа стояла на мѣстѣ. Начиная съ половины площади, это различіе исчезало: тотъ остановился, чтобы поздороваться со знакомымъ, этотъ— чтобы раздумать, куда ему идти, третій—чтобы поглазѣть на проходившихъ и т. п.

Благоговѣніе молитвы, уносимое людьми изъ храма, быстро улетучивалось, встрѣчаясь съ сутолокой дня; это бывало такъ всегда и будетъ во вѣки-вѣчные, потому что иначе нельзя, да и Богъ не велѣлъ.

Такъ исчезаютъ струи многоводной, кончающей свое теченіе, рѣки, теряя свой цвѣтъ и свою стремительность въ кажущейся неподвижности принявшаго ихъ моря.

Толпа людская только по сравненію съ богомольцами казалась неподвижною. Неподвижна была не она, а тѣ

сотни мраморныхъ изображеній, которыя украшали наружную сторону храма и въ особенности его порталъ. Они, дѣйствительно, совсѣмъ молчали и ни мало не двигались, застывъ навѣки - вѣковъ въ тѣхъ именно положеніяхъ, въ какихъ хотѣлъ, чтобы они застыли, художникъ, ихъ создавшій.

Фигурокъ на соборѣ было чуть ли не больше, чѣмъ людей на площади, только что онѣ были всѣ одноцвѣтны, всѣ бѣлы, тогда какъ люди совсѣмъ пестры въ своихъ праздничныхъ одѣяніяхъ.

Виднѣлось на порталѣ изваяніе безногаго калѣки, протягивавшаго руки, — сидѣлъ такой же точно на ступенькахъ; на порталѣ были изваяны: торговецъ съ гусемъ подъ мышкою, богатая дама въ ожерельяхъ и запястьяхъ, монахъ-капуцинъ съ наброшенною на голову капуцою, воинъ въ кольчугѣ съ огромнымъ мечомъ, былъ изображенъ и оселъ, на спинѣ котораго виднѣлась какая-то поклажа; имѣлись также и на площади: и торговецъ, и воинъ, и дама, и монахъ, и оселъ. Правда: на стѣнахъ церкви были еще изображенія королей и епископовъ; короля на площади не имѣлось, а епископъ, дѣйствительно, долженъ былъ сейчасъ появиться на пути изъ церкви домой.

Не существовало также на соборѣ изображенія того чернаго пуделя, съ какими-то особенно яркими, какъ уголья, глазами, который то и дѣло шмыгалъ въ толпѣ по площади и, видимо, разнюхивалъ что-то.

Не существовала на соборѣ и Гретхенъ, потому что не всякую красоту можно изобразить въ камнѣ и не всякому художнику подъ силу изображеніе такой красоты.

Толпа глазѣла и на нее. Она шла одна-одинёхонька, съ молитвенникомъ въ рукахъ и четками на поясѣ; свѣтлые волосы ея были тщательно собраны въ длинную, ниспадавшую чуть не до пятъ косу; на груди, на бѣломъ

платьѣ, виднѣлась приколотая къ нему роза и наперсный крестъ.

— Чудо-красавица!—слышалось въ толпѣ.

— У покойной матери ея и помину о красотѣ не было.

— Но зато у тетушки Марты! — сказалъ кто-то, вспоминая объ извѣстной всѣмъ особѣ, и веселые смѣшки раздались по сторонамъ, но быстро смолкли, потому что Гретхенъ проходила какъ разъ въ это время мимо смѣявшихся.

Гдѣ она проходила, тамъ вездѣ водворялось молчаніе, потому что она проходила; неподалеку отъ нея, вокругъ нея, бѣгалъ въ толпѣ и черный пудель.

— Но знаете ли,—говорила одна изъ женщинъ въ толпѣ:—между нею и ея братомъ Валентиномъ есть сходство: вѣдь онъ тоже красивъ, молодецъ!

— Лихой компаньонъ! забулдыга!

— Ну, а розанъ у нея на груди навѣрно отъ шалуна Зибеля?

— Ха-ха-ха! — раздались смѣшки, и опять замолкли, потому что Гретхенъ въ это время проходила мимо.

«Чортъ возьми, какая красавица!» — подумалъ монахъ, собиравшій милостыню, глядя на Гретхенъ изъ-подъ своей надвинутой на голову капуцы.

Стоявшій съ нимъ рядомъ другой монахъ взглянулъ на Гретхенъ, потомъ на него, и они поняли одинъ другого...

«Дьявольское навожденіе эта красавица», — подумалъ одинъ изъ нихъ и сталъ шептать молитву.

Гретхенъ проходила въ это время мимо монаховъ.

Въ самомъ углу площади находился фонтанъ; за нимъ вплотную начинался узкій, очень узкій и темный переулокъ, по которому лежалъ путь Гретхенъ.

Прислонившись къ одному изъ столбовъ фонтана, въ лазоревомъ бархатномъ плащѣ и бѣломъ беретѣ, при длинной шпагѣ, въ лазоревой шапочкѣ съ бѣлымъ страусовымъ

перомъ надъ нею, зорко, еще издали, глядѣлъ на приближавшуюся Гретхенъ Фаустъ.

Это былъ не тотъ старикъ-докторъ Фаустъ, ученый алхимикъ, котораго зналъ весь городъ, жившій на краю города въ своей лабораторіи, окруженный всякими склянками и банками, чучелами и костями животныхъ и имѣвшій очень много учениковъ, желавшихъ научиться его мудрости. Это былъ другой Фаустъ, молодой, красивый, никому въ городѣ неизвѣстный.

Замѣтила его и Гретхенъ. Она проходила какъ разъ мимо него...

— Позвольте мнѣ...—проговорилъ неожиданно Фаустъ.

— Я васъ не знаю!—отвѣтила ему обиженная обращеніемъ къ ней дѣвушка и ускорила шаги.

— Но я думаю...—хотѣлъ-было продолжать Фаустъ, дѣлая шага три вслѣдъ дѣвушкѣ.

На это Гретхенъ даже не отвѣтила. Она только еще глубже опустила рѣсницы, успѣвъ, однако, хотя нѣсколько мгновеній созерцать Фауста.

— Ха-ха-ха! — раздавалось гдѣ-то, въ разныхъ мѣстахъ по площади.

— Ха-ха-ха! — вторили какъ будто фигурки на церкви, и этотъ потокъ смѣшковъ ринулся за Гретхенъ вслѣдъ въ узкій, полутемный переулокъ, по которому она почти побѣжала. Побѣжалъ за нею и вертѣвшійся все время на площади черный пудель съ блестящими глазами.

Но Гретхенъ, все-таки, видѣла и замѣтила лазореваго Фауста.

«Я васъ не знаю!»—вспомнились Фаусту, глядѣвшему вслѣдъ исчезавшей въ переулкѣ Гретхенъ, ея послѣднія и единственныя слова.

— Ну, такъ узнаетъ, узнаетъ!—добавилъ онъ мысленно ей вслѣдъ и пошелъ къ церкви.

Толпа людская въ это время сбилась въ густую, неподвижную массу по пути шествовавшаго изъ церкви епископа. Перековылялъ какъ-то, чтобы быть на пути его и воспользоваться разбрасываемымъ подаяніемъ, и безногій калѣка.

Епископъ, онъ же кардиналъ, въ красной бархатной мантіи, въ круглой красной шляпѣ съ такою же бахромою, сидѣлъ на бѣломъ конѣ, котораго вели подъ узцы два пажа. Передъ конемъ, очищая путь, и за нимъ двигались алебардисты.

Какъ разъ посрединѣ площади, Богъ вѣсть какъ и откуда, выскочилъ вдругъ изъ толпы, прямо подъ ноги епископской лошади, черный пудель и чуть не задѣлъ бархатной пунцовой попоны. Сытый, здоровенный епископскій конь, мотнувъ головою, шарахнулся въ сторону; одинъ изъ пажей упалъ, но другой сдержалъ коня и епископъ усидѣлъ на своемъ покойномъ, мягкомъ сѣдлѣ.

Видѣлъ всю эту сцену и лазоревый Фаустъ; онъ улыбнулся и, снявъ шляпу, почтительно поклонился проѣзжавшему мимо него епископу.

Гретхенъ подходила въ это время къ своему дому и принесла въ сердцѣ своемъ, запавшій въ него противъ ея воли, чудесный обликъ незнакомаго ей богатаго лазореваго кавалера.

Въ домѣ у Гретхенъ чисто, свѣтло и уютно. Подлѣ домика, по стѣнамъ котораго вьются розы и виноградъ, прекрасный садъ, полный ягодныхъ кустовъ и цвѣтовъ. Особенно хорошъ этотъ садъ въ лунныя ночи, когда острые узоры свѣта и тѣней, медленно, вмѣстѣ съ луною, одѣвъ садъ какимъ-то подвижнымъ пологомъ серебра и черни, тихонько двигаются въ одну сторону по листвѣ, цвѣтамъ и дорожкамъ, ни мало ничего не придавливая.

Миръ и тишина въ этомъ домикѣ, въ которомъ обитаютъ Гретхенъ и ея братъ, были бы вполнѣ ненарушимы, если бы не шумливая тетушка Марта со своими сплетнями и желаніемъ молодиться. Она знала все, что́ дѣлалось въ городѣ, раньше всѣхъ, точнѣе всѣхъ, а ужъ относительно того, чтобы повѣдать это наибольшему кругу доброхотныхъ слушателей, тетушка Марта была мастеромъ первой руки.

Такъ и теперь. Не успѣла Гретхенъ постучать у двери дома желѣзнымъ кольцомъ, вслѣдъ затѣмъ тетушка Марта открыла ее; не успѣла она пройти въ свою комнату, чтобы положить молитвенникъ подъ Распятіе, висѣвшее надъ ея кроватью, и возвратиться въ садъ,—какъ тетушка Марта уже сообщила ей очень важную городскую новость.

— Старикъ-докторъ Фаустъ пропалъ!—сказала тетушка.

— Какой Фаустъ?—спросила ее Гретхенъ, не совсѣмъ понявшая сообщеніе ей неожиданнаго и очень для нея неважнаго извѣстія.—Какой Фаустъ?

— Ахъ, милая Гретхенъ! какой Фаустъ? тотъ знаменитый учитель, профессоръ, старый докторъ Фаустъ, который, какъ говорили, такъ уменъ и настолько все знаетъ, что и умереть не можетъ!

— Ахъ! этотъ? Да, знаю его, видѣла,—отвѣтила Гретхенъ и, взявъ свое веретено отъ стѣны домика, перенесла его подъ старую липу, чтобы сѣсть за обычную ей пряжу и пѣть за работою свои излюбленныя пѣсенки.

Тетушка ужасно суетилась.

— Но вѣдь это ужасно, Гретхенъ,—говорила Марта:—если люди такъ пропадать могутъ! Это нечистая сила замѣшивается!

— Да почему же думаютъ, что онъ пропалъ?

— Вотъ уже третій день, что̀ ученики его не видѣли, и вмѣсто почтеннаго доктора Фауста съ его сѣдою бородою и нависшими бѣлыми бровями, вѣчно сидѣвшаго въ креслѣ

надъ книгами, лежитъ, говорятъ, на полу его старое платье и шапочка, а его самого нѣтъ! Это ужасно!

— А что̀ же вамъ-то до этого, тетушка?— отвѣтила Гретхенъ, усѣвшись за веретено подъ липою: — что̀ же вамъ-то до него за дѣло?

— Какъ что̀? да вѣдь это ужасно! Это нечистою силою пахнетъ. Это вдругъ я пропаду, ты пропадешь!

— Побойтесь вы Бога, тетушка!—отвѣтила Гретхенъ:— ну, кому мы съ вами нужны?

Колесо веретена подъ рукою Гретхенъ завертѣлось, но пѣсенки еще не слышалось, потому что она не созрѣла...

— Развѣ пойти взглянуть хоть на его платье?—проговорила Марта.

— Подите, тетушка, подите.

— А ты никуда не пойдешь?

— Никуда. Братъ обѣщалъ вернуться къ этому времени.

— Ну, хорошо, такъ я пойду, сбѣгаю!

И тетушка Марта немедленно выбѣжала изъ дому, чтобы пойти посмотрѣть на платье и шапочку доктора Фауста.

Вертится веретено... поется пѣсенка... бѣгаютъ мысли въ головѣ Гретхенъ и все ей слышатся звучныя слова красиваго лазореваго кавалера:

«Позвольте мнѣ»... «но я думаю»... А какъ хорошо звучалъ его голосъ... Какъ красиво платье... Какія у него чудныя манеры...

Вертится веретено... слышится пѣсенка... мелькаетъ въ памяти Гретхенъ красивый обликъ невѣдомаго лазореваго красавца...

Замолчала, задумалась дѣвушка, опустила руки на колѣни.

Вдругъ показалось ей, будто кто-то скребется у дверей съ улицы,—да, да, скребется! Встала Гретхенъ, направилась къ двери на улицу и открыла ее.

Вбѣжалъ черный пудель, почему-то опустивъ глаза въ землю; въ зубахъ у него виднѣлась поноска: какая-то не очень большая шкатулка. Поставивъ ее на землю, пудель, все-таки не поднимая глазъ, обѣжалъ раза два вокругъ Гретхенъ, привѣтливо виляя хвостомъ, и немедленно юркнулъ въ двери.

Ч҃то за шкатулка? Гретхенъ наклонилась, подняла ее, раскрыла и ахнула!..

Шкатулка была полна богатѣйшими женскими украшеніями: серьгами, ожерельями, браслетами, брошкою, и все это, озаряемое полуденнымъ солнцемъ, блестѣло подвижными искрами красныхъ, синихъ, зеленыхъ и бѣлыхъ огней. На днѣ шкатулки лежало зеркальце въ богатой оправѣ изъ слоновой кости.

Словно очарованная прелестью драгоцѣнностей и пораженная неожиданностью ихъ полученія, Гретхенъ долгое время не двигалась съ мѣста и только смотрѣла на нихъ. Мало-по-малу и совершенно противъ воли, словно повинуясь какому-то колдовству, направилась она къ веретену, поставила на скамеечку шкатулку, надѣла на себя драгоцѣнности, взяла въ руки зеркальце и стала любоваться собою.

И было чѣмъ полюбоваться! Самодовольная, даже гордая улыбка непривычно обозначилась на розовыхъ губахъ ея, созданныхъ для поцѣлуя; высоко и неровно поднималась грудь ея,—такъ высоко и такъ неровно, какъ въ тѣ минуты, когда, въ игрѣ съ подругами, запыхавшись отъ бѣготни, она останавливалась, чтобы отдохнуть и перевести духъ. Невѣдомо почему, обликъ лазореваго кавалера проскальзывалъ въ ея воображеніи и сіялъ побѣдно и обворожительно въ лучезарномъ, но остромъ блескѣ дорогихъ камней.

Въ эту самую минуту вошелъ съ улицы братъ Гретхенъ,

Валентинъ. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, на шесть лѣтъ старше Гретхенъ, по ремеслу—золотыхъ дѣлъ мастеръ, и не изъ простыхъ, а изъ очень извѣстныхъ, несмотря на свои юные годы, потому что его тонкія и художественныя работы очень высоко цѣнились знатоками и оплачивались большой цѣной. Валентинъ былъ добрымъ малымъ, очень любилъ сестру и оберегалъ ея честь, какъ зѣницу своего ока, отъ всякаго пораненія.

Увидѣвъ сестру и издали замѣтивъ непривычную роскошь ея убранства, онъ быстро подошелъ къ ней и тихонько повернулъ къ себѣ отъ зеркальца. Гретхенъ опустила руку, державшую зеркальце, и, совершенно озадаченная приходомъ брата и своимъ нарядомъ, взглянула на него, молчала и не знала, что̀ сказать.

— Что̀ это такое? откуда это у тебя, сестра?—довольно рѣзко проговорилъ Валентинъ.

Гретхенъ молчала, вся вспыхнувъ и не зная, что̀ ей отвѣчать.

— Откуда это?—повторилъ братъ болѣе возвышеннымъ голосомъ.

Въ отвѣтъ на это Гретхенъ пробормотала что-то о пуделѣ, неясно и сбивчиво, и, будто уличенная въ какой-то проказѣ шалунья, опять замолчала.

— Какой пудель?

— Черный!

— Да откуда онъ взялся?

— Вотъ въ эту дверь съ улицы вошелъ и принесъ шкатулку въ зубахъ...

— Давно это?

— Нѣсколько минутъ тому назадъ, не больше,—прошептала Гретхенъ.

Валентинъ подошелъ къ калиткѣ сада, посмотрѣлъ сквозь нее на улицу и возвратился къ сестрѣ.

— Сестра!—началъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.— Я уже давно хотѣлъ поговорить съ тобою насчетъ тебя.

— Я слушаю,—отвѣтила Гретхенъ и начала снимать съ себя и класть въ шкатулку, одно за другимъ, свои цѣнныя украшенія.

— Сестра! Это неладно! Это не простое дѣло, и такъ нельзя. Я понимаю, что тебя любитъ Зибель, что онъ подноситъ тебѣ цвѣты и цѣлуетъ тѣ, къ которымъ ты прикоснулась; я понимаю благонамѣренныя ухаживанья за тобою такихъ почтенныхъ людей, какъ нашъ синдикъ, какъ мой патронъ, какъ нѣкоторые другіе... Да и почему же за тобою не ухаживать? Ты дѣвушка красивая, скромная, изъ честной семьи... и тебѣ нужно будетъ выйти замужъ... но эти брильянты—вѣдь имъ цѣны нѣтъ—это дѣло неладное! Послушай меня...

Говоря это, Валентинъ взялъ Гретхенъ, успѣвшую снять съ себя всѣ украшенія и сложить ихъ въ шкатулку, за руку и повелъ ее съ собою, чтобы сѣсть на скамейку подъ дѣдовскую липу. Гретхенъ была ни жива, ни мертва. Она не чувствовала за собою никакой вины, но, тѣмъ не менѣе, въ словахъ брата слышалась ей какая-то неоспоримая правда. Они сѣли.

— Ты, сестричка,—началъ онъ:—смотри, не дури! а главное, не скрывай чего-либо отъ твоего брата. Отъ кого эти драгоцѣнности?

— Я не знаю, — отвѣтила негромко Гретхенъ:—незадолго до твоего прихода, какой-то черный пудель, какъ я тебѣ сказала, принесъ въ зубахъ эту шкатулку; онъ царапался въ двери съ улицы, и я открыла дверь.

— Пудель! принесъ въ зубахъ! И это все?

— Все!—отвѣтила Гретхенъ, покраснѣвъ и поднявъ на брата свои прелестные голубые глаза.

— Все?—переспросилъ братъ, сомнительно покачивая головою.—И ты не лжешь?

— Я никогда не лгала!—быстро отвѣтила Гретхенъ съ тою тихою настойчивостью, съ тою чистотою правдивости и увѣренности, которая не допускаетъ ни малѣйшихъ сомнѣній... О лазоревомъ кавалерѣ она умолчала.

— Ну, хорошо, хорошо, Гретхенъ, я поторопился,—добавилъ братъ, чтобы сгладить хоть сколько-нибудь впечатлѣніе своего сомнѣнія.

Онъ поднялъ руку и положилъ ее Гретхенъ на плечо.

— Видишь ли, моя дорогая! ты—сирота, ты—красива. Много на свѣтѣ охотниковъ изъ молодыхъ людей, да и изъ старыхъ, воспользоваться неопытностью дѣвушки. Начало и конецъ бываютъ часто одни и тѣ же. Сначала—мимолетный взглядъ, затѣмъ нѣсколько любви, затѣмъ подарки, затѣмъ нѣкоторое время счастье, даже блаженство... а потомъ... о! потомъ совсѣмъ другое, совсѣмъ другое... Да, вотъ, помнишь ли ты сосѣдку Марію, помнишь?.. У нея родился ребенокъ... она ребенка убила, боясь позора... потомъ тюрьма... такъ въ тюрьмѣ и умерла бѣдняжка, не дождавшись казни...

Гретхенъ, молча слушавшая брата, быстро поднялась съ мѣста и, отойдя къ шкатулкѣ, захлопнула ее.

— Но что же намъ дѣлать съ этими вещами?—быстро спросила она, не отнимая рукъ отъ крышки шкатулки и глядя на брата.

Нѣсколько слезинокъ скатилось со щекъ ея.

— Отдать ее на милостыню, представить бургомистру,—отвѣтилъ братъ.—И я нисколько не удивлюсь,—добавилъ онъ: — если эти брильянты фальшивые, если это золото—зола!

Вдругъ, совершенно неожиданно, Гретхенъ вздрогнула и отдернула свою руку отъ шкатулки, почувствовавъ сильный

ожогъ. Шкатулка вдругъ исчезла, легкій дымокъ взвился надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ она стояла, и ѣдкій селитряный запахъ распространился по душистому садику.

Братъ и сестра одновременно перекрестились.

Въ это время вбѣжала Марта и, запыхавшись, едва переводя духъ, глотая слова и торопясь изложить сразу все, что̀ узнала,—а этого было очень много,—сообщила о томъ, что Фаустъ вернулся, что онъ опять сидитъ на старомъ креслѣ въ своей шапочкѣ и колпакѣ, и что всѣ слухи, распускаемые злонамѣренными людьми объ его исчезновеніи,—сущая нелѣпость.

Вотъ правда о Фаустѣ. Думается, что если вѣрно все только-что разсказанное, то что̀ же значитъ весь «Фаустъ» Гёте и, тѣмъ болѣе, опера Гуно, главнымъ образомъ прославившая твореніе Гёте, сдѣлавъ его изъ нѣмецкаго—всесвѣтнымъ?! А сколько теплыхъ, высокихъ чувствъ вызывали всѣ эти пѣвцы и пѣвицы, которымъ хлопали и хлопаютъ, и будутъ еще долго хлопать театральныя аудиторіи всѣхъ странъ!? Въ основаніи—обманъ, изукрашенный художественнымъ творчествомъ, но сколько высокихъ чувствъ, сколько теплоты душевной вызывалъ онъ, вызываетъ и будетъ вызывать!

Но развѣ сіяніе розовой зари, развѣ прелесть пѣсни, развѣ первая ласка молодой, нарождающейся любви — не обманы?

Обманывайтесь, люди, обманывайтесь: вѣдь безъ этого и счастья въ жизни нѣтъ...

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ ПОССОРИЛЪ.

Часу въ одиннадцатомъ вечера, мужъ и жена, оба чрезвычайно молодые, поссорились...

Это удивительно, какъ люди сами портятъ себѣ жизнь, сочиняя поводы къ разнымъ пререканіямъ. Основаніе—мыльный пузырь, и даже меньше того, послѣдствія—колоссы на курьихъ ножкахъ. Странные типы общественной зоологіи! Къ счастью, милые бранятся только тѣшатся. Такъ случилось это и теперь. Можно утвердительно сказать, что между мужемъ и женою злобной ссоры быть не могло, потому что оба были слишкомъ молоды: для того, чтобы сдѣлаться злымъ, надо имѣть права на это, а ихъ даетъ только жизнь. Злоба требуетъ времени, какъ виноградъ кремнистой почвы, какъ папоротникъ сырости; молодости не изъ-за чего быть злой; но ссориться можно, хотя бы и безъ причины.

Въ ранней любви юношескихъ лѣтъ есть еще и та особенность, что молодыя сердца сами себя поддразниваютъ и, точно дѣти, никакъ не даютъ зажить сдѣланной ссадинѣ, потому что то и дѣло расцарапываютъ ее.

Больно, а все-таки какъ будто пріятно свою волю показать,—ну и царапаютъ.

Мужъ и жена только-что читали сказки Кирши Данилова, сидя подлѣ камина, и заспорили. Пошла у нихъ распря изъ-за Добрыни Никитича и красавицы Марины Игнатьевны. Ну, чего бы имъ, казалось, изъ-за этого спорить? Далекое время, неподходящіе люди. Что̀ имъ Добрыня, что̀ Кирша?

Сказочная Марина Игнатьевна была, повидимому, женщиною чрезвычайно легковѣрною. Въ сказкѣ не объяснено того, былъ или не былъ съ нею счастливъ Добрыня Никитичъ, до красивой сцены ревности, описанной повѣствователемъ такъ:

«Идетъ Добрыня мимо терема Марининаго и видитъ: сидятъ на немъ два сизыхъ голубя и милуются.

— Насмѣются они надо мною, эти голуби!—думаетъ Добрыня; стрѣльнулъ онъ по нимъ изъ тугого лука, да не попалъ, потому что нога поскользнулась. Вмѣсто голубей хватилъ онъ въ окно.

Стрѣла Добрынина не то, что̀ простая стрѣла, а богатырская: понятно, что расшатались отъ ея удара столбы въ терему.

Красавица Марина тѣмъ временемъ умывалась, снаряжалась.

— А и кто это ко мнѣ, невѣжа, въ окошко стрѣляетъ?—крикнула она.

Не спроста показалось Добрынѣ, что голуби, на крышѣ сидя, надъ нимъ насмѣхаются; ревнивый Добрыня уже зналъ, что у него соперникъ есть, Змѣй Горынычъ по имени, и что онъ у Марины часто посиживаетъ, а можетъ и теперь сидитъ.

Произошло, наконецъ, между обоими соперниками побоище. Змѣй Горынычъ Добрыню чуть огнемъ не спалилъ, чуть хоботомъ не ушибъ, а все-таки ему, Змѣю, бѣжать пришлось, да и какъ бѣжать... прочтите въ сказкѣ.

Увидала Марина, что ея милый Змѣй прочь бѣжитъ: высунулась она по поясъ въ окно, какъ была, въ одной рубашкѣ, да и кричитъ ему вслѣдъ:

— Воротись, милъ-надежа, воротись, другъ, я Добрыню въ клячу водовозную оберну, рогатымъ туромъ сдѣлаю.

Марина была колдуньею.

И обернула она,—говоритъ сказка,—Добрыню въ тура и дала ему золотые рога.

Сказанное все устроилось. Марина зажила такъ, какъ сердце ей подсказывало, зеленымъ виномъ упивалась, съ княжескими дитятами водилась. А Добрыня, тѣмъ временемъ, по полямъ гнѣдымъ туромъ гуляетъ, траву щиплетъ, золотыми рогами поблескиваетъ. Взяла тогда Марину охота за него, за Добрыню, за тура, замужъ выйти; полетѣла она въ поле, сѣла на Добрыню, на правый рогъ.

— Нагулялся ты, Добрыня,—говоритъ она ему:—не хочешь ли, Добрыня, на мнѣ жениться? возьмешь ли меня за себя?

— Возьму,—отвѣчалъ ей Добрыня,—и дамъ тебѣ, Марина, поученьице, какъ мужья своихъ женъ учатъ.

Тогда обратила Марина гнѣдого тура въ добраго молодца, поженились они въ чистомъ полѣ, повѣнчались вокругъ ракитова куста, и пришли къ Маринѣ въ теремъ»...

Вотъ тутъ именно и начинается та исторія, изъ-за которой у читавшихъ сказку мужа и жены ссора произошла.

— «А. отчего, — говоритъ Маринѣ Добрыня, войдя въ теремъ,—нѣтъ у тебя въ терему Спасова образа, не на кого помолиться?

И сталъ онъ жену учить, ее, еретницу, ее, безбожницу. Въ первое ученье онъ ей руку отсѣкъ:

— Эта рука,—проговорилъ онъ,—мнѣ не надобна, она Змѣя Горыныча трепала.

Во второе ученье онъ ей ногу отсѣкъ:

— Эта нога мнѣ тоже не нужна, она близко къ первой винѣ виновата.

Въ третье ученье онъ ей губы обрѣзалъ съ носомъ прочь.

— Эти губы мнѣ не надобны, — проговорилъ онъ: — потому что онѣ Змѣя Горыныча цѣловали.

Кончилъ Добрыня свое ученье тѣмъ, что всю голову женѣ отсѣкъ».

— Это ужасно! Это безчеловѣчно!—почти вскрикнула молодая женщина, слушавшая какъ ей сказку читали.

— Я нахожу,—отвѣтилъ мужъ,—что такъ это и должно было быть.

— Да вѣдь онъ никакого права на Марину до свадьбы не имѣлъ, она была свободна! Если бы послѣ свадьбы—я понимаю...

— Онъ любилъ ее, вотъ его право!

— Но она Змѣя Горыныча раньше любила.

— Нечего сказать, хорошъ соперникъ, съ хоботомъ.

— О вкусахъ не спорятъ.

— Ну, знаешь ли, — возразилъ мужъ:—если бы это со мною случилось, чтобы ты меня на урода съ хоботомъ промѣняла...

— А на неурода можно?—возразила жена и, обиженная; встала съ мѣста.

Онъ ничего не отвѣтилъ и они поссорились.

По уходѣ жены, мужъ остался, какъ былъ, сидѣть передъ каминомъ. Дѣло шло къ ночи. Лампа подъ абажуромъ горѣла очень ярко. Дрова въ каминѣ пылали еще ярче. И сталъ онъ смотрѣть на эти дрова, потому что поссорился. Чѣмъ не огненные зáмки, чѣмъ не жилища пламенныхъ людей? Какія-то причудливыя арки, своды, столбы въ горящихъ дровахъ. Даже подъемный мостъ есть. И что-то, какъ будто, по мосту движется; это голубенькое пламя перебѣгаетъ, это красные угольки обваливаются, это

раскаленная зола ссыпается. Чѣмъ не своеобразная жизнь, чѣмъ не сказка?

«Сказка ли жизнь? А Богъ ее вѣдаетъ! Только не слѣдовало мнѣ жену сердить»,—думаетъ онъ.—«Это ужъ не сказка, а дѣйствительность, и очень печальная. Вѣдь вотъ теперь время спать ложиться, а Добрыня Никитичъ намъ спать помѣшалъ. А хорошее дѣло сонъ... Не сонъ ли и самая жизнь? Кто знаетъ, можетъ-быть, и сонъ... А хотѣлось бы мнѣ знать, помирится она или не помирится, придетъ или не придетъ? Или мнѣ пойти?»

А огненные зáмки въ каминѣ все попрежнему держатся, не разсыпаются, горятъ, пламенѣютъ... И представляется ему, что онъ будто самъ въ зáмокъ входитъ и что первымъ живымъ существомъ встрѣчаетъ онъ ее, жену. Она, какъ и зáмокъ, вся пламенная, но только не того подвижнóго пламени, какъ все остальное, а какого-то особеннаго, ровнаго, неподвижнаго, какъ бы электрическаго, матоваго пламени, разныхъ цвѣтовъ, въ родѣ тѣхъ свѣтовыхъ видѣній, чтò на сценахъ въ небесахъ появляются.

И вдругъ, подлѣ нея, какъ бы вы думали! самъ Кирша Даниловъ стоитъ.

Почему это былъ именно Кирша Даниловъ, а не кто другой,—опредѣлить трудно, такъ какъ обликъ Кирши рѣшительно никому неизвѣстенъ; на обликѣ была казачья шапка, усы на отвѣсъ, длинные-предлинные. Поглядѣли другъ на друга, заговорили.

— Скажите, пожалуйста, господинъ Кирша Даниловъ, дѣйствительно ли Добрыня Маринѣ голову отрѣзалъ? Жена моя на это разсердилась.

— Отрѣзалъ.

— Но вѣдь онъ права не имѣлъ, такъ какъ Марина до выхода за него замужъ была свободна дѣлать чтò ей угодно? Это тоже женино мнѣніе!

— Отрѣзалъ.

— А точно ли вы знаете, господинъ Кирша?

— Какъ не знать — самъ сочинилъ. Только изъ-за чего тутъ вамъ-то ссориться? Сказано, что сказка. Да и самъ-то я, сочинитель, Кирша Даниловъ, точно ли я жилъ, или и меня сочинили—это доподлинно тоже неизвѣстно, а вы ссоритесь! Ну изъ-за чего!? Сказка—сказкой, самъ Кирша подъ сомнѣньемъ, изъ-за чего же ссориться?

— Да я и самъ не знаю, изъ-за чего,—отвѣтилъ мужъ.

— И все-то у васъ въ жизни такъ идетъ, сами себѣ страду сочиняете,—добавилъ мудрый Кирша.

Онъ былъ мудрый, потому что не существовалъ.

— А скажите, господинъ Кирша, только по секрету, такъ скажите, чтобы, вотъ, она, эта электрическая женщина, жена моя, которая подлѣ васъ въ пламени углей стоитъ, не слыхала, какія это слова у васъ не напечатаны, точками обозначены въ самыхъ сильныхъ мѣстахъ? Любопытно бы... только, пожалуйста, потихоньку!

— Есть у васъ карандашъ съ собою? запишите,—отвѣчаетъ Кирша.

И только-что началъ Кирша Даниловъ пропущенныя, запрещенныя слова сообщать, какъ всколыхнулся огненный обликъ женщины, направился къ спрашивавшему, нагнулся къ нему... и почувствовалъ мужъ на лбу своемъ теплый, робкій поцѣлуй, и обняли его, и назвали по имени...

То была дѣйствительно она, жена, но не сказочная, не электрическая, а живая...

«Жизнь, жизнь! какъ ты хороша бываешь иногда,—думалось мужу,—какъ хороша... и зачѣмъ это люди ссорятся?»

Они помирились...

БЕЗЪ ХОЗЯЙКИ.

I.

Въ старомъ большомъ саду одного изъ извѣстныхъ учебныхъ заведеній, въ свободное отъ занятій время, сидѣли, гуляли, болтали воспитанники. Ясный майскій день озарялъ садъ своими животворными лучами; молодая зелень сквозила на ласковомъ солнцѣ, и смолистый запахъ только-что раскрывшихся почекъ наполнялъ садъ здоровымъ, ароматнымъ воздухомъ. Зелень была еще не очень густа, и отдѣльныя группы воспитанниковъ сквозили тамъ и сямъ, подвижныя и разнообразныя.

Лучшія аллеи, обрамленныя наиболѣе старыми великанами изъ міра березъ и тополей, искони вѣковъ «принадлежали» старшему классу; сюда малыши не имѣли права ходить; здѣсь курили и занимались зачастую разговорами, вовсе имъ не подходящими. Многіе изъ юношей, гулявшихъ въ этихъ аллеяхъ, отличались только-что пробивавшимися усиками, а одинъ изъ нихъ, князь восточнаго происхожденія, бросался въ глаза усами очень значительныхъ размѣровъ.

Здѣсь, въ этихъ юношахъ, сказывалась тоже, своего рода,

весна, но не такая правильная, законная, вѣчная въ своей свѣжести, хотя и поражающая иногда снѣгами въ маѣ мѣсяцѣ, весна петербургская, но другая, особая, своеобразная и во всякомъ случаѣ не такая животворная, какъ весна въ природѣ.

Между юношами этими имѣлись на-лицо образчики какихъ-то, какъ бы задержанныхъ въ своемъ развитіи существъ, съ недохватками тѣхъ или другихъ способностей, того или другого свойства организма; большинство этихъ юношей носило въ себѣ воплощеніе знаменитыхъ стиховъ:

«Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ.
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ».

Другой типъ, прямо противоположный этому, представляли юноши со здоровыми организмами, бодрые, болѣе прыткіе, чѣмъ бы слѣдовало, болѣе смѣлые, чѣмъ бы нужно было въ ихъ годы,—юноши, готовые прожигать жизнь всѣми доступными имъ способами. Многіе изъ нихъ были встрѣчены въ жизни любовью матери, добротою отца, но, въ то же время, тлетворнымъ вліяніемъ внѣсемейной среды, которая, такъ или иначе, всасывала ихъ въ себя.

Затѣмъ имѣлись между гулявшими особняки, въ полномъ смыслѣ этого слова, собранные сюда съ бору да съ сосенки, самостоятельные не въ силу умственнаго или сердечнаго ихъ развитія, не въ силу своеобразности психологической или физической, а въ силу своеобразія той среды, изъ которой они вышли: тутъ были сыновья купцовъ, былъ, какъ сказано, восточный князь, имѣлись какіе-то калмыки ханскаго происхожденія. Эти господа росли такъ, какъ растетъ ножка китайской женщины, принимая форму деревяннаго башмака, въ который она мучительно заключена; ножка китаянки до поры до времени стра-

даетъ,—эти юноши, оформливаясь, не страдали никоимъ образомъ.

Въ заключеніе характеристики юношей, гулявшихъ въ саду, слѣдуетъ сказать, что нормально развитыхъ, среднихъ людей, вполнѣ здороваго матеріала, между ними имѣлось очень мало.

Наступили послѣдніе экзамены, и рѣшалась судьба многихъ изъ нихъ. Мало кто, или почти никто, не понималъ важности значенія этихъ экзаменовъ для всей жизни; всѣ почти относились къ нимъ иронически, саркастически, считая чѣмъ-то ниже ихъ стоящимъ, недостойнымъ ихъ вниманія.

Карьеру дѣлаютъ и иначе, чѣмъ по балльнымъ отмѣткамъ и аттестаціи,—вотъ что̀ служило паролемъ и лозунгомъ шести-или семилѣтняго курса, и въ этомъ скрывалась причина болѣе чѣмъ легкомысленнаго отношенія большинства юношей къ выпускнымъ экзаменамъ.

Въ одной изъ бесѣдокъ сада, въ самой отдаленной, сидѣло пятеро изъ выпускныхъ; двое помѣстились на скамейкахъ, а трое усѣлись на перилахъ бесѣдки. Шелъ оживленный разговоръ именно о предстоящемъ выборѣ рода службы, о карьерѣ.

Если бы этихъ юношей подслушалъ кто-либо для нихъ незримый, и этотъ подслушивавшій оказался человѣкомъ толковымъ и умѣющимъ дѣлать умозаключенія, онъ извлекъ бы изо всей дребедени и разнохарактерности юношескихъ мнѣній одну, всѣмъ имъ общую, весьма печальную черту. Ни одинъ изъ юношей даже въ намекѣ, даже въ возможности не представлялъ себѣ своей будущей судьбы—зависящею отъ него самого. Ни одинъ изъ толковавшихъ и не думалъ начать съ себя, съ запаса своихъ знаній, своей энергіи, своихъ силъ. Всѣ они рѣшительно и безъ исключенія думали начать съ того, что открыто разсчитывали на

кого-нибудь, на что-нибудь, на родственника, на деньги, на случай, на знакомства. Ни одинъ изъ нихъ не вспоминалъ о своемъ собственномъ «я», о томъ, чего онъ стôитъ, къ чему онъ пригоденъ, на чтô имѣетъ право, какой запасъ силъ несетъ онъ въ себѣ на торжище жизни.

Одинъ изъ присутствовавшихъ, постарше другихъ, Семезовъ, Анатолій Николаевичъ, сидѣвшій, опираясь спиною на столбикъ бесѣдки, на ея перилахъ, говорилъ менѣе прочихъ и учащенно курилъ папироску за папироскою. Онъ долго и упорно не вмѣшивался въ разговоръ, шедшій вокругъ него, и только прислушивался.

— Нѣтъ, братъ, Мищенко,—говорилъ красноволосый Неплюевъ своему сосѣду:—ты не правъ, выбирая министерство иностранныхъ дѣлъ; тамъ, братъ, или родовитость, или деньги, а у насъ съ тобою ни того, ни другого.

— У Семезова тоже ни того, ни другого, однако, идетъ же туда,—возразилъ Мищенко красноволосому Неплюеву.

— У него, навѣрно, есть что-либо въ видѣ заручки. Пляшетъ хорошо.

— Канканеръ!—подхватилъ кто-то. —Помните, господа, Каменный островъ, въ прошломъ іюнѣ?

— Да, да, какъ не помнить! И канканомъ можно карьеру сдѣлать,—добавилъ Мищенко.

— Онъ изъ себя самого пойдетъ какъ пальма, ему протекціи не надо; развѣ канканъ не талантъ? А анекдотцы? У него уйма анекдотцевъ, за нихъ деньги платятъ!

— Да, мастеръ, нечего сказать, и память у него чертовская.

— Ну, вотъ, поди же,—проговорилъ Неплюевъ: —на исторію или законовѣдѣніе—никакой памяти, а на анекдотцы—Меццофанти да и только...

— Ну, а ты, Глѣбовъ,—спросилъ Мищенко,—все еще не рѣшилъ?

— Нѣтъ.

— Я бы тебѣ совѣтъ далъ: ступай по синодальной службѣ, добро, богомоломъ всегда былъ.

Общій хохотъ послужилъ отвѣтомъ на эту выходку.

— Ну васъ!—возразилъ Глѣбовъ:—старыя шутки; семь лѣтъ ихъ слушалъ, надоѣло. Я думаю по земледѣлію направиться.

— Ну, это не лучше. А развѣ есть рука какая-нибудь?

— Есть.

— Кто же?

— Жена управляющаго нѣкими графскими имѣніями на Уралѣ, Шитцкими заводами. Она сестра Гастунова, директора департамента.

— И молодая?

— Ха-ха-ха!—раздалось снова по сторонамъ.

— А что же вы, господа, шутите съ синодальнымъ вѣдомствомъ? Туда нашего брата мало идетъ, сразу виднымъ человѣкомъ станешь,—замѣтилъ Мищенко.

— Ну, это едва ли къ лицу нашему брату; тамъ семинарскіе кишмя-кишатъ.

— Своихъ, поди, тоже тянутъ.

— Да вѣдь это и во французской республикѣ то же самое.

— Homo sum, et nihil humanum a me alienum puto,— неожиданно для всѣхъ процѣдилъ Семезовъ.

— Это что же такое? — проговорилъ Неплюевъ: — переведи.

— Или забылъ латынь? Рано, братецъ! — сказалъ Семезовъ.

— Да я обязанностью своею сочту забыть все здѣшнее,—отвѣтилъ Неплюевъ, отплевываясь.

— И насъ забудешь?

— Ну, не всѣхъ, конечно.

Послѣдовало недолгое молчаніе. Семезовъ сошелъ съ перилъ, потянулся, зѣвнулъ и заговорилъ:

— Дѣти, вы, дѣти! Все у васъ бабушки ворожащія, да тетушки, да дядюшки. Это все дѣло перемѣнчивое, непрочное! Женитьба, хорошая женитьба, вотъ что̀ незыблемо.

— Какъ, сейчасъ, на первыхъ порахъ?—возразилъ Мищенко.

— Да хотя бы и на первыхъ. Взять этакую барышню, или вдовушку съ капитальцемъ...

— Кривую, старуху?

— Ну, зачѣмъ такъ, можно и не кривую. Вотъ это обезпеченіе, настоящее обезпеченіе. Взять надо такую, чтобы и денежки были, и родство имѣлось.

— Хорошо, что ты рожей вышелъ!—сказалъ рыжеволосый:—херувимчикъ вербный!

— Н-ну, д-да! — отвѣтилъ Семезовъ.—А развѣ это не капиталъ?

— И какои еще!—поддержалъ его Неплюевъ.

— Конечно, и до женитьбы надо постараться устроиться,—продолжалъ Семезовъ, разсматривая свою мысль.—Можно и должно стараться устроиться службою, но лучше хорошей женитьбы все-таки ничего нѣтъ.

— Продать себя?

— Зачѣмъ продать? На обмѣнъ пойти, вотъ и все. Что̀ же, развѣ, въ самомъ дѣлѣ, наружность людская такъ ужъ ничего и не сто̀итъ.

— Эхъ, ты, козуля, козуля!—отвѣтилъ Мищенко.—Какими ты сегодня духами опрысканъ?

Несомнѣнно, что Семезовъ прыскался духами и мылся какимъ-то особенно благовоннымъ мыломъ. Несомнѣнно, что онъ былъ и красивъ, и строенъ, и находчивъ. Ранніе лавры побѣдителя украшали его на многихъ домашнихъ спектакляхъ, пикникахъ, въ живыхъ картинахъ и, въ осо-

бенности, на литературно-музыкальныхъ вечерахъ, которыхъ онъ былъ ловкимъ устроителемъ и на которыхъ участвовалъ съ несомнѣннымъ успѣхомъ.

Разговоръ юношей, видимо, изсякалъ. Къ этому времени садъ началъ пустѣть, потому что время приближалось къ обѣду. Попарно вышли собесѣдники изъ бесѣдки; Семезовъ шелъ одинъ, позади всѣхъ, и счелъ своею обязанностью дать подзатыльника двумъ малышамъ, случайно и неосторожно подошедшимъ слишкомъ близко къ аллеѣ, принадлежавшей старшему классу.

Утомилось, повидимому, и майское солнце выслушивать белиберду, раздававшуюся въ бесѣдкѣ; оно быстро заволоклось тучами, и теплый весенній дождь сталъ накрапывать по опустѣвшему саду грузными, рѣдкими каплями.

II.

Прошло, безъ малаго, около десяти лѣтъ. Разбрелись по всѣмъ концамъ Россіи прежніе товарищи; кто умеръ, кто сбился съ толку, кто, благодаря случаю, сумѣлъ найти себя и далъ лучшій плодъ, чѣмъ предвѣщалъ цвѣтокъ. Семезовъ болѣе и чаще другихъ мѣнялъ свою дорогу; побывалъ онъ въ разныхъ вѣдомствахъ, былъ даже, временно, анонимнымъ предпринимателемъ одного неудавшагося увеселительнаго сада; послѣ этой неудачи бросился онъ совсѣмъ въ другую сторону и находился полгода въ отставкѣ, разсчитывая попасть на хорошее мѣсто по добровольному флоту, но нигдѣ ему не сидѣлось. Только теперь, когда миновалъ третій десятокъ лѣтъ, когда отъ прежней свѣжести и красокъ лица, отъ стройности и крѣпости сложенія осталось немного, приблизился онъ, наконецъ, къ давно облюбованной имъ цѣли и сталъ женихомъ нѣкоей барышни, Полины Петровны Клѣтовой.

Въ усадьбѣ Петра Петровича Клѣтова, отстоявшей отъ Петербурга, по желѣзной дорогѣ, ровно въ четырехъ часахъ ѣзды, собралось довольно большое общество.

Собралось оно, по взаимному соглашенію, смотрѣть на солнечное затменіе.

Календарь гласилъ, что затменіе начнется такого-то числа ровно въ часъ пополудни и будетъ почти-что полное.

Осень на дворѣ стояла прелестная, совсѣмъ даже не походила на осень. Правда, мелкій кустарникъ и береза сильно пожелтѣли и на половину обнажились, но зато дубки и липы остались въ нетронутой почти зелени.

Утренники еще не сожгли георгинъ, а астры находились въ полномъ блескѣ и пестрѣли на куртинахъ передъ домомъ Петра Петровича.

Петру Петровичу было далеко за пятьдесятъ. Осень его жизни была тоже самая свѣтлая, тихая. Никогда ничѣмъ не увлекавшійся, кромѣ вещей самыхъ невинныхъ, напримѣръ, собственноручнымъ производствомъ наливокъ, онъ никогда, нигдѣ, ни въ чемъ не искалъ новыхъ путей въ жизни, и жизнь за это наградила его: крайне здоровый, спокойный нравъ, почти полный комплектъ волосъ и зубовъ, очень обезпеченное состояніе, пріятный кругъ знакомыхъ... и жена Марья Антоновна!

Не умирать, да и только!

Лучшимъ брильянтомъ въ коллекціи жизненныхъ благъ Петра Петровича была эта его жена, Марья Антоновна; такъ, по крайней мѣрѣ, казалось ему.

Ей было сорокъ пять лѣтъ отъ роду, Петръ Петровичъ былъ ея вторымъ мужемъ, и супружеское счастье ихъ длилось уже около семнадцати лѣтъ.

Смолянка по воспитанію, Марья Антоновна двигалась по жизни чрезвычайно пестрою дорогою. Очень скоро по оставленіи института рѣшилась она выйти замужъ за нѣ-

коего Чванева, молодого нотаріуса, находившагося съ ней въ свойствѣ. Съ этого думала она начать: ей хотѣлось прежде всего стать женщиною.

Извѣстно, что микроскопы и телескопы обладаютъ только извѣстною силою, далѣе которой они становятся, такъ сказать, ничѣмъ. Ничѣмъ, съ фактической стороны, становится и изслѣдованіе судьбы Марьи Антоновны до этого брака ея.

Но по наведенію, по заключенію гипотетическому, несомнѣнно, что что-либо особенное должно было совершиться въ жизни ея и ранѣе этого, т. е. до этой свадьбы,—иначе она не была бы Марьею Антоновною; но сила нашего изслѣдованія далѣе этого не идетъ. Зато необычайно ярко выступаетъ личность ея тутъ же, на первомъ шагу, въ самомъ способѣ ея замужества.

Скоро вслѣдъ за выходомъ изъ института, въ самый день смерти ея вотчима, т. е. мужа матери, за двадцать слишкомъ лѣтъ до нашего разсказа, произошла слѣдующая сцена.

Покойника отчима только-что обмыли, положили на столъ и покрыли простынею.

Надъ остывающимъ тѣломъ, въ комнатѣ съ опущенными шторами и завѣшенными зеркалами, стоятъ два лица: Марья Антоновна—невѣста Чванева, въ полномъ блескѣ красоты и молодости, и графъ Өедоръ Васильевичъ Баинъ, молодой человѣкъ, очень красивый, съ блестящимъ положеніемъ въ обществѣ, уже женатый.

Этотъ графъ Өедоръ Васильевичъ относился къ числу тѣхъ знакомыхъ въ домѣ только-что умершаго, которые появились въ немъ только со времени выхода изъ Смольнаго Марьи Антоновны. Дѣвушка замѣтила его давно и дала ему замѣтить это, несмотря на то, что онъ уже былъ женатъ. Казалось бы: зачѣмъ?

— Посмотрите, графъ, на покойника, на вотчима,—сказала ему Марья Антоновна, быстро отдернувъ съ тѣла простыню.

Покойникъ былъ изъ той помѣси расъ, которая встрѣчается у насъ часто; больше всего сказывался въ немъ типъ жидка: темная, клинообразная бородка торчала надъ небольшимъ образкомъ, положеннымъ на грудь.

— Онъ совсѣмъ не измѣнился,—замѣтилъ графъ.

— Измѣнился мало, это правда... Скажу вамъ, по дружбѣ, я не недовольна тѣмъ, что онъ умеръ.

— Почему же?

— Онъ былъ слишкомъ предпріимчивъ.

— А вамъ-то чтò до этого, mademoiselle Marie.

— Онъ и мнѣ надоѣдалъ!

— Чтò вы?—быстро спросилъ удивленный и даженемного смущенный графъ.

Дѣвушка въ это время тихонько натянула простыню на лицо покойника, оправила ее и продолжала такъ:

— Что? Удивлены? Я удивлю васъ еще больше... Вы знаете, чтò я выхожу замужъ?

— Конечно, знаю.

— А знаете ли вы, зачѣмъ я выхожу замужъ?

— Какъ зачѣмъ?

— Да, зачѣмъ?—я вамъ, такъ и быть, объясню. Развѣ вы шутили, посѣщая меня въ Смольномъ? Развѣ то, чтò говорилось нами другъ другу, говорится на вѣтеръ? Когда я узнала о вашей женитьбѣ, и мое замужество, какое бы то ни было замужество, было тоже рѣшено... Я, графъ, выхожу замужъ для васъ...

И mademoiselle Marie, будущая Марья Антоновна, обойдя уголъ стола, на которомъ лежалъ умершій, не дожидаясь отвѣта, протянула графу обѣ руки...

Кровь бросилась въ голову молодого графа, въ вискахъ

застучало, въ глазахъ потемнѣло; онъ не помнилъ себя отъ чувства какого-то сладкаго одуренія...

Такія пьяныя минуты, какъ та, которыя переживалъ графъ, возможны только въ самой ранней юности; онѣ даются не всякому и требуютъ значительныхъ задатковъ самыхъ разнообразныхъ, начиная отъ непремѣннаго участія физической красоты, и до присутствія въ сильной степени развращенности въ организмахъ еще не разрушенныхъ...

Это послѣднее условіе, т. е. нахожденіе въ одномъ и томъ же человѣкѣ сильной степени развращенности и еще нетронутаго здоровья, не можетъ не быть чрезвычайно краткосрочнымъ въ жизни, такъ какъ быстротечное условіе это состоитъ изъ элементовъ саморазрушенія...

Особенная пьяность присуща такимъ минутамъ оттого, что онѣ возможны только въ самой ранней юности. Жизнь еще неизвѣстна; жизнь еще только начинается; жизнь вся еще впереди! Если, думается юношѣ, посѣщенному такою минутою, жизнь на первыхъ же шагахъ способна порождать такія великолѣпія, не чуждыя фантастики и сказочности, то чтò же дастъ она впереди?! Впередъ, впередъ... сломя голову... безъ оглядки... безъ раздумья...

Но это «впередъ» несетъ съ собою, несомнѣнно, разочарованіе. Взявъ самыя высокія ноты свои, жизнь обрываетъ струны и не даетъ и половины того, чтò обѣщала...

Не дала она обѣщаннаго и графу Өедору Васильевичу.

Спустя полгода вслѣдъ за описанною сценою, mademoiselle Marie сдѣлалась дѣйствительно госпожею Чваневою,— Маріею Антоновною.

Мужъ ея, нотаріусъ, не замедлилъ, конечно, понять не особенно тщательно скрываемую отъ него тайну. Онъ думалъ задобрить жену деньгами, обстановкою. Нотаріальныя дѣла представляли значительныя удобства для неправиль-

ныхъ получекъ, для совершенія даже уголовныхъ преступленій съ корыстными цѣлями... Эти преступленія были совершены; пришлось, до открытія ихъ, бросить дѣло и, подобру, по-здорову, уѣхать...

Уѣхалъ, конечно, Чваневъ одинъ, и соломенная вдова его зажила припѣваючи. Эти пѣсенки ея, вскружившія все бытіе нотаріуса Чванева, отражались печально и въ семьѣ графа Баина. Состояніе его тоже видимо таяло, такъ какъ онъ жилъ роскошно, на два дома; пришлось обращаться къ займамъ. Деньги нужны были какъ графу, такъ и Марьѣ Антоновнѣ, и тогда не замедлила установиться новая связь ея съ очень богатымъ маклеромъ.

Отставленъ ли былъ графъ? Отошелъ ли онъ самъ?

Нѣтъ! Онъ не былъ и не могъ быть отставленнымъ и самъ не отошелъ по многимъ причинамъ. И вотъ, сложилась непривлекательная картинка сожительства «à troi», при несомнѣнномъ знаніи каждымъ изъ этихъ трехъ лицъ дѣйствительнаго положенія дѣла.

Легкая, совершенно искусственная дымка, ни для кого не тайно, окутывала эти отношенія.

Для Марьи Антоновны графъ былъ и оставался первою ея привязанностію, живымъ свидѣтелемъ лучшихъ дней, прожитыхъ вмѣстѣ, прямою связью ея съ аристократическимъ міромъ, всегда ей нравившимся.

Для графа Марья Антоновна была, какъ оказалось, физіологическою потребностью, привычкою; она оставалась, безспорно, весьма замѣтною женщиною Петербурга; кромѣ того, маклеръ-биржевикъ отводилъ глаза графинѣ Баиной, которую легко можно было увѣрить въ томъ, что связь Марьи Антоновны съ нимъ яко бы освободила или скоро освободитъ графа. Бѣдная графиня вѣрила.

Для биржевого маклера и графъ, и Марья Антоновна являлись какъ бы «облагораживаніемъ» его плебейскаго

происхожденія. Пораженный раннею чахоткою, молодой маклеръ пилъ жизнь полною чашею, не стѣсняясь, точно торопясь и совсѣмъ неразборчиво.

Затѣмъ весьма быстро, но совсѣмъ не неожиданно, слѣдують три смерти: умираетъ графиня Баина, умираетъ сбѣжавшій мужъ Марьи Антоновны Чваневъ и, почти одновременно съ нимъ,—маклеръ. Чего же лучше? Весь горизонтъ очистился. Къ несчастью, Марья Антоновна беременна...

Дѣло, для нея, въ томъ, чтобы воспользоваться этою беременностью.

Казалось бы, чего же лучше: графъ Ѳедоръ Васильевичъ вдовъ и свободенъ; но Марья Антоновна не промахъ. Графъ Баинъ прогорѣлъ и ничего, кромѣ титула, дать ей не можетъ; она ему тоже не находка, потому что ему легко продать себя дороже; ждать нельзя, потому что ребенокъ не ждетъ. И тогда-то, послѣ долгихъ соображеній и взаимныхъ условій, исполняется, совершенно какъ на сценѣ прекрасно сыгравшимися актерами, чудеснѣйшій «tour de force!»

Въ числѣ вздыхателей и почитателей Марьи Антоновны уже давнымъ-давно значился нѣкто Петръ Петровичъ Клѣтовъ, румяненькій, здоровенькій. Клѣтовъ, уже много лѣтъ тому назадъ, сказалъ Марьѣ Антоновнѣ, еще тогда, когда она была Чваневою, слѣдующую фразу:—«Милая моя, неоцѣненная барынька! всякія вамъ дѣлаютъ предложенія, я это знаю; но я вамъ, все-таки, и свое сдѣлаю: когда вамъ довольно будетъ,—а вамъ будетъ когда-нибудь довольно,—выходите-ка за меня замужъ!»

Эта фраза, сказанная много лѣтъ до солнечнаго затменія, даромъ не пропала... Какъ только пришло извѣстіе о смерти Чванева, вдова его, въ черномъ платьѣ, но безъ пеплу на волосахъ, заплаканная, является къ Петру Пе-

тровичу, на второмъ мѣсяцѣ своей беременности, и говоритъ:

— Такъ и такъ, вотъ въ чемъ дѣло! Стыдно мнѣ, непоправимо, смотрите:—я беременна! Дайте мнѣ возможность, незамѣтно для всѣхъ, скрыться въ вашу усадьбу. Пройдетъ семь мѣсяцевъ,—я освобожу васъ отъ своей особы! Спасите!..

Два, а не семь мѣсяцевъ спустя, Марья Антоновна была уже госпожею Клѣтовою, а родившаяся на свѣтъ дѣвочка; нареченная Полиною, росла не по днямъ, а по часамъ и слагалась въ весьма посредственную, повидимому, барышню.

По мѣрѣ того, какъ удавались Марьѣ Антоновнѣ самыя дерзкія предпріятія и она не могла не видѣть успѣховъ своей эквилибристики, становилась она все болѣе самоувѣренною, спокойною, гордою...

— Теперь мнѣ въ жизни дороже всего спокойствіе,—говорила она:—я теперь—въ такой тихой пристани; я такъ довольна своимъ положеніемъ; я такъ увѣрена, что застрахована отъ всякихъ сюрпризовъ, что у меня теперь одно только желаніе—это хорошо выдать замужъ Полину. И я выдамъ ее...

Ко времени нашего разсказа Полинѣ семнадцать лѣтъ, и Петръ Петровичъ въ ней души не слышитъ. Лучшимъ другомъ дома ихъ, вполнѣ по праву, считается графъ Ѳедоръ Васильевичъ.

Какъ по маслу идетъ желаніе Марьи Антоновны къ исполненію. Петръ Петровичъ вовсе не прочь отъ брака Полины, потому что предполагаемый женихъ, Анатолій Николаевичъ Семезовъ, ему нравится. Семезову около тридцати лѣтъ; повидимому, у него есть кое-какія средства; онъ образованъ, недуренъ собою, а главное: его очень любитъ графъ Баинъ, который, не сегодня—завтра, все-таки займетъ одинъ изъ самыхъ выдающихся постовъ въ нашей администраціи. Хотя Петру Петровичу Клѣтову отъ этого

повышенія графа не будетъ ни тепло, ни холодно, но онъ далеко не прочь считать себя въ числѣ его приближенныхъ: онъ тоже, какъ будто, непремѣнно выраститъ.

Эта черта совершенно безсмысленнаго, безцѣльнаго прислуживанья «con amore», наша русская черта, несомнѣнно некрасивая; но у насъ она часто встрѣчается. Люди, вполнѣ свободные, сами лѣзутъ въ то или другое ярмо, въ ту или эту зависимость; будто имъ стоять на своихъ собственныхъ ногахъ и скучно, и неловко, и даже стыдно. Это какіе-то мягкотѣлые, сознающіе, что единственное средство почуять въ себѣ нѣчто въ родѣ скелета и сопричислиться къ лику позвоночныхъ состоитъ въ томъ, чтобы, такъ или иначе, коснуться администраціи и ея известковыхъ отложеній хотя бы простымъ знакомствомъ съ администраторомъ. Эти люди гнутся, мнутся, калѣчатся, - и все это, буквально, ни за что, съ полнымъ самозабвеніемъ, иногда даже съ нѣкоторыми жертвами! Вѣдь не могъ же графъ Баинъ, если бы онъ изъ кожи лѣзъ, дать Петру Петровичу чинъ хотя бы статскаго совѣтника. Клѣтовъ никогда не служилъ и даже коллежскимъ регистраторомъ не былъ. Не нужна была Петру Петровичу протекція графа для родныхъ своихъ,—у него не было родныхъ; не искалъ онъ помощи въ дѣлахъ,—у него не было дѣлъ! Единственнымъ объясненіемъ было желаніе угодить Марьѣ Антоновнѣ, не лишиться заручки сильнаго человѣка и не уменьшить значенія своихъ «пятницъ», посѣщавшихся издавна даже дипломатами.

Зачѣмъ ему заручка? Зачѣмъ Петру Петровичу дипломаты?

И былъ Петръ Петровичъ съ графомъ Баинымъ чрезвычайно любезенъ, и очень былъ онъ радъ оказывать всевозможное содѣйствіе Семезову, любимцу графа, въ его видахъ на Полину.

А что̀ же говорила, что̀ думала Полина?

III.

Полина могла понравиться чрезвычайно немногимъ людямъ. Она, такъ сказать, не брала ни внѣшностью, ни чѣмъ, и была, несомнѣнно, гораздо менѣе красива, чѣмъ ея матушка Марья Антоновна. Одно только переняла она отъ матери:—это прелестный бюстъ и замѣчательную грацію; особенно красиво была поставлена ея шея,—отличительная черта итальянокъ.

Жилось Полинѣ не хорошо. Одѣвалась она всегда скромнѣе и бѣднѣе матери, какого-либо мнѣнія ея никогда не спрашивали; въ ложѣ итальянской оперы сидѣла она всегда на второмъ, дальнѣйшемъ отъ сцены стулѣ, а ближайшій занимала Марья Антоновна; люди въ домѣ прислуживали ей какъ-то мимоходомъ, говорила она очень мало, кокетничать не умѣла.

Очень рано сказался въ ней очень недюжинный талантъ къ музыкѣ, удивительная музыкальная память и любовь къ мелодіи. Но, какъ извѣстно, начинающіе только бренчатъ! Это бренчаніе мѣшало Марьѣ Антоновнѣ, и Полинѣ было позволено заняться скульптурою. Мысль о выборѣ этого рода искусства принадлежала всецѣло ея гувернанткѣ, миссисъ Ресси, ея единственному другу, ближайшему къ ней лицу.

Полинѣ, когда ей минуло пять лѣтъ, стали пріискивать гувернантку.

— Я хочу,—говорила Марья Антоновна,—конечно, взять серьезную, пуританку,—поправить въ Полинѣ то, что̀ могла она получить отъ своей матери.

Выборъ палъ на миссисъ Ресси. Миссисъ Ресси, въ свое время, испила горькую чашу жизни и оставила Англію не даромъ. Мы скажемъ все, сказавъ, что мужъ ея былъ каз-

ненъ за отравленіе своей любовницы. Онъ исполнилъ это преступленіе при живой женѣ въ то время, какъ была она беременна. Совершенно одновременно совершились два отправленія правосудія: одно людское, рукою палача, другое, правосудіе природы, не менѣе возмутительное, надъ миссисъ Ресси: она выкинула ребенка, на шестомъ мѣсяцѣ беременности.

Будь она другого закала, не пройди она прочнаго, хорошаго воспитанія въ квакерской семьѣ, не будь она основательно приготовлена къ роли воспитательницы,—назначеніе, отъ котораго она отклонилась совершенно случайно— бракомъ и къ которому вернулась послѣ кровавой катастрофы съ мужемъ,—направленіе жизни ея могло бы быть совершенно другимъ, незавиднымъ.

Но дѣло въ томъ, что главною заслугою нравственныхъ основъ, выносимыхъ изъ семьи, и только изъ семьи, а не изъ школы, является возможность послѣдовательныхъ возрожденій человѣка въ человѣкѣ, послѣ тяжелыхъ, роковыхъ минутъ, которыхъ не избѣгнуть никому рѣшительно.

Жизнь треплетъ! Паруса становятся лохмотьями! Составить изъ лохмотьевъ новый парусъ, и опять составить, и еще составить—возможно только тому, кто несетъ въ себѣ зародыши идеала, хоть какого-нибудь, хоть маленькаго, хоть смѣшного!

Миссисъ Ресси поплыла въ жизни подъ вторымъ парусомъ. Она оставила Англію и мытарствовала по континенту совершенно свободная отъ того стыда, который слѣдовалъ бы за ея именемъ на родинѣ.

Она поставила своею цѣлью воспитаніе дѣтей. Ее особенно влекли къ себѣ несчастныя дѣти, и вотъ почему, побывавъ короткое время въ Саксоніи и, кажется, Франціи, въ очень хорошихъ, представительныхъ семействахъ, она, будучи въ Аркашонѣ и встрѣтивъ тамъ русскую семью

одного изъ богатыхъ нижегородскихъ помѣщиковъ, рѣшилась поѣхать въ Россію: она видѣла, что въ этой семьѣ будетъ дѣло, будетъ трудъ, и она не ошиблась.

Тамъ-то именно, въ Нижнемъ, въ полномъ разгарѣ ея педагогической дѣятельности, съ тѣмъ миссіонерскимъ оттѣнкомъ, котораго она искала, застало ее приглашеніе въ семью Клѣтова.

Въ заключеніе характеристики миссисъ Ресси надобно добавить, что печальная катастрофа съ ея мужемъ повліяла чрезвычайно характерно на ея религіозныя убѣжденія. Вся пасторская фразеологія отвалилась, а остались только чистѣйшіе перлы вѣры въ Бога и въ безсмертіе души. Это были двѣ хоругви, за которыми она слѣдовала, и путь ея казался ясенъ, простъ и не подлежалъ никакому сомнѣнію.

Полина выросла подъ ея вліяніемъ.

Безконечно чаще, чѣмъ съ матерью своею, проводила Полина время съ гувернанткою. Миссисъ Ресси, какъ женщина очень умная, скоро поняла довольно-таки безобразный составъ семьи Клѣтова, поняла трудность положенія Полины и не замедлила привязаться къ ней всею душою своею. Не легко было ей устроить дѣло такъ, чтобы обезпечить за собою долгое пребываніе въ домѣ; для этого нужно было нравиться Марьѣ Антоновнѣ, умѣть вò-время молчать, вò-время уходить изъ комнаты, вò-время и особенно часто шутить и допускать, иногда, двусмысленныя рѣчи и остроты. Положеніе было несомнѣнно двусмысленно, но миссисъ Ресси мирилась съ нимъ во вниманіе къ кроткой, любящей, видимо обреченной на тяжелую жизнь Полины.

Не слѣдовало, можетъ-быть, Марьѣ Антоновнѣ брать въ домъ свой гувернанткою чистѣйшую пуританку по убѣжденію, умѣющую, кромѣ того, гдѣ было нужно, вовсе не проявлять своего пуританства. Не слѣдовало, можетъ-быть,

миссисъ Ресси воспитывать Полину въ томъ духѣ чистоты душевной и кротости, въ которыхъ она ее воспитала. Но жизнь людская не признаетъ никакой логики, и этимъ обусловливается тотъ высокій интересъ столкновеній, надъ анатомированіемъ котораго трудятся большіе мыслители и напрасно добиваются полнаго уясненія.

Безспорно велика палитра и неисчислимы краски ея въ распоряженіи художниковъ слова, усиливающихся изобразить этотъ духовный міръ. Никогда, никогда не систематизировать ихъ. Наука учитъ тому, что въ солнечномъ спектрѣ всего семь цвѣтовъ, что простыхъ тѣлъ въ мірѣ сегодня, въ настоящую минуту, шестьдесятъ шесть. Но кто найдетъ спектръ, кто укажетъ на простыя тѣла, составляющія основу духовной дѣятельности человѣка?

Полина сложилась безотвѣтною, робкою, доброю, повидимому, неспособною противустоять желаніямъ своей матушки.

Въ одной изъ недавнихъ бесѣдъ съ гувернанткою и Марья Антоновна заявила о своемъ намѣреніи выдать Полину замужъ за Семезова.

На бракѣ этомъ настаивалъ и графъ Баинъ. Онъ интересовался Семезовымъ и, зная, что Полина—единственная наслѣдница Клѣтова, хлопоталъ о скоромъ разрѣшеніи его.

Подходили ли другъ къ другу Семезовъ и Полина?

Кто изъ насъ не помнитъ въ числѣ сказокъ, читанныхъ въ дѣтствѣ, вѣчно повторяющагося въ нихъ типа прекрасной царевны, спящей чудеснымъ, подобнымъ смерти сномъ, разбуженной еще болѣе чудеснымъ, прекраснымъ, храбрымъ царевичемъ? Эти оба совершенно подходятъ другъ къ другу! Слѣдуютъ пробужденіе царевны, свадьба, полное счастье! Звучно и весело играютъ лютни, поютъ вѣнчанные вѣнками пѣвцы, свѣтитъ луна, бьютъ фонтаны, рисуется прелестная декорація счастливаго зáмка; бѣдные люди облаго-

дѣтельствованы, воздухъ насыщенъ ароматами и добрыми феями, и все это потому, что найденная царевна и нашедшій ее царевичъ совершенно подходятъ одинъ къ другому.

Но стóитъ представить себѣ нѣчто другое, напримѣръ, хотя бы только то, что царевичъ чрезвычайно уменъ, а разбуженная имъ царевна, при всей красотѣ своей, непроходимо глупа, и посмотрите, чтò изъ сказки выйдетъ.

Но сказка благоразумно умалчиваетъ о возможности этой неожиданности, и оттого кончается она такъ складно, такъ звучно играютъ лютни, такъ ярко свѣтитъ луна.

Жизнь, напротивъ того, постоянно даритъ неопредѣленности и несоотвѣтствія.

Чѣмъ ниже проявленія жизни въ природѣ, тѣмъ менѣе этихъ несоотвѣтствій, и только поэтому кажется намъ, что природа, на нижнихъ ступеняхъ, идетъ законнѣе нашего.

Въ человѣчествѣ—иначе, совсѣмъ иначе. Мыслители первой руки, которымъ бы, казалось, и карты въ руки, остаются не у дѣлъ, въ загонѣ; люди же, совершенно лишенные мыслительныхъ способностей, правятъ судьбами человѣчества! Въ природѣ дубъ остается дубомъ, тигръ—тигромъ! Въ человѣчествѣ возможны сумасшедшіе правители,—а развѣ это не то же самое, что тигръ, исполняющій права и обязанности дуба, или наоборотъ?

Это рѣзкій примѣръ, но то же самое случается и въ повседневной жизни, и тутъ-то именно причина всей безконечности разнообразія ея проявленій, причина трагедій и комедій, чего въ остальной природѣ мы не видимъ.

Какъ бы эффектно могъ сложиться нашъ разсказъ, если бы Полина представляла изъ себя матеріалъ благодарный въ данномъ случаѣ, дѣвушку совсѣмъ заурядную. Съ какимъ бы успѣхомъ могли поздравить себя мамаша, графъ и миссисъ Ресси, если бы имъ въ долгіе годы заботъ и вниманія удалось поставить на ноги дѣвушку, имъ пригодную!

Но Полина, отодвинутая на заднiй планъ, чрезвычайно сосредоточенная, положительно не проявляла себя и никакого матерiала не давала для положительнаго о ней заключенiя.

— Золотая она у васъ дѣвушка! — сказалъ однажды о ней миссисъ Ресси графъ.

Но въ чемъ золотая?

IV.

Какъ было сказано, въ усадьбѣ Клѣтова собралось довольно людное и шумное общество для наблюденiя солнечнаго затменiя.

День былъ чрезвычайно ясный, безоблачный, даже жаркiй.

Въ тѣни густой, старинной липы обрѣтался самъ Петръ Петровичъ. Онъ высился подлѣ стола и разливалъ наливки— занятiе, наступавшее перiодически два раза въ годъ: осенью— для наливокъ, настоенныхъ минувшею зимою, и по веснѣ— для настоекъ прошлаго лѣта.

Въ сторонѣ отъ него картина представлялась такъ: небольшой холмъ и на немъ, поверхъ ковра, три фигуры, лежащихъ навзничъ, особъ мужского пола; у каждаго изъ нихъ въ рукахъ по зрительной трубѣ, устремленной къ солнцу, такъ что въ картинѣ прежде всего бросались въ глаза именно эти трубы.

Вдали, на заднемъ планѣ, сквозь порѣдѣвшую листву, яркимъ зеркаломъ блистала широкая, гладкая поверхность пруда; вправо отъ Петра Петровича и его наливокъ виднѣлся широкiй, обставленный цвѣтами и окруженный маркизами балконъ его дома.

Петръ Петровичъ, доливая одну изъ бутылокъ, взглянулъ на часы, повернулся лицомъ къ неподвижно торчавшимъ зрительнымъ трубамъ и проговорилъ:

— Остается вамъ, господа, до затменiя ровно полчаса. Неужели лежать будете?

Трубы зашевелились, исключая одной. Раньше другихъ поднялся молодой Семезовъ—женихъ Полины.

— Ну, ужъ, земля у васъ, Петръ Петровичъ, какая твердая, жесткая! Да какого происхожденія у васъ этотъ холмъ?—спросилъ онъ, оглядывая свое платье и пощелкивая по поламъ сюртука рукою.

— Хозяйскаго происхожденія,—отвѣтилъ Клѣтовъ.

Со стороны балкона захохотали.

— Т. е. это у васъ нѣчто въ родѣ римскаго Monte-Testaccio, изъ черепковъ битой посуды холмъ выросъ?—замѣтилъ, съ трудомъ поднимаясь съ кресла на ноги, графъ Баинъ.

Опять хохотъ, опять общее движеніе.

Одна только труба не шевелилась и продолжала упорно созерцать небо.

Точно сговорившись между собою, двое вставшихъ подошли къ ней съ разныхъ сторонъ и нагнулись.

— Спитъ?!

— Дѣйствительно, спитъ?.. Господинъ астрономъ! Ѳедоръ Тихонычъ! Господинъ Березинскій!

Но господинъ Березинскій оставался неподвиженъ.

При подробномъ осмотрѣ тѣла оказалось, что Ѳедоръ Тихонычъ озаботился о нѣкоторыхъ приспособленіяхъ для болѣе удобнаго лежанія: одинъ изъ локтей былъ подпертъ кочкою холма, подъ другой положена была небольшая лейка, случившаяся тутъ же. Зрительная труба покоилась въ рукахъ спавшаго, точно въ прочныхъ подставкахъ.

Чрезвычайно комично было лицо его, этотъ вздернутый носъ, эти закрытые глаза, глядѣвшіе въ трубу. Надъ нимъ шушукали, смѣялись, дергали его,—онъ ничего не слыхалъ и продолжалъ наблюдать затменіе.

Подошелъ и самъ Клѣтовъ и тоже нагнулся, чтобы поглядѣть, и улыбнулся.

— Удивительная натура, удивительная натура, удивительная,—проговорилъ онъ.

— Это у него болѣзнь!—замѣтилъ графъ Баинъ.

— Чисто наша русская черта — спячка по желанію. Счастливецъ!

— Хорошо счастье; полжизни пропадаетъ,—возразилъ Семезовъ.—А что̀, если у него теперь трубу изъ рукъ вынуть—очнется онъ, или нѣтъ?

Едва только прикоснулся Семезовъ къ трубѣ со стороны объектива, какъ Ѳедоръ Тихоновичъ проснулся, точно отъ электрическаго удара, и всею своею особою вскочилъ на ноги. Онъ былъ, видимо, сконфуженъ и какъ-то безсмысленно озирался на стоявшихъ вокругъ него людей, окруженный ихъ улыбками и осклабленными зубами.

— И это вы можете заснуть всегда, вдругъ, гдѣ угодно?—спросилъ Клѣтовъ.

— Гдѣ угодно,—отвѣтилъ Березинскій.

— Что̀ же, это у васъ въ воспитаніе входило, что ли?—ввернулъ отъ себя графъ.

Звонкій хохотъ Марьи Антоновны, неожиданно раздавшійся съ балкона, положилъ конецъ описанной нами сценкѣ. Всѣ присутствовавшіе обернулись въ сторону смѣха и направились навстрѣчу къ дамамъ, сходившимъ съ балкона.

Хозяйка, въ сопровожденіи гувернантки Полины, миссисъ Ресси, въ роскошномъ бѣломъ пеньюарѣ, только-что одѣлась и явилась къ гостямъ сіяющая, спокойная, раздушенная, свѣжая. Все еще прелестные черные глаза ея, слегка оттѣненные кисточкой, брови, богатый медальонъ на ярко-пунцовой бархатной ленточкѣ, бронзовые полусапожки, виднѣвшіеся изъ-подъ значительно приподнятаго спереди пеньюара, — все это было гармонично, кстати, глядѣло весело.

Поводъ къ смѣху Марьѣ Антоновнѣ подала гувернантка.

— Вообразите себѣ,—заговорила Марья Антоновна, поздоровавшись съ гостями, — что миссисъ Ресси обладаетъ замѣчательною способностью разсказывать свои сны. Они у нея, какъ оказывается, въ зависимости отъ запаха цвѣтовъ.

— Какъ такъ?—спросилъ Клѣтовъ.

— Третьяго дня Анатолій Николаевичъ составилъ для Полины букетъ изъ геліотроповъ — миссисъ видѣла одинъ сонъ; вчера въ букетѣ преобладала резеда — и сонъ былъ совершенно другой, очень, очень характеристичный.

— Какой же именно?—спросилъ графъ Баинъ, дѣлая видъ, будто онъ заинтересованъ снами пожилой миссисъ, и искоса поглядѣлъ на Марью Антоновну.

— А пускай сама разскажетъ, только безъ пропусковъ,— замѣтила Марья Антоновна, отходя къ липѣ и садясь подлѣ наливокъ.

— Какъ, безъ пропусковъ? Значитъ, есть что̀ пропускать, самое интересное? — спросилъ Семезовъ, подсаживаясь къ Марьѣ Антоновнѣ.

— Господа! Съ наливками осторожнѣе! Не пролейте!— возгласилъ Клѣтовъ, тоже подойдя къ столу и отодвигая бутылки, стоявшія слишкомъ близко къ краю.

— Третьяго дня, — начала миссисъ... Марья Антоновна перебила ее:

— Но вѣдь вы не все же имъ скажете, что̀ вы мнѣ говорили?

— Нѣтъ, все, все, пожалуйста, все,—быстро проговорилъ Семезовъ.

— И такъ, слушайте, господа!—начала вторично миссисъ, объясняясь очень бѣгло, но съ сильнымъ акцентомъ и слегка картавя: — букетъ изъ геліотроповъ стоялъ подлѣ меня на столѣ...

— Сѣти подтаскиваютъ-съ!—рявкнулъ неожиданно кучеръ Дормидонъ, появившись со стороны пруда, въ красной кумачной рубахѣ, съ разстегнутымъ воротомъ, босоногій, въ пестрыхъ коленкоровыхъ шароварахъ. Онъ былъ мокрый до пояса и только-что вылѣзъ изъ воды.

— А! — раздалось по обществу: — пойдемте, пойдемте! Сонъ потомъ разскажете!

Все общество направилось къ пруду, находившемуся подлѣ. Человѣкъ шесть народу подтягивали сѣть.

— Тяжелыя!—говорили люди съ воды.

— Давно карасей не ловили, вотъ отчего,—проговорилъ Клѣтовъ.

Много было всякихъ возгласовъ, но всѣ они неожиданно замолкли, когда изъ-за тростниковъ и стрѣльниковъ, между широкими листьями купавокъ, неожиданно глянуло какое-то темное очертаніе. Люди, стоявшіе въ водѣ, бросились къ нему, взглянули, продолжая молчать; одна или двѣ головы, разглядѣвъ что-то, тоже молча повернулись къ стоявшимъ на берегу зрителямъ.

— Ну, ну, что̀ такое?! — быстро проговорилъ Клѣтовъ, подбѣгая къ самому краю воды.—Что̀ такое?

— Барышня-съ! — раздался въ отвѣтъ чей-то голосъ съ пруда.

Прошло нѣсколько мгновеній невольнаго торжественнаго молчанія, но вслѣдъ затѣмъ закипѣла работа и вся сѣть быстро очутилась на берегу.

Началось обычное качаніе утопленницы, совѣты, бѣготня... Все это оказалось напраснымъ. Давнишняго исчезновенія Полины не замѣтили; не замѣтилъ даже женихъ, и она имѣла достаточно̀ времени исполнить свое намѣреніе вполнѣ безпрепятственно.

Мало - по - малу темнѣлъ на небѣ солнечный дискъ, но

чтобы глядѣть на него въ зрительныя трубы — никто изъ присутствовавшихъ и не думалъ...

Никто изъ нихъ не задавалъ себѣ также вопросовъ: права ли была Марья Антоновна, задумавъ воспитать свою дочь совсѣмъ не въ томъ смыслѣ жизни, какого сама она была представительницею? И права ли была миссисъ Ресси, оставшись въ домѣ и воспитавъ дѣвушку на свой пуританскій образецъ?!..

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО,

7-е, посмертное изданіе, въ 9-ти томахъ,

съ біографическимъ очеркомъ и съ приложеніемъ пяти портретовъ Г. П. Данилевскаго и вида его родового склепа и могилы въ селѣ Пришибѣ, Харьковской губерніи.

Девять томовъ „полнаго собранія сочиненій“ Г. П. Данилевскаго заключаютъ въ себѣ: т. I—LXXXVII+528 страницъ; т. II—383 стр.; т. III—455 стр.; т. IV—397 стр., т. V—396 стр.; т. VI—401 стр.; т. VII—455 стр.; т. VIII—514 стр. и т. IX—682 стр.;—всего 4298 страницъ in 8° и отпечатаны на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. СПБ. 1893 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Томъ I. Біографія. Введеніе. I. Бѣглые въ Новороссіи. Романъ. Часть I-я. Перелетныя птицы. Часть 2-я. Въ силкахъ. II. Воля (Бѣглые воротились). Романъ. Часть 1-я. Родныя гнѣзда. Часть 2-я. Новый разбродъ. III. Чумаки. IV. Царевичъ Алексѣй.

Томъ II. I. Новыя мѣста. Романъ. Часть 1-я. Украинскій Робинзонъ. Часть 2-я. Степные проказцы. II. Бѣглый Лаврушка. Разсказъ. III. Село Сорокопановка. Разсказъ. IV. Феничка. Разсказъ.—СЕМЕЙНАЯ СТАРИНА: V. Прабабушка. VI. Тѣнь прадѣда. VII. Именины прабабушки. VIII. Дѣдовъ лѣсъ. IX. Бабушкинъ рай.

Томъ III. I. Девятый валъ. Романъ. Часть 1-я. Передъ обителью. Часть 2-я. Крылошанка. Часть 3-я. Въ свѣтѣ. II. Четыре времени года украинской охоты: Зима. Весна. Лѣто. Осень. III. Украинскія сказки. IV. Пѣсня бандуриста.

Томъ IV. XVII ВѢКЪ: Разсказы: 1) Царь Алексѣй съ соколомъ. 2) Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя. — XVIII ВѢКЪ: 3) Мировичъ. Историческій романъ въ 3 частяхъ. Ч. 1-я. Царственный узникъ.—Ч. 2-я. Похожденія извѣстныхъ петербургскихъ дѣйствъ. Ч. 3-я. Шлиссельбургская нелѣпа. 4) Екатерина Великая на Днѣпрѣ. Разсказы: 5) Христосъ-Сѣятель. 6) Стрѣлочникъ. 7) Примѣчанія къ Мировичу.

Томъ V. I. На Индію при Петрѣ I. Историческій романъ. Ч. I. Петръ Великій въ Парижѣ. Ч. 2-я. Индѣйскій походъ. II. Княжна Тараканова. Историческій романъ въ 2 частяхъ. III. Потемкинъ на Дунаѣ. Историческій романъ. IV. Уманская рѣзня. Историческая повѣсть. V. Старосвѣтскій маляръ. Разсказъ.

Томъ VI. I. Сожженная Москва. Историческій романъ. Ч. 1-я. Нашествіе Наполеона. Ч. 2-я. Бѣгство французовъ. II. 825-й годъ. Отрывки изъ романа: 1. Каменка. 2. Шервудъ у Аракчеева. 3. Въ Зимнемъ Дворцѣ. III. Литературныя воспоминанія: 1. Знакомство съ Гоголемъ. 2. Сторія о Господѣ и землѣ. (Изъ воспоминаній о Гоголѣ). 3. Поѣздка въ Ясную Поляну. 4. Н. Ѳ. Щербина. IV. Московскій Дворянскій Институтъ.

Томъ VII. I. Черный годъ (Пугачовщина). Историческій романъ. Ч. 1-я. Разоренный улей. Ч. 2-я. На Волгѣ. Ч. 3-я. Кровавый метеоръ. II. Бѣсъ на вечерницахъ. Разсказъ. III. Пенсильванцы и Каролинцы. IV. Былое и новое. V. Вечеръ въ Черешняхъ.

Томъ VIII. I. Цимбелинъ (драма Шекспира, въ пяти дѣйствіяхъ). II. Жизнь и смерть короля Ричарда Третьяго (драма Шекспира, въ пяти дѣйствіяхъ). III. Украинская старина: 1. Харьковскія народныя школы (1732—1865). 2. Григорій Саввичъ Сковорода (1722—1794). 3. Василій Назарьевичъ Каразинъ (1773—1842). 4. Григорій Ѳедоровичъ Квитка-Основьяненко (1778—1843). IV. Слобожане. Малороссійскіе разсказы: Введеніе. 1. Степной городокъ. 2. Слободка. 3. Дѣдушкинъ домикъ. 4. Хуторянка. 5. Пельтетепинскіе панки.

Томъ IX. Стихотворенія.—Крымскія стихотворенія.—Гвая-Ллиръ или Мехиканскія ночи.—Пиръ у поэта Катулла. Сцена изъ римской жизни въ стихахъ. — Не вытанцовалось. Повѣсть.—Разсказы: Шарикъ. Дѣвочка. Пасѣчники.—Святочные вечера: Мертвецъ-убійца. Жизнь черезъ сто лѣтъ. Проказы духовъ. Призраки. Таинственная свѣча. Прогулка домового. Старые башмаки (Итальянская легенда.). Божьи дѣти. Счастливый мертвецъ. Разбойникъ Гаркуша (изъ Украинскихъ легендъ).—Изъ путевыхъ замѣтокъ по Украйнѣ.—Мелкія статьи.—Письма изъ-за границы.—Хронологическій и алфавитный указатели.

Цѣна „полному собранію сочиненій“ Г. П. Данилевскаго, въ 9-ти томахъ,—15 р., съ перес.—17 р., въ пяти прочныхъ и красивыхъ коленкоровыхъ переплетахъ, тисненыхъ золотомъ,—19 р., съ перес.—21 р.

Съ требованіями обращаться въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургъ, Малая Морская, № 22.